Н. Н. КОСТИНА-КАССАНЕЛЛИ

100 ИСТОРИЙ ВЕЛИКОЙ *любви*

Самые яркие романтические истории

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Истории удивительной любви, которые потрясли мир! Великие романы всех времен, которые будоражат и вдохновляют! В этой книге рассказывается о неповторимых чувствах прекрасной Роксоланы и султана Сулеймана, Данте Алигьери и Беатриче, Ивана Мазепы и Матрены Кочубей, Александра Пушкина и Натальи Гончаровой, Фрэнка Синатры и Авы Гарднер… Каждая из этих историй стала легендой.

- Наталия Николаевна Костина-Кассанелли
  -
  - Глава 1
    - Царь Соломон и Суламифь
    - Роксолана и султан Сулейман I
    - Людовик XIV и Луиза де Лавальер
    - Петр I и Марта Скавронская
    - Николай Шереметьев и Прасковья Жемчугова
    - Эдуард VIII Английский и Уоллис Симпсон
    - Грейс Келли и принц Ренье
    - Принц Чарльз и Камилла Паркер-Боулз
    - Абдалла II и Рания Файсал аль-Ясин
  - Глава 2
    - Нефертити и Аменхотеп
    - Феодора и Юстиниан
    - Данте Алигьери и Беатриче Портинари
    - Маргарита Лути и Рафаэль Санти
    - Нур Джахан и Джахангир
    - София и Феликс Потоцкие
    - Франсиско Гойя и Каэтана Альба
    - Сальвадор Дали и Гала
    - Марина Ладынина и Иван Пырьев
    - Марина Влади и Владимир Высоцкий
  - Глава 3
    - Елена Глинская и Иван Овчина-Телепнев-Оболенский
    - Царевна Софья и Василий Голицын
    - Анна Монс и Франц Кёнигсегг
    - Иван Мазепа и Матрена Кочубей
    - Кронпринц Рудольф Франц Карл Иосиф и Мария Вечера
    - Марко Вовчок и Афанасий Маркович
    - Айседора Дункан и Сергей Есенин

- Антуан де Сент-Экзюпери и Консуэло Гомес Каррильо
- Вивьен Ли и Лоуренс Оливье
- Сид Вишез и Нэнси Спанджен
- Курт Кобейн и Кортни Лав
- Принцесса Диана и Доди аль-Файед

○ Глава 4
- Пьер Абеляр и Элоиза Фульбер
- Князь Петр и его жена Феврония
- Королева Виктория и принц Альберт Саксен-Кобург-Готский
- Уинстон и Клементина Черчилль
- Генри и Клара Форд
- Принц Хуан Карлос и принцесса София
- Михаил и Раиса Горбачевы
- Светлана Немоляева и Александр Лазарев
- Екатерина и Александр Стриженовы
- Лес и Хелен Браун
- Луиджи Педутто и Мокрина Юрзук

○ Глава 5
- Царица Тамара и Шота Руставели
- Людвиг ван Бетховен и Джульетта Гвиччарди
- Михаил Лермонтов и Варвара Лопухина
- Иван Тургенев и Полина Виардо
- Владимир Маяковский и Лиля Брик
- Френсис Скотт Фицджеральд и Зельда Сейр
- Юрий Олеша и Серафима Суок
- Вера и Владимир Набоковы
- Кларк Гейбл и Кэрол Ломбард
- Энди Уорхол и Эди Седжвик
- Джон Леннон и Йоко Оно
- Барак Обама и Мишель Робинсон

○ Глава 6
- Александр Пушкин и Наталья Гончарова
- Эмма Гамильтон и Горацио Нельсон
- Леся Украинка и Сергей Мержинский
- Александр Колчак и Анна Тимирева
- Анна Павлова и Виктор Дандре
- Эдит Пиаф и Марсель Сердан
- Эва Дуарте и Хуан Перон
- Вольф Мессинг и Аида Раппопорт
- Константин и Анастасия Хабенские

○ Глава 7
- Лу Саломе и Фридрих Ницше

- Фред Астер и Джинджер Роджерс
- Чарльз Линдберг и Энн Спенсер Морроу
- Фрэнк Синатра и Ава Гарднер
- Галина Вишневская и Мстислав Ростропович
- Софи Лорен и Карло Понти
- Дэнис и Маргарет Тэтчер
- Антонио Бандерас и Мелани Гриффит
- Мэрил Стрип и Дон Гаммер
- Ольга Остроумова и Валентин Гафт
- Юлия Высоцкая и Андрей Кончаловский

○ Глава 8
- Дарья Салтыкова и Николай Тютчев
- Анна Лопухина и Павел I
- Наталья Пушкина и Михаил Дубельт
- Камилла Клодель и Огюст Роден
- Любовь Менделеева и Александр Блок
- Бонни Паркер и Клайд Бэрроу
- Иосиф Сталин и Надежда Аллилуева
- Адольф Гитлер и Ева Браун
- Фрида Кало и Диего Ривера
- Мария Каллас и Аристотель Онассис

○ Глава 9
- Елизавета I и Роберт Лестер
- Карл II и Нелли Гвин
- Елизавета Петровна и Алексей Разумовский
- Наталья Брасова и Михаил Романов
- Екатерина Долгорукова и Александр II
- Принц Акисино и Кико Кавасима
- Принц Уильям и Кейт Миддлтон
- Принц Нарухито и Масако Овада
- Принц Фелипе и Летиция Ортис Рокасолано
- Принц Хокон и Метте-Марит Тьессем

○ Глава 10
- Николай Резанов и Кончита Аргуэльо
- Александр Грибоедов и Нина Чавчавадзе
- Александр и Маргарита Тучковы
- Симона Синьоре и Ив Монтан
- Федерико Феллини и Джульетта Мазина
- Майя Плисецкая и Родион Щедрин

○ Источники иллюстраций, использованных в издании

Наталия Николаевна Костина-Кассанелли
100 историй великой любви

© DepositPhotos.com / Jean_Nelson, neftali77, Subbotina, обложка, 2015

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2015

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2015

© ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», г. Белгород, 2015

Глава 1
Сказка о Золушке

Царь Соломон и Суламифь

История любви великого царя Соломона и простой девушки по имени Суламифь пережила века и даже тысячелетия. Она настолько прекрасна и трогательна, что достойна стоять первой в этой книге.

Суламита. Гюстав Моро

Царь Соломон – тот самый мудрейший из мудрых, имя которого упоминается в Библии, властелин сильного царства, многоопытный полководец, выигравший множество войн. Именно во времена царя Соломона были построены Иерусалимский храм и дворец – грандиознейшие постройки своего времени. Казалось бы, такому человеку должно быть подвластно все… кроме парящего в небе орла да змеи в расщелине скал.

Когда Соломон случайно встретил в винограднике простую девушку по имени Суламифь, он уже познал любовь и страсть многих женщин, в том числе и прославленной царицы Савской. По одним источникам, у Соломона, который считался не только умнейшим, но и красивейшим мужчиной своего времени, было триста жен и наложниц, по другим – семьсот. Но сколько бы ни

было красавиц в гареме великого царя, лишь одной было суждено оставить свое имя рядом с его именем на века. И не оттого, что, как утверждают некоторые, сорокапятилетний царь к тому времени был утомлен капризами и яркой красотой цариц и наложниц, а скорее потому, что на сей раз это было настоящее чувство, какое настигает большинство людей хотя бы раз в жизни. И еще: все эти женщины знали, кто такой Соломон, и любили в нем не столько человека, сколько властителя, наделенного безграничной властью, и царя, который владел несметными богатствами.

Однако скромной девочке из виноградника, перед которой Соломон предстал в обличье пастуха, был нужен только он сам. И она отдала ему сокровища, которыми владела, – свои чистоту, невинность, ум и свое тело. Отдала не торгуясь, не выпрашивая драгоценностей и других наград.

Суламифи было только тринадцать лет, когда они встретились с Соломоном, но женщины в библейские времена взрослели быстро. И возраст, с которого девушек выдавали замуж – двенадцать лет, – она перешагнула. Братья ее уже подумывали, за кого им просватать сестру, которую тяжелый труд на винограднике сделал стройной, гибкой как тростинка и загорелой, как большинство тех, кто был вынужден трудиться целыми днями под палящим солнцем Палестины.

Однако своим внутренним обликом Суламифь резко отличалась и от крестьян, и от пастухов – ведь не зря же она привлекла к себе внимание самого Соломона, притчи о мудрости которого пережили бренный прах их обоих. Ум ее был живым, а язык – образным. И по характеру Суламифь была под стать любому царю – великодушная и решительная, мечтательная и бескорыстная. Свою единственную драгоценность – золотые сережки – перед свиданием с Соломоном она выменяла на благовония, чтобы натереть ими свое тело и доставить радость возлюбленному…

Соломон забрал Суламифь во дворец, одел в лучшие одежды, окружил невиданной роскошью и заботой. Однако любовь Соломона и девушки из виноградника длилась недолго – всего семь дней… Семь длинных и семь коротких дней. Семь ночей, исполненных страсти, ласк и взаимных клятв в верности. Казалось бы, ничто не могло омрачить счастья царя и его юной возлюбленной, но… там, где пускает свои корни любовь, непременно расцветает и ядовитый цветок ревности.

Суламифь была убита по приказу одной из цариц, убита безжалостно, прямо на глазах у Соломона. Но, прежде чем умереть, эта бесстрашная девочка нашла в себе силы улыбнуться

возлюбленному и сказать слова благодарности за все, что он сделал для нее. За любовь, которую он ей подарил. За счастье быть любимой. За радость, когда мир вокруг вдруг расцвел яркими красками. Пока смерть не затуманила глаза его ненаглядной, Соломон, стоя на коленях в крови той, которую любил больше жизни, не выпускал ее руки из своих…

Суламифь пронеслась по жизни царя Соломона, как ослепительная комета, как падающая звездочка, пронеслась – и растаяла. После ее смерти царь прожил еще долгие годы. Однако больше в его жизни не было таких ярких мгновений, такого полного единения сердец и тел, которое было между ними – всесильным царем и юной девушкой из виноградника.

Соломон скорбел, и сердце его обливалось кровью – такой же горячей, как та, что струилась по его телу, когда он держал на руках свою умирающую возлюбленную. Однако горе должно было найти выход – и царь, который обладал даром не только полководца, но и поэта, написал «Песнь песней», дошедшую до наших дней и увековечившую Суламифь. И до сегодняшнего дня образ девушки из «Песни песней» – один из самых нежных, глубоких и прекрасных образов Библии. Поэтика этого образа настолько сильна, пронзительна и остра, что буквально сжимается сердце, когда читаешь написанные Соломоном строки:

Запертый сад – сестра моя, невеста,
заключенный колодезь, запечатанный источник:
рассадники твои – сад с гранатовыми яблоками,
с превосходными плодами, киперы с нардами,
нард и шафран, аир и корица со всякими
благовонными деревами, мирра и алой
со всякими лучшими ароматами; садовый
источник – колодезь живых вод и потоки с Ливана.

Так недолго, но так самоотверженно любившая его девушка олицетворяла для царя все самое лучшее и драгоценное: благовония и приправы, ценившиеся тогда на вес золота, воду в пустыне – источник жизни, сад, взлелеянный старательным садовником… Ушла Суламифь, и все потеряло свою ценность: высох сад, затерялся в песках источник, иссушающий ветер развеял запах благовоний, смешав его с пылью веков… Но осталась «Песнь песней», а с ней жива и любовь.

О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна!
глаза твои голубиные.

Что это, как не тоска по умершей любимой:

Вот, зима уже прошла; дождь миновал, перестал;
цветы показались на земле; время пения настало,
и голос горлицы слышен в стране нашей; смоковницы
распустили свои почки, и виноградные лозы,
расцветая, издают благовоние. Встань,
возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди!

И Суламифь, образ которой по сей день жив, и дышит, и разговаривает со страниц Библии, отвечает своему единственному:

О, ты прекрасен, возлюбленный мой, и любезен!
и ложе у нас – зелень; кровли домов наших – кедры,
потолки наши – кипарисы.

И вечны слова Соломона, и во все времена, пока люди будут любить, и страдать, и терять возлюбленных, они будут перечитывать «Песнь песней»:

Положи меня, как печать, на сердце твое, как
перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть,
любовь; люта, как преисподняя, ревность; стрелы
ее – стрелы огненные; она пламень весьма сильный.

Что может быть поэтичнее этих строк? Разве что те слова, которые каждый влюбленный шепчет своей возлюбленной… в ту ночь, когда он для нее – Соломон, а она для него – Суламифь…

Роксолана и султан Сулейман I

О любви султана Османской империи Сулеймана I и пленной украинки, дочери священника Анастасии Лисовской, немало написано книг и снято фильмов. Анастасия Лисовская, известная больше под именем Роксоланы, или султанши Хуррем, была, несомненно, выдающейся личностью своего времени.

Русская султанша. Тициан

Совсем молоденькой девушкой Анастасия была захвачена в плен татарами и продана на невольничьем рынке Стамбула. Прекрасную пятнадцатилетнюю пленницу по воле случая купил не кто иной, как визирь султана Сулеймана I Рустем-паша. Великий визирь хотел сделать подарок своему владыке, большому ценителю женской красоты.

Однако продавец узнал, кому предназначалась девушка, и отказался ее продавать, захотев сделать султану подарок сам. Впоследствии то, что пленница не была продана, сыграло большую роль в ее судьбе: она смогла подняться на трон и стать полновластной султаншей, чего не смогло бы произойти, если бы она стала проданным товаром.

Анастасия осталась свободной. Если бы за нее заплатили деньги, то по существующим законам султаната она не смогла бы претендовать на роль жены, а навсегда осталась бы наложницей. Однако и без этого путь пленницы, получившей в гареме имя

Роксоланы, к сердцу султана и к трону отнюдь не был усыпан розами…

Новая звезда султанского гарема оказалась не только красивой, но и чрезвычайно умной: Роксолана использовала все возможности, чтобы завоевать внимание своего повелителя, а затем и расположение. В условиях переполненного красавицами гарема это было совсем не просто. И сделавшую неверный шаг ждали не награды, драгоценности и расположение султана, а дюжие евнухи с шелковым шнурком наготове, которым душили провинившихся.

Однако хрупкая, невысокая, не отличавшаяся особой статью и силой девушка рискнула: оттолкнув танцующую в центре круга невольницу – из тех дорогостоящих красавиц, что поставлялись ко двору, она – не купленная за деньги, а подаренная и потому не имеющая цены – засмеялась и запела. Звонким мелодичным голосом пела она, совсем как перелетная птица, не знающая границ и клеток…

Это поведение было так необычно для трепещущего перед своим повелителем гарема, что султан Сулейман был заинтригован: кто эта девушка? Чего еще можно от нее ожидать? В тот же вечер Роксолана получила платок султана – знак, что ночью он ожидает ее в своей опочивальне.

Обычно невольницы, обласканные властителем, просили его о драгоценностях, новых нарядах и прочих знаках внимания. Но маленькая украинская пленница попросила только об одной милости – праве посещать султанскую библиотеку. Сказать, что пресыщенный женскими прелестями и капризами Сулейман был удивлен, значит ничего не сказать. И поэтому, вернувшись из очередного военного похода, он снова призвал к себе удивительную девушку, к тому времени уже овладевшую несколькими восточными языками!

Наверное, не одна только ученость новой фаворитки привлекала султана – несомненно, между ними возникло то сильное притяжение, которое и называют любовью. И именно поэтому, а не потому, что, как утверждали злые языки, Роксолана умела колдовать, султан забросил свой гарем и проводил ночи только с ней. А она, дочь священника из Рогатина, посвящала своему возлюбленному стихи, писала книги и жадно впитывала все новые и новые знания. И, любя султана всем сердцем, Роксолана приняла новую веру – ислам.

Она стала для своего повелителя не только любимой и верной женой, но и надежным другом, советчиком в непростом мире восточных интриг, где брат предавал брата, а политические заговоры были явлением обыденным и могли стоить султану не

только трона, но и головы. Свадьба Сулеймана I и скромной украинской девушки, состоявшаяся предположительно в 1534 году, стала по тем временам явлением экстраординарным. Празднества были грандиозными. Вот как пишет о них очевидец, английский посол:

> *На этой неделе в Стамбуле произошло невиданное доселе событие: султан Сулейман объявил султаншей свою украинскую наложницу Роксолану, ввиду чего в Стамбуле состоялось большое празднество. Нельзя передать словами пышность свадебной церемонии, состоявшейся во дворце. Было устроено общее шествие. Ночью же все улицы были иллюминированы. Повсюду были устроены увеселения, на которых играли музыканты. Дома были разукрашены. Народ пребывал в восторге.*

Разумеется, событие небывалое не только благодаря роскоши церемонии или участвовавшим в свадебном шествии жирафам, которых и сегодня не в каждом зоосаду можно увидеть. Шок в общественном сознании вызвал сам факт женитьбы султана на небогатой и незнатной девушке – можно сказать, Золушке из сказки.

До бракосочетания Роксоланы и Сулеймана султаны никогда не женились на женщинах из гарема – их женами во все времена становились или принцессы иностранного происхождения, или же дочери вельмож. Но Сулейману не нужна была очередная дорогая игрушка – он уже нашел свое счастье в Роксолане и не желал от него отказываться!

Помимо красоты и ума новая султанша была наделена многими талантами: она одинаково хорошо разбиралась как в искусстве, так и в политике, пела и танцевала, была настоящим полиглотом – практически с каждым послом она говорила на его родном языке! Однако Роксолана умела не только говорить, но, что еще важнее, – она умела слушать. Султан не упускал случая побыть со своей женой наедине – и в это время они оба, несомненно, были счастливы.

Именно Роксолана сумела сделать, казалось бы, невозможное: превратить гарем, безрадостные обычаи которого веками не знали перемен, в средоточие веселья и просвещения. Сама же султанша стала единственной женщиной в султанском гареме, имеющей официальный титул. Более того, султан Сулейман разделял с султаншей Хуррем, как называли ее хроники, не только трон, на котором она восседала рядом с ним, но и реальную власть! Султанша появлялась на людях с открытым

лицом – но никто не смел роптать, даже ревнители веры – так высок был ее престиж, и даже враги признавали ее веру и поведение безупречным.

Таланты этой женщины, поднявшейся из самых низов, просто поражали: когда султан Сулейман, отправившись на очередную войну, буквально опустошил казну, Роксолана приказала открыть в портовых районах Стамбула винные лавки. Напиток, запрещенный Пророком, предназначался не для мусульман, а для моряков-европейцев. Золото потекло в казну рекой, но султанша не спешила тратить его на свои прихоти, а распорядилась углубить бухту Золотой Рог и реконструировать старые причалы, чтобы к ним могли швартоваться крупнотоннажные суда с товарами со всех концов света. Оживилась торговля, и теперь у мудрой правительницы хватило денег на все: она строила новые мечети, школы, больницы. Вернувшийся с войны муж застал столицу и свой собственный дворец Топкапы обновленными, а жену – обожаемой почти всеми. Улыбка не сходила с ее милого лица, и любой конфликт она могла свести на нет острой шуткой. Не зря гвардейцы султана называли ее «смешливой госпожой»!

Воистину, Роксолана и Сулейман I были блистательной парой. Он не проиграл в своей жизни ни одной битвы, она же во всем была его помощницей, его другом, и только ей отдал муж свое сердце. Роксолана родила своему султану детей, но наследником трона по-прежнему считался старший сын Сулеймана Мустафа, сын красавицы Гюльбехер.

Султан никогда не любил свою жену Гюльбехер, однако законы наследования трона он не мог и не хотел изменить. И каким бы легким характером ни обладала Роксолана, нравы и обычаи гарема постепенно брали над ней верх. Она стала бояться, что ее место займет более молодая и красивая девушка, а ей самой и ее детям будет уготована участь всех опостылевших султанских жен, которых живьем зашивали в кожаный мешок, клали в него ядовитую змею и сбрасывали в бурные воды Босфора…

Роксолана всеми силами пыталась укрепить свои позиции: убрала с дороги выдающегося деятеля того времени визиря Ибрагима, который имел влияние на султана. Беднягу обвинили в симпатиях к Франции и задушили. За нового визиря Рустема-пашу султанша выдала замуж свою старшую дочь. Новоявленный зять убедил султана в том, что его жена Гюльбехер и старший сын Мустафа строят против него козни и посягают на трон. Мустафа был задушен по приказу султана, а Гюльбехер вскоре сошла с ума…

Роксолана, прокладывавшая дорогу к трону любимому сыну

Селиму, так и не стала свидетельницей его триумфа: она умерла раньше. Большая любовь девочки из Рогатина и всесильного султана, которым удавалось в жизни буквально все, дала горькие плоды: около сорока детей Сулеймана I от жен и наложниц, в том числе и двое младших сыновей самой Роксоланы, были задушены в борьбе за власть по приказу Селима. Султан Селим оказался не только жестоким, но и бездарным правителем. Он правил всего 8 лет и, пристрастившись к выпивке, остался в истории Турции под именем Селим-пьяница.

Блестящая султанша, Роксолана, умерла своей смертью – от простуды, в 1558 году. Султан Сулейман I пережил любимую жену на 8 лет и успел построить в ее честь Сулеймание – величественную мечеть, возносящуюся минаретами в небо. Рядом с ней были выстроены две восьмигранные усыпальницы – в одной покоится прах самой Роксоланы, а в другой – Сулеймана I.

Под высоким белоснежным куполом мечети Сулеймание высечены две алебастровые арабески: в одну из них султан приказал вставить изумруд – любимый камень своей Хуррем. После его смерти в другую арабеску также вставили изумруд, забыв, что любимым камнем покойного правителя был рубин – драгоценность цвета пролитой крови…

Людовик XIV и Луиза де Лавальер

Людовик XIV Французский вошел в историю под именем Король-Солнце – однако не потому, что был выдающимся монархом или человеком. Самовлюбленный король обожал балет и в придворных спектаклях зачастую лично исполнял роль Солнца – блестящего светила.

Людовик XIV Французский. Пьер Миньяр

Живя в окружении алчных фавориток, Король-Солнце смотрел на женщин как на существ меркантильных, ценящих прежде всего материальные блага. Однако каково же было удивление монарха, когда среди испорченного нравственно двора он встретил чистое и любящее сердце, не развращенное и не изуродованное стремлением к наживе!

Луиза де Лавальер родилась в бедной дворянской семье и выросла среди полей и лесов. Девочка чрезвычайно любила природу, цветы и домашних животных, особенно лошадей. Любовь к верховой езде и связанный с ней несчастный случай навсегда наложили отпечаток на характер и внешность девушки: в ранней юности Луиза упала с лошади и сломала ногу.

Нога срослась неправильно, и молодая дворянка на всю жизнь осталась хромой. Но если внешность ее пострадала, то характер, и прежде очень мягкий, после рокового падения стал и вовсе ангельским: в то время как сестры Луизы только и думали о

нарядах и женихах, она стремилась к тихой жизни и одиночеству и много молилась. «Да и кто, – говорили ей сестры, – возьмет тебя, хромоножку, замуж?»

Сама Луиза также считала себя непривлекательной калекой, однако это было не совсем правдой: да, она была хрома, крайне застенчива, однако современники, описывавшие мадемуазель де Лавальер, отмечали, что была в этой девушке какая-то особая, внутренняя красота, которой светились ее прекрасные огромные глаза.

Дальняя родственница девушки, герцогиня де Сен-Реми рекомендовала ее королеве Анне Австрийской в качестве фрейлины к герцогине Орлеанской Генриетте Стюарт. Герцогиня, слывшая дамой весьма красивой, остроумной и любящей балы, театры и охоту, развлекалась целыми днями. Ее муж мало обращал внимания на то, чем занята его жена. Герцог Орлеанский не скрывал своего влечения к молоденьким мальчикам.

Генриетта не слишком обижалась на такое пренебрежение к своей особе, потому что поведение мужа лишь развязывало ей руки. Герцогиня хотела привлечь к себе внимание самого короля, и это ей вполне удалось. Встречаться открыто любовникам запрещал этикет, поэтому они придумали гениальный ход: решили, что король сделает вид, будто увлечен одной из фрейлин. Под таким вполне приличным по тем временам прикрытием король мог открыто посещать покои своей невестки и оставаться там сколько вздумается.

Хромоножка Луиза, которую герцогиня избрала своей наперсницей, и сама не заметила, как влюбилась в короля. Наверное, первым ее чувством была все же не любовь, а жалость – ведь король и сам оказался калекой! Людовик XIV родился без носовой перегородки, и во время еды часть пережеванной пищи выходила у него через нос. Луиза от всей души жалела короля – ведь ее увечье можно было скрыть под платьем, а недостаток короля частенько оказывался виден всем!

Однажды, когда она поздно вечером сидела и разговаривала со своей подругой в саду – а разговор шел о том, что Луиза давно и безнадежно любит короля – их разговор был случайно подслушан самим Людовиком, возвращавшимся со свидания. Девушка говорила так горячо и искренне, что король поневоле остановился. Услышанное потрясло его до глубины души.

Вернувшись к себе, Людовик так и не смог уснуть. Ничего подобного раньше с ним никогда не случалось. Он не мог забыть тихий голос девушки, его преследовали видения: ее склоненная голова, дышащая невинностью фигура… Король влюбился. Он пытался бороться с этим чувством – ведь выбор в фаворитки

такой девушки, как Луиза, мог быть просто-напросто осмеян двором! Однако чувство было сильнее доводов разума – и он решился предложить Луизе себя.

Разумеется, ни о каком браке и речи быть не могло – брак для монархов того времени был вещью сугубо династической. Но любовница короля, носящая официальный титул фаворитки, имела куда большее влияние на политику, чем королева, удел которой сводился лишь к рождению наследников да укреплению родственных уз.

К чести девушки, сопротивлялась она довольно долго. Порядочность, правдивость, высокие моральные принципы – все в ней противилось внебрачной связи, даже если предлагал себя сам король. Людовик, распаленный тем, что ему оказывают такое невиданное сопротивление, однажды ночью даже влез к предмету своего обожания в окно – совсем как мальчишка!

Однако Луиза не пала, как крепость под натиском противника, а с отчаяньем упрашивала короля не поддаваться греховной страсти – ведь его законная супруга, королева, как раз ждала ребенка. Под влиянием Луизы король и сам стал меняться: из капризного, пресыщенного и думающего только о развлечениях молодого человека он превратился в настоящего рыцаря. В нем проявились дремавшие дотоле мужские качества: верность, твердость, галантность. Людовик проводил с Луизой целые дни, осыпал ее подарками, и при виде такой самоотверженности она наконец сдалась.

Король был на седьмом небе от счастья – а его двор не смог ни понять, ни оценить королевский выбор. Новая фаворитка была, по тогдашним представлениям, нехороша собой, да к тому же хромонога! Одни объясняли предпочтение короля колдовством. Дескать, эта бедная, ничем не примечательная и не родовитая девица привязала к себе короля с помощью чар. Другие говорили, что мадемуазель де Лавальер привлекла внимание короля с помощью особо непристойных умений в плотских утехах. Но никому и в голову не пришло, что своим возвышением Луиза обязана только своей настоящей, искренней и чистой любви.

Счастью Луизы завидовали многие. Бывшие фаворитки, которых король теперь просто не замечал, искали случая унизить соперницу, отпуская ядовитые замечания насчет ее хромоты и невзрачности. Луиза стойко терпела неприязнь двора, однако случилось еще одно неприятное и непредвиденное происшествие: в столицу приехал бывший жених девушки, до которого дошли слухи о ее непристойном поведении.

Жених потребовал от мадемуазель Лавальер написанные им письма и устроил в ее покоях громкий скандал, слух о котором,

не без содействия заинтересованных лиц, достиг ушей короля. Соперницы Луизы ликовали: король разгневался, его сжигало никогда дотоле не изведанное им чувство ревности. И впервые за все время их романа, длившегося уже много месяцев, Людовик не явился к своей возлюбленной ночевать.

Луиза также не спала ночь – она ждала любимого, который должен был утешить ее, униженную и оскорбленную бывшим женихом. Однако наступил рассвет, а король так и не появился! Тогда несчастная девушка потихоньку вышла из дворца и отправилась в ближайший монастырь. Там она пала на колени и с горячей молитвой покаялась в прегрешениях, горюя об утраченной чистоте…

Молясь в стенах обители, Луиза твердо решила постричься в монахини, чтобы искупить свой грех, а заодно отмолить и все грехи короля. Охваченная раскаянием, бедная девушка стояла на коленях на холодном каменном полу до самого вечера, а потом, обессиленная, лишилась чувств. Такой ее и нашел вбежавший в церковь Людовик. Он подхватил любимую на руки и отнес во дворец. Король был полон раскаяния – он рыдал, просил прощения, говорил о своей любви так, что Луиза отменила решение уйти в монастырь.

Именно для скромной мадемуазель де Лавальер Король-Солнце решил перестроить существующий дворец, сделать его достойным своей великой любви. Под руководством ландшафтного художника Ленотра и живописца Лебрена работы велись и днем и ночью – и вскоре обновленный и перестроенный Версаль стал красивейшей постройкой своего времени.

Луиза не стремилась к роскоши: она жила скромно, ее вполне устраивали непритязательные апартаменты, в которых она могла быть счастлива со своим любимым, приезжавшим из Парижа к ней одной. К тому же фаворитка короля была беременна – и находила тихое счастье в мечтах о воспитании ребенка, который вот-вот должен был появиться на свет.

Однако король настоял на своем: весной 1663 года мадемуазель де Лавальер получила официальный титул «фаворитка короля» и была торжественно переселена в Версаль. Король был горд и счастлив. Он устраивал в честь возлюбленной балы и фейерверки, но… Луиза все больше стыдилась своего положения любовницы и не была счастлива. Она все чаще размышляла о том, что, может быть, ей не стоило уступать королю, а нужно было выйти замуж за такого же скромного, как она сама, человека и тихо жить с ним и детьми в провинции? Но изменить в своей судьбе она уже ничего не могла; кроме того, она действительно любила Людовика!

Год спустя Луиза родила дочь, а еще через три года король, чья верность невзрачной фаворитке стала притчей во языцех, пожаловал ей титул герцогини де Вожур. К тому времени Луиза стала матерью в третий раз, но ее дети, плод великой любви, были незаконнорожденными и не могли претендовать на французский престол. Впрочем, Луизу мало занимало наследование трона – она всего лишь не хотела жить во грехе. Несмотря на то что король явно и самозабвенно был счастлив с ней, ее постоянно мучило осознание нечистоты и незаконности их связи.

Луиза, которая чувствовала себя во дворце не в своей тарелке и думала лишь о простом семейном счастье, в конце концов наскучила Людовику своей строгой моралью – и тот стал искать чувственных развлечений на стороне. Его выбор пал на ослепительно красивую Атенаис де Монтеспан.

Король поселил новую любовницу в соседней с Луизой комнате и потребовал… чтобы женщины подружились! Луиза, привыкшая ни в чем не перечить королю, даже прогуливалась по саду с новой «подругой», проводила с ней вечера, играя в карты под пристальным взором короля.

Непонятно, чего пытался добиться таким способом Людовик или его новая любовница, но об Атенаис ходили самые черные слухи. Ее обвиняли в приверженности сатанизму, проведении «черных месс», подсыпании в пищу короля приворотного зелья. Вряд ли в этих слухах была хоть частица правды, но Король-Солнце чрезвычайно скоро превратился из порядочного любящего человека, обожавшего Луизу и детей, в развратного и циничного сластолюбца.

В 1669 году маркиза де Монтеспан родила дочь, а через год – сына, чем еще больше привязала короля к себе. Однако Людовик еще питал к Луизе какие-то чувства и изредка навещал ее. Эти свидания не приносили ни ему, ни ей ни облегчения, ни радости: Людовик чувствовал себя виноватым, а скромная хромоножка Луиза все больше замыкалась в себе и старалась не сердить того, кого она все еще любила больше жизни…

Когда Атенаис родила еще одну дочь, король заставил Луизу стать крестной матерью этого ребенка. Это стало последней каплей: на следующий день Луиза уехала из столицы с твердым намерением постричься в монахини. Но сделать это женщине, у которой была внебрачная связь и дети от нее, было непросто.

Пускай отцом ее детей был сам король, но мать-настоятельница категорически отказалась принимать в обитель развратную женщину, которой была в ее глазах Луиза. Бедняжка поселилась в деревушке близ монастыря и каждое утро

приходила и часами стояла на коленях – нет, не в храме, куда ей был закрыт доступ, а под его стенами, на голой земле!

Только через два месяца сердце настоятельницы смягчилось и та решила допустить грешницу в монастырь. Второго июня 1675 года, в возрасте тридцати лет, Луиза сняла с себя мирской наряд и надела черное платье послушницы. Двери кельи навсегда захлопнулись за ней – герцогини де Лавальер больше не существовало, появилась монахиня Луиза.

Король проливал крокодильи слезы, но не спешил вернуть былую любовь. Теперь он проводил время с доступными красавицами. Детей роковой Атенаис, чтобы уберечь от тлетворного влияния матери, отдали на воспитание славящейся своими религиозными убеждениями аристократке – мадам де Ментенон.

На закате жизни король женится на этой скромной женщине и проведет с ней свои последние десять лет. Также стареющий Король-Солнце запретит у себя во дворце любовные интриги, супружеские измены, однополую любовь. Несомненно, его подвигли на такой шаг не только наставления мадам де Ментенон, но и воспоминания о милой, искренней и набожной Луизе.

Луиза де Лавальер, для которой светская жизнь закончилась за стенами монастыря, провела в нем долгих тридцать шесть лет и заслужила любовь и уважение монахинь. Бывшая любовница короля, теперь чтившая только одного небесного жениха, своим безупречным поведением, беззаветным служением Богу, самопожертвованием и терпением поражала даже монахинь.

Король ни разу не навестил Луизу в монастыре, но однажды к ней приехала сама бывшая соперница – королева Мария-Терезия. О чем говорили женщины – осталось тайной, но королева вышла из кельи Луизы в слезах…

Сами же монахини считали сестру Луизу святой. Говорят, после смерти тело ее было окутано светящимся ореолом. Это, несомненно, была любовь: к людям, к собственным детям, к королю, который не сумел сохранить их отношения, и к Богу, который так щедро наделил ею Луизу-хромоножку…

Петр I и Марта Скавронская

Несомненно, Петр I был и остается самым незаурядным и харизматичным монархом в истории государства Российского. Недаром его называют Великий. Великими были его заслуги в истории страны – именно он «прорубил окно в Европу», выиграл великие битвы и заложил прекрасный город, названный его именем, – Санкт-Петербург.

Портрет Петра I. Жан-Марк Натье

Царь-реформатор собственными руками строил корабли, ковал железо, да и судьбу свою он выковал и нашел сам. И, несмотря на злые, а временами и скабрезные сплетни за спиной, Петр сам выбрал женщину, с которой не просто сожительствовал, как многие современники, что было бы понятно многим, но возвел простую девушку, даже не имевшую дворянского звания, на престол Российской империи.

Марта Скавронская, будущая императрица Екатерина I, о жизни которой до появления в ней Петра мы знаем не так уж много, родилась на территории современной Эстонии. В те времена область называлась Ливония и входила в состав Швеции. Марта была сиротой, рано потерявшей родителей, и росла в семье тетки. В пятнадцать лет девушка поступила в услужение к пастору Эрнсту Глюку, а в семнадцать – вышла замуж.

Она сделала хорошую партию – ее мужем стал драгун Иоганн

Краузе. Однако супружеское счастье длилось недолго: началась война, и при осаде крепости Мариенбург муж Марты попал без вести.

Жизнь бывшей служанки начала меняться с потрясающей быстротой. После взятия Мариенбурга русскими войсками ее заметил фельдмаршал Борис Петрович Шереметьев. Красивая девушка так приглянулась стареющему русскому князю, что тот, недолго думая, сделал ее своей любовницей. По законам военного времени в этом не было ничего удивительного – пленных частенько продавали, записывали в крепостные, но Марте в этом смысле повезло: ей присвоили вполне приличное имя «домоправительница», и в этом звании она и жила при Шереметьеве.

Через несколько месяцев черноглазый и чернобровый «военный трофей» был отнят у князя Шереметьева гораздо более сильным соперником – самим Александром Меньшиковым, любимцем и сподвижником Петра, всесильным фаворитом, которому Шереметьев не смог отказать. Так Марта перешла еще в одни руки и оказалась совсем близко к императору. Так близко, что встреча их неминуемо должна была состояться – рано или поздно.

Сердце Петра к тому времени было свободно, и не просто свободно. В нем зияла пустота, оставленная вырванным с кровью и мукой образом его первой многолетней любви – Анны Монс. Красавица из Немецкой слободы предпочла другого – саксонского посланника Кёнигсегга. Узнав об измене, Петр впал в настоящую ярость – Анна была для него больше чем любовница. Она олицетворяла собой все, что так нравилось царю в Европе: порядок и чистоту, аккуратность и просвещение. К тому же Анна была так хороша собой, что один из дипломатов, принятый при дворе, написал: «Она влюбляет в себя всех мужчин, сама того не желая!»

Петр приметил среди «дворовых девок» во дворце Меньшикова одну пригожую черноглазую красавицу. Марта теперь уже носила имя Катерина Алексеевна Михайлова, была крещена в православную веру и бойко, хотя и с акцентом, говорила по-русски.

Будущая русская царица обладала не только веселым нравом и приятной внешностью – было в ней что-то большее, чем просто хороший характер и красота. Говорят, что только она одна могла справиться с неконтролируемыми приступами ярости, частенько овладевавшими Петром. Катерина клала голову любимого себе на грудь и гладила его волосы. Петр, склонный к эпилептическим припадкам и сильным головным болям, изводившим его,

успокаивался и засыпал как ребенок. А Катерина сидела неподвижно в течение двух-трех часов, боясь потревожить дорогого ей человека. После живительного сна Петр обычно просыпался здоровым, в ясном уме и прекрасном настроении.

Катерина стала не просто любовницей, как Анна Монс, у которой были и дворцы, и крепостные, и стоившие огромных денег драгоценности, пожалованные царем. Она не брала взяток за назначение на должности, как корыстолюбивая Анна, напротив – находясь вместе с возлюбленным в военном Прутском походе, Катерина сняла с себя все украшения, подаренные ей Петром, и передала их туркам, окружившим армию, в качестве выкупа. Этот шаг так тронул императора, что тот дал себе слово жениться на великодушной женщине.

Петр и Екатерина обвенчались 19 февраля 1712 года в церкви Исаакия Далматского в Петербурге. А в 1713-м Петр, не забывший так тронувшего его поступка тогда еще просто любовницы, учредил орден Святой Екатерины. Первым кавалером ордена стала, конечно же, она, любимая супруга, подруга и единомышленница царя. В 1724 году Екатерина была коронована и провозглашена императрицей.

Несомненно, венценосная пара питала друг к другу самые искренние чувства – но история Золушки не закончилась тем, что принц надел на ее ногу хрустальную туфельку и увез к себе во дворец. Именно после женитьбы обычно начинаются размолвки и трения между супругами. Не обошли они стороной Петра и Екатерину.

Петр, не отличавшийся разборчивостью, зато выделявшийся неуемным сексуальным аппетитом, за свою жизнь имел множество любовниц. Как правило, это были совсем простые женщины: дворовые девки, солдатки, жены матросов и ремесленников. Говорят, только незаконнорожденных детей царь имел около четырехсот! И после женитьбы на Екатерине Петр то и дело заводил связи на стороне. Екатерина также завела себе «милого дружка». Им стал родной брат Анны Монс – Виллим, который, как и сестра, отличался редкой красотой.

Муж всегда узнает о похождениях жены на стороне последним, не стал исключением из этого правила и Петр. Еще до коронации Екатерины в Тайный приказ попал донос о ее связи с Виллимом Монсом, но до царя он дошел лишь спустя полгода. К тому времени о неверности императрицы говорил уже весь двор, слухи расползались и по Петербургу, и по Москве.

По приказу Петра Монса схватили и заключили под стражу. Однако копаться в грязном белье царицы прилюдно Петр не стал: следствие продолжалось лишь несколько дней, и Виллима

обвинили в… казнокрадстве! Нужно отдать должное этому человеку – на допросах, которые в то время непременно сопровождались жуткими пытками, о своей связи с императрицей он промолчал. Петр, по всей видимости, был благодарен ему за это, но помиловать любовника жены все же не счел возможным, да и не захотел.

Виллим Монс умер тяжелой смертью – его колесовали при большом стечении народа, а затем отрубили голову. На казнь Петр привез и жену, но, говорят, у царицы от зрелища и мускул не дрогнул… Вечером Екатерина была весела, пила и танцевала на обручении старшей дочери с немецким герцогом. Что ж – она видывала в своей жизни и не такое. Она прошла и через военные походы, и через осаду крепостей, и через смерть собственных детей… Из одиннадцати наследников короны, которых царица родила от Петра, остались живы лишь двое, Анна и Елизавета – будущая императрица Елизавета I.

Голову любовника жены Петр приказал заспиртовать в банке и принес Екатерине в спальню – в качестве назидания. Царица стерпела и это, но, говорят, с той поры супруги прекратили общение между собой. Вскоре царь умер – не потому ли, что его припадки теперь некому было предотвращать? Хотя официальная версия гласит, что государь скончался от последствий многолетнего сифилиса – болезни, чрезвычайно распространенной в те времена. На смертном одре супруги помирились, и Екатерина буквально держала мужа на руках до самой его кончины 28 января 1725 года.

Поскольку Петр не оставил завещания, престол наследовала Екатерина. Однако настоящей правительницы из нее не получилось: в отличие от талантливого мужа, который вникал буквально во все, новая императрица подписывала государственные бумаги не читая. Она была хорошей женой и любящей матерью, но управлять огромной страной не могла. К тому же Екатерина очень много пила – к вину пристрастил ее сам царь, любивший неуемное веселье и требовавший от придворных того же. Пьяная, растрепанная, бродила Екатерина по дворцу, который некогда слышал шаги ее любимого мужа…

Умерла императрица Екатерина I от воспаления легких в мае 1727 года, пережив свою большую любовь немногим более чем на два года. Ей было на тот момент всего сорок три…

Николай Шереметьев и Прасковья Жемчугова

Историю любви крепостной Прасковьи и ее хозяина, сиятельного графа Шереметьева, не зря называют самой трогательной историей XVIII века, и это действительно так.

Прасковья Жемчугова. Николай Аргунов

Прасковья Ковалева родилась в семье крепостного мастера-кузнеца. Однако девочка жила в отчем доме только до шести лет – затем ее забрали в Кусково и отдали на воспитание Марфе Долгорукой. Девочку отобрали у родителей с дальним прицелом: современники писали, что будущая звезда крепостного театра Шереметьевых с раннего детства обладала удивительным, завораживающим голосом. Услышав раз этот голос, двадцатидвухлетний граф Николай Шереметьев уже никогда не смог забыть его.

Талантливую дочь кузнеца растили как будущую приму. Прасковья прекрасно освоила нотную грамоту, игру на арфе и клавесине, говорила и пела и по-французски, и по-итальянски. Не каждая дворянка того времени мола похвастаться столь разносторонним образованием!

Однако готовили девочку совсем не к счастливому замужеству – Прасковья начала выступать на сцене знаменитого крепостного театра Шереметьевых, гремевшего на всю Россию,

уже с одиннадцати лет. Вначале Парашенька выступала под псевдонимом Горбунова, но потом сам граф начал придумывать для своих крепостных актрис благозвучные фамилии: Яхонтова, Гранатова, Бирюзова… Так Прасковья стала Жемчуговой.

История донесла до нас множество версий первого свидания Параши и Николая, но достоверным можно считать лишь то, что граф приметил одаренную девочку еще совсем малышкой и потом издали следил за ее судьбой. Талант Прасковьи был настолько выдающимся, что сама императрица Екатерина Великая, присутствовавшая на спектакле «Самнитские браки» на музыку Гретри, в котором Прасковья Жемчугова пела партию Элианы, была потрясена игрой юной артистки и пожаловала той бриллиантовый перстень с собственной руки.

Хрупкая, с виду болезненная девушка, выйдя на сцену, совершенно преображалась. Помимо потрясающего, завораживающего слушателей сопрано Жемчугова обладала также несомненным сценическим талантом. Кроме того, юной актрисе были присущи кроткий нрав, скромность и самоотверженность.

Николаю Шереметьеву не приходилось и мечтать о том, чтобы назвать Прасковью своей перед Богом: крепостные девки, взятые в любовницы, будь они хоть прачками, хоть актрисами, предназначались лишь для одного – приносить плотскую утеху. Однако возвышенная натура Николая не находила никакого удовольствия в продажных или полученных насильно ласках.

Внезапная смерть любимого отца так подействовала на молодого графа Шереметьева, что он сильно запил и впал в депрессию. Вернула его к нормальной жизни все та же Прасковья, и тогда, чувствуя огромную благодарность к девушке, граф решил совершить невиданный по тем временам поступок – жениться на крепостной.

Прасковья Жемчугова, с которой ее талант и решение графа сыграли злую шутку, оказалась меж двух огней: высшее общество не принимало «девку» и «рабу», а прежнее ее деревенское окружение также отринуло молодую актрису, далеко ушедшую от крестьянского уклада. Кроме того, покровительствовавшая актрисе Екатерина II умерла, а взошедший на трон Павел I не желал давать разрешения на брак крепостной и графа.

Николай Шереметьев отличался завидным упорством, и отказ императора его не смутил: он решил добиться своего если не настойчивостью, то хитростью. Граф пригласил государя к себе во дворец послушать крепостной хор. Павел I, до этого никогда не видевший и не слышавший Жемчугову, а только наслышанный от придворных о «наглой девке», был так потрясен и голосом, и

обликом этой необыкновенной артистки, что немедленно дал графу Николаю Петровичу согласие на брак.

Обвенчались Прасковья Жемчугова и граф Николай Шереметьев только через долгие 17 лет после начала их романа, в 1801 году, в Москве, в храме Симеона Столпника на Поварской. Свадьба была почти тайной – при венчании присутствовали лишь два обязательных свидетеля.

Граф увез любовь своей жизни в Петербург, однако сырой климат столицы не пошел певице на пользу: склонная к туберкулезу Прасковья тяжело заболела. Сама новоиспеченная графиня Шереметьева считала свою болезнь карой за проведенные в грехе прелюбодеяния годы, но, словно бы желая разуверить ее в этом, Бог подарил ей нежданную радость – она забеременела. Беременность протекала тяжело, но и сама Прасковья, и Николай Петрович были на седьмом небе от счастья, мечтая о долгожданном наследнике. Именно во время беременности Прасковьи художник Иван Аргунов и написал ее знаменитый «Портрет Жемчуговой в полосатом капоте».

Сказки не всегда имеют счастливый конец: так и история любви крепостной певицы и графа оборвалась на трагической ноте. Прасковья умерла на двадцатый день после родов, оставив безутешному мужу сына Дмитрия. В память о безвременно скончавшейся супруге граф построил странноприимный дом на Сухаревке, в котором сегодня расположен научно-исследовательский институт скорой помощи им. Н. В. Склифосовского.

Граф Шереметьев так и не смог найти утешения у других женщин, да он и не искал его. Он пережил свою любимую Пашеньку всего на шесть лет…

Эдуард VIII Английский и Уоллис Симпсон

Историю любви принца Эдуарда Английского и американки Уоллис Симпсон, наделавшую когда-то много шума при королевском дворе Великобритании, называли когда-то самым скандальным романом XX века.

Уоллис Симпсон

В Великобритании до сих пор недолюбливают Уоллис – еще бы, ведь эта особа, кроме того что была незаконнорожденной, сменила двух мужей, прежде чем выйти замуж за Эдуарда! Не так давно на экраны королевства вышел фильм об отношениях Эдуарда и Уоллис Симпсон. Увы, в этом фильме не только Уоллис, но и Эдуард выставлены в самом непривлекательном свете. А между тем ради любви этой неординарной женщины король Великобритании пожертвовал троном!

В Америке, откуда Уоллис родом, нравы были куда свободнее, чем в чопорной Англии, и поэтому на то, что Уоллис рождена вне брака, там смотрели сквозь пальцы. В первый раз хорошенькая девушка вышла замуж в восемнадцать лет за летчика Уина Спенсера.

Скоропалительный брак, заключенный всего через два месяца после начала знакомства, не был удачным, и через шесть лет супруги развелись. Муж оказался пьяницей и колотил молодую жену, а свободолюбивый нрав Уоллис не позволял ей терпеть такое отношение. Несмотря на осуждение родни – жена должна

терпеть, а не выносить сор из избы! – Уоллис потребовала развода в связи с «жестоким обращением» и получила его.

Молодая женщина уехала в Вашингтон и поступила на работу в газету. Уоллис не блистала красотой, но была миловидна, общительна, остроумна, изящна и хорошо воспитана, поэтому в поклонниках у нее никогда не было недостатка. Приятную молодую особу приглашали на светские вечеринки, и на одной из них она познакомилась с дипломатом из Аргентины – доном Фелипе Эспиле.

Дон Фелипе был старше двадцатишестилетней Уоллис на девять лет. Он был красив, богат, и Уоллис, вначале ставившая себе целью выйти замуж за богатого аргентинца, совсем потеряла голову и согласилась стать его любовницей. Возможно, американка надеялась, что со временем Фелипе оценит ее и женится, но в намерения дипломата это не входило. Ему нужна была невеста из хорошей семьи, невинная девушка с солидным приданым, а вовсе не разведенная бесприданница Уоллис!

Через год любовники расстались. Фелипе Эспиле нашел себе подходящую партию и женился, а Уоллис осталась с разбитым сердцем, осуждаемая обществом, которое еще недавно принимало ее с распростертыми объятиями. Молодая женщина в отчаянии стремится уехать из Америки и принимает приглашение на работу в американском консульстве в Китае.

Там же, в Китае, она во второй раз выходит замуж. В этот раз мужем Уоллис становится английский бизнесмен Эрнест Симпсон. Эрнест оказался к тому же еще и разведенным, так что на первый брак своей новой жены он также смотрел как на «пробу пера».

Молодые поженились в 1928 году и сразу же переехали в Лондон, где у Уоллис немедленно образовался модный салон, который с удовольствием посещали представители как богемы, так и высшего общества. Салон Уоллис гремел на весь Лондон, так что совсем неудивительно, что в 1936 году она познакомилась с самим принцем Уэльским.

Эдуард с детства рос тихим, застенчивым ребенком. Даже став юношей, он оставался замкнутым и не спешил довериться кому бы то ни было. Друзей у него тоже практически не было, а свою первую любовь он пережил только в возрасте двадцати четырех лет.

Первой любовью Эдуарда стала Фрида Уорд – женщина на шестнадцать лет старше, решительная, самоуверенная, остроумная. Фрида была замужем, но ее муж, член палаты лордов и истинный политик, смотрел на увлечение жены принцем Уэльским более чем снисходительно.

Их связь длилась десять лет, и разрыв произошел на почве того, что Эдуард во что бы то ни стало решил жениться на Фриде. Мало того, наследник престола заявил об этом во всеуслышание! Королевский двор был шокирован: невеста оказалась совсем не молода и вряд ли подарила бы английской короне наследников. К тому же эта принцесса еще и будет разведена! Не остался в стороне и муж Фриды, реноме которого на политическом поприще развод мог повредить. Да и саму Фриду, если честно, не устраивал ни скандал, ни косые взгляды родственников Эдуарда…

Фрида разорвала отношения с наследником престола и уехала в поместье мужа. А королевский двор стал спешно подыскивать принцу невесту, как положено, из хорошей семьи. Но Эдуард и слышать не хотел о династическом браке, потому что он верил в настоящую, бескорыстную любовь. И вскоре нашел то, что искал, – свою единственную и неповторимую Уоллис.

Любопытно, что познакомила их недолгая любовница Эдуарда Телма Фернесс, жена лорда Фернесса. Телма была ослепительно красива, но не умна. Сегодня любой психолог сказал бы, что Эдуард в лице жены хотел обрести надежного друга, собеседника и отчасти мать, а такие качества, как красота или общественное положение, волновали его меньше всего.

Принц влюбился в Уоллис с первого взгляда, и она довольно скоро разделила его страсть. Тридцативосьмилетней миссис Симпсон казалось забавным завести интрижку с самим представителем королевского двора, но для сорокалетнего Эдуарда, который переживал происходящее как первую настоящую любовь, все было более чем серьезно.

В 1936 году умер король, но даже то, что отныне он являлся наследником трона, не охладило желания Эдуарда отдать всего себя Уоллис. В сорок два Эдуард вступил на престол. Однако когда кабинет министров поставил королю на вид, что тот все еще не женат и неплохо было бы династии обзавестись наследником, король заявил: «Я женюсь только на Уоллис Симпсон!»

Разразился страшный скандал, центром которого стали король и его любовница. В Лондоне проходили манифестации с лозунгами «Долой американскую проститутку!» и «Шлюха, верни нашего короля!». Против Уоллис восстали буквально все: родственники короля считали ее вульгарной – что, впрочем, было недалеко от истины, а коренные англичане просто не хотели видеть на престоле дважды разведенную американку. «Высшим классам не нравится, что Уоллис – американка, но им плевать на два ее развода. Низшие классы безразличны к ее подданству, но

их ужасает мысль, что король будет ее третьим супругом», – так сказал в своем докладе один из министров Великобритании.

Об Уоллис распускали жуткие сплетни: говорили, что она приворожила короля сексуальными приемами, которым научилась в китайском борделе, и что, еще не выйдя замуж, она уже изменяет Эдуарду… с торговцем подержанными автомобилями! Нелепые слухи и сплетни довели мужа Уоллис до истерического состояния, а сама она ежедневно получала сотни писем с оскорблениями в свой адрес.

Нужно отдать должное мягкому и нерешительному Эдуарду – он остался неколебим, как скала. Злые языки утверждают, что он сам попросил руки Уоллис у… ее мужа. Тот легко согласился на развод, лишь бы избавиться наконец от неприятностей. Женитьба на женщине своей мечты стоила Эдуарду трона – впрочем, он подписал отречение безо всяких колебаний и сожалений. И без проволочек сразу же женился на уже бывшей миссис Симпсон.

После отречения Эдуарду был присвоен титул герцога Виндзорского – соответственно, Уоллис стала герцогиней. Теперь те, кто распускал о ней грязные слухи, были обязаны ей кланяться и называть «ваше королевское высочество»! Ну чем не счастливый конец для сказки о Золушке? Однако гордые англичане не пожелали ломать шапку перед дважды разведенной американкой, поэтому под нажимом общественного мнения был составлен «Акт о лишении», согласно которому титул «королевское высочество» не распространялся ни на жену герцога Виндзорского, ни на его потомков.

Экс-король и его жена покинули недружелюбные к ним берега Великобритании. Перед отплытием Эдуард тепло попрощался с новым королем – Георгом VI, своим братом и отцом нынешней королевы Елизаветы II. В своем добровольном изгнании герцогская чета была счастлива. Поженились Эдуард и Уоллис уже во Франции. Уоллис сама позаботилась обо всем: о кольцах, подвенечном платье и даже о том, чтобы разослать немногочисленным оставшимся в Англии друзьям кусочки свадебного пирога. Один из этих кусочков она собственноручно завернула в платок и по традиции хранила всю свою жизнь.

Перед Второй мировой войной супруги уехали в Америку, где прожили в любви и согласии до самой смерти. Уоллис держала Эдуарда в ежовых рукавицах: не разрешала выпить лишнюю рюмку, буквально за руку водила к врачу, а также могла сделать замечание, если считала, что муж говорит глупости!

Может быть, кого-то другого такое обращение и шокировало бы, но Эдуард был счастлив. Однако не стоит думать, что Уоллис делала только то, что хотела: нет, для счастья любимого она

также пожертвовала многими своими привычками – например, напрочь отказалась от вечеринок и ночных клубов. Она сама готовила и накрывала на стол, зная, как нравится это мужу. Детей у супругов не было, поэтому Эдуард отдавал себя любимому увлечению – цветоводству. Кроме цветов, в герцогском доме обитали любимые супругами собаки – четыре ухоженных мопса.

После войны супруги переехали в Париж, город вечной любви. Купили особняк в Булонском лесу и зажили тихой семейной жизнью. На родине Эдуард побывал всего дважды: на похоронах брата и матери.

А вот на коронацию нынешней королевы Великобритании Елизаветы он поехать отказался, мотивируя это тем, что в истории английской монархии не было такого прецедента, чтобы бывший король присутствовал на коронации нового!

К тому времени об отношениях Эдуарда и Уоллис был снят очень теплый фильм под названием «История короля». На премьере присутствовали и Эдуард, и Уоллис. Посмотрев его, Эдуард пожал руку продюсеру Джеку Левьену и воскликнул: «О, Джек, я проплакал всю картину!» Уоллис же, глядя на своего обожаемого супруга, спросила: «Теперь вы поняли, от чего он отказался?» На что Эдуард, нежно поцеловав жену, ответил: «По сравнению с тем, что я получил взамен, – от очень немногого!»

В 1970 году у Эдуарда обнаружили рак горла – результат его привычки к курению, от которой Уоллис всю жизнь умоляла его отказаться. Курение было единственной привилегией, на которой он настаивал, и последствия оказались более чем плачевны. Рак не пощадил бывшего короля – он прошел через все круги ада: облучение, химиотерапию, облысение, угасание и, наконец, мучительную смерть.

Умирающего Эдуарда волновало лишь одно – не разлучат ли их с Уоллис после смерти? Как человек религиозный, Эдуард верил в то, что они с женой встретятся на небесах, но что будет с их бренными телами здесь, на земле? Больше всего он боялся, что после смерти его положат в фамильную усыпальницу Виндзоров, а вот для Уоллис места там наверняка не найдется! Поэтому еще при жизни этот мужественный, умирающий от не щадящей ни нищих, ни королей болезни человек купил два места на кладбище в американском Балтиморе и написал завещание, согласно которому его жену должны были похоронить рядом с ним.

Королева Елизавета, весной 1972 года навестившая умирающего дядю, была очень мила и приветлива с его женой и клятвенно пообещала, что если Эдуард разрешит похоронить себя в Лондоне, то его супругу со временем похоронят там же. Эдуард был растроган отношением Елизаветы к Уоллис, однако он

слишком хорошо знал цену монаршим клятвам и потребовал от племянницы письменного подтверждения. И только получив его, дал разрешение после смерти увезти свое тело в Лондон…

Скончался Эдуард 28 мая 1972 года. На похоронах его вдова держалась с истинно королевским достоинством, вызывая восхищение всех тех, кто в прошлом поливал ее имя грязью. Сразу же по окончании траурных церемоний Уоллис вернулась в Париж, в любимый особняк в Булонском лесу.

Смерть Эдуарда не прошла бесследно для этой любящей женщины: через месяц после похорон с Уоллис случился инсульт. В течение шести лет здоровье ее непрерывно ухудшалось, но она боролась, как могла: писала книги об Эдуарде, отвечала на письма и даже давала интервью, хотя последнее было для нее уже тяжело. До самой своей смерти Уоллис каждый вечер целовала подушку на той стороне супружеской кровати, где когда-то спал муж, и желала любимому спокойной ночи…

Через шесть лет после первого инсульта Уоллис перенесла второй, на долгие годы приковавший ее к постели в одной из парижских клиник. Умерла Уоллис Симпсон, герцогиня Виндзорская, в 1986 году, пережив того, кого так любила, на четырнадцать лет. Королева Елизавета II сдержала слово, и Уоллис была похоронена рядом с мужем. Будем надеяться, что на небесах эти любящие сердца так же легко и без помех нашли друг друга…

Грейс Келли и принц Ренье

Ко времени своей встречи с принцем крохотного княжества Монако Ренье американская актриса и звезда кино Грейс Келли уже успела прославиться. Ее партнерами по фильмам были такие кумиры толпы, как Кларк Гейбл, Эва Гарднер, Гарри Купер и Марлон Брандо.

Грейс Келли и принц Ренье

У Грейс была безупречная внешность, и до карьеры в кино она успела поработать моделью. При росте в 176 см она весила 58 кг, при этом актриса совсем не казалась тощей! Объем ее груди составлял 88 см, бедер – 89, а талии – 60. Кожа Грейс поражала фарфоровой гладкостью и белизной, а глаза были удивительного оттенка пармской фиалки…

Однако дело было даже не в идеальных формах. Образы женщин, которые она воплощала на экране, притягивали к себе мужчин, как магнит. К двадцати шести годам актриса успела стать любимицей культового режиссера Хичкока, получить множество предложений руки и сердца, в том числе от самого шаха Ирана. За внешней холодностью Грейс скрывалась горячая, увлекающаяся и порывистая натура, и много раз она была почти готова дать согласие выйти замуж. Но что-то подсказывало, что ее великая любовь еще впереди, – и Грейс отказывала всем. Уехал ни с чем и иранский шах.

Детство Грейс было очень счастливым: она выросла в семье удачливого предпринимателя и актрисы, и отец безмерно гордился своей красавицей дочерью, баловал ее, говоря, что руки его девочки достоин разве что принц…

А принц в это время правил маленькой страной, которую можно было пересечь из конца в конец на велосипеде. Однако принц Ренье был самым настоящим наследным принцем из древней и почитаемой династии Гримальди. Княжество, доставшееся принцу, было не самым процветающим, но он делал все, чтобы его страна развивалась. Мудрый и дальновидный политик, принц Ренье понимал, что жениться нужно из династических соображений, но сердце подсказывало ему совсем другое…

Множество голливудских красавиц ежегодно приезжали на фестиваль в Канны, город, расположенный от Монако «через дорогу». Принц видел много ослепительных женщин, но тронула его сердце лишь одна – американка Грейс Келли.

Келли возглавляла на фестивале американскую делегацию и явилась в резиденцию принца по поручению журнала «Пари Матч». Журналу нужна была эффектная фотография, и актриса легко согласилась помочь, даже не догадываясь, насколько судьбоносной будет ее встреча с главой крохотного государства.

День, когда они встретились с князем, как считала сама Грейс, не задался с самого начала. Из-за забастовки профсоюзов во всем городе выключили электричество, и актриса не смогла высушить и уложить волосы, поэтому ей пришлось свернуть их на затылке в простой пучок. Также она надела платье, не требовавшее глажки, – простое, черное, единственным украшением которого был узор с крупными розами. Этикет представления ко двору предусматривал шляпку, но в гардеробе Грейс ее не оказалось. Тогда она наспех соорудила венок из искусственных цветов и пришпилила его к волосам. На выезде из отеля машина, в которой ехала Грейс, столкнулась с другим автомобилем. Никто не пострадал, но сама актриса посчитала это дурным предзнаменованием.

День князя Ренье до встречи с Келли также шел наперекосяк: из-за той же забастовки он сильно опаздывал на встречу с кинозвездой, поэтому нервничал. Однако, быстрым шагом войдя в зал, где была назначена встреча, князь увидел там презабавную сцену – Грейс перед зеркалом училась делать реверанс. Плохое настроение князя как рукой сняло. Так, под вспышками фотоаппаратов, под возгласы «Улыбайтесь!» и произошла встреча, которая вскоре перевернула судьбы обоих.

И Грейс, и Ренье сразу почувствовали симпатию друг к другу, однако пообщаться наедине, без спешки и суеты им так и не удалось. Грейс улетела обратно в Америку, оставив наследного принца размышлять и о судьбах княжества, и о собственной судьбе. В конце концов Ренье написал Грейс письмо, она ответила

– и полгода, пока крепли взаимные чувства, актриса и князь переписывались. И с каждым письмом они оба убеждались, что жизнь не зря свела их: эти люди, которых разделял океан, чувствовали себя половинками единого целого, с каждой новой весточкой они становились все ближе и ближе.

И вот, решив ознаменовать новый, 1966 год выдающимся государственным решением, князь Ренье прилетел в Америку с твердым убеждением: он наконец-то нашел свою принцессу!

Ренье сделал любимой предложение вполне в духе времени: прямо посреди предпраздничной суеты огромного Нью-Йорка. Именно здесь, в многомиллионном мегаполисе, где могли поместиться жители двух тысяч таких княжеств, как его собственное, и где никому не было дела до случайных прохожих, он, Ренье III, герцог де Валентинуа, граф Карладез, барон Бюи, сир Матиньон, сеньор Сен-Реми, граф Ториньи, герцог Мазарини, и сделал своей избраннице предложение. Прямо на улице он протянул Грейс коробочку с кольцом и сказал простые слова, какие мужчины произносят с начала всех времен: «Любимая, выходи за меня замуж!»

Родители актрисы были польщены, и даже то, что за дочерью, которая после свадьбы также будет именоваться принцессой, нужно было дать поистине королевское приданое – два миллиона долларов – не омрачило их радости.

Единственным «но», которое терзало Грейс перед свадьбой, было то, что по протоколу ей предстояло пройти медицинское обследование, подтверждающее, что будущая княгиня способна подарить престолу наследника. Однако врачи выявят и то, что она давно уже не девственница! Почему-то именно это она хотела скрыть от Ренье, хотя и он, и она были вполне взрослыми современными людьми. Это терзало ее и казалось непреодолимым. Но бывший любовник Грейс, с которым она поделилась проблемой, Дон Ричардсон, дал ей хороший совет: «Скажи, что еще в школе ты неудачно выполнила гимнастическое упражнение». Князь удовлетворился объяснением Грейс – а иначе и быть не могло. Какой же он был бы принц, если бы не поверил своей Золушке?

Грейс приплыла на собственную свадьбу в компании пяти подружек, личного парикмахера и любимой собаки – пуделя Оливера. На пристани невесту встречал сам князь в парадном мундире, а когда их руки соединились, из парящего в небе самолета на них посыпался дождь из алых и белых гвоздик – это был подарок друга семьи князя, миллионера Онассиса.

Пышная свадьба, фотографии которой долго не сходили со страниц журналов всего мира, состоялась в апреле 1966 года.

Грейс блистала в изящном платье, сшитом из старинных кружев, а строгая классическая красота как нельзя лучше подходила к ее новому титулу. Кроме того что здесь слились воедино красота, деньги и знатность рода, эту пару объединило то, что цементирует брак лучше всего, – здесь присутствовала сама любовь. Супруги прекрасно ладили, замечательно дополняли друг друга – это и составляло истинную гармонию. Грейс как никто другой умела расположить к себе людей, и порой вовремя сказанное ею ласковое слово сглаживало мужскую прямолинейность Ренье.

Вскоре у пары появилась дочь Каролина Маргарита Луиза, а через год – сын и наследник трона Альбер. Вслед за ним родилась еще одна дочь – принцесса Стефания. Грейс, которая принесла в небогатое княжество новые финансовые возможности, была буквально боготворима народом. И дети, которых она родила, были обещанием того, что княжеский род Гримальди не угаснет.

Князь Ренье грамотно распоряжался финансовыми вложениями, и вскоре княжество стало процветать: этому способствовал и игорный бизнес, и проведение гонок «Формула-1», и туристы, хлынувшие в страну после сказочной свадьбы. В Монако строились новые роскошные отели, реконструировались дороги, открывались банки, гарантирующие тайну вкладов и низкие ставки налогообложения.

Князь занимался исконно мужскими делами, а на долю Грейс оставались приятные хлопоты по дому, устройство праздников да участие в официальных мероприятиях. Она занималась благотворительностью, устраивала для детей княжества рождественские елки, раздавала подарки… Она была молода, прелестна и доступна для всех: каждый житель страны мог пожать ей руку!

Однако после полной событиями жизни актрисы роль жены все чаще стала казаться Грейс пресной. И когда ей снова предложили сняться в кино, радости княгини Монако не было предела. Сам князь одобрил ее новую роль в фильме Хичкока и уже готов был отпустить жену вместе с детьми на время съемок в Америку, но… жители княжества буквально засыпали резиденцию Грейс и Ренье гневными письмами! «Княгиня Монако не может сниматься в кино!» – таков был единодушный вердикт подданных, и под давлением народа князь запретил жене сниматься.

Грейс пришлось покориться, но это стоило ей нервного срыва и депрессии. Целую неделю она не выходила из своей комнаты, и супружеская жизнь князей Гримальди за эту неделю, похоже, дала трещину. Как оказалось, за все надо платить. И за княжескую

корону Грейс заплатила самую высокую цену – она пожертвовала своими личными интересами. Также на собственном печальном опыте она познала и ту простую истину, что принцессы тоже плачут и их жизнь состоит не из одних приятных моментов.

Подданные называли Грейс «ангелом», но в действительности под ее ангельской внешностью нежной блондинки клокотал вулкан страстей. Когда дети повзрослеют и Грейс начнет писать воспоминания о своей жизни, характер ее помогут четко обрисовать такие строки: «Если история моей реальной жизни будет когда-нибудь рассказана, люди поймут, что я была живым существом, а не сказочным персонажем».

Кроме того что жизнь Грейс становилась все более похожей на жизнь принцессы, запертой в башне, она постепенно разочаровывалась и в муже: Ренье уже не казался ей тем галантным и оживленным человеком, которым она когда-то увлеклась. По характеру князь был скорее нелюдим, не выносил светской жизни, а больше всего любил животных. При резиденции князя имелся целый личный зоопарк. Спать Ренье предпочитал ложиться рано, и его жена вскоре поняла, что нет ничего более грустного, чем одинокие вечера…

Грейс была талантлива во всем: борясь с одиночеством, она нашла себе новое занятие – создание картин из засушенных цветов. В княжестве даже прошла выставка ее работ, которая имела ошеломительный успех. Один лишь князь Ренье был недоволен: он ревновал жену к ее способности располагать к себе людей, к ее успехам в обществе… Сказка давно закончилась, и наступили будни, в которых князь позволял себе некрасивые вещи. Он срывался, унижал жену в присутствии других, делал ей резкие замечания, и частенько Грейс выходила из его кабинета вся в слезах…

После сорока к частым депрессиям Грейс добавились новые проблемы: дети выросли и, похоже, не оправдали надежд. Наследник титула Альбер не интересовался государственными делами, а увлекался лишь спортом и женщинами. У старшей, Каролины, один неудачный роман сменялся другим, а младшая Стефания и вовсе была неуправляемой. Золотая клетка, в которую была заточена Грейс, стала казаться ей не такой уж золотой…

Заполнить пустоту Грейс попыталась с помощью все той же любви, однако любовники, становящиеся с каждым разом все моложе и моложе, не врачевали душу, а лишь все больше опустошали ее. Грейс мечтала вернуться в профессию и создать в Монако драматический театр, но этой мечте, как и многим другим, не суждено было осуществиться.

Утром 14 сентября 1982 года Грейс со своей младшей

дочерью Стефанией собрались на автомобильную прогулку. Машину должен был вести шофер, но внезапно принцесса отстранила его: «Сегодня я поведу сама. Мне нужно серьезно поговорить с дочерью».

Через десять минут после того, как машина тронулась с места, она рухнула в пропасть. Дочь отделалась легким испугом, а вот Грейс получила несовместимые с жизнью травмы. Ее привезли в клинику, но через сутки с разрешения семьи отключили от обеспечивающей жизнь аппаратуры…

Князь Ренье пережил жену на долгие двадцать лет, но так больше и не женился. Жители княжества, боготворившие Грейс при жизни, после смерти возвели ее чуть ли не в ранг святой. К двадцатипятилетию со дня смерти принцессы Монако была выпущена монета номиналом два евро, на реверсе которой она изображена во всем блеске своей удивительной красоты.

Принц Чарльз и Камилла Паркер-Боулз

При жизни первой жены принца Чарльза, леди Дианы, которую во всем мире обожали, а сами англичане буквально боготворили, любовницу ее мужа, Камиллу Паркер-Боулз, называли не иначе как «разрушительница семейного очага». Однако давайте задумаемся, легко ли было самой Камилле пережить эти бесконечные тридцать пять лет в ожидании собственного счастья? Оставаться «черным лебедем»? Сносить сплетни за спиной, недоброжелательные взгляды? Ведь это именно она, а не Диана была первой любовью принца, которой ему пришлось поступиться в угоду собственной семье. Прошло уже более пятнадцати лет со времени гибели леди Ди, и, наверное, пришла пора по-другому взглянуть на историю любви принца Чарльза и его теперешней жены.

Принц Чарльз и Камилла Паркер-Боулз

Принц Чарльз и Камилла, тогда еще Камилла Шенд, познакомились в далеком 1970 году. Свела их сама судьба в лице тогдашней подружки Чарльза Люсии Санта-Крус, красавицы и дочери чилийского посла. На одном из светских раутов Люсия подвела Чарльза к Камилле и сказала: «Это Камилла Шенд. Она именно такая девушка, какая тебе нужна!» Слова Люсии оказались пророческими – связь с Камиллой прошла через жизнь Чарльза красной нитью, и что бы он ни делал, где бы ни

находился, он никогда не забывал решительную и красивую девушку по имени Камилла…

Принц Чарльз никогда не был скромником, и в молодые годы у него не было недостатка в любовницах. Он всегда следовал совету дядюшки своего отца, лорда Маунтбаттена: «Пока ты молод и свободен, нужно веселиться по полной, развлекаться как можно с большим количеством красоток. А потом остепениться и взять в жены подходящую девушку, желательно девственницу!»

Чарльз был весьма раскрепощенным молодым человеком: он «крутил любовь» и с люксембургской принцессой Марией Астрид, и с дочерью испанского посла Джорджиной Рассел, и с молодыми аристократками из самых титулованных семей своей страны, такими как леди Трайон и Джейн Уэллесли. Также принц не обошел вниманием представительниц богемы. В свое время у него был бурный роман с актрисой Сьюзен Джордж и связь с моделью Фионой Уотсон. Казалось бы, Камилла будет следующей в длинном списке любовных побед принца, но…

Именно этой истории суждено было оказаться лавстори всей его жизни. А началось все с интригующего вопроса Камиллы: «Знаете, моя прабабка, Элис Кеппел, была любовницей вашего прапрадеда, Эдуарда VII. Может, нам с вами тоже стоит попробовать?» Многоопытный лорд Маунтбаттен заметил, что в этот раз племянник увлекся девушкой по-настоящему и дело может даже кончиться женитьбой. Обеспокоились и другие члены семьи принца Чарльза: ведь брак наследника престола – дело государственное, которое ни в коем случае нельзя пускать на самотек!

Семья сочла Камиллу Шенд совершенно неподходящей кандидатурой на роль будущей принцессы, а затем, того и гляди, королевы Великобритании. Заботило королевскую семью не происхождение Камиллы – здесь все было более-менее гладко. По материнской линии девушка была внучкой лорда Эшкомба. Отец Камиллы, хоть и не относился к высшей аристократии, был человеком весьма состоятельным и принятым при дворе. Семье не нравилась репутация самой Камиллы – та слыла девицей разбитной и ко времени встречи с принцем была отнюдь не девственницей… Разумеется, времена были совсем не средневековые, но королевская фамилия дружно встала на дыбы: Камилла не то, что нужно!

Бойкая девчонка, которую с детства звали уменьшительным именем Милле, росла в родовом замке, бегала, прыгала и лазала по деревьям, как мальчишка. Обожала лошадей и охоту. Ей еще не было тринадцати, когда она прошла обряд посвящения в настоящие охотники: девочке мазнули по щеке кровью убитой ею

на охоте лисицы. Милле так гордилась этим фактом, что смыть кровь ее с трудом заставили только на следующий день! И хотя в школе, где она училась, были девочки гораздо более красивые, у Камиллы никогда не было недостатка в поклонниках. Живой характер Камиллы всегда привлекал к ней сначала мальчишек, затем юношей, а потом уже и зрелых мужей.

С невинностью, которой никогда не дорожила, Камилла рассталась в 17 лет. Сделала это она, можно сказать, публично: все знакомые узнали имя «победителя» – им стал девятнадцатилетний Кевин Берк, сын известного авиапромышленника, с которым девушка познакомилась на балу дебютанток. Дебют вышел громким: Камилла повсюду разъезжала со своим бойфрендом на ярко-желтом спортивном «ягуаре» и не пропускала ни одной вечеринки.

Однако Кевин довольно быстро ей наскучил: темпераментной девице требовался не мальчик, но муж. Таким оказался капитан кавалерии, красавец Эндрю Паркер-Боулз, и Милле без сожаления бросила наследника авиапрома. Но Эндрю был слишком избалован женским вниманием и Камилла в то время для него стала всего лишь одной из многих…

Именно тогда, когда Камилла переживала крах своего увлечения капитаном Паркер-Боулзом, она и встретила обаятельного принца Чарльза. И в этот раз все оказалось настоящим. Влюбленные буквально потеряли голову. А когда с людьми случается первая настоящая любовь, это видно невооруженным глазом. И если эта любовь не ко времени или, как в случае с принцем, не ко двору, родственники принимают меры.

Дядюшка Маунтбаттен нашептывал на ухо Чарльзу: «Никогда не женись на той, с которой ты уже переспал!» Мать принца также была недовольна, но на него ничего не действовало. Потому что он не был влюблен – он любил. И тогда принца от греха подальше решили послать в военный поход. Военная служба – святое для офицера, и он подчинился.

Когда Чарльз в буквальном смысле уплыл за горизонт, капитан Паркер-Боулз снова подкатил к Камилле. Ведь теперь она была не «одной из многих», а подружкой самого принца, наследника британской короны! Отбить любовницу, считай, самого короля – это была достойная победа.

Эндрю сделал Камилле предложение, и… она согласилась! Согласилась не потому, что снова воспылала к капитану страстью, но потому, что слишком хорошо понимала: с такой тяжелой артиллерией, как семья принца, ей не справиться. К тому же Чарльз отправился неизвестно куда, не сделав ей предложения и

даже не поклявшись в том, что будет любить ее всегда, несмотря ни на какие расстояния…

Чарльз, вернувшийся из похода, был убит неверностью Камиллы. Однако в скором времени пострадал и сам любитель подковерных интриг, лорд Маунтбаттен: дядюшка, подсунувший Чарльзу очередную «достойную кандидатку» – свою собственную внучку Аманду Нэчбулл, был убит ирландскими террористами.

Хитрый лорд, желавший иметь влияние на принца через жену, оказывается, давно вынашивал планы относительно женитьбы Чарльза на Аманде. Однако невеста была слишком молода – ей было всего семнадцать, в то время как Чарльзу уже перевалило за тридцать. К тому же при взрыве погибли дедушка Аманды и младший брат – и девушка, сраженная таким стечением обстоятельств, решила отказать сиятельному жениху.

Елизавета II пришла в волнение: сыну исполнилось тридцать два, а он до сих пор не женат! Более того: у королевства до сих пор нет наследников! Срочно стали подыскивать новую невесту и остановились на кандидатуре Дианы Спенсер. Чарльзу, который давно потерял Камиллу, было безразлично, что одна невеста, что другая… К тому же Диана ему нравилась, и он дал согласие. И совершил роковую ошибку своей жизни.

Говорят, что Камилла одобрила кандидатуру невесты, и даже предложение Чарльз сделал именно в саду семьи Паркер-Боулз. Миссис Боулз нравилась свежесть и невинность Дианы, но более всего – ее неопытность. Камилла предполагала, что за спиной этой простушки она сможет продолжать по-прежнему встречаться с Чарльзом. Потому как сама она недолго хранила верность своему мужу – не прошло и двух лет со времени их женитьбы, как они с Чарли снова стали любовниками… Чарльз крестил сына четы Боулз и нередко навещал их дом на правах крестного, однако вел он себя совсем не как родственник. Нередко они с Камиллой занимались любовью в ее комнате, дождавшись, пока законный муж уснет в своей спальне.

Диана отнюдь не была простушкой. Более того, она знала о романе своего будущего мужа и Камиллы. Она даже знала то, что всего за пару дней до свадьбы ее будущий муж сделал миссис Боулз подарок – памятный браслет с гравировкой их шуточных прозвищ, которыми они когда-то друг друга наградили. Однако она и не подумала разорвать помолвку. Надеялась ли Диана со временем завоевать любовь Чарльза? Или просто подчинилась обстоятельствам? Наверное, на ее выбор повлияло также то, что ее руки добивался сам принц…

Когда в семье в скором времени начались скандалы, все сочувствовали бедняжке Диане и осуждали ее неверного

муженька. Диану считали яркой, талантливой, невинной жертвой, а Чарльз производил впечатление коварного и недалекого ловеласа… Между тем Чарльз отнюдь не был неучем: он успешно окончил Кембридж, где изучал историю и археологию, пел, играл на фортепиано и на трубе. И даже выступал в качестве виолончелиста с симфоническим оркестром! Кроме прочего, принц был еще и талантливым художником – его картины и литографии были распроданы на сумму более четырех миллионов фунтов, и все эти деньги пошли в благотворительные фонды. Но обо всем этом мало кто думал, потому что на фоне ангельской внешности страдающей Дианы он выглядел неким злым гением…

Несмотря ни на что, Чарльз и Камилла продолжали встречаться. У них было много общего: охота и страсть к лошадям, собаки и сельская жизнь, музыка и природа, живопись и литература… А какие полные нежности письма Камилла писала возлюбленному! Именно они с их неподдельной страстью и сквозящей в каждой строчке любовью послужили поводом для развода Дианы и мужа, после того как леди Ди случайно обнаружила и прочитала их. После скандального развода бывшие супруги разъехались, а спустя пять лет Диана трагически погибла в автомобильной катастрофе вместе со своим любовником.

Только после смерти бывшей жены Чарльз решился заговорить со своей матерью о женитьбе на любви всей своей жизни. К тому времени Камилла также стала свободной – муж дал ей развод. Королева пришла в ярость. «Я не желаю даже слышать об этой порочной женщине и тем более иметь с ней дело!» – кричала она. Однако в этот раз Чарльз сумел настоять на своем. Он открыто появлялся с Камиллой на публике и больше не скрывал своих отношений.

Прошло еще семь лет, прежде чем королева уступила и дала свое согласие на брак сына с Камиллой. Уж лучше пусть он живет с законной женой, чем с любовницей, – приняла она судьбоносное решение. Свадьбу Чарльза и Камиллы Елизавета не сочла возможным посетить, но сегодня свекровь и невестка прекрасно ладят. В знак своего расположения и окончательного примирения с выбором сына Елизавета на праздновании бриллиантового юбилея своего правления усадила Камиллу на почетное место рядом с собой.

История любви Чарльза и Камиллы пока не окончена – как у любых супругов, у этой пары бывают размолвки и ссоры. Да и к Камилле далеко не у всех и сегодня однозначное отношение. Однако то, что эта Золушка ждала своего принца долгих тридцать пять лет, заслуживает и восхищения, и уважения.

Абдалла II и Рания Файсал аль-Ясин

Королева Рания не всегда была королевой, хотя и внешность, и осанка у этой улыбчивой женщины поистине королевские! Родилась она в 1970 году в Кувейте, в семье палестинцев. Класс, к которому принадлежали родители Рании, гордо именовался буржуазией, но до того уровня, где вращаются отпрыски королевских семей, буржуазии во все времена было далеко.

Рания Файсал аль-Ясин

Помимо прекрасной внешности Рания обладала незаурядным умом и сначала блестяще окончила колледж, а затем получила степень в Американском университете Каира. Девушка собиралась пойти по стопам своих родителей и заняться бизнес-администрированием, но судьба уготовила ей совершенно иную роль…

В начале 1990-х семья Рании переехала из Кувейта в столицу Иордании. Переезд совершился не от хорошей жизни: этому способствовали война, иракская оккупация, во время которой многие коренные жители обвиняли палестинцев в сотрудничестве с захватчиками. Но, несмотря на трудности, Рания знала: если много и целеустремленно работать, то тебя непременно заметят и успех войдет в твою жизнь!

Рания трудилась не покладая рук: сначала она поступила на работу в офис иорданского представительства компании «Apple». Но вскоре там ей отказали в руководящей должности, и подоплека этого отказа была более чем прозрачной: Рания была женщиной, причем женщиной Востока. Будущая королева хлопнула дверью и ушла работать в банк, который по прихоти судьбы принадлежал семье ее будущего мужа.

Именно там к этой красивой и трудолюбивой девушке пришел не только успех – однажды в ее жизни появился не кто иной, как сам прекрасный принц! Знакомство молодых людей было прозаичным: принц приметил девушку не на вечеринке и не на страницах глянцевых журналов (Рания попадет на них гораздо позже), а просто в офисе. Однако Амуру все равно, где пускать стрелы, – и принц Абдалла был поражен в самое сердце.

Не осталась равнодушна к мужественному, обаятельному и умному мужчине и Рания. Всего пара месяцев свиданий, и молодые люди решили объявить о помолвке. Чувства Абдаллы и Рании были столь сильны и чисты, что свадьбу решили не откладывать. Пышное торжество состоялось в июне 1993 года, и Абдалла уже на законных основаниях смог поцеловать сияющую от счастья жену.

Принц Абдалла не был наследником престола – трон должен был достаться его брату, принцу Хусейну. Однако перед смертью отец принца, его величество король Иордании Хусейн, назначил своим преемником именно Абдаллу. Так после кончины своего отца на трон взошел король Абдалла, а Рания стала самой настоящей королевой.

Честно говоря, о короне Рания не мечтала никогда. И даже когда Абдалла женился на ней, Ранию не посещали подобные мысли. Иногда она с легкой грустью вспоминает о тех временах, когда им с мужем не нужно было так строго блюсти придворный этикет и они могли больше времени посвящать личным делам.

Однако, став королевой Иордании, Рания принесла своей стране огромную пользу. Она не просто королева – она королева-труженица. Столько работать, сколько работает она, приходится далеко не всякой Золушке! Помимо благотворительности Рания активно борется за права женщин Востока. Сама королева Рания никогда не носила предписываемый религией платок-хиджаб. Когда-то, давая интервью журналу «ELLE», она сказала: «Давайте судить о женщинах по тому, что у них в головах, а не на головах!» Именно Рании принадлежала идея создания Иорданского фонда, который помогает женщинам обретать финансовую независимость и заниматься бизнесом. Еще она ведет масштабную работу, посвященную борьбе против жестокого

обращения с детьми и защите прав семей.

Дворец стал для Рании домом, но она запросто выходит на улицу, общается с людьми, а также имеет собственную страничку в «Twitter». Несмотря на крайнюю загруженность – все-таки быть королевой не только почетно, но и крайне обременительно, – она каждый день старается отвечать на задаваемые вопросы. Собственный сайт Рании пользуется просто бешеной популярностью, и многие его посетители бывают несказанно удивлены, что сама королева отвечает им простым и понятным языком!

Король Абдалла – прекрасный отец, а Рания – нежная, любящая мать. У них с мужем четверо детей: два мальчика и две девочки. И своих детей королева старается воспитывать так же, как когда-то была воспитана сама, – в любви и преданности.

Безусловно, такие родители, как Рания и Абдалла, служат маленьким принцам и принцессам примером самоотверженного трудолюбия на благо своей страны. Но все же, когда за семьей закрываются двери их загородного дома, принцы, принцессы, король и королева становятся просто людьми.

Рания с дочерьми любит готовить, Абдалла помогает старшему сыну делать уроки и с удовольствием строит игрушечные города с младшим. В то время, когда она принадлежит только семье и детям, королева любит и сама поиграть и подурачиться. Еще Рания очень любит читать своим детям книги – истории о Гарри Поттере она вместе с детьми прочла от корки до корки! Сначала отец, а потом уже монарх Абдалла с удовольствием устраивает в саду барбекю и утверждает, что никто во всем мире лучше него не готовит мясной стейк!

Хотя для монарших особ и существует дресс-код, королева предпочитает одеваться очень просто. Любимая одежда Рании – светлые джинсы, блузки и рубашки простого покроя, сандалии и элегантные туфли на шпильке. В одежде королева настолько удачно сочетает вещи западного и восточного стиля, что многие говорят о появлении «стиля королевы Рании».

Так, в 2003 году к монаршему титулу Рании добавилось звание «Королева элегантности мира». Этот почетный титул был присвоен ей по результатам опроса, который провел через Интернет популярный британский журнал «Hello!». Опрос, в котором участвовали респонденты со всего мира, продолжался ни много ни мало целый год! Кандидатами на почетное звание были, помимо коронованных особ и принцесс, актрисы, звезды шоу-бизнеса и топ-модели. Однако Рания легко обошла всех и получила более 32 % голосов. А законодатель моды Джорджо

Армани как-то признался, что Рания является главной музой его творчества.

И все же, хотя королева Рания входит в десятку самых популярных монарших особ мира, она до сих пор остается сама собой. Корона, которая портит многие головы, надевшие ее, Ранию только украшает. Однажды она призналась: «Когда я просыпаюсь, то чувствую себя обычным человеком. Но к концу дня ты уже ощущаешь, что живешь ради людей, интересы которых представляешь. Это честь и привилегия – иметь возможность что-то менять, вносить качественные изменения в жизнь людей, и на мне лежит ответственность в полной мере использовать этот шанс». Это не просто красивые слова, и, сказав их, королева Рания не покривила душой: она действительно меняет жизнь своей страны к лучшему и служит прекрасным примером для женщин Востока.

Глава 2
Я памятник тебе воздвиг

Нефертити и Аменхотеп

История любви египетской царицы Нефертити и ее мужа Аменхотепа, которой не одна тысяча лет, жива и поныне.

За многие века она множество раз переписывалась, дополнялась и изменялась – впрочем, только в деталях. Суть же истории, ее, так сказать, сердцевина осталась неизменной, и поэтому историю любви Нефертити стоит назвать великой.

Нефертити не была коренной египтянкой, как ошибочно считалось до недавнего времени. И хотя бюсты царицы до сих пор служат украшением чуть ли не каждого музея и лавки в Египте, есть предположения, что та, чье имя переводится как «красавица пришла» или «прекраснейшая из красавиц», была иноземной принцессой.

Скорее всего, Нефертити была принцессой Митанни – древнего царства, когда-то существовавшего на территории нынешней Северной Месопотамии. Принцесса, как тогда было принято, была отправлена ко двору фараона Египта, в его гарем – с целью укрепить династические связи. Нефертити было всего 13 лет, когда ее отдали на чужбину, но уже тогда девочка отличалась поистине неземной красотой. Не зря в Египте ее считали дочерью самой богини красоты.

Суженый Нефертити, фараон Аменхотеп IV, напротив, миловидностью не отличался. Даже по оставшимся скульптурным портретам – приукрашенным памяткам истории – видно, что фараон обладал тщедушным телосложением, непривлекательным лицом, а уж о его характере ничего хорошего и вовсе нельзя было сказать. Правитель был вспыльчив, капризен, злопамятен… Но Нефертити любила его всей душой. Отчего? Трудно сказать… Скорее всего, одинокой девочке в чужой стране не к кому было привязаться, кроме как к своему повелителю.

О великой любви царицы к фараону можно судить по многочисленным фрескам, скульптурам и барельефам. Везде Нефертити и ее муж изображены буквально осиянные счастьем: в саду, на троне, молящиеся новому единому богу Солнца – Ра, который по приказу Аменхотепа сменил всех прежних египетских богов.

Ученые, изучающие этот краткий период египетской истории, сходятся во мнении: именно Нефертити была вдохновительницей неслыханного религиозного переворота. Однако народу были ближе и понятнее прежние боги: Анубис с головой шакала, ведающий загробным миром, Исида, повелительница жизни, охранявшая живых и заботящаяся об умерших, и великий Осирис,

бог возрождения, по воле которого каждый год разливается Нил, орошающий земли египетского народа.

Прообразом Ра стал солнечный бог Атон – ему и велено было поклоняться. Себя Аменхотеп также переименовал в Эхнатона – «угодного Атону», жену – в Нефер-Нефер-Атон – «ликом подобную Атону» и отныне и навечно повелел молиться в храмах лишь единому богу.

Но вернемся к личным отношениям фараона и его супруги. Любовь Нефертити, несомненно, была взаимной, и вскоре Аменхотеп-Эхнатон отказался от многочисленных жен и возвысил единственную и неповторимую, объявив ее «великой царской женой». Великая жена исправно беременела и рожала, но – увы! – у фараона было уже шесть дочерей и ни одного наследника престола! Однако фараон все больше любил свою жену, и даже при заключении договоров клялся не только богом Атоном, но обязательно – своей любовью к жене!

Памятники культуры Древнего Египта, который тяготел к монументальным сооружениям, дошли до наших дней. Эхнатон также не остался в стороне от строительства, однако его деятельность не ограничилась постройкой пирамиды или возведением сфинкса. Фараон задумал построить целый город, новую столицу царства – Ахетатон. В рабах и талантливых зодчих недостатка не было, и через каких-то 10 лет – срок для возведения города с нуля и вовсе мизерный – в раскаленных песках поднялся сказочный город-сад. В нем было все: роскошные дворцы с мозаичными полами, бассейны с чистой водой, пальмовые рощи, просторные мостовые. Эхнатон, ликуя, переселился в новую столицу, а Нефертити… осталась в древних Фивах!

Что же случилось, какая кошка пробежала между супругами? Отчего Аменхотеп так безжалостно бросил свою стареющую, но все еще прекрасную Нефертити? Скорее всего, дело было в том, что мысль об отсутствии наследника все больше тяготила правителя.

Близкородственные браки, которые в конце концов и привели к вырождению царской династии Египта, были в те времена скорее нормой, чем исключением, и фараон взял в жены собственную старшую дочь, Меритатон. Нефертити горевала и ревновала, однако ей пришлось проглотить обиду. Более того, опальная царица обучила свою дочь всем тем изысканным ласкам, которые так нравились ее мужу.

Однако, несмотря на все ухищрения, и Меритатон вскоре родила Аменхотепу дочь, являвшуюся и его же собственной внучкой! Старые боги были под запретом, а новый, единый бог

Атон, которому с пылом поклонялся Эхнатон, не дал своему приверженцу наследника! Казалось, бог с пылающим лицом отвернулся от своего приверженца, и вместо желанного пополнения семейства Эхнатону пришлось пережить еще и смерть одной из старших дочерей – Макетатон…

Смерть дочери была последней каплей – Эхнатон отвернулся от собственного семейства и обратил свой взор на красавиц гарема. Среди них особой статью выделялась Кийя – девушка также царского рода. На ней и остановил выбор дряхлеющий фараон. Кийя наконец-то осуществила его мечту – родила долгожданного сына, потом еще одного. Аменхотеп был просто на седьмом небе от счастья. Однако назвать Кийю «великой женой» при хоть и находящейся в забвении, однако вполне живой Нефертити он не посмел. Но Эхнатону было не внове творить историю: запретил же он одним махом всех прежних богов! И он даровал новой любимице титул «младшего фараона», разделив с Кийей трон и надев на ее голову венец высшей власти – синюю тиару с драгоценным уреем, изображением священной змеи.

Имя Нефертити, забытой всеми и доживающей свой печальный век в Фивах, постепенно исчезало со всех правительственных документов, стиралось с росписей, сбивалось с барельефов… Рядом с царственным именем фараона теперь стояло имя Кийи. Юную жену постоянно засыпали подарками, в ее честь строились дворцы, самым роскошным из которых стал Мару Атон. В него и переселился Эхнатон со своей новой женой.

Однако влияние Нефертити в царстве было еще очень велико. Народ обожествлял красавицу, чьи бюсты, несмотря на запрет, стояли в каждом храме. Кроме красоты Нефертити обладала еще и твердым характером, которого и опасалась возвысившаяся так внезапно Кийя. Подобно Нефертити, она была столь же хитра, ревнива и мстительна, как и красива…

Неизвестно, отчего умерла юная Кийя, к которой Эхнатон уже начал охладевать, так как новая жена оказалась далеко не таким преданным и верным другом и соратником, каким была старая. Доподлинно известно лишь одно – на шестнадцатом году правления фараона имени Кийя уже не было в документах рядом с его именем.

Фараону было одиноко, и он все чаще вспоминал свою Нефертити. В конце концов он не выдержал и послал за ней. Но царица отказалась видеть его! Она не простила измены… Титул «великой царской жены» она пожелала передать своей дочери Меритатон. А та, стараясь отомстить за поруганные чувства матери, приказала стереть имя Кийи со всех носителей, которые могли пережить века: каменных стел, барельефов, дворцов. Это

было больше чем местью – утеря имени была для древнего египтянина самым страшным кошмаром! Без имени невозможна была вечная загробная жизнь, и с потерей имени и памяти для человека заканчивалось все…

Кийя канула в небытие, а изображения Нефертити, прекраснейшей из женщин, дошли до наших дней. И сегодня царица мечтательно смотрит вдаль своими чудными миндалевидными глазами, а на губах ее играет легкая улыбка. О чем она думает? Наверное, о любви…

Феодора и Юстиниан

Великая византийская императрица Феодора родилась в семье циркача на острове Крит. Годом рождения будущей великой императрицы называют 500, но достоверных сведений о ее возрасте не сохранилось. Девочка росла в нищете и не помнила отца, который рано умер, оставив ее мать и двух сестер почти без средств к существованию. Единственное, что умели дети, – это показывать акробатические номера и разыгрывать пантомимы, однако зрители на улицах так и норовили уйти, не заплатив за представление ни гроша…

Красивая и удивительно артистичная девочка росла, и вскоре посмотреть на гибкую волоокую танцовщицу стали приезжать издалека. Девушка танцевала, едва прикрывая наготу прозрачной тканью, а то и вовсе обходясь безо всяких покровов. Голодное босоногое детство осталось позади – теперь за выступления Феодоре платили звонкой монетой и дорогими подарками. Находилось и немало желающих свести более близкое знакомство с прелестной танцовщицей, и вскоре она поняла, что зарабатывать на жизнь можно, и не выходя на улицу…

Кроме возбуждающего желание тела и миловидного личика девушка, несомненно, обладала тем, что сейчас называют модным словом «харизма». Тогда же это чаще называли чарами или колдовством. Благодаря своей неотразимости она быстро преодолела ступени, ведущие от уличной побирушки до известной куртизанки. Однако и сама Феодора, наверное, сильно удивилась бы, если бы кто-то сказал, что в будущем ее ждет неслыханное возвышение и титул византийской императрицы.

А пока количество любовников греческой куртизанки исчислялось сотнями – она отдавалась всем, кто мог платить за любовь: матросам, рабам, которым удавалось стащить у господ несколько монет, и их богатым владельцам. Говорят, однажды на пиру куртизанка отдалась десяти молодым византийцам, а потом ею воспользовались еще и тридцать ожидающих господ рабов… Такая неразборчивость стоила Феодоре хорошего отношения горожан: почтенные матроны, их дочери, сыновья и даже мужья стали сторониться красавицы, и даже коснуться края ее одежды означало запачкаться.

Однако судьба вновь повернулась к Феодоре лицом: случай свел ее с префектом провинции Эсеболом – человеком циничным, несуеверным и большим ценителем женской красоты. А в этом случае посмотреть явно было на что: матовая кожа, огромные глаза, вьющиеся белокурые волосы… Эсебол увез драгоценную

добычу к себе в поместье, где они без помех могли предаваться любви. Куртизанка так увлекла префекта, что он совсем забросил свои прямые обязанности и вскоре лишился выгодной должности. Феодора, быстро привыкшая к роскоши, не пожелала остаться под кровом разорившегося префекта и покинула его.

Однако время летело, ей стукнуло двадцать четыре – возраст по тем временам весьма почтенный. Девочек отдавали замуж уже с двенадцати лет, и Феодора, не имевшая ни дома, ни семьи, вынуждена была отдавать свое порядком уставшее тело все дешевле и дешевле. Она катилась по наклонной плоскости, и вскоре судьба забросила ее в Византию – неужели для того, чтобы она со своей редкостной красотой и артистическим талантом так и сгинула, как большинство портовых шлюх?

Однажды, бредя по городскому предместью, она наткнулась на лачугу старой ворожеи. Та, приветив усталую женщину, решила ей погадать. «Тебя ждет великая судьба!» – воскликнула старая карга, раскинув бобы. Феодора только горько усмехнулась – ей показалось, что старуха просто ее пожалела… У этой же ворожеи она и поселилась, потому что другого крова у нее на примете не было. Постепенно две женщины, старая и молодая, настолько сблизились, что Феодора рассказала старухе всю свою жизнь, и та, недолго думая, посоветовала ей искупить годы разврата, честно трудясь и надеясь на покровительство высших сил.

Как-то ночью Феодоре приснился удивительный яркий сон: в нем присутствовал сам «князь тьмы», который одарил ее несметными сокровищами. Проснувшись, она еще долго находилась под впечатлением от увиденного, ей казалось, что сон снова зовет ее заняться прежним ремеслом. Но, послушная воле своей новой покровительницы, Феодора уселась у окна ткать холст. И все же и «князь тьмы», и увиденные драгоценности долго не выходили у нее из головы.

Сон был вещим, а «князем тьмы» оказался не кто иной, как молодой Юстиниан, племянник императора Юстина I. Фортуна была благосклонна к нему. И даже то, что на его пути оказалась эта бывшая куртизанка, пошло будущему императору Юстиниану Великому на пользу. Увидев женщину, прекраснее которой он не встречал никогда, Юстиниан тут же признался ей в любви – и отказа не получил. Феодора, которая стала его любовницей, оказалась и талисманом удачи: повышения и титулы сыпались на Юстиниана как из рога изобилия. Сначала он стал консулом, а спустя два года его провозгласили наследником престола. Обретя почти безграничную власть, Юстиниан выхлопотал для своей любовницы звание патрицианки. Она была представлена к

императорскому двору, а сенаторы и консулы буквально падали к ее ногам, сраженные ее неувядающей молодостью и безупречной красотой.

Несмотря на то что Юстиниан был чрезвычайно привязан к ней, она была его любовницей – и только… Императрица Евфимия, мать Юстиниана, когда-то также поднявшаяся из самых низов и имевшая трезвые взгляды бывшей крестьянки, предостерегала сына от опрометчивого шага. Евфимии было известно почти все о прошлом Феодоры, и суровая императрица сторонилась этой бывшей акробатки, плясавшей на улицах обнаженной и отдававшейся любому мужчине за деньги. Евфимия, забывая о собственном прошлом, также упирала на то, что законы империи запрещают сенаторам вступать в неравные браки с комедиантками и даже их дочерьми, а также с любыми женщинами низшего класса.

Но судьба еще раз показала будущей императрице свой светлый лик: в 523 году Евфимия скончалась, и под давлением племянника уже через год император Юстин отменил неугодный тому закон – Юстиниан, не откладывая дела в долгий ящик, женился на Феодоре. Три года спустя император Юстин, чувствуя приближение смерти, позвал племянника с женой к своему одру и в присутствии сената пожаловал тем титул «августейших».

В самый великий день года, в Пасхальное воскресенье, в базилике Святой Софии патриарх короновал августейшую пару: бывшего иллирийского крестьянина и бывшую проститутку. История Средних веков знала еще и не такие казусы. Простой народ торжествовал, неся на своих плечах будущих правителей Византии во дворец.

Когда через несколько месяцев скончался смертельно больной Юстин I, Юстиниан и Феодора заняли византийский престол. От такого быстрого возвышения у Феодоры буквально кружилась голова – несколько лет назад любой мог купить ее тело за пару монет, выпивку или просто за кусок хлеба, а сегодня она – полновластная правительница огромной империи! Льстивые придворные восхваляли ее красоту, мудрость и целомудрие, и она, которая еще вчера была символом распутства, коснуться одежды которой брезговали замужние матроны, вознеслась на самую вершину власти.

Однако будем справедливы к Феодоре: от природы обладавшая живым темпераментом, она сумела подавить в себе животные инстинкты и старалась быть достойной своего положения. Но власть – слишком заманчивая штука. Попробовав ее однажды, будешь стремиться к ней всю оставшуюся жизнь… Феодора, пользуясь попустительством мужа, быстро взяла в свои

руки власть в империи.

На пятый год правления Феодоры и Юстиниана в империи вспыхнул мятеж. Юстиниан повел себя неразумно: он то шел на уступки заговорщикам, то грозил им неминуемой карой, а затем снова обещал полное прощение… В конце концов, опасаясь потерять не только трон, но и жизнь, император собрался бежать на корабле. Судно, груженное сокровищами из казны, стояло на якоре у императорского дворца, готовое к отплытию, – а Юстиниан все колебался…

Тогда недюжинную силу воли, решительность и ораторский талант проявила Феодора. Встав перед сенатом и императором, она произнесла такие слова: «Беги, самодержец, корабль готов, море свободно, но бойся, чтобы это бегство, в котором ты ищешь спасения, не превратилось в изгнание, а жизнь, которой ты так дорожишь, не закончилась позорной смертью! Мне же императорский пурпур нравится больше холщового савана!»

Ее слова воодушевили солдат и устыдили малодушных, в том числе и ее собственного мужа. Полководец Велизарий окружил ипподром, где мятежники уже решали судьбу правителей империи, и блестящим ударом разгромил войска заговорщиков. Спокойствие в стране было восстановлено.

Юстиниан никогда не скрывал, что по многим государственным вопросам советуется с женой. В издаваемых законах и манифестах Феодора именовалась не иначе как «благочестивейшая супруга, ниспосланная нам Господом Богом». Сама Феодора, памятуя о голодном детстве и тяжелом занятии бывшей куртизанки, убедила супруга издать множество законов в пользу женщин: о разводе, об усыновлении незаконнорожденных, о надзоре за своднями, о наказании для похитителей монахинь, а также закон об освобождении комедианток от рабства… Для страны эта женщина, сама когда-то бывшая комедианткой, сделала очень много: она строила крепости и приюты, больницы и ясли, многочисленные церкви – знаменитый босфорский монастырь для раскаявшихся грешниц также был построен во время ее правления.

Именно Феодора уговорила Юстиниана начать кампанию против готтов и вандалов, впоследствии прославившую царствование Юстиниана. И в ее честь император отстроил некогда сожженный мятежниками величественный константинопольский храм – собор Святой Софии, который и сегодня, через полторы тысячи лет, поражает своим великолепием.

Умерла Феодора, которой фортуна позволила проделать путь от бродяжки-сироты, циркачки и куртизанки до трона

императрицы одной из самых великих держав того времени, 29 июня 548 года. Всю оставшуюся жизнь Юстиниан вспоминал ее с неизменной любовью и оплакивал ее кончину.

Данте Алигьери и Беатриче Портинари

Эта история любви настолько удивительна и чиста, что, если бы ее не существовало, ее стоило бы выдумать…

Данте и Беатриче. Ари Шеффер

Первая встреча Данте с Беатриче произошла, когда мальчику было всего девять лет. Они встретились в городе, на пороге церкви. Он входил в храм, а она выходила. На мгновение их взгляды встретились, и мальчик подумал, что так, наверное, выглядят ангелы… Или это существо на самом деле было ангелом, по ошибке попавшим на землю?

Много позже Данте узнает, что девочку зовут Биче и она дочь богатого флорентийского горожанина Фолько Портинари. «Биче… Биче… – шептали его губы, словно во сне. – Беатриче!»

Будучи уже молодым литератором, он напишет в произведении, пророчески названном «Новая жизнь»: «Она явилась мне одетой в благороднейший алый цвет… опоясанная и убранная так, как то подобало ее весьма юному возрасту».

Годы шли… Живя в одном городе, они, конечно же, изредка видели друг друга, но всегда издали. Девочка росла, превращалась в девушку. Однако мысль о том, что на самом деле она принадлежит к небесному племени ангелов, никогда не покидала Данте. Быть может, именно поэтому он и не помышлял

о свиданиях, тем более о плотской любви со своей Биче?

Второй раз лицом к лицу они увиделись только через долгие девять лет. Не стоит думать, что все эти девять лет он ничего не знал о ней. О, он постоянно думал о Беатриче, расспрашивал знакомых, как она живет, чем заняты ее дни, с кем она видится… И вот, когда отмеренное кем-то время истекло, они встретились на узкой улочке… Места было так мало, что ему пришлось посторониться, а она прошла мимо, опустив глаза и чуть заметно улыбаясь поднятыми вверх уголками губ.

Он был в состоянии, близком к обмороку, – так сильно он любил ее, ту, после которой на улице остался едва уловимый запах лилий, цветов Благовещенья… Именно в тот благословенный день он и написал свой первый сонет – конечно же, посвященный ей. Ей, и только ей отныне будут посвящены все его стихи и каждое мгновение его жизни.

Следующая встреча, которой он втайне жаждал и в то же время боялся, произошла на венчании их общих знакомых. Почему-то он думал, что сможет легко заговорить с ней, но так смутился, что не смог выдавить и слова, только бормотал что-то бессвязное. Видя такое смущение, ее подруги стали подшучивать над ним, а потом и откровенно смеяться. Засмеялась и она – смехом, похожим на звук серебряного колокольчика. Она не была ангелом. Она была человеком из плоти и крови. Женщиной, как все остальные. Но для него она существовала только в каком-то идеальном образе, жила за чертой, переступить которую он был не в силах. И он дал себе слово, что больше не будет и пытаться. И действительно, Алигьери сдержал свою клятву: больше они с Беатриче никогда не виделись.

Обычно любовь, не подкрепленная ничем, быстро гаснет. Правильно говорят: с глаз долой – из сердца вон. Но с Данте эта старая истина не сработала. Он по-прежнему продолжал любить Беатриче – со всей пылкостью, нежностью, страстью, отчаянием… Казалось, другие женщины для него просто не существовали.

Однако как быть с тем, что поэт в конце концов женился? Но разве является секретом для любого из нас, что браки совершаются и без любви? Собственно, Алигьери и не скрывал того, что живет с нелюбимой… Что думала по этому поводу красавица Джемма Донати, ставшая его женой, история умалчивает, но зато за кого вышла Беатриче, она до нас донесла. Супругом Биче стал богатый синьор Симон де Барди.

Данте готов был смириться с судьбой – он просто желал ходить с любимой по одним и тем же каменным мостовым, дышать одним воздухом, пить воду из одного фонтана… Но гром грянул с ясного неба, и так неожиданно, что он не успел и

опомниться: в одночасье его любимой не стало. Беатриче умерла.

Это случилось летом 1290 года. Биче не исполнилось и двадцати пяти лет. Если бы солнце вдруг погасло и земля содрогнулась, сметая со своей поверхности все живое, то Алигьери было бы менее больно… Ее больше не было. А он жил – жил воспоминаниями о любимой. И с этого дня все его творчество, все, что он напишет, будет посвящено лишь одной женщине – Беатриче. Вся жизнь великого поэта, создавшего «Божественную комедию», бессмертные сонеты о любви и еще множество произведений, станет памятником одной женщине. Ей. Беатриче.

Кроме любви, обессмертившей имя Биче, в сердце Данте жила еще одна любовь – к родной земле. Он примкнул к партии, боровшейся за независимость Флоренции от папской власти. В те времена папы отнюдь не были столпами христианской церкви и чаще всего папский престол получал тот, кто мог больше заплатить. Папская власть была отправной точкой для узаконенного грабежа, разврата и убийств. Данте и его сподвижники – белые гвельфы – боролись как могли. Они проиграли. Власть получили сторонники папской власти – черные гвельфы, а Данте, как и его единомышленники, был отдан под суд.

Его обвинили в измене, интригах против церкви, лишили всех высоких постов, которые он занимал благодаря своим способностям и таланту, наложили большой штраф и изгнали из города. Большего наказания для поэта, который только и жил, что воспоминаниями о своей возлюбленной, трудно было придумать. Ее тень бродила улочками Флоренции, ее красное платье он не раз видел на ступенях церкви, ее смех все еще звучал в журчании фонтанных струй… Все это у него отняли.

До конца своих дней поэт будет скитаться по стране. Через семнадцать лет после смерти Беатриче, которая станет для него и трагедией, и отправной точкой будет закончен величайший труд, которому Алигьери посвятил четырнадцать лет, – его «Божественная комедия». По его же собственному признанию, она «написана языком, которым говорят женщины». Женщины, в лице одной из которых Данте боготворил всех. Ведь именно женщины являются одновременно и сосудом, в котором вызревает новая жизнь, и бесконечным космосом… Благодаря женщинам жизнь никогда не прекратится на земле и смерть не возьмет над ней верх. Он верил, что Беатриче понимала его. И разделяла его мысли. А если есть вера, то и любовь не умрет никогда…

Маргарита Лути и Рафаэль Санти

Прославленный художник Рафаэль не зря получил прозвище Санти – Божественный. Его картины до сих пор производят сильнейшее впечатление, а люди, изображенные на них, кажутся дышащими, их взгляд, запечатленный на бессмертных полотнах, сохранен на века. И пусть имена некоторых из моделей Рафаэля поглотило неумолимое время, мы знаем об этом гении многое – в том числе и то, что женщину, вдохновлявшую художника, самую сильную, яркую и трагическую любовь его жизни, звали Маргарита…

Рафаэль и Форнарина. Доминик Энгр

Рафаэль появился на свет 28 марта 1483 года в семье придворного живописца герцога Урбинского Джованни Санти. И, хотя отец мальчика рано умер, именно от него маленький Рафаэль получил первые уроки живописи. Мать ребенок потерял еще раньше, и одиннадцатилетним подростком остался круглым сиротой.

Рафаэля приютили родственники – дядюшки Бартоломео и Симон. Мальчик был так ярко одарен талантом рисовальщика, что его обучение сочли разумным продолжить. Еще пять лет его обучал живописи все при том же дворе герцога Урбинского новый придворный живописец – Тимотео Вити. Учитель привил Рафаэлю традиции умбрийской школы, но позднее, когда молодой

художник понял, что Тимотео научил его всему, чему мог, он поступил в ученики к другому прославленному мастеру своего времени – Перуджино, от которого также взял самое лучшее.

Гений молодого живописца проявился очень рано – уже в двадцать лет им было написано такое яркое и удивительное полотно, как «Мадонна Конестабиле». В 1504 году художник переезжает в знаменитую Флоренцию, куда ранее перебрался его любимый учитель Перуджино. Рафаэль создает целый ряд мадонн, и одухотворенные лица этих женщин, с любовью и нежностью склоненные над младенцем Иисусом, так потрясают современников, что художника отмечает сам папа римский Юлий II. Он приглашает Рафаэля в Рим, где поручает ему работу над росписью парадных апартаментов старого Ватиканского дворца.

Эпоха Возрождения была порой качественного прорыва в искусстве: живописи, музыке, зодчестве. И одновременно это было весьма непростое время – шедевры великих художников прославляли чистоту, целомудрие и благонравие, а вот нравы, царящие вокруг, особенно во дворцах, были более чем вольные. Особенно поражали развратом покои меценатов-пап. Те, кто должен был олицетворять собой благочестие, заказывая росписи на божественные темы, прославляющие деяния святых, сами глумились над всем, что было дорого сердцам истинно верующих людей.

Сегодня исследователи эпохи Возрождения не могут объяснить, каким образом искусство переживало наивысший расцвет в то время, когда люди, покровительствовавшие этому искусству, совершали самые гнусные злодеяния и предавались отвратительным порокам. Сам Ватикан погряз во грехах: убийства, педофилия, мужеложество, кровосмешение…

Богач Агостино Чиги, владелец множества поместий, а также знаменитого дворца Фарнезино, пригласил любимого живописца нового папы Льва X – Рафаэля расписать стены центральной галереи дворца. Рафаэль написал потрясающие своей живой манерой фрески: «Три грации» и «Галатея». Но дальше работа застопорилась – художник браковал одну модель за другой, и третья, венчающая роспись фреска «Амур и Психея» могла остаться незавершенной.

В задумчивости прогуливаясь по дворцовому парку, в тени деревьев художник заметил девушку неземной красоты. У него даже перехватило дыхание, настолько совершенным было это небесное создание! Глядя на ангельское личико, он мгновенно позабыл всех своих многочисленных любовниц, натурщиц и поклонниц, которыми никогда не был обделен… Встав перед девушкой на одно колено, живописец воскликнул: «Это она! Я

нашел свою Психею!»

Смущенная неожиданной встречей и пылкостью незнакомца, девушка все же ответила, что ее зовут Маргарита Лути, ей семнадцать лет и она дочь хлебопека. Вскоре Маргарита уже позировала для фрески, предварительно испросив разрешения у своего отца и жениха, пастуха. Расставаясь, кроме обычной платы за позирование Рафаэль подарил Маргарите дорогое золотое колье, но девушка ответила отказом. Тогда Рафаэль, недолго думая, предложил Маргарите выкупить его – за десять поцелуев, и… она согласилась!

С позволения семьи Лути художник решил писать портрет Маргариты. Тридцатилетний Рафаэль, стоящий за мольбертом, был в самом расцвете мужской красоты и нисколько не походил на деревенского пастуха… как и «маленькая Форнарина», как вскоре стал называть свою модель художник, не походила на тех похотливых и развратных жен знатных горожан, с которыми ему приходилось иметь дело.

Однако вскоре Рафаэлю стало не хватать одного лишь созерцания небесной красоты Форнарины. Кроме того, не на шутку влюбившийся художник ревновал девушку ко всем, особенно к незадачливому жениху Томмазо. Не выдержав пытки страстью, Рафаэль заплатил отцу Маргариты 3000 золотых и увез свое сокровище в Рим.

Художник баловал свою любовницу как мог: осыпал ее драгоценностями, покупал наряды. Он поселил ее во дворце и приставил к ней многочисленных слуг, исполнявших любую прихоть хозяйки. Но любовь, купленная за деньги, не может быть чистой: Форнарину в конце концов начали интересовать лишь доходы мастера. С каждым днем ее капризы и требования становились все изощреннее, она не отпускала Рафаэля ни на минуту, требуя ласк, денег, восхищения и преклонения…

Ослепленный страстью, Рафаэль забыл о работе, и настал день, когда недовольный Чиги потребовал отчета: отчего не закончены фрески дворца Фарнезино? Рафаэлю пришлось вернуться, однако расстаться с Форнариной он не смог. Девушка переехала вместе с ним и поселилась в том же дворце, где галантный Чиги предоставил ей особые апартаменты.

Слухами, как известно, полнится земля, и отвергнутый Томмазо прознал о возвращении неверной невесты. Он угрожал расправиться с бывшей возлюбленной, и хитрая Форнарина отправилась не к кому иному, как… к Чиги! Зная, какое впечатление производит на окружающих ее красота, она, обливаясь слезами, умоляла знатного синьора помочь ей… И Чиги предложил ей стать его любовницей. Маргарита

согласилась, но с одним условием: Чиги должен заточить ревнивого Томмазино в монастырь. Чиги был человеком слова – в тот же вечер пастух был схвачен и увезен подальше, а Маргарита раскрыла ему свои объятия.

Однако романом с одним Чиги Форнарина не ограничилась. Вскоре она затащила в постель еще одну жертву своей красоты – ученика самого Рафаэля, совсем молоденького юношу Карло Тирабоччи. Развратная красавица даже не скрывала своих намерений, и остальные ученики маэстро, сочтя это оскорблением чести великого мастера, вызвали Карло на дуэль. Юноша был убит ударом шпаги, но Форнарину это не остановило. У нее появлялись новые любовники – как правило, совсем юные, не знающие жизни сынки богатых родителей, тратившие на нее фамильные деньги.

Рафаэль страдал молча – он прекрасно знал, откуда под утро приходит его «маленькая Форнарина», ставшая одной из самых известных куртизанок Рима. Художник делал вид, что думает, будто она ночевала дома. Однако сердце мастера болело столь сильно, что иногда он даже не мог подняться с постели…

С каждым днем прославленному живописцу становилось все хуже, пока обеспокоенные ученики не догадались позвать к нему доктора. Врач нашел у художника резкое истощение жизненных сил и прописал кровопускания, которыми в то время лечили все, от легкой простуды до сифилиса. Кровопускания не только не помогли – от них Рафаэлю становилось только хуже. Кровью сочилось его измученное сердце, пораженное тем, что небесное создание, к которому он так сильно привязался, оказалось обычной шлюхой…

6 апреля 1520 года Рафаэля не стало… Похоронили живописца в Пантеоне – месте, где покоится прах великих сынов Италии. Ученики на похоронах мастера поклялись отомстить той, которая разбила его сердце. Бездушная Форнарина, напуганная этими яростными нападками, бежала обратно к отцу. В его доме она и скрывалась некоторое время, пока случайно не встретилась со своим бывшим женихом. Томмазо, проведший за монастырскими стенами, как в тюрьме, долгих пять лет, был поражен встречей со своей бывшей невестой, а Маргарита, вместо того чтобы попросить прощения, попыталась его соблазнить!

Однако у пастуха оказалось больше чести, чем у тех знатных особ, которые покупали ласки его бывшей невесты за деньги, – он схватил горсть грязи и бросил оголившей перед ним свои прелести Форнарине прямо в лицо! Затем Томмазо развернулся и ушел, чтобы больше никогда не видеть ту, по чьей прихоти он был заточен и по чьей вине умер один из самых великих

живописцев эпохи…

Рафаэль оставил все свое немалое состояние Маргарите Лути, и она еще могла бы изменить свою жизнь, выйти замуж за порядочного человека и хотя бы этим искупить свой грех, но… До конца жизни Форнарина продолжала менять любовников, ища плотских утех… Умерла она в монастыре, и причина ее смерти нам неизвестна.

Возможно, эта бездушная женщина, наделенная такой ангельской красотой, не стоила того, чтобы ее лицо и тело было увековечено, но именно ее огромные карие глаза смотрят на нас с полотен Рафаэля: «Сикстинской мадонны» и «Донны Велата»… И кто знает, не встреться на пути великого гения маленькая Форнарина, возможно, всех этих прекрасных полотен и не было бы?

Нур Джахан и Джахангир

У каждой великой истории любви есть своя предыстория. Династия Великих Моголов, правившая в Индии, началась с Бабура – завоевателя из клана Тимуридов. Бабур, приходившийся великому Тамерлану прапраправнуком, был не только замечательным полководцем, но и талантливым поэтом, писателем и философом. Внук Бабура, Акбар, прославился мудростью, справедливостью и терпением – качествами, редкими у правителей.

Джахангир. Абул Хасан

Акбар был строителем и миротворцем и разрешал на всей подвластной ему территории любые вероисповедания. Страна под правлением столь мудрого повелителя процветала. Сюда приезжали художники, поэты и музыканты, философы и ученые, слава об удивительном предводителе моголов достигала самых отдаленных стран.

Однако в каждой бочке меда имеется своя ложка дегтя: Акбар был бездетен. После многих лет супружества Акбар, не имевший наследника, впал в отчаяние и решил прибегнуть к совету мудрейшего из мудрейших – старца Селима. После мистических обрядов и обращения к высшим силам у Акбара вновь возродилась надежда, а через год, в 1569 году, жена наконец

подарила ему долгожданного наследника. Мальчика назвали Мухаммедом Селимом. В честь знаменательного события Акбар не стал мелочиться – вместо памятника или храма он возвел целый город, который назвал Фатехпур.

Селим рос копией своего просвещенного отца: увлекался поэзией и литературой, дни напролет проводя в дворцовой библиотеке, которая вмещала ни много ни мало двадцать тысяч томов – мудрость, накопленную веками! Однажды, когда тринадцатилетний Селим в размышлениях прогуливался по саду, он увидел прекрасную девушку. Как будто солнце и луна одновременно взошли в небе – так была ослепительна ее красота.

Красота без скромности и хорошего характера – лишь помеха в жизни, но девушка, которую звали Мехрунисой, дочь простого дворцового служителя, была умна, владела музыкальными инструментами, а отец, служивший самому Акбару и проникшийся его мудростью, постарался также привить дочери любовь к искусствам и наукам. В литературе, музыке, живописи и даже в математике эта юная девица разбиралась не хуже отпрысков из самых богатых семей.

Селим был совершенно очарован девушкой и, недолго думая, испросил у своего отца разрешения на брак. Однако мудрый правитель, сочтя такое решение поспешным, а неравный брак – обреченным на неудачу, решил разлучить влюбленных: он отослал служителя с семьей в другой город, насильно выдав девушку замуж за одного из своих придворных. Перед отъездом влюбленным все же удалось свидеться, и они поклялись друг другу в вечной любви…

Единственный сын так и не простил отцу обиды. Затаив ее в сердце, он мечтал о времени, когда сможет стать полновластным хозяином империи и вернуть любимую. Если бы мудрый Акбар понял, как сильно любили друг друга эти дети, возможно, он не стал бы мишенью для заговора собственного сына! Мятеж был подавлен, но великодушный Акбар простил Селима. Правитель был стар, утомлен властью и в 1602 году сам передал бразды правления империей Великих Моголов в руки сына.

Селим воцарился под именем правителя Джахангира, что в переводе означало «завоеватель мира». Поначалу он продолжал политику, начатую его отцом, и был терпим к различным верованиям. В жены же, как и его отец, Джахангир выбирал индусок, и одна из жен родила ему сына Хуррама. Однако сердце правителя тосковало: он не мог забыть ни юную Мехрунису, ни свою клятву любить ее вечно…

И однажды Джахангиру принесли новость: женщина, о которой он постоянно думал, овдовела. Тогда он приказал

привезти ее в свой дворец. Годы разлуки пошли той юной девочке, которую помнил великий император, только на пользу. Красота ее была в полном расцвете, и любовь вспыхнула в сердцах с новой силой. Спустя несколько месяцев Мехруниса стала женой Джахангира, приняв, как и было заведено для императриц, новое имя – ее стали звать Нур Джахан. Но сам Джахангир называл жену Мирза Гийяз Бег – «светоч мира».

Неподалеку от города Лахор для возлюбленной жены императора был выстроен великолепный дворец. Здесь императорская чета проводила большую часть времени, отсюда Джахангир отправлялся на охоту, а его жена, помня об их первом свидании, сажала вокруг прекрасные цветы. Вскоре дворец стал официальной летней резиденцией, а рядом с ним возник сад Шалимар Багх, что означает «сад любви», который был разбит по приказу императора для его несравненной Нур Джахан.

Джахангир был слишком счастлив и увлечен красотой окружающего мира. Он сочинял стихи, писал книгу воспоминаний и совсем забыл о том, что ему следует больше времени уделять управлению страной. Однако его жена восполнила этот промах и вскоре настолько вникла в дела государства, что стала управлять им не хуже, чем сам покойный Бабур!

Муж не чинил препятствий жене в ее увлечении государственными делами и вскоре пожаловал ей титул «Падишах Бегум». Нур Джахан мудро правила империей, принимала иностранных послов, купцов, издавала указы и законы. Влияние этой женщины возросло настолько, что в империи даже чеканили монету с ее именем!

Шло время, и Джахангир все больше увлекался не только книгами, но также вином и опиумом, которые уносили его в странствование по океану грез… Нур Джахан правила страной практически единолично, и это вызывало уважение одних и ненависть других. Среди ненавидящих умную красивую правительницу был и сын Джахангира – Хуррам. Точно так же, как его отец когда-то, он организовал заговор, и очень скоро Джахангир с женой оказались в темнице. Хуррам объявил себя наследником и единственным правителем Империи Моголов.

Джахангиру и Нур Джахан удалось бежать из тюрьмы, но сердце бывшего правителя не выдержало позора и унижения, и вскоре, в 1627 году, он умер. Жена горько оплакивала его и возвела в честь мужа прекрасный мавзолей – памятник их верности и любви, которая, в отличие от бренных тел, не умирает никогда…

Прошли века, прекратила существование империя Великих

Моголов, Индию завоевали англичане, затем страна получила независимость; а мавзолей, посвященный великой любви, все еще высится недалеко от Лахора как памятник неувядающим чувствам… Рядом, в небольшой гробнице, спит вечным сном и жена Джахангира – верная Нур Джахан.

София и Феликс Потоцкие

Что может быть прекраснее подарков любимым? Хочется подарить любимой если не всю землю, то хотя бы ее кусочек? Создать рай там, где до этого была пустыня? Вы скажете, что такое бывает только в сказках? О нет! Это случилось на самом деле. И это рукотворное чудо, созданное человеком, чья любовь к собственной жене пережила века, существует и поныне и называется Софиевским парком. Многие верят, что душа этой женщины все еще здесь…

Портрет Софии Потоцкой. Лампи Иоганн Баптист Старший

Кто же была та, которую любили столь пылко и страстно, горячо и необузданно, нежно и терпеливо? Кем была эта женщина, ради которой до сих пор журчат фонтаны, купают в воде свои ветви стыдливые ивы и гордо плывут по пруду лебеди – символ вечной и чистой любви?

Кем же все-таки была София Потоцкая, та, которую называли то Матой Хари своего времени, то украинской Анжеликой? Для того чтобы приоткрыть завесу тайны над личностью этой незаурядной женщины, придется совершить прогулку вглубь времен и заглянуть в прошлое. Итак, начнем…

Примерно в 1775 году на рабовладельческом рынке в Стамбуле изможденная, доведенная до крайней степени нужды женщина, вероятно гречанка, а может быть и турчанка, продавала двух очаровательных девушек тринадцати и пятнадцати лет, только-только начинавших расцветать редкостной, яркой

красотой – своих собственных дочерей.

Мать продает дочерей – что может быть ужаснее? Но когда умирает муж и сгорает дом, сначала сама мать идет на панель, чтобы хоть как-то прокормить семью, а затем ситуация становится совсем уж безвыходной. Занятие проституцией в стамбульском районе Перу, где расположены иностранные посольства, сначала дает ей и ее дочерям, которые сейчас испуганно жмутся друг к дружке, хоть какой-то кусок хлеба, но со временем заработок становится все скуднее и скуднее. Никто не хочет эту уже немолодую женщину с изборожденным преждевременными морщинами лицом и печальными глазами.

Девочкам несказанно повезло – они не попали в бордель, обслуживающий моряков, в котором женщины за пять лет кабалы становились старухами, и их не купил для своего гарема какой-нибудь сластолюбивый старик. В тот день на рабовладельческий рынок забрел польский посол Кароль Боскамп-Лясопольский, он и обратил внимание на незаурядное изящество юных красавиц. Он купил у матери обеих сестер, чтобы отправить их в Польшу – в подарок королю Станиславу-Августу.

Однако за те несколько недель, пока посол ждал попутного корабля, София так пленила его сердце, что он не только оставил ее в своем дворце, но и нанял ей учителей, в том числе и преподавателя французского языка. И буквально за считаные месяцы неотесанная крестьянская девочка превратилась в изысканную пани! Она сопровождает своего покровителя на приемах, прекрасно танцует, может поддержать светскую беседу.

Но вскоре король отзывает своего посла обратно в Польшу. Взять с собой в Варшаву Софию Лясопольский не может, поэтому он снимает ей апартаменты, а также кладет в банк на ее имя солидную сумму – это приданое на тот случай, если она надумает выйти замуж. Софию перспектива замужества не прельщает: здесь, в Турции, где женщина издавна считается существом низшего сорта, она больше жить не хочет. Она ведет активную переписку со своим покровителем, и тот убеждается: этой юной девушке со зрелым и острым умом место в Европе.

По пути в Варшаву София понимает: признание в том, что ее купили на невольничьем рынке как рабыню, не сделает ей чести. И она придумывает себе историю, а также богатых и знатных родителей греческого происхождения. Теперь она – наследница двух знатных греческих родов: Маврокордато и Челиче.

Однако до Польши девушка, сопровождаемая двумя опекунами, не доезжает. Остановившись в Каменец-Подольском, она соглашается быть гостьей в доме сорокалетнего коменданта города, майора Юзефа Витта. Тот не на шутку увлекается

красотой юной «гречанки», однако София, хорошо понимая цену девственности и не имея никакого опыта в любовных делах, на все предложения Витта отвечает гордым «нет!».

Ухаживания пылкого майора длились почти год, и в это время София активно занималась польским и французским, совершенствовала свои навыки в верховой езде, много читала. Витту не терпелось предъявить свои права на гостью, особенно после того, как он окольными путями узнал всю правду о ее происхождении. Противостояние обуянного страстью майора и бывшей невольницы закончилось тем, что в ответ на попытку овладеть ею насильно София выхватила нож и, уперев его в грудь Витта, заявила, что она расстанется с девственностью только после свадьбы! И случилось неслыханное: польский дворянин решил жениться на бывшей рабыне.

Молодые, несмотря на активное противостояние родителей Юзефа, с пышностью обвенчались в Зиньковецком костеле. То, что сын пошел против воли родителей, так действует на свекровь Софии, что вскоре та, не пережив удара, отдает Богу душу. Но молодожены в это время уже разъезжают по Европе – и, гордый тем, что на его красавицу жену не оборачивается только слепой, Витт придумывает ей новую родословную. Теперь София, ни много ни мало, принадлежит к роду византийских императоров!

Молодая женщина действительно держится с поистине королевской осанкой – и на приеме у короля Станислава-Августа, и на балу, где ее представляют самому королю Пруссии Фридриху II. Дальше – больше: вот она уже пьет кофе в обществе австрийского императора Иосифа II, ее общества ищут князья и графы, и вскоре в своей резиденции ее с почетом принимает французская королева Мария-Антуанетта!

Истина о том, что карьеру великих мужей делают их умные жены, подтверждается на примере супругов Витт: после рождения Софией наследника рода Виттов сам король Станислав приезжает поздравить счастливую чету. Юзефу же присваивают звание генерал-лейтенанта.

Но Каменец-Подольский вскоре становится мал для амбиций Софии. Ей тесно в стенах супружеского особняка, и она решает попробовать себя на дипломатическом поприще. Путешествуя из Вены в Стамбул, молодая женщина все чаще находится в обществе иностранных послов, а в Крыму ее представляют русской императрице. Неизвестно, какую миссию выполняла София для последней, но то, что Екатерина II пожаловала ей звание генерала русской армии и наградила дворцом в Белоруссии, говорит само за себя.

Несомненно, пани Витт обладала огромным

дипломатическим талантом – именно ей удалось примирить враждующие стороны возле местечка Хотын. Она попадает в штаб главнокомандующего русской армией – князя Григория Потемкина, и вскоре сама становится частью европейско-азиатской политической игры.

Известно, что в большой политике дела альковные зачастую так тесно переплетаются с делами государственными, что порой просто невозможно отделить одно от другого. София теперь именуется мадам де Витт, и по просьбе всесильного фаворита Екатерины Потемкина австрийский император присваивает ее мужу Юзефу графский титул. Витт становится графом Священной Римской империи, а его жена – постоянной спутницей Потемкина.

София имела удивительное политическое чутье и способность улаживать самые щекотливые дела. Дарования ее не остаются незамеченными, и щедрые подарки сыплются на графиню как из рога изобилия: земли в Симеизе и Мисхоре, Массандра, дача у Симферополя и дворец в Санкт-Петербурге… Из недостоверных источников известно, что София родила от Потемкина дочь, но о судьбе этого ребенка история умалчивает. Известно лишь то, что с очередного задания всесильного князя она к нему уже не вернулась.

Принятие в 1791 году Польшей Конституции идет вразрез с державными планами Российской империи, и Потемкин посылает Софию в Варшаву. Данное ей поручение, которое сегодня назвали бы шпионским, по тем временам было в порядке вещей: графиня Витт должна была соблазнить имевшего чрезвычайное влияние на политику графа Потоцкого и склонить его на сторону России.

Как и многие другие до него, Станислав-Феликс Потоцкий был пленен и очарован посланницей Екатерины: она виделась ему не столько дипломатом, сколько ангельским посланником и гласом небес. Потоцкий подписывает акт о конфедерации и тем самым губит не только свою собственную голову, но и предает родину… Зато прелестная графиня отныне принадлежит ему, и только ему одному. Он просто-напросто выкупает жену у Юзефа Витта!

Зная, что будущая жена – большая ценительница природы и всего прекрасного, еще задолго до венчания граф втайне от возлюбленной приказывает возвести в одном из своих имений парк. И в маленьком городке Софиевка Черкасской области буквально на голом месте, на бывшей пустоши, возникает прекрасный, вечный памятник любви – огромный парк в пейзажном стиле, с водоемами, греческими скульптурами, редкими породами деревьев и растений.

На строительство этого чуда ландшафтной архитектуры было

потрачено около пятнадцати миллионов злотых, а помимо титулованных архитекторов над созданием парка трудилось восемьсот крепостных. Были выкопаны пруды, созданы искусственные ручьи и гроты и даже воссоздана мифическая подземная река Стикс, протекающая в мрачном царстве Аида! Говорят, графиня любила кататься по Стиксу на лодке, причем двигалась она всегда в одном направлении – от смерти к жизни.

София до глубины души была тронута подарком возлюбленного. Даже алмазы рассыпаются в прах в огне пожаров и переходят из одних алчных рук в другие. Но Софиевский парк и спустя столетия поражает своим размахом и красотой. Сюда едут туристы, здесь гуляют влюбленные, здесь, по преданию, по аллеям все еще бродит душа самой Софии, потому что оставить это место вечной любви просто невозможно…

Франсиско Гойя и Каэтана Альба

Великий живописец Франсиско Гойя и загадочная герцогиня Альба… Воистину, эти две незаурядные личности, две звезды Испании не могли не встретиться! Их судьбы переплелись так же тесно, как когда-то переплетались их объятия. А история их любви то шокировала католическую Испанию, то заставляла рукоплескать им обоим: ему, гению, автору не только парадных портретов монархов, но и знаменитых «Капричос» – офортов, выставивших саму королеву в смешном и неприглядном свете; и ей – аристократке, чей род превосходил своей знатностью и древностью даже королевский, женщине, чья смелость и безрассудство граничили с безумием.

Портрет Марии Терезы Каэтана де Сильва, герцогини Альба. Франсиско Гойя

Франсиско Хосе де Гойя-и-Лусьентес родился 30 марта 1746 года в деревенском доме близ Сарагосы. Отец крепкого, сразу же закричавшего громким басом мальчишки был позолотчиком, а мать происходила из дворянского, но обедневшего рода. Ни математика, ни иные науки не интересовали молчаливого мальчугана, и даже читать он научился с трудом, но зато в рисовании ему не было равных. И, когда юноше исполнилось семнадцать, отец отправил его в Мадрид – учиться живописи.

Всю жизнь Франсиско сжигали две страсти: любовь к женщинам и огромное желание создать в живописи нечто такое, чего до него не делал никто. Он мог не отходить от мольберта целыми днями и точно так же был неутомим в постели. Его любовницами становились простолюдинки и аристократки, проститутки и даже монашенки… Любовная история, связанная с похищением девушки из монастыря, вынудила Гойю бежать на три года в Италию. Впрочем, пребывание в стране, которая считалась колыбелью искусств, пошло молодому Франсиско только на пользу.

Вернувшись на родину, Гойя повстречал своего старого друга, Франсиско Байеу, и познакомился с его сестрой, Хосефой. Конечно же, девушка не устояла под страстным натиском друга своего брата, но… интрижка закончилась беременностью, и Гойе пришлось остепениться. Он женился и зажил в Мадриде своим домом.

Женитьба вовсе не означала, что бледнокожая золотоволосая Хосефа отныне будет единственной женщиной в его жизни, однако таинственная болезнь, которая свалила живописца с ног в 1792 году и надолго уложила в постель, оказалась сильнее влечения к женщинам. Гойе пришлось на время умерить свой темперамент, и, если бы не его изначально крепкое здоровье, возможно, он не пережил бы страшных приступов, скручивавших его тело и даже приведших к временному параличу.

Некоторые исследователи жизни Гойи предполагают, что болезнь, в результате которой живописец почти оглох и последствием которой стали преследовавшие его всю жизнь видения, могла быть сифилисом. После выздоровления характер художника, и до того не кроткий, претерпел страшные изменения: до конца жизни Гойю будут изнурять истерики, мания преследования, панические страхи, депрессии и стремление к одиночеству…

Перенесенная болезнь сказалась на слухе, после нее долго восстанавливалось зрение, но тяга Гойи к женщинам только усилилась. Он проводил ночи напролет в объятиях красавиц ровно до того момента, когда в его жизнь властно вошла Она – двадцатидвухлетняя Мария дель Пилар Тереса Каэтана де Сильва и Альварес де Толедо – тринадцатая герцогиня Альба, надменная аристократка кровей настолько голубых, что это могло смутить любого, но только не Гойю!

Каэтана Альба вышла замуж в двенадцать лет. Ее мужем стал пятнадцатилетний герцог Медина-Сидония. Династический брак сделал супругов скорее друзьями, чем настоящими любовниками, сжигаемыми постоянной страстью, и что такое любовь, Каэтане

довелось узнать только в объятиях Франсиско.

Красавица покорила сердце художника с первого взгляда, и на все семь лет их связи другие женщины для Гойи перестали существовать. Первая встреча будущих любовников произошла в мастерской художника. К тому времени Гойя уже прославился как непревзойденный мастер портрета, и Каэтану привело к нему любопытство. Она желала своими глазами видеть «непревзойденного Гойю». После того как дверь за чернокудрой красавицей захлопнулась, Гойя воскликнул: «О, теперь наконец я знаю, что значит жить!»

Каэтана Альба не слыла образцом благопристойности – в высшем обществе любили посудачить о скандальных романах герцогини. Муж смотрел на увлечения жены сквозь пальцы: у каждого из них были собственные друзья и жизнь. Более того, покровительствуя талантливому художнику, герцог Медина обустроил в своем мадридском дворце студию для Гойи.

Любовные безумства художника и герцогини сказались не только на их личной жизни, но и на творчестве Гойи. Он действительно сделал то, что строжайше запрещалось делать в католической Испании, под самым носом у инквизиции, а именно: написал несколько картин с обнаженными женскими телами.

И хотя споры о том, кто послужил натурой для «Махи обнаженной» и «Венеры перед зеркалом», продолжаются до сих пор, современники утверждали, что на обоих полотнах изображена она – его муза, герцогиня Альба. Художник намеренно немного исказил ее черты, чтобы не вызвать скандала вокруг имени любимой. Однако, положа руку на сердце, можно утверждать: Каэтана Альба не боялась никого и ничего. Ни слухов, ни инквизиции, ни монаршего гнева. Все годы, пока продолжался их с Франсиско бурный роман, для нее существовал только один человек и его прихоти – великий Гойя.

Махами в Испании называли девиц свободного поведения, независимых и насмешливых, частенько торгующих своими телами. Во время романа с Каэтаной Гойя написал две знаменитые картины: «Маха одетая» и «Маха обнаженная». Несмотря на свое более чем высокое положение и титул, Каэтана могла поплатиться жизнью, обнаружь инквизиция у нее в поместье картины с обнаженной натурой.

Однажды на одном из таких портретов, где Гойя написал ее совершенно нагой, Каэтана начертала своей рукой: «Хранить такое – просто безумие. Впрочем, каждому – свое…» Но чем, как не безумием, был их роман? В конце концов они и получили каждый свое: Гойя обессмертил свое имя, а имя герцогини

Каэтаны Альбы осталось в веках лишь потому, что она была рядом с ним.

После того как в возрасте сорока лет внезапно умер муж Каэтаны, герцог Медина, в обществе заговорили о том, что герцогиня отравила его. Однако кому и зачем это было нужно? Супруги давно не жили под одной крышей, и даже детей у них не было. На время годичного траура герцогиня уехала в свое родовое поместье. Сопровождал ее все тот же Франсиско Гойя.

Больше года пара провела в уединении, но, вернувшись в Мадрид, герцогиня променяла объятия мрачного неразговорчивого живописца на утехи с другим кавалером, более знатным и молодым. Гойя стойко перенес удар, однако в его творчестве появились новые мотивы: он то изображал Каэтану в образе ведьмы, то делал ее неразборчивой шлюхой, а то и деревенской дурочкой…

В конце концов Каэтана поняла, что потеряла, и вернулась к нему. К тому времени Гойя был не только знаменит, но и богат. У него был титул придворного живописца, и сильные мира сего выстраивались в очередь за портретами, написанными его талантливой кистью.

Умерла Каэтана неожиданно. Летом 1802 года в своем мадридском дворце Буэна Виста герцогиня давала пышный прием в честь помолвки племянницы. Съехалось множество гостей, а сама хозяйка дома была как-то уж слишком возбуждена. После ужина она устроила небольшую экскурсию для желающих: провела гостей по мастерской Гойи. Показывая неоконченные полотна, она беспрерывно болтала, нервно потирала руки, а на ее щеках горел лихорадочный румянец… Гости недоуменно переглядывались, а герцогиня все говорила, говорила… Она показывала краски художника и поясняла, что некоторые из них сделаны из таких ядовитых веществ, что достаточно буквально одной капли, чтобы убить человека!

Утром Каэтану нашли мертвой в постели. Ей было сорок лет; в том же возрасте умер и ее муж. Смерть герцогини была столь неожиданной, что родственники потребовали провести расследование. В отравлении обвиняли даже ее лечащего врача, но признаков того, что он был причастен к этому, так и не нашли. Подозревали многих: и любовника, которого бросила Альба, и слуг, и даже саму королеву Марию-Луизу, которая всю жизнь считала высокомерную герцогиню своей соперницей и открыто ненавидела ее.

Только Гойя понимал, что произошло… Каэтана, не имевшая детей и завещавшая его сыну Хавьеру изрядную сумму, добровольно ушла из жизни. Она не хотела стареть; не хотела,

чтобы любимый видел на ее лице морщины, замечал, как ее черные кудри пронизывает седина… Она хотела навсегда остаться в его памяти той самой Махой, чьи безупречные формы вызывали в нем то безумную страсть, то безграничную нежность… Что ж, эта женщина была по-своему права… Каждому – свое.

Сальвадор Дали и Гала

Об истории любви великого испанского художника-сюрреалиста Сальвадора Дали и его жены Елены Дьяконовой, больше известной под именем Гала, можно написать не один захватывающий роман. Однако в рамках этой книги попробуем рассказать ее кратко.

Сальвадор Дали

Елену Дьяконову никто не назвал бы писаной красавицей, однако было в этой женщине нечто такое, что заставляло бросаться к ее ногам художников, поэтов и вообще людей того круга, который принято называть богемой.

Родилась Леночка в Казани в 1894 году. Рано овдовев, мать девочки вскоре снова вышла замуж, и вся семья переехала в Москву. Здесь Лена Дьяконова училась в одной гимназии с сестрой будущей прославленной русской поэтессы Марины Цветаевой, Анастасией. Сама Анастасия также не чуждалась литературного поприща; вот составленный ею словесный портрет Галы той поры: «В полупустой классной комнате на парте сидит тоненькая длинноногая девочка в коротком платье. Это Елена Дьяконова. Узкое лицо, русая коса с завитком на конце. Необычные глаза: карие, узкие, чуть по-китайски поставленные. Темные густые ресницы такой длины, что на них, как утверждали потом подруги, можно рядом положить две спички. В лице

упрямство и та степень застенчивости, которая делает движения резкими».

Болезненная хрупкость Леночки Дьяконовой, похожей на маленькую певчую птичку, происходила от слабых легких. В 1912 году ее отправили лечиться в Швейцарию – тогдашнюю Мекку туберкулезных больных. Именно там, в санатории «Клавадель», «русская птичка» и знакомится со своим первым любовником – молодым французским поэтом Эженом-Эмилем-Полем Гренделем.

Больные легкие были только у Елены, а вот Поля его отец, богатый торговец недвижимостью, отправил в швейцарские Альпы, для того чтобы сын излечился от… поэзии! О, то была тяжкая болезнь, совершенно несовместимая с представлениями Гренделя-старшего о приличной жизни! К сожалению богатого папаши, альпийский воздух подействовал на Поля чудотворным, но самым непредсказуемым образом: сын не только не выздоровел, но стал самым настоящим поэтом, прославившимся под псевдонимом Поль Элюар.

Леночка распрощалась со своей болезнью навсегда, но подцепила другую, не менее опасную хворь – она влюбилась. Любовь оказалась взаимной. Поль души не чаял в новой подружке. Именно в то время она и обрела свое второе имя – Гала, с ударением на последнем слоге. По-французски Гала значило «оживленная, веселая» – и так оно и было. У Галы был легкий характер, и влюбленным было хорошо вместе. Настолько хорошо, что они решили завершить свою связь браком. Но прежде жениху и невесте пришлось расстаться – Поль уехал во Францию, а Гала вернулась в Россию. Письма, полные признаний в любви и той замечательной легкости, которая так хорошо характеризовала наступивший век автомобилей, отказа от корсетов и длинных платьев, а заодно и от надоевшей миру мещанской морали, неслись от страны к стране стремительно, как почтовые голуби.

«Мой дорогой возлюбленный, душенька моя, мой дорогой мальчик! – писала Элюару Гала. – Мне не хватает тебя, как чего-то незаменимого». Она, которая была всего лишь немного старше, обращалась к Полю как к маленькому мальчику. В ней всегда было сильно именно материнское начало, стремление оберегать, наставлять, держать за руку… быть прежде всего матерью, а уж потом – любовницей.

В 1916 году Гала, не выдержав более разлуки, отправилась в Париж. Ей было уже двадцать два, но жених до сих пор не надел ей обручальное кольцо. Впрочем, у него были на то серьезные причины: Поль служил в армии. Русская девушка с по-французски звучавшим именем добилась своего – свадьба все-таки состоялась.

В начале февраля 1917-го влюбленные обвенчались.

Поль Элюар превратил скромную русскую девицу, сидевшую у окна с книгами Толстого и Достоевского, в настоящую женщину-вамп, разбивательницу сердец и музу, роковую, знающую себе цену дочь парижской богемы.

Несмотря на то что через год у пары родилась дочь Сесиль, обожаемая обоими родителями, Элюар и Гала в конце концов расстались. Возможно, дело было в том, что, несмотря на всю поэтичность натуры, Поль требовал от своей жены вести домашнее хозяйство? Сама же Гала без обиняков признавалась: «Я никогда не буду просто домохозяйкой. Я буду много читать, очень много. Я буду делать все, что захочу, но при этом сохранять привлекательность женщины, которая себя не переутруждает. Я буду, как кокотка, сиять, пахнуть духами и всегда иметь ухоженные руки с наманикюренными ногтями!»

Полю не сиделось на месте, а постоянные переезды утомляли жену. Гала желала быть равнозначной единицей, а не просто музой и супругой поэта. В довершение всего Поль приобрел привычку показывать всем и каждому снимки обнаженной жены. Результаты не заставили себя ждать: Галу стали считать доступной, а то, что поэты, как и художники, смотрят на мир совершенно другими глазами, обыватели просто сбрасывали со счетов.

Поль и Гала постоянно ссорились и бурно выясняли отношения, частенько вынося свои скандалы на люди. И если Элюар находил утешение и разрядку в стихах, то его жене для этого вскоре потребовалось дружеское плечо. Образовался любовный треугольник: Поль Элюар – Гала – художник Макс Эрнст. Свободная любовь тогда была в моде, и Гала не чувствовала себя виноватой. Более того, она уже ощутила на своих губах привкус той вольной жизни, к которой всегда стремилась.

Летом 1935 года Элюар с женой, которой уже исполнилось тридцать пять, и одиннадцатилетней дочерью отправились на отдых в Испанию, в небольшую деревушку Кадакес. Там их с нетерпением ожидал молодой испанский художник Сальвадор Дали, с которым Поль познакомился в парижском ночном клубе. Семья ехала в испанскую глушь отдохнуть от шума столицы, и всю дорогу Поль с восторгом рассказывал жене о ломающем классические каноны живописи творчестве молодого испанца, о его эпатажном фильме «Андалузский пес», о странностях характера и красоте… Гала, утомленная поездкой, слушала вполуха. Позже она в разговоре с друзьями заметила: «Он не переставал восхищаться своим милым Сальвадором, словно

нарочно толкал меня в его объятия, хотя я его даже не видела!»

Молодой и действительно чрезвычайно талантливый испанец, которому на тот момент исполнилось всего двадцать пять, волновался перед встречей с поэтом, а особенно – с той самой знаменитой Галой. Он был настолько наслышан о ней, что решил предстать перед незнакомкой, прибывшей из Парижа, в самом экстравагантном виде. Сальвадор выбрил подмышки и выкрасил их в синий цвет, а свою шелковую рубашку распустил на длинные полосы. Чтобы поразить не только зрение, но и обоняние, он натер тело смесью рыбьего клея, лаванды и козьего помета. За ухо герой дня воткнул красную герань, цветы которой в изобилии росли возле его маленького домика, и, с удовлетворением посмотревшись в зеркало, уже собирался выйти к гостям. Нечего и говорить, что эффект от такого появления превзошел бы все ожидания!

Однако, выглянув в окно, он внезапно заметил Галу. Элегантная парижанка показалась ему верхом совершенства: лицо ее было словно выточено резцом скульптора, а худощавое тело было не телом взрослой женщины – оно принадлежало молодой девушке… Не зря Элюар писал ему о ягодицах своей жены: «Они удобно лежат у меня в руках!» Посмотрев на собственные руки, выпачканные козьим пометом, Дали ринулся в ванную. Смыть рыбий клей, а особенно синюю краску, оказалось делом нелегким, но зато теперь он мог выйти к гостям с чистыми и блестящими волосами – и с бурей в душе…

Едва взяв в свои руки узкую прохладную ладонь Галы, Дали понял, что вот она – единственная любовь всей его жизни, женщина, которую он искал и которой могло не существовать вовсе… Однако же она существовала: дышала, улыбалась и смотрела на него во все глаза. Потому что от потрясения на Сальвадора напал приступ истерического хохота!

Гала сразу поняла, что Дали не просто талантлив – он гениален. Рядом с этим гигантом, который, когда его исключили из группы сюрреалистов, заявил: «Сюрреализм – это я!», ее собственный муж казался просто мальчишкой, а не видавшим виды парижанином, известным поэтом… Любовь сразила наповал не только Сальвадора – она прострелила навылет их обоих. И поэтому Елена-Гала почти сразу и безоговорочно покинула Поля. Любовная лихорадка, которой она заболела, была так сильна, что она оставила не только супруга, но даже дочь!

Элюару, который явно был лишним здесь, где эти двое – его бывший друг и его уже бывшая жена – не сводили друг с друга глаз, оставалось только собрать чемоданы и уехать. Дали отнюдь не был монстром, которым он так часто любил себя выставлять и

которым его нередко рисуют биографы, он также не был лишен понятий о чести, достоинстве и дружбе. Может быть, поэтому на прощание он подарил Элюару его собственный портрет? Сам Дали скажет об этом так: «Я чувствовал, что на меня возложена обязанность запечатлеть лик поэта, с Олимпа которого я похитил одну из муз».

Несмотря на внешний эпатаж, Гала наверняка чувствовала себя неловко перед бывшим мужем и перед дочерью, которая уж никак не могла стать для нее «бывшей». Поэтому обвенчались они с Сальвадором лишь после смерти Элюара, через двадцать девять лет после своей первой встречи. До этого Гала и Сальвадор, хоть и зарегистрировали светский брак, вели достаточно вольный образ жизни. Вернее, вела богемную жизнь лишь Гала, которую второй муж к этому даже поощрял. У нее не переводились любовники, как правило, намного моложе ее – словом, это был странный брак во всех отношениях. Но на самом деле это был даже и не брак – это был творческий союз!

Им было хорошо вместе – и в постели, и вне ее. Как ни странно, в быту эти, такие непохожие во всем люди, также оказались гармоничной парой. Гала стала для непрактичного Дали всем: матерью, нянькой, секретарем, психоаналитиком… Странности Дали проявлялись не только в живописи или экстравагантных выходках – он действительно не переносил и боялся многого: ездить в лифтах, присутствия детей, животных, особенно различных насекомых. Кузнечики и замкнутые пространства вызывали у него приступы паники.

Дали был великим художником, но не слишком удачливым коммерсантом. Именно Гала уговорила его писать более понятные для зрителя картины, она искала для них покупателей и внимательно просматривала договоры, прежде чем ее муж ставил на них свою подпись. Сама Гала вспоминала об этом так: «Утром Сальвадор совершает ошибки, а во второй половине дня я их исправляю, разрывая легкомысленно подписанные им договоры».

Позже, когда имя Дали уже гремело, Гала станет еще и талантливым менеджером при муже, превратит его имя в ходовой товар. Когда стопорилась продажа картин, она заставляла мужа сниматься в рекламе, придумывать логотипы компаний, оформлять витрины магазинов, заниматься дизайном бытовых вещей, таких как пепельницы или чашки. Некоторые говорят, что Гала давила на Дали, но, возможно, она, постоянно предлагая мужу заниматься все новыми видами творчества, вынуждала его расти.

Эта звездная пара очень любила сниматься. Сохранился

огромный фотоархив портретов Дали с женой. Они жили на редкость дружно, несмотря на то что у Галы постоянно были любовники. Однако, заключая брак, они оговорили и эту деталь. Жене гения не возбранялось иметь свою личную жизнь, – а она всегда была охоча до плотских утех. И если в молодые годы она брала у любовников что-либо на память: украшения, картины, книги, то, постарев, уже сама приплачивала им…

В 1964 году жене Дали исполнилось семьдесят, она уже носила парик и подумывала о пластической операции – потому что в этом возрасте ей хотелось любви как никогда! Гала пыталась соблазнить буквально каждого, кто появлялся на ее пути. «Сальвадору все равно, у каждого из нас – своя жизнь», – убеждала она друзей мужа или же его поклонников, затаскивая их в постель.

Среди многочисленных любовников Галы оказался и Джефф Фенхольт – исполнитель одной из главных ролей в рок-опере «Иисус Христос – суперзвезда». Эта связь разбила брак певца, и жена, только что родившая ребенка, ушла от него. Должно быть, Гала чувствовала себя виноватой: она подарила певцу роскошный дом на Лонг-Айленде и в дальнейшем помогала ему продвинуться. Это была последняя громкая связь Галы – дальше пошли годы, омраченные старческими болезнями, дряхлостью, неминуемым распадом организма…

Умерла муза великого художника в возрасте восьмидесяти восьми лет. Сам Дали не пошел на ее похороны, не он озаботился памятником для любимой, потому что настоящим монументом истории их любви и творческого союза остались его многочисленные полотна, где чаще других встречались ее лицо и тело.

Марина Ладынина и Иван Пырьев

Об этой трагической истории любви актрисы и режиссера до сих пор ходят легенды. Многое в этой истории покрыто мраком, о многом еще только предстоит узнать, но я расскажу вам то, о чем не умалчивали ни сама актриса, ни ее подруги, тем более не желали молчать об этом недоброжелатели.

Никто, хоть однажды увидевший на экране эту женщину с сияющими счастьем глазами, не мог ее забыть. О жизни и незабываемом творчестве Марины Ладыниной недавно был снят весьма качественный фильм, однако то, что эта очаровательная, наделенная яркой, броской красотой женщина была несчастлива в личной жизни, многие предпочитают умолчать. В самом деле, зачем портить образ счастливой советской звезды, снявшейся в таких культовых фильмах тех времен, как «Трактористы», «Кубанские казаки», «Свинарка и пастух», «В шесть часов вечера после войны»?

Актриса появилась на свет в российской глубинке, сибирском селе с неблагозвучным названием Скотинино. Сама Марина, существо трепетное и нежное, очень стеснялась названия своей малой родины и в автобиографии предпочитала писать, что родилась в Назарове – месте, куда ее семья переехала вскоре после ее рождения.

Глядя на эту изящную, исполненную шарма женщину, трудно поверить, что она выросла в крестьянской семье, где отец имел всего три класса образования, мать же и вовсе была неграмотной. Однако и сама Марина, и ее родители от природы обладали артистическими талантами, грацией и безудержным оптимизмом. Эта вера – что все в жизни будет хорошо – не раз выручала семью в трудные моменты.

У Марины был потрясающий характер – так вспоминали актрису современники. Да и кроме характера у Ладыниной за душой было многое: несмотря ни на какие трудности, она упорно шла вперед. С успехом окончила школу, запоем читала все книги, которые только можно было достать в сибирском селе, а затем артистично пересказывала их семье и друзьям. Бегала на репетиции в школьный театр, где была не на первых ролях, как могут подумать многие, глядя на колоритную внешность Марины, а… просто суфлером.

Ладынина стала школьной учительницей, но ей всегда хотелось чего-то большего. И двадцатипятилетняя молодая женщина решается ехать поступать в ГИТИС – Государственный институт театрального искусства. Разумеется, она поступила с

блеском, потому что приемная комиссия сразу же разглядела в будущей звезде советского экрана все: и потрясающую сценичность, и пластику, и задорный блеск в глазах, и еще ту внутреннюю свободу, без которой невозможен ни один великий артист.

Первым мужем будущей актрисы стал сокурсник Иван Любезнов. Брак вскоре распался, но вот друзьями Марина с Иваном остались на всю жизнь. Марина была красива, одинока, талантлива и словно ждала чего-то… Какого-то главного события в своей жизни. И оно с ней случилось.

Однажды, когда молодая актриса с подругой выходили из Дома кино, к ним подошел приятель подруги. Ожидая автобуса, троица мило болтала, и подруга пригласила Марину и приятеля в гости. Подошел автобус, мужчина галантно пропустил дам вперед, и… перед самым его носом дверь общественного транспорта захлопнулась, растерянные девушки остались внутри, а он – на остановке. «Не судьба», – вздохнул режиссер Иван Пырьев. Однако через несколько метров автобус остановился и вновь распахнул двери. «Судьба!» – воскликнул тот, кто станет для Марины на долгие годы всем: любимым и авторитетом, самым лучшим человеком на свете и тем, в чьих фильмах она станет узнаваемой и имя ее прогремит на всю страну.

В завершение вечера Пырьев пошел провожать Марину до общежития. Всю дорогу к дому, где жила Марина, они говорили и не могли наговориться. Когда же пришло время прощаться, Пырьев признался, что влюбился в девушку с первого взгляда. И тут же, на крыльце, сделал ей предложение. При этом режиссер даже не упомянул о том, что на тот момент уже был женат – на актрисе Аде Войцик, с которой воспитывал сына Эрика! Супруги жили и работали вместе, и Пырьев часто снимал жену в своих фильмах.

Со стороны дело выглядело так, будто Ладынина разбила дружную семью: Пырьев метался между Мариной и Адой, а к семейным неурядицам добавились еще и профессиональные. После выхода фильма «Партийный билет», не понравившегося именно партийным чиновникам, режиссера уволили с «Мосфильма». Жена помогала ему держаться, но и ее душевные силы были на исходе. Пырьев все никак не мог решиться уйти из семьи, на это не повлияло даже то, что Ладынина забеременела.

И если Аде Войцик было тяжело – при том, что Пырьев не спешил разводиться и все-таки жил дома, то что тогда говорить о Марине! В январе 1938 года она родила сына, которого назвала Андреем. Ребенка она, гордая женщина, записала как Ладынина. Позднее, когда она уже выйдет за Пырьева замуж, он предложит

дать сыну свою фамилию, но получит отказ. Это как нельзя более наглядно продемонстрирует, как переживала Ладынина свое тогдашнее положение.

Две женщины – и один мужчина. Аде также нелегко давались сложные отношения в создавшемся любовном треугольнике, она даже пыталась покончить с собой. Как-то, не выдержав, она скажет Марине пророческие слова: «Погоди, он еще и тебя бросит ради другой!» Но Марине казалось, что судьба, которая зачем-то свела их тогда, на автобусной остановке, будет к ним благосклонна…

Страшные годы перед войной, когда по ночам за людьми приезжали «черные воронки» и они исчезали бесследно… В столице закрывались театры, работы не хватало. Ладынина также стала безработной, но в ней, такой хрупкой с виду, сильна была родительская крестьянская закваска. Она не боялась даже черной работы и стала брать на дом стирать белье, целыми днями стоя у корыта с мыльной водой, играла в домашних спектаклях в семьях высокопоставленных чиновников. Она работала не покладая рук – и надеялась. На лучшие времена, на то, что Пырьев найдет работу и не бросит ее с маленьким ребенком…

В конце концов Пырьеву предложили снимать в Киеве. Он уехал туда, а вскоре за ним отправилась и Марина. Ради работы в неизвестном фильме она бросила жилье в столице, а также надежду на то, что ее возьмут на роль в «Трех сестрах». Но больше всего, разумеется, ей хотелось быть рядом с любимым.

Фильм «Богатая невеста» с Ладыниной в главной роли был снят – и тут же запрещен к показу! Руководство посчитало, что фильм оскорбляет лучшие чувства украинского народа. Однако весной 1938 года в Кинокомитете сменилось начальство и фильм одобрили. Мало того, от новой комедии был в восторге сам Иосиф Сталин, и после такой лестной рекомендации фильм вышел на большие экраны, а актриса и режиссер приобрели огромную популярность.

После этого Пырьев снимал Марину, с которой наконец оформил официальный брак, во всех своих картинах. Друг за другом быстро следовали такие хиты тех лет, как «Трактористы», «Кубанские казаки», «Свинарка и пастух», «В шесть часов вечера после войны». Все эти фильмы сразу же становились популярны и вошли в золотой фонд советского кинематографа.

Фильмы Пырьева хвалили, даже несмотря на то, что они часто показывали действительность такой, какой она никогда не была: в «Кубанских казаках» царит небывалое изобилие – и это в то время, когда люди буквально голодали! Но стране были нужны свои герои и была просто необходима эта приукрашенная

действительность – для того чтобы выжить, чтобы верить если не в светлое, то хоть в какое-то будущее…

Ладынина и Пырьев были в расцвете славы: за вклад в кинематографическое искусство они получили шесть Сталинских премий, им покровительствовал сам всесильный вождь.

Ладынина снималась в «пырьевских фантасмагориях» и потому, что любила, и потому, что бесконечно уважала и боготворила мужа, который все поднимался по карьерной лестнице. Пырьев занял пост директора «Мосфильма», создал Союз кинематографистов. Марина же предпочитала оставаться в тени великого мужа. А ведь эта великолепная актриса могла стать примой во МХАТе, в труппу которого ее звали еще до знакомства с Пырьевым. Она была отмечена самим Станиславским как «чрезвычайно одаренная»!

Сама Ладынина скажет: «Я стала сельскохозяйственной актрисой». Но ведь именно такой ее и запомнили обожающие зрители – простой и женственной, близкой каждому! Казалось, ее героинь можно встретить повсюду: в поле и в цветнике возле дома, на ферме, на степной дороге…

Несмотря на «сельскохозяйственный» репертуар, Ладынина оставалась настоящей леди: остроумной, выдержанной, образованной. К замечательным качествам ее характера можно также прибавить то, что, в отличие от мужа, она никогда не «прогибалась» под властью, всегда сохраняла лицо. В быту была скромной, хотя и жила в элитном доме на Котельнической набережной. Да и наряды звезды кинематографа среди тех, кто причислял себя к элите кино и частенько стремился к показной роскоши, всегда отличались благородной простотой. У нее была бездна вкуса, а появление ее где бы то ни было – на сцене или в обыденной жизни – всегда производило на людей незабываемое, «солнечное» впечатление.

Звездная пара прожила вместе около двадцати лет, а затем сбылось пророчество Войцик – немолодой уже Пырьев снова влюбился как мальчишка. Сюжет повторился: режиссер бросил жену и сына и ушел к молоденькой актрисе Людмиле Марченко. Ладынина бесконечно страдала и, по словам современников, так и не смогла простить бывшего мужа. Однако, несмотря ни на что, энергетическая связь между супругами не обрывалась никогда: однажды во сне Марина увидела, что муж тянет к ней руки и просит о помощи… Тем страшным утром 1968 года она узнала, что Иван Пырьев умер.

Позже она скажет, что из всей своей жизни помнит только те годы, которые они провели вместе, локоть к локтю, бок о бок… Сын Ладыниной также станет режиссером, а сама она лишь

немного не дотянет до своего 95-летнего юбилея. И когда на вручении в 1997 году премии «Ника» за честь и достоинство ее прямо в кресле подняли на сцену, весь зал Дома кино встал. Актеры и все пришедшие в тот день сюда чествовали эту маленькую женщину со светлой душой, ту, которую и сегодня можно увидеть на экране, ведь искусство, в отличие от людей, не умирает…

На могиле Марины Ладыниной на Новодевичьем кладбище стоит скромный памятник, но настоящий памятник этой потрясающей актрисе – фильмы, в которых она снималась. Они живут и по сей день.

Марина Влади и Владимир Высоцкий

Роман французской актрисы и советского барда для многих олицетворял тот самый глоток свободы, к которому стремился каждый человек, зажатый в тиски советского строя. Даже железный занавес, отгораживавший СССР от остального мира, не мог противостоять этим сердцам, которые соединились вопреки всему! Кто и что могли удержать Высоцкого – человека, ставшего легендой еще при жизни, для которого не существовало барьеров и ограничений, границ и тех рубежей, которые нельзя было преодолеть? Он всю жизнь разрушал поставленные как снаружи, так и внутри себя препоны – шел вперед, порой оставляя на терниях жизни клочья кровоточащей ткани сердца…

Владимир Высоцкий и Марина Влади

Устоять против обаяния харизматической личности Владимира Высоцкого не смогла бы, наверное, ни одна женщина. Это был гениальный поэт, песни которого находили отклик в душе каждого. А каким Высоцкий был актером! На его счету – роли в театре и кино, песни к кинофильмам и сольные концерты. Именно там, на сцене, и увидела его впервые Марина Влади.

Он играл роль Хлопуши в спектакле «Пугачев». Играя, Высоцкий полностью перевоплощался. Закованный в цепи, он

рычал, выл, рвался и кричал со сцены слова монолога своим хриплым голосом, от которого по коже бежали мурашки… Глядя на его Хлопушу, невозможно было сдержать слез. Влади сидела потрясенная – она пришла на спектакль специально посмотреть на этого актера, потому что слухи о нем докатились до Парижа. Увиденное невозможно было сравнить ни с чем. И, уходя, она все еще слышала этот потрясающий голос, который как будто окликал, звал именно ее…

До Высоцкого Влади дважды побывала замужем. Первым мужем этой золотоволосой красавицы был не кто иной, как сам Робер Оссейн, блестяще воплотивший на экране образ возлюбленного Анжелики – графа Жоффрея де Пейрака, вторым – пилот и владелец авиакомпании Жан-Клод Бруйе. Сама Влади имела русские корни, настоящее имя актрисы – Екатерина Марина Владимировна Полякова-Байдарова.

Марина была дочерью русских эмигрантов, отец ее был актером, а мать – балериной. Именно в честь отца она и взяла псевдоним Влади. Интересно, что первой ее работой в кино стала роль в фильме по повести Куприна «Колдунья». Увидев на экране актрису, которой на тот момент было всего 17 лет, зрители сразу поняли: на кинонебосклоне взошла новая звезда. Видел этот фильм и Высоцкий. Влади сразу зацепила его, но она была так же недоступна и далека, как звезда на небе.

Каково же было удивление их обоих, когда после спектакля они увидели друг друга! Неизвестно, какими путями ведет людей судьба и кто пригласил Влади в ресторан, где театральный люд праздновал премьеру. Влади села за столик, кто-то налил ей вина, потом спросили ее мнение о спектакле. Она прекрасно говорила по-русски, что сразу расположило к ней собеседников. И внезапно она увидела Его – того самого актера, который так поразил ее в зале!

В жизни он оказался куда ниже ростом, чем выглядел на сцене, и был совсем не красавцем, как ее бывшие мужья: и актер Оссейн, и летчик Бруйе. У Высоцкого было усталое лицо, но глаза его блестели жизнью, которая всегда била в нем через край. Он сел рядом и весь вечер не сводил с нее глаз. А потом признался, что «Колдунья», виденная им когда-то, потрясла его… Он влюбился в Марину и любит до сих пор…

Избалованная вниманием тридцатилетняя французская актриса поначалу не приняла его слов всерьез – в ее жизни было немало вот таких признаний в любви, за бокалом вина… Однако Высоцкий настаивал на встречах и даже заявил, что несмотря ни на что добьется ее руки!

Вскоре Влади уехала обратно в Париж, но воспоминания об

этом странном русском все еще будоражили ее, она как будто потеряла себя… Часть ее осталась в России, там, где люди так плохо и порой неряшливо одеты, где в гостинице может не быть горячей воды и где существует такое странное понятие, как «самиздат». Кажется, стихи Высоцкого расходятся среди его соотечественников именно таким образом. Она слишком много думала о нем, и он как будто ее слышал. И когда в телефонной трубке вдруг зазвучал его голос, который нельзя было спутать ни с каким другим, она поняла, что снова влюбилась.

Это была не просто любовь. Ей, матери троих детей, на этот раз довелось влюбиться так, как влюбляются в первый раз. Ей плохо без него. В разговоре она начинает фразу – и не заканчивает, потому что мысли ее далеко… Через три месяца она снова под каким-то предлогом едет в Россию – но Высоцкого нет в Москве! Он в Сибири, на съемках фильма «Хозяин тайги». Она уезжает обратно во Францию с тяжелым сердцем: она не может сидеть тут, в Москве, и ждать его, потому что у нее тоже съемки, и дети, и обязанности…

Они все-таки встречались – урывками, находя для свиданий какие-то чужие квартиры. Они бродили по улицам, взявшись за руки, и он пел для нее – пел так, как еще не пел ни для кого на свете.

На момент встречи с Влади Высоцкий был женат, причем уже во второй раз. Однако жена Людмила согласилась на развод безропотно. Умная женщина, она понимала, что у мужа не интрижка, не флирт, не легкий поход налево… С этим нужно либо смириться и остаться друзьями, либо… впрочем, другого и не было дано. Она отпустила Владимира, а детям объяснила, что папа по-прежнему их любит, просто жить теперь будет в другой семье, с другой женой.

Однако как такового семейного дома у Влади и Высоцкого не было. Хотя власти на удивление благосклонно отнеслись к поданному актером заявлению с просьбой разрешить зарегистрировать брак с французской подданной Влади, выпускать Высоцкого за железный занавес никто не спешил. В декабре 1970-го они расписались в одном из московских загсов. Но она по-прежнему жила в Париже, он – в Москве, и большей частью они общались по телефону. Иногда у Высоцкого на переговоры с Парижем уходили все заработанные за месяц деньги…

Марина придумывала всевозможные уловки, находила лазейки, чтобы приехать в Россию и побыть с мужем хоть несколько дней. Она то покупала туристическую путевку, то просила оформить гостевую визу… В конце концов она получила

право бывать здесь как супруга актера, но прописаться в Москве и стать советской гражданкой значило бы потерять все: дом во Франции, детей, работу, возможность свободно ездить по миру. Она не была готова к этому, да и сам Высоцкий не мог позволить, чтобы любимую заточили в клетку. Они виделись урывками, и каждое свидание было как ожог: так накалены были чувства.

Только через шесть лет после регистрации брака Высоцкого наконец выпускают из страны. Ему рукоплещут концертные залы Америки и Европы, и Марина каждую минуту старается быть рядом. Собственную кинокарьеру она к тому времени почти забросила – невозможно было совместить съемки и непредсказуемые по времени поездки в Россию. Она все чаще отказывалась от выгодных предложений, и режиссеры постепенно забывали о Влади: попасть в обойму звезд очень трудно, а вот выпасть из нее можно в одно мгновение…

Высоцкий всегда много пил: этому способствовала и вольная жизнь поэта с гитарой, и желание получить психологическую разрядку после спектаклей, и неуверенность в завтрашнем дне, и то, что его замечательные стихи так ни разу и не опубликовали при его жизни. Порой он напивался до совершенно беспробудного состояния – с людьми, которые вряд ли могли претендовать на звание его друзей. Марина много раз пыталась уговорить любимого прекратить сжигать себя с помощью алкоголя, достаточно было того, что каждую роль он пропускал через себя и, проживая чужие выдуманные жизни, безрассудно тратил свою, настоящую и единственную…

Когда он приехал к ней в Париж на три отпускные недели, его болезненное, увеличившееся за то время, пока они не виделись, пристрастие к выпивке ужаснуло ее. Видел ли он себя со стороны? Сознавал ли, что семимильными шагами идет к могиле? И да и нет. Он любил жену слишком сильно, но ее не было рядом постоянно, и это тоже подстегивало его, заставляло тянуться к рюмке. И хотя в этот свой приезд он твердо обещал «завязать», она только сделала вид, что поверила. Своей вещей душой Колдуньи Марина чувствовала, что эта их встреча – последняя. Они расстаются навсегда.

«4 часа утра 25 июля. Я просыпаюсь в поту, зажигаю свет, сажусь на кровати. На подушке красный след. Я раздавила огромного комара. Я, не отрываясь, смотрю на подушку, меня словно заколдовало это яркое пятно. Звонит телефон, я знаю, что услышу не твой голос: «Володя умер». Вот и все. Два коротких слова, сказанных незнакомым голосом».

В тот роковой день Владимир Высоцкий не вышел на сцену. Его ждал «Гамлет», билеты давно были распроданы, но у

окошечка кассы вывесили объявление: «Умер актер Владимир Высоцкий».

Горе было поистине всеобщим: ни один человек не вернул в кассу билет на отмененный спектакль. В Москве люди стояли плотной толпой у Театра на Таганке, чтобы проститься с поэтом. Даже на крышах окрестных домов были люди. Казалось, не только вся Москва, но и весь Союз бесконечной вереницей шел по улицам, чтобы отдать дань памяти тому, чьи песни и через тридцать лет после его смерти будут слушать новые поколения. Последние его стихотворения будут посвящены именно ей, и они же станут посмертным памятником их любви:

Не сравнил бы я любую с тобой,
Хоть казни меня, расстреливай,
Посмотри, как я любуюсь тобой,
Как Мадонной Рафаэлевой.

Дом хрустальный на горе для нее,
Сам, как пес бы, так и рос в цепи.
Родники мои серебряные,
Золотые мои россыпи.

Марина летела в Москву, оцепенев от горя. Последнюю ночь они провели вдвоем – он в гробу, а она возле его тела. Глухой удар молотка по крышке его гроба – и только тогда она поняла: он ушел от нее. Его больше не будет рядом. Он не позвонит на последние деньги, чтобы сказать, как сильно ее любит. Они никогда больше не будут сидеть на кухне, как это принято в Москве, и пить чай… Он не посвятит ей больше ни строчки – потому что его просто нет.

Она еще напишет целую книгу о нем – иначе тоска задушила бы ее. Целый год жесточайшая депрессия терзала ее ум и тело, и ей все слышался его голос – хриплый, сильный голос человека, который любил ее больше жизни… «Родники мои серебряные, золотые мои россыпи»…

Глава 3
Роковая связь

Елена Глинская и Иван Овчина-Телепнев-Оболенский

Всегда трудно добираться до истины, особенно когда она скрыта под толщей веков. История многократно переписывается победителями в свою пользу, предатели становятся мудрыми советчиками, многоженцы – несчастными влюбленными, вынужденными уходить от нелюбимых жен к единственным в их жизни возлюбленным… Однако есть истории, которые неподвластны времени. Оно не только не скрывает их правду, но с каждым прошедшим годом, десятилетием и даже столетием отсеивает ненужное, убирает наносную шелуху, и мы видим все без прикрас – возможно, именно так, как было на самом деле…

Великий московский князь Василий III Иванович за долгие годы брака с Соломонией Сабуровой так и не зачал не то что наследника – даже дочери. Соломония была бездетна, а ведь даже в Библии сказано: «Некто имел в винограднике своем посаженную смоковницу, и пришел искать плода на ней, и не нашел; и сказал виноградарю: вот, я третий год прихожу искать плода на этой смоковнице и не нахожу; сруби ее: на что она и землю занимает?»

Князь уже имел решение в сердце своем, но все же решил посоветоваться с боярами. Те, впрочем, были единодушны: бесплодную супругу следовало заточить в монастырь, а в жены взять молодую девушку хорошего сложения и отменного здоровья, способную принести князю наследника.

Княгиня Соломония была без дальнейших обиняков пострижена в монахини под именем Софьи, а к князю стали свозить невест. Особенно понравилась Василию восемнадцатилетняя красавица Елена Глинская, дочь литовского князя. Род Глинских был не слишком знатен, однако статью Елена не уступила бы любой царице, была воспитанна и образованна, и, побеседовав немного с девицей, Василий совсем потерял голову.

К чему было терять время: как говорится, честным пирком да за свадебку! В 1526 году Елена становится княгиней. Всем она люба была Василию. Чтобы угодить молодой жене, князь даже частенько сбривал бороду, что на Руси того времени не было принято. Да и русское платье при своем дворе велел сменить на более нарядное польское да литовское.

Чтобы любимая жена не заскучала у себя в тереме, ко двору пригласили ее родственников. Приехала в Московское княжество и близкая подруга Елены – также Елена, Челядинина, и ее брат Иван Овчина-Телепнев-Оболенский. Последний слыл храбрым

воином, да и собой был хорош на диво. Со своими родственниками Елена и скучать перестала, особенно любила она общество подруги и ее брата.

Однако через некоторое время князю стали доносить, что в тереме княгини не совсем ладно: Иван Овчина глаз с великой княгини не сводит, не закончилось бы это незаконной любовью… Но князь всецело доверял молодой жене, которая подарила ему долгожданного наследника. Младенца крестили Иваном – и был это не кто иной, как будущий государь российский Иван IV, больше известный потомкам под прозвищем Грозный.

Злые языки шептали по углам, что родила княгиня Елена не от старого Василия, а от молодого красавца Ивана Овчины, но князю до наветов и дела не было. Жену он баловал, а в наследнике и вовсе души не чаял. Вскоре родился и второй сын – Юрий. Все в семье шло гладко да складно, но только когда первенцу Ивану исполнилось три года, князь Василий внезапно занемог и в одночасье скончался.

Умер ли князь своей смертью или же был отравлен своей молодой женой, как шептались некоторые, глядя на изменившегося до неузнаваемости за считаные часы князя – кто знает? Уже на смертном одре Василия стали одолевать сомнения: а действительно ли Иван его сын? Однако завещания князь не изменил и правительницей до совершеннолетия ребенка стала Елена.

Годы правления Елены Глинской можно назвать образцовыми: женщиной она действительно была незаурядной и помимо прочих талантов обладала еще и политическими. Умело ведя переговоры, молодая княгиня сумела избежать войн, способных разорить любое, даже самое сильное царство. С крымским и казанским ханами был заключен мир, торговля процветала, строились и расширялись города и крепости.

Елена также уделяла большое внимание армии и даже провела денежную реформу, укрепив тем самым положение княжества. Монеты разных видов и размеров перечеканили по одному, так называемому Новгородскому образцу. На новой монете был изображен всадник с копьем в руке, и именно с той поры в России и закрепилось название новых денег – копейка.

И все эти годы рядом с ней находился один и тот же человек – Иван Овчина. Был ли он просто советником или же все-таки любовником княгини? История дает на этот вопрос однозначный ответ: Овчина давно разделял с княгиней не только государственные заботы, но и постель.

Однако Иван Овчина был не просто ищущим от щедрот княжеских никчемным фаворитом, годным только на альковные

утехи. Именем княгини он воевал и свой полководческий талант положил на то, чтобы охранять княжество от врагов внешних и внутренних. Овчина ходил в походы, подавлял мятежи и восстания, а ведь время было такое, что только ленивый не мечтал о троне! Заговоры плелись, как паутина по углам: так, в 1537 году один из родственников князя организовал против Елены бунт, надеясь свергнуть ее и захватить власть. Овчина быстро собрал войско и двинул его против заговорщиков, разгромив их начисто и захватив самого устроителя мятежа – Андрея Старицкого. Церемониться с предателем не стали – бросили в темницу и замордовали пытками насмерть.

Такая преданность фаворита совсем ослепила княгиню. По навету Овчины она даже удалила от двора, а затем и заточила в тюрьму родного дядю, Михаила Глинского. Казалось бы, Овчина только о ее благополучии и радеет, однако вскоре случилось страшное: утром 3 апреля 1538 года молодой, полной сил и здоровья княгине вдруг стало плохо. Тридцатилетняя, кровь с молоком красавица сгорела в считаные часы. К вечеру Елены не стало… Снова во дворце заговорили о таинственном яде, способном бессимптомно свести в могилу любого.

Приближенные оплакивали безвременно скончавшуюся княгиню, но бояре, тайно ненавидевшие возвысившуюся из захудалого рода Глинскую, открыто праздновали победу. Доказать наличие яда в организме в то время, пожалуй, не смог бы никто, и Елену просто похоронили. Однако слухи о ее неестественной кончине продолжали шириться, и пришедший к власти боярин Василий Шуйский решил одним махом убить двух зайцев: он обвинил в смерти княгини ее любимца, Ивана Овчину.

Красавца, умницу и храбреца, бывшего занозой не в одном глазу, бросили в сырой темный каземат. Улик и сколько-нибудь связных обвинений против него не было – и даже новый правитель, Василий Шуйский, не мог решиться пролить кровь невинного… Иван Овчина просто-напросто умер в темнице от голода и холода – его богатырский организм, выдерживавший походы, битвы и военные лишения, угас, подкошенный отсутствием воды и пищи и сыростью каземата.

Княжество, лишившееся твердой руки, трясло от боярских междоусобиц, постоянных смут и мятежей. Временные правители сменяли друг друга, как в калейдоскопе, пока наконец не воцарился законный наследник престола – царь Иван Васильевич, которого впоследствии нарекут Грозным.

До сих пор доподлинно неизвестно, кто же был отцом первого русского царя – престарелый Василий или молодой и полный сил Иван Овчина? Историки склоняются к мнению, что и первая жена

князя Василия III не была бесплодной – не мог зачать сам князь. Недаром до появления у него наследника от Елены прошло целых четыре года. Умная молодая жена просто испугалась, что ее также может постигнуть участь быть заточенной в монастыре, а рядом так кстати оказался Иван Овчина… Убили ли молодые любовники старого князя? Скорее всего, этой тайне также суждено остаться нераскрытой.

Царевна Софья и Василий Голицын

Царевну Софью должна была ожидать та же печальная участь, что и всех царских дочерей в то время: сначала тихая жизнь на женской половине терема, вышивание под окошком да молитвы перед иконами о благополучии царской семьи. Затем – та же жизнь, но уже в монастыре, куда царевен постригали по достижении ими зрелого возраста. Замуж девиц царского рода не отдавали – побочные наследователи трона, мятежи и войны в государстве никому не были нужны…

Великая Государыня Царевна и Великая княжна Софья Алексеевна. Неизвестный художник

Маленькая Софья, дочь царя Алексея Михайловича и Марии Милославской, с раннего детства отличалась пытливым и непоседливым характером. Няньки и мамки с ног сбились, удерживая дерзкую девчонку, которая не желала знать, как квасят капусту или вышивают гладью, а хотела учиться математике, иностранным языкам да читать книги, в которых и иной зрелый муж не разберется!

Царь только посмеивался, глядя на неизвестно в кого уродившуюся слишком умной дочь, и велел нанять ей учителей, причем самых лучших. К десяти годам непокорное дитятко уже освоило и математику с грамматикой, и историю, и бойко лопотало на неведомых нянькам языках. Алексей Михайлович настолько гордился своей дочерью, которую сегодня назвали бы вундеркиндом, что частенько брал Софью с собой в дальние поездки по немаленькой державе, и порой юная Софья в затруднительных ситуациях давала такой мудрый и дельный

совет, что бояре только в дремучих бородах чесали: «Ай да девчонка! Любого за пояс заткнет…»

Красотой царевна Софья не отличалась никогда: можно было сказать, что она была столь же некрасива, сколь и умна. Коренастая фигура, в которой было больше от мужского, чем от женского, почти полное отсутствие шеи, грубые черты лица, нездоровая полнота… Все это не украшало царевну; но, пообщавшись немного с царской дочерью, многие достойные мужи забывали о ее некрасивости и откровенно искали расположения Софьи. Однако сердце ее молчало. До поры до времени…

В 1676 году отец Софьи, царь Алексей Михайлович, скончался. На трон взошел старший брат царевны, Федор. Софья старалась быть поближе к болезненному и постоянно хворающему брату, но под видимостью оказания помощи в делах и сестринской любви скрывалось и нечто иное. За спиной Федора Софья плела крепкую сеть: вербовала себе в помощники видных бояр и переманивала на свою сторону полковников стрелецких полков.

Тогда же царевну приметил и видный боярин – Василий Голицын. Был Голицын намного старше Софьи, умен, необычайно красив и происходил из знатного литовского рода князей Гедиминовичей. Так же как и царевна, он владел латынью, древнегреческим, свободно говорил по-польски и по-немецки. Софья, частенько презиравшая мужчин именно за то, что они считали женщин существами второго сорта, место которых у очага, колыбели или за пяльцами, неожиданно для себя стала замечать, что князь внимательно ее слушает и лукаво посматривает из-под соболиных бровей…

Время пришло, и царская дочь Софья созрела – не для монастыря, но для любви. Однако князь не спешил воспользоваться тем, что само валилось ему прямо в руки: Голицын слыл примерным семьянином, любил жену и четверых пригожих детей. Софье он предложил безоговорочную поддержку во всех ее начинаниях, и на первых порах ей пришлось довольствоваться этим.

Однако когда люди проводят слишком много времени вместе и у них общие интересы, неизбежно они сближаются еще больше. Софья завороженно слушала речи Голицына о переустройстве государства, бывала в его доме, где частенько гостили чужеземцы, – о, какие они рассказывали истории! В дальних странах не было варварских обычаев, как в России, там царевен не заточали против их воли в монастырь. Они вольны были выходить замуж, и на престолах многих европейских держав

восседали именно они – царские дочери!

Царь Федор, царствовавший недолгие шесть лет и не отличавшийся крепким здоровьем, умер в конце апреля 1682 года. Посовещавшись, бояре крикнули перед народом имя нового царя – малолетнего Петра, а править от его имени до совершеннолетия или же женитьбы должна была его мать, царица Наталья Нарышкина, ненавистная Софье мачеха. И уже в начале мая недовольная Софья, опираясь на верных бояр, стрельцов и Голицына, поднимает мятеж, увенчавшийся успехом. Отныне правит не сам Петр, а цари Петр и Иван, а регентшей при них становится не кто иной, как она, царевна Софья! Это был огромный прорыв и, возможно, прямой путь на трон.

Твердой рукой царевна Софья правила государством Российским целых семь лет. Она провела и военную, и денежную реформы, пыталась развивать промышленность и приглашала в Россию иноземных мастеров. И все время рядом с правительницей был князь Голицын – теперь уже не просто милый друг, но тайный любовник. Впрочем, тайна эта была известна в государстве всем и каждому.

Софье было уже тридцать, и возраст не прибавил ей миловидности, напротив, она еще больше раздобрела, однако Василий испытывал к ней чувства самые нежные. В самом деле, с лица воду не пить, когда у них общие интересы – и личные, и государственные. Теперь семья Василия Васильевича месяцами не видела мужа и отца – он постоянно был при своей ненаглядной Софьюшке.

Весной 1687-го Софья отправила любовника в Крымский поход. Она надеялась, что, завоевав Крым, Василий вернется героем и тогда она сможет обвенчаться с победителем и уже открыто посадить его на престол с собой рядом. Софья писала возлюбленному нежные, страстные, полные надежд письма, и он отвечал ей тем же. Но полководцем Голицын был бездарным и за два года не одержал ни одной сколько-нибудь существенной победы, губя напрасно войско и опустошая в бесславной войне государственную казну.

Между тем страсть Софьи к Голицыну переходила все пределы разумного, и это стали замечать даже ближайшие доверенные лица. Софья умоляла любовника развестись с женой и обвенчаться, но тот все медлил, не решаясь на этот шаг. В конце концов, измученная двойственным положением жена князя сама предложила мужу свободу, справедливо опасаясь того, что, если Голицын не разведется, в любой момент Софья может подослать к ней отравителя.

Однако обвенчаться с любимым Софья так и не успела –

подросший Петр, который к тому моменту успел жениться на Евдокии Лопухиной, пожелал сам управлять государством согласно законам. На сторону молодого царя переходило все больше приближенных, один за другим оставляли правительницу верные ей стрелецкие полки и присягали на верность Петру. Уходила из рук власть, а вместе с ней уходила надежда…

Сверженную правительницу заточили в монастырь и постригли под именем инокини Сусанны. Князя Голицына лишили всех прав и привилегий, отобрали имущество и на крестьянской телеге увезли в пожизненную ссылку в глухое село под Архангельском. Там он, так никогда и не прощенный новым царем, и окончил свои дни.

Софья, чья неуемная душа еще бунтовала, продолжала бороться: из-за стен монастыря ей удалось поднять стрелецкий бунт, но он закончился полным поражением. Жестоко казнили более двух тысяч стрельцов, и только тогда Софья приняла поражение… Любовь, которую она так долго взращивала в своем сердце, была окончательно растоптана. Никогда больше она не увидит милого лица своего Василия, и на головах их не будет корон: ни царских, которые она, предвкушая совместное сидение на троне, заказала лучшим мастерам, ни даже тех венцов, которые держат над влюбленными при венчании в церкви…

Анна Монс и Франц Кёнигсегг

Об Анне Монс и ее влиянии на российского царя Петра I и политику государства Российского написано множество статей, но мало кого в ходе исторического расследования и восхваления действительно незаурядной личности Петра интересовали нравственные мучения самой Анны – особы, воспитанной в лоне строгой лютеранской церкви. Исследователи больше задавались вопросом: могла ли Анна занять российский престол рядом с Петром? Однако почти никто не спрашивал, хотела ли этого сама Анна.

Анна Монс выросла в Кукуйской слободе – особой части Москвы, где селились иноземцы. Кукуй был городом в городе – ничто в этом месте, где у домов были разбиты ухоженные палисадники с цветами, а на крылечках сидели приветливые люди, не напоминало грязную Москву, в которой помои выливались прямо прохожим под ноги, а по улицам и в дневное время было страшно ходить, не говоря уже о времени ночном: лихие люди запросто могли не то что кошелек с пояса срезать, но и голову снести с плеч…

Отец Анны был виноторговцем и держал гостиницу. Мать воспитывала четверых детей в уверенности, что нет ничего на свете ужаснее бедности, а вот роскоши и богатства нужно добиваться любой ценой. Однако она никогда не говорила ни подрастающей красавице Анне, ни остальным, что иногда цена за дворцовый шик бывает слишком высокой…

Анна познакомилась с Петром, когда тот был еще подростком. Девушка была отменно хороша собой, но кроме собственно женских прелестей она воплощала для Петра саму Европу – с ее нарядами, обычаями, науками, искусством и прогрессом, которого почти напрочь была лишена тогдашняя темная Россия. Некоторые историки верно отмечают, что, именно добиваясь любви и признания Анхен, Петр так рьяно старался развернуть дремучую Россию лицом к Европе.

О корыстолюбии Анны, целых десять лет бывшей любовницей Петра, в народе ходили легенды. Слухи, разумеется, были сильно преувеличены, но факт остается фактом: Анна постоянно что-то выпрашивала – то для себя, то для родственников, а то и просто приторговывала чинами, званиями и торговыми привилегиями, подсовывая Петру на подпись нужные бумаги.

Некоторое время Анна была любовницей Франца Лефорта – «сердечного друга» Петра, который их и познакомил. Подкладывая Анну в постель к будущему императору, хитрый

Лефорт одним выстрелом убивал даже не двух, а многих зайцев.

Однако прежде, чем Анна стала принадлежать ему, Петру пришлось ухаживать за ней довольно долгое время. Это ли не говорит в пользу Анны Монс, которая хотела разобраться прежде всего в самой себе и только потом отдать то единственное, что у нее было, – свое тело! Петр требовал от нее многого: девушка должна была уметь развлечь усталого любовника, который частенько приезжал к ней в дурном настроении, танцевать до упаду, когда этого хотел Петр, пить вино…

Петр видел в Анне полную противоположность постылой Евдокии Лопухиной, на которой его женили против воли, но хотела ли сама Анна вести тот разгульный образ жизни, который так нравился ее любовнику? Или же, как и Евдокия, Анна стремилась лишь к тихой семейной гавани: варить варенье, распоряжаться по хозяйству, рожать детей? К слову сказать, хозяйкой Анна была превосходной, а на ее личном огороде каждый год созревали такие урожаи, что окрестные, возделывавшие землю по старинке помещики только руками разводили – наверное, знает эта холеная немочка какое-то «петушиное слово»!

Однако жизнь с Петром была подобна не тихой гавани – нет, она скорее напоминала Анне дурной сон: бесконечные пиры и пьянство, требование быть изобретательной в постели, улыбаться, когда хотелось плакать. Обычно крайне прижимистый с другими женщинами, Петр дарил Анне дорогие драгоценности, отстроил новый дом, одарил имениями и крепостными душами. Но не была ли крепостной душой царя и сама Анна? Чем, как не безмолвным протестом против такой жизни было ее показное корыстолюбие? Уж если продавать свою душу, так задорого…

Эта женщина старалась быть честной – в пользу этого говорит и то, что письма Анны к Петру скорее похожи на деловые отчеты партнерши по бизнесу: кроме общих, изложенных сухим языком сведений и обязательных в то время вежливых вопросов о здоровье, в них нет ничего интимного, ни одного слова любви и нежности! Да ее у Анны к Петру, неразборчивому с женщинами, который мог заявиться к ней, надушенной и чистенькой, прямо из грязной постели какой-нибудь солдатки и потребовать продолжения телесных утех, никогда и не было! Ее буквально воротило от своего собственного положения царской куртизанки, но что она могла поделать?

Однако зажатое в кулак сердце рано или поздно все же вырвалось на свободу: она полюбила. Ее избранником стал саксонский посланник Франц Кёнигсегг, полная противоположность Петру. Воспитанный человек с прекрасными

манерами, который никогда не положит ноги в заляпанных грязью башмаках на стол, застеленный кружевной скатертью… Да, Кёнигсегг был не царь, повелитель огромной империи, но ей этого было и не нужно!

Как раз в это время в составе Великого посольства Петр уехал в Европу – и, увлеченный новыми впечатлениями, делами и, конечно же, женщинами, которых в его жизни всегда было слишком много, за полтора года отсутствия не написал той, которую любил, ни одного письма! Не приравнивало ли такое отношение Анну к обычному имуществу, которое, запертое в кладовой, тихо лежит и ждет своего хозяина? Наверняка такое наплевательское отношение послужило еще одним толчком для неверности. Кроме того, Анна чувствовала себя свободной – Петр не давал ей никаких обещаний, а о женитьбе не заходило и речи.

О неверности фаворитки Петр узнал случайно. По роковому стечению обстоятельств возлюбленный Анны погиб нелепой смертью, свалившись с корабельного трапа в холодную весеннюю Неву. Даже тело его нашли только осенью. А разбирая бумаги покойного, обнаружили письма Анны, и надушенная связка любовных, дышащих нежностью посланий вместе с медальоном с прядью волос Анны легла на стол Петру…

Гнев императора был ужасен. Он лишил Анну всех привилегий, отобрал все недвижимое имущество и приказал посадить любовницу вместе с сестрой под домашний арест. Несчастных женщин не выпускали даже в церковь!

Однако у Анны, лишенной всех прав, вскоре находится защитник и покровитель – прусский посол Георг Кайзерлинг. Впечатленный бедственным положением красавицы, престарелый и хромой Кайзерлинг предлагает той… руку и сердце. Многие говорят, что этот брак должен был стать лишь поводом для того, чтобы опальная Анна Монс могла покинуть ненавистную ей Россию, но вполне возможно, что Кайзерлинг действительно был пленен красавицей, о чьих прелестных чертах восторженно писали современники. К сожалению, не сохранилось ни одного достоверного портрета Анны Монс, и даже о цвете ее волос и глаз мы можем только гадать…

Узнав о сватовстве Кайзерлинга из разрешения на брак, которое он лично должен был подписать, Петр ведет себя совсем как ребенок, у которого забирают сломанную, ненужную, но все еще принадлежащую лично ему игрушку. Он приезжает к Анне и закатывает той скандал. При этом государь упоминает о том, что у него были самые серьезные намерения относительно их союза, и именно Анну он видел рядом с собой на российском престоле!

Однако где были все эти слова тогда, когда она

действительно в них нуждалась? Почему он не написал ей хотя бы одно слово любви и надежды в те полтора года, когда она ничего не знала о его судьбе? Возможно, Петр просто хотел уязвить Анну, показать ей, глупой бабе, как много она потеряла…

Но тот, кто не терял то, что ему не принадлежит, никогда не стремится и найти потерю: Анна снова отказывается вернуться к Петру! В бешенстве Петр кричит: «Чтобы любить царя, надо иметь царя в голове!» Не получив ответа, он мстительно отбирает у бывшей любовницы последнюю памятку их отношений – осыпанный бриллиантами собственный портрет.

Обида все еще бурлит в том, кого даже современники называли великим. Однако в вопросах любви он был отнюдь не велик… На дипломатическом приеме Петр останавливает Кайзерлинга, для того чтобы поинтересоваться, как он посмел отнять у него ту, относительно которой он имел самые серьезные намерения. Тут же подключается и Меньшиков, который никогда не упускал случая выслужиться – и достойного дипломата сначала высмеивают, намекая на его мужскую несостоятельность, а потом и вовсе спускают с лестницы. Внизу же офицеры из свиты Меньшикова еще и избивают пожилого человека!

По расчетам Меньшикова, случившийся скандал должен был привести к тому, что Кайзерлинг покинет Россию, а Анна Монс, которой для выезда все еще необходимо специальное разрешение, останется! Но, в отличие от остальных действующих лиц, Кайзерлинг ведет себя по-мужски – он вызывает Меньшикова на дуэль, а слухи о скандале достигают монарших дворов Европы. Инцидент еле-еле удалось замять: зачинщиками и обидчиками были объявлены… стоящие в карауле гвардейцы! Их даже приговаривают к смертной казни, но потом негласно подписывают помилование…

Если бы Анна Монс действительно была корыстной интриганкой, то, пользуясь случаем, не преминула бы выжать из Петра все – в том числе корону и трон. Но эта женщина не такова. Петр со своими истериками и неразборчивостью в половых связях давно уже противен ей, и даже корона огромной империи не может примирить ее с этим человеком!

Брак Анны и Кайзерлинга был очень недолгим: вскоре после венчания престарелый дипломат умер. Анна осталась с тремя детьми: один ребенок у нее был от связи с Кёнигсеггом, другой – от Петра и последний – от законного брака с Георгом Кайзерлингом. Что сталось с ребенком Петра и Анны, какое будущее ему было уготовано – об этом история умалчивает. В бумагах, оставшихся после Петра, найдена лишь его собственноручная резолюция на прошении некоей Анны М.: «Сего

Немцова сына Якова отправить в учебу морскому делу в Голландию, пансион и догляд надлежащий обеспечить». Вот так, без лишних сантиментов…

Судьба многочисленных внебрачных детей вообще никогда не занимала императора – достаточно вспомнить, что их у него насчитывалось более четырехсот! На всех «догляда и пансиона» не напасешься… Обычно Петр выдавал родившей от него солдатке или матросской жене несколько рублей – тем дело и заканчивалось. А женщина на вопрос: «Что ж, муж год как в походе, откуда же дитя?» – обычно отвечала: «Государь пожаловал!»

История Петра, Анны, трагически и не вовремя погибшего Франца Кёнигсегга и благородного Георга Кайзерлинга еще не рассказана до конца. Наверняка в ней есть множество интересных деталей, которые, возможно, когда-нибудь всплывут. Но эта история интересна другим – тем, что женщина смогла отказаться от короны, а это не всякому под силу! Когда в судьбу вмешивается настоящая любовь, рушатся преграды, отбрасываются за ненадобностью короны и остаются лишь чувства, о которых потомки будут читать и через века.

Иван Мазепа и Матрена Кочубей

Некоторые личности оставляют такой глубокий след в истории, что отголоски их деятельности слышны даже не через десятилетия, а через века. Бесспорно, именно такой выдающейся личностью был Иван Мазепа – гетман войска Запорожского, талантливейший полководец, эрудит, владевший несколькими языками, философ и политик.

Портрет Ивана Мазепы. Осип Курилас

Когда Иван Мазепа впервые увидел шестнадцатилетнюю красавицу, дочь своего друга и соратника Василия Кочубея не дружескими, а мужскими глазами, ему было уже за шестьдесят. Любовь вспыхнула в его сердце мгновенно – а не зря говорят, что последняя мужская любовь по своей силе намного превосходит любовь первую…

Иван попросил у родителей руки Матрены, и те были шокированы: почти полувековая разница в возрасте, вдовство Мазепы и, наконец, самое главное, через что невозможно было переступить людям верующим, – Матрена была крестницей Ивана! А по церковным канонам брак между крестным и крестницей приравнивался к кровосмесительству!

Василий с женой ответили резким отказом, даже не спросив, что думает по этому поводу сама Матрена – а ей, несомненно,

было что сказать. Статный Иван Мазепа с гордым взглядом давно будоражил душу черноокой красавицы, но она покорялась родительской воле, впрочем, до поры до времени…

Пока гетман, сердце которого пребывало в тяжкой тоске по поводу отказа, отсиживался в своем роскошном дворце, его разум прирожденного хитрого и умного политика искал выход из сложившейся ситуации. Матрена должна была принадлежать ему, но как? Каким образом завладеть девушкой – ведь в поместье Кочубеев ему после отказа и показаться зазорно?

По зимнему снежку к воротам усадьбы подкатили сани – то пан гетман прислал своему другу Василию подарок, воз свежей рыбы. Пока подношение сносили в кладовую, возница успел повидаться с Матреной и передать ей на словах то, что осторожный Мазепа не желал доверить бумаге – и правильно сделал. Ибо, попади его дерзкое предложение в руки родителей девушки или недругов самого гетмана, не миновать бы ему крупных неприятностей…

Предложение Мазепы заключалось в следующем: Матрена сама должна была сбежать к нему. А уж потом, для того чтобы сохранить перед обществом честь девушки, женитьба на ней станет просто необходимостью. Неизвестно, что больше подействовало на Матрену: первая страсть, от которой она буквально сгорала, общественное ли положение жениха (быть гетманшей – великая честь!) или же то, что Мазепа предлагал ей за побег десять тысяч червонцев – сумма невиданная по тем временам, куда больше сегодняшнего миллиона долларов!

За девушкой не следили – с момента неудачного сватовства времени прошло достаточно, слухи и толки улеглись, да она и не давала поводов для родительских подозрений… Матрена выбралась в поле через дыру в частоколе усадьбы, прыгнула в сани, еще пахнущие рыбой, и была такова.

Несмотря на то что Матрена жила во дворце Мазепы уже довольно долго, упрекнуть ни ее, ни гетмана-похитителя в разврате нет ни малейших оснований – дочь Кочубеев сохранила девичью честь. Но любовь, подкрепленная видом друг друга, разожгла в душах Ивана и Матрены такой пожар, что они поклялись любить друг друга вечно, несмотря ни на какие преграды и расстояния.

Кочубеи быстро обнаружили пропажу дочери, но догнать беглянку уже не смогли. Зато они прекрасно знали, где ее теперь искать. Да и сам Мазепа скоро осознал, какую кашу заварил, еще и втянул в нее невинную девушку! Учитывая высокое положение гетмана Украины, а также то, что у каждого гетмана найдется не одна сотня врагов, которые не преминут донести на него самому

царю Петру, скорому на расправу, Мазепа начинает раскаиваться в том, что сделал. Ему уже не до брака с Матреной, и поэтому он решает уладить щекотливое дело миром, вернув девушку родителям.

Матрена плакала и умоляла не отсылать ее, но Мазепа скрепя сердце все же отправляет ее обратно. Беглянку ждал не самый радостный прием: родители были более чем уверены, что гетман натешился юным телом их дочери, остыл к ней и просто избавился от надоевшей наложницы. Матрена защищалась как могла – и не раз в пылу гнева кричала, что, несмотря ни на какие преграды, все же будет женой Мазепы! Стычки между девушкой и ее родителями были столь яростными, что доходило до рукоприкладства, а сама Матрена даже плевала в лицо родителям… Потрясенные поведением когда-то кроткой и любящей дочери, Кочубеи стали говорить, что гетман чем-то опоил, околдовал их дитя!

Несмотря на строгий надзор, влюбленные продолжали свои отношения – они переписывались. На сегодня известно двенадцать писем Мазепы к любимой. И каждое письмо гетмана – это потрясающая поэма в прозе… Но признания в любви не давали ответа на бесконечно мучивший Матрену вопрос: когда же они соединятся? Между тем уже было совершенно ясно, что этому не бывать никогда, поскольку сам Мазепа предпочел высокое положение своей последней, а Матрениной первой любви…

От любви до ненависти – всего один шаг. Матрена уже не сомневалась, что тот, кто клялся ей в вечной, неподвластной времени и расстоянию страсти, предал ее, променял на выгоды и свой высокий титул. Мазепа еще предпринимал шаги, чтобы помириться с Кочубеями, решить вопрос о женитьбе с церковью, прощупывал политическую почву, но все это было уже напрасно. Любовь Матрены не выдержала давления и испытаний, ниспосланных ей, и угасла навеки.

Внешне все наладилось: Кочубеи помирились со своим кумом и гетман даже виделся и разговаривал с Матреной, однако внутренние напряжения в этом многоугольнике все нарастали и нарастали. И хотя Василий Кочубей все еще оставался рядом со своим давним товарищем Иваном Мазепой, давал своему другу и куму разумные советы и поддерживал во всех начинаниях, в душе у отца Матрены было черным-черно. И Василий, и его жена были уверены в том, что Матрена, несмотря на все заверения в обратном, обесчещена. И кто теперь возьмет ее замуж с такой славой?

Ненависть семейства Кочубеев к Мазепе была столь сильной, что они решили уничтожить гетмана – и как политическую

фигуру, и просто как человека, который воспользовался их безграничным доверием, а потом средь бела дня украл самое дорогое, что было… Однако своими руками делать такое было неразумно, и Кочубей пишет донос на гетмана самому царю, перечисляя в нем все настоящие и вымышленные вины, а также обвиняя Мазепу в том, о чем и подумать было страшно и чего мстительный Петр I уж точно бы не спустил – в государственной измене!

Доносчики не учли одного – несомненного ума царя Петра. Такое тотальное очернительство гетмана Ивана Мазепы, который всегда был у царя на хорошем счету, выглядело более чем подозрительно. И Петр приказывает провести дознание. Под пытками сам Василий Кочубей и полковник Искра, которого он втянул в заговор против Мазепы, признаются в том, что хотели оклеветать гетмана из мести. Царь передает закованных в кандалы Искру и Кочубея в руки Мазепы, и гетману не остается ничего иного, как казнить старых друзей, которых им же самим затеянный любовный роман превратил в его заклятых врагов…

Мазепа, не выдержав угрызений совести, решает кардинально поменять свою жизнь – он переходит на сторону шведского короля Карла. Однако судьба больше не покровительствует бывшему гетману: победоносный Карл терпит сокрушительное поражение под Полтавой. Мазепа бежит через море, в Турцию, где вскоре и умирает – от разбитого ли сердца, от крушения всех надежд, от бесславия ли… Или от всего этого разом.

Матрена Кочубей, жизнь которой сломали в самом начале ее цветения, ушла в монастырь, справедливо посчитав, что Бог никогда не предаст ту, что любит его больше жизни…

Кронпринц Рудольф Франц Карл Иосиф и Мария Вечера

Любовные романы далеко не всегда заканчиваются свадьбой и дальнейшей счастливой жизнью, особенно когда это романы монарших особ. Отношения австрийского кронпринца Франца Карла Иосифа и румынской баронессы Марии Александрины фон Вечеры – яркое тому доказательство. Казалось бы, чего еще желать: и он, и она свободны, молоды, титулованы… Как говорится, совет да любовь! Но нет, отношения кронпринца и баронессы в конце концов так запутались, что их роман завершился жуткой трагедией, потрясшей Европу XIX века.

Портрет кронпринца Рудольфа. Евгений Феликс

Начало этой истории было положено на балу, состоявшемся в ноябре 1888 года в замке Хофбург. Роскошный бал, призванный разогнать осенний сплин, собрал множество пышных красавиц, среди которых блистала и юная баронесса Мария Вечера – одна из самых желанных европейских невест.

Марии было только семнадцать – возраст, когда сердце особенно уязвимо для романтических стрел Амура. Однако красавица была переборчива: ей уже успели предложить руку и сердце множество кавалеров, но она так и не сочла никого из них достойным. Возможно, она была права: когда сердце молчит при

виде очередного соискателя, что толку в богатстве, знатности или военных орденах? И зачем тогда вообще нужно связывать себя узами брака? Душа Марии рвалась лишь к одному человеку, который – увы! – пока не обращал на нее никакого внимания.

Должно быть, этот бал был роковым как в ее судьбе, так и в жизни того, к кому она так стремилась. Потому что в середине бала графиня Лариш – сама бывшая любовница кронпринца – подвела к девушке Рудольфа Франца Карла Иосифа. Пряча смущенное лицо, Мария присела в глубоком реверансе. Ее склоненные перед ним плечи, шея в глубоком вырезе бального платья, пышные волосы – все было великолепно. И хотя многие считали Марию простоватой, кронпринцу она показалась ослепительной. Венгерский писатель Круди так отзывался о Марии Вечере: «Она была достаточно заурядной особой, однако обладала грудным голосом, проникающим в самые глубины мужского сердца…»

Голос – мощное орудие обольщения, недаром никто не мог спастись от мифических сирен, завлекавших моряков своим божественным пением! Впрочем, многие современники описывали Марию Вечеру в таком духе: «Юная, еще не достигшая двадцатилетия дама привлекала всеобщее внимание своей блистательной красотой. Глаза, казавшиеся больше обычного, мрачно пылали, она была словно раскалена каждой клеточкой своего естества». Это описание, которое замечательно подходит к сохранившимся фотографическим портретам баронессы, мне кажется гораздо ближе к оригиналу. Как верно и то, что красота Марии многим казалась роковой и демонической…

Дамы на балу, прикрывшись веерами и наблюдая издали за ухаживаниями кронпринца, шептались о том, что Мария далеко не девственница и, более того, имеет богатый опыт завлечения мужчин. Говорили о ее вовсе не платоническом романе с неким английским офицером, болтали и о том, что встреча на балу была далеко не случайной: Мария якобы сама написала наследнику полное двусмысленных намеков письмо и умоляла о свидании!

Была ли в этих сплетнях хоть толика правды? На этот вопрос трудно ответить, но явным было лишь одно – до конца вечера кронпринц ни на шаг не отходил от Марии. Он был увлечен ею до помрачения рассудка. Ветреный, беспечный Рудольф, на счету которого была не одна любовная победа, теперь сам попал в сети страсти.

Кронпринц Рудольф, или Руди, как ласково называли его те, кому он был близок, был весьма умным и образованным человеком. Он прекрасно разбирался в естественных науках, однако, когда в возрасте 17 лет наследник решил поступать в

университет для продолжения образования, император Франц-Иосиф категорически воспротивился этому. Наследнику престола приличествовала лишь военная карьера. Проще говоря, император ненавидел «ботаников» всем сердцем, и его сын вынужден был покориться.

Рудольф безропотно трудился на военном поприще, однако личное время посвящал тому, что занимало его больше всего: орнитологии и исследованию масонского движения. Кронпринц был крайне честолюбив и втихомолку от отца надеялся выдвинуться в науке.

Несмотря на то что Руди частенько любил прихвастнуть своими успехами, в обществе его обожали. Красивый, веселый, обаятельный, не скупящийся на комплименты молодой мужчина был мечтой многих аристократических красавиц. Принцу приписывали кучу романов, но большинство из них были выдумками самих экзальтированных дам, так и не добившихся от него взаимности.

В конце концов слухи и сплетни вокруг особы наследника так надоели Францу-Иосифу, поборнику строгих правил, что тот, недолго думая, женил ветреного отпрыска на бельгийской принцессе Стефании. Руди не питал особых чувств к жене, однако под одной крышей они уживались достаточно мирно. Каждый из них уважал чувства и пристрастия другого и право на личную жизнь. Разумеется, Стефания, которая отнюдь не была глупа, знала о многочисленных любовных интрижках мужа, но закрывала на это глаза. Так, и его новое увлечение волоокой румынкой она сочла лишь временной прихотью Руди, который быстро увлекался очередной пассией, но так же быстро и остывал.

Однако в этот раз все пошло по-другому. Кронпринца словно подменили – и этому было объяснение. Рудольф впервые влюбился по-настоящему! Он ни на минуту не мог расстаться с Марией. Не обращая внимания на приличия и увещевания своего отца, он повсюду появлялся вместе с баронессой фон Вечерой. Она сопровождала его в обществе, сидела рядом в ложе театра… Более того – она проводила с ним ночи в самом императорском дворце!

Отношения быстро развивались и вскоре зашли так далеко, что влюбленные, согласно масонскому обряду, поклялись на крови и обменялись железными кольцами, украшенными таинственными знаками древней магии. Кроме рун, на кольцах была надпись: «В любви до самой смерти вместе». Во время обряда, которому Рудольф придавал огромное значение, он торжественно поклялся Марии в вечной верности и в том, что только с ней отныне он будет стремиться связать свою жизнь.

Это были не просто красивые слова – в тот же день Рудольф отправил Папе Римскому прошение о расторжении брака с нелюбимой Стефанией. Узнав об этом, Франц-Иосиф впал в бешеную ярость. Мало того что сын осквернил развратом с румынской девкой покои дворца, так теперь еще он собирается опозорить семью разводом! Император топал ногами, кричал, брызгал слюной и грозил сыну всеми карами: высылкой из страны, прекращением финансирования и даже лишением престола!

Рудольф, по натуре чувствительный и мягкий, уступил напору и пообещал отцу не видеться с Вечерой. Однако одно дело – пообещать и совсем другое – сдержать свое слово. Девушка притягивала его к себе словно магнитом. Да и сама Мария больше не представляла жизни без Руди. В те дни она писала: «Я была бы счастлива, если бы мы могли жить пусть в хижине, но вместе». Несмотря на опасность разоблачения и гнев императора, любовники все же продолжали встречаться, но теперь их свидания носили, так сказать, конспиративный характер.

Все более-менее успокоилось: император больше не давил на кронпринца, его жена также не напоминала о брачных обязательствах и абсолютно ничего не предвещало той страшной развязки, которая ждала поклявшихся на крови влюбленных. 29 января 1889 года Рудольф отправился на охоту в компании слуг и двух своих лучших друзей – графа Хойоса и князя Филиппа. Ночевать охотники должны были в замке Майерлинг, а утром вернуться обратно. Рудольф внезапно передумал и сказал приятелям, что предпочитает провести вечер в одиночестве. Друзья уехали без него, но к вечеру вернулись. Компания засиделась далеко за полночь, кронпринц был оживлен и весел – видно было, что он приятно провел время, пока остальные охотились.

Утром, выйдя в столовую из своих комнат, друзья кронпринца напрасно ждали Рудольфа к завтраку. Время шло, но из комнаты принца не доносилось ни звука. Обеспокоенные, они приказали слугам ломать дверь. Когда дверь выбили, взорам присутствующих предстала поистине ужасающая картина: наследник австрийского трона лежал на полу в луже крови с простреленной головой. Рядом, в кровати, была завалена подушками бездыханная баронесса Вечера, голова которой также была прострелена навылет. Все вокруг было забрызгано кровью, однако следов борьбы никто не заметил.

Все указывало на самоубийство: на столике возле кровати были найдены три записки. Первая адресовалась жене кронпринца: «Милая Стефания! Ты избавишься от моего

присутствия… Я спокойно иду навстречу смерти, ибо лишь так могу сохранить свое имя». Вторая записка адресовалась сестре баронессы и еще одна – матери. «В блаженстве уходим мы в мир иной… Желаю тебе быть счастливой и выйти замуж по любви, – писала Мария Вечера сестре. – Я не могла этого сделать, но и своей любви противиться была не в силах. С нею и иду на смерть». Далее она просила прощения у матери: «Прости мне содеянное! Я не сумела превозмочь свою любовь… Мне хотелось бы лежать рядом с ним на кладбище. В смерти я буду счастливее, чем была в жизни».

В гибели любовников было так много несоответствий и нестыковок, что вопрос о том, что же на самом деле произошло в замке Майерлинг, до сих пор волнует историков. Императорская семья предпочла прокомментировать случившееся как несчастный случай на охоте, но в Европе трагедия Рудольфа Франца Иосифа и Марии Вечеры породила множество слухов.

Говорили, что баронесса была беременна и неудачно избавилась от ребенка. Якобы жить ей оставалось несколько часов и Рудольф избавил любимую от страданий, после чего застрелился сам. Выдвигалась и версия, что в Майерлинг Вечеру привезли уже мертвой, убитую рукой неизвестного, а Рудольф застрелился у ее тела с горя.

Никакой критики не выдерживала и версия о том, что наследник трона австрийской императорской семьи был неизлечимо болен и медленно угасал. Якобы он не мог иметь нормальных супружеских отношений со Стефанией, и поэтому семья подсунула ему Вечеру – девушку без комплексов, миссия которой состояла в том, чтобы всколыхнуть в принце чувственную сторону натуры. Принц ничего не смог с собой поделать и застрелился от безысходности, убив перед этим развратную Вечеру.

Многие романтически настроенные молодые люди считали, что Рудольф и Мария повторили трагическую судьбу Ромео и Джульетты, однако существуют и более простые и внятные объяснения происшедших событий. Есть основания считать, что в гибели единственного сына и наследника Франца-Иосифа и Елизаветы был виновен младший брат императора – эрцгерцог Карл Людвиг, и трагедия в Майерлинге была тщательно спланирована. Ведь именно к эрцгерцогу Карлу Людвигу и его семье переходил императорский трон после Франца Иосифа!

Кроме того, у Рудольфа кроме Вечеры в то время была еще одна любовница – Мицца Каспар. У нее кронпринц провел ночь перед отъездом на охоту, и это подтверждают протоколы наружной охраны. Так что ни о какой романтической подоплеке и

речи быть не могло! Однако убийцам была чрезвычайно удобна фигура Вечеры, и версия Ромео и Джульетты усердно поддерживалась.

Рудольф был похоронен в императорской усыпальнице Габсбургов через пять дней после трагедии. Просьбу Вечеры похоронить ее вместе с возлюбленным императорская семья проигнорировала, и тело девушки было предано земле на кладбище при монастыре в Хайлигенкройце.

Франц-Иосиф запретил упоминать даже имя Вечеры на всей территории империи, а замок Майерлинг был передан монастырю кармелиток. Императору настолько было тяжело все происшедшее, что он совершил неблагородный поступок – отправил в пожизненную ссылку племянницу своей жены, которая познакомила его единственного сына с роковой для него Марией Александриной фон Вечерой…

Марко Вовчок и Афанасий Маркович

Существуют такие люди, жизненный путь которых буквально усыпан жертвами их обаяния. Из-за них влюбленные сходят с ума, кончают жизнь самоубийством, и вокруг них происходят непонятные и страшные вещи… Украинскую писательницу Марию Маркович, широко известную под псевдонимом Марко Вовчок, современники называли «черной вдовой» – потому что слишком многие жизни погубили необоримые чары ее огромных магнетических глаз…

Марко Вовчок

Мария Вилинская родилась в 1833 году в семье обедневших дворян. Девочка росла под несомненным влиянием матери – образованной, музыкально одаренной женщины. От нее маленькая Машенька унаследовала и склонность к музицированию, и дар художественного слова, однако, в отличие от матери, она никогда не стремилась одеваться модно. Мария предпочитала строгий стиль и в нарядах, и в прическе, а вместо легкомысленных французских романов выбирала книги по истории, естественным наукам, изучала иностранные языки, которые давались ей на удивление легко.

Когда девочке было всего семь, умер ее отец, а мать вскоре

вновь вышла замуж. Отчим оказался человеком крайне жестоким. Он издевался не только над собственными крепостными крестьянами, но и над женой и приемными детьми. Мать предпочла отправить детей от первого брака к родственникам, и они жили то у дядьев, то у теток по материнской линии; впрочем, там детей принимали радушно. Мария по-прежнему занималась музыкой, много читала, на ее образование не жалели денег и приглашали гувернанток и учителей.

В двенадцать Марию, по правилам того времени, отдали в Харьковский пансион благородных девиц. Однако, изучая положенные предметы, она всегда находила случай поговорить с кем-нибудь на любимом украинском языке, знание которого, по словам Ивана Франко, она «вынесла из дома родного». Зачастую собеседниками Марии были гувернантки и люди из обслуги, которые рады были пообщаться с этой не похожей на остальных пансионеркой. А она все не могла забыть того, что люди, которых Господь создал равными, издеваются и даже убивают своих собратьев, владея их душами и телами, как бессловесным скотом…

Окончив пансион, Маша не возвращается к матери – к тому времени отчим уже пропил и прогулял не только свое собственное имение, но и приданое жены. Девушку приютила родственница – Екатерина Мардовинова. Мария чрезвычайно благодарна своей доброй тетушке, ведь в этой семье она не чувствует себя бедной приживалкой и бесприданницей! У Мардовиновых постоянно собираются интереснейшие люди: музыканты, писатели, собиратели фольклора. В благодарность за приют Маша обучает детей своей покровительницы всему, что знает, однако и сама учится у тех, кто посещает салон ее тетки, и активно занимается самообразованием.

Богатая тетка подыскала племяннице выгодную со всех точек зрения партию – местного помещика Ергольского. Однако Мария к тому времени уже приняла решение: ее избранником стал ссыльный Афанасий Маркович. Никакие резоны и уговоры не действовали на строптивую девицу. Не смог добиться согласия на брак и влюбленный в нее Ергольский, хозяин двух тысяч крепостных душ. Мардовинова попробовала выставить непокорной племяннице ультиматум, но в результате Мария не только не согласилась на замужество, но и покинула ее дом, а вскоре обвенчалась с Марковичем.

Муж брал Марию с собой в фольклорные экспедиции, именно там она совершенствовала знание языка, на котором будут написаны многие ее произведения. Однако, живя с Марковичем, она впервые узнала, что такое настоящая нужда – частенько они

с Афанасием перебивались с хлеба на квас, а она к тому же забеременела. Родился сын Богдан – но заботы материнства не мешали Марии пробовать себя в литературе. Написанные ею рассказы были так хороши, что муж счел возможным отослать их своему другу Пантелеймону Кулишу – владельцу типографии в Петербурге. Постепенно были написаны еще десять рассказов, которые и составили первую книгу «Народных рассказов», подписанных псевдонимом Марко Вовчок (по семейным преданиям, псевдоним образовался от имени основателя рода – казака Марка, прозванного Вовком).

Однако простым сотрудничеством общение с женой товарища не ограничилось: Пантелеймон Кулиш страстно влюбляется в Марию и начинает откровенно за ней ухаживать. К тому времени Марковичи уже живут в Петербурге, где молодая писательница начинает вращаться в кругу блестящих литераторов. Она знакомится с Тургеневым, Шевченко, Некрасовым, Писемским. Красавицу и умницу примечают многие, а с Тарасом Шевченко у нее возникает настоящая крепкая дружба.

Несмотря на то что Мария отвергла ухаживания Кулиша, его брак она все же разбивает: от Пантелеймона, не выдержав постоянного сравнивания с соперницей, уходит жена. Мария Маркович, женщина с осанкой королевы, манила к себе многих, однако она выбрала в спутники Ивана Тургенева и вместе с ним уехала за границу. Муж бросился за ней, но она твердо объявила об их разрыве. Афанасий Маркович больше никогда не увидит жену и сына: через восемь лет он умрет от переживаний, и все эти восемь лет будет слать Марии умоляющие письма, на которые так и не получит ответа…

За границей Марко Вовчок много пишет: к тому времени она знает уже более десяти языков! А ее повесть «Маруся» получает награду Французской академии, и произведение даже рекомендуют к изучению во французских школах. Между тем личная жизнь писательницы обсуждается всеми и всюду: мужчины сходят с ума по «загадочной писательнице». Сам Герцен, рискуя быть схваченным и выданным полиции России как политэмигрант, едет в Бельгию, чтобы только увидеться с ней! Польский химик Владислав Олевинский из-за неразделенных чувств к Вовчок пускает себе пулю в лоб.

Однако Мария тоже страдает: она полюбила Александра Пассека, историка, этнографа и литератора. Пассек моложе писательницы на 25 лет, но это не останавливает влюбленных. Судьба отмеривает им немного счастья – через шесть лет Пассек умирает на руках возлюбленной, и не это ли месть свыше за разбитое сердце Афанасия?

Мария решает вернуться в Россию, чтобы отвлечься от мрачных мыслей. Как известно, лучший способ забыть старую любовь – это завести новую. На этот раз героем романа Марии Маркович стал известный критик и публицист Дмитрий Писарев. Однако для него увлечение Вовчок также закончилось фатально: он утонул во время купания в Балтийском море.

Теперь, куда бы Вовчок ни привел случай, за ее спиной тут же начинают перешептываться о том, что все, кто позволяет себе любить эту женщину, отмечены роковой печатью смерти. Но снова находится смельчак, который готов бросить вызов судьбе и пожертвовать жизнью ради прекрасных глаз Марии! Она снова любима и любит. Ее избранником стал молодой морской офицер Михаил Лобач-Жученко – друг ее сына Богдана, которого тот пригласил погостить.

Именно с Михаилом Мария Маркович обрела наконец покой и семейное счастье. Они обвенчались, и долгие годы Вовчок вместе с мужем переезжала с одного места службы на другое. Обычно это были маленькие провинциальные города, в которых никто не знал о прошлом Марии и череде скандалов, сопровождавших ее по жизни. Они с Михаилом зажили обычной семейной жизнью: воспитывали сына Бориса, и Мария почти ничего не писала и редко занималась переводами.

В последние годы жизни Марко Вовчок, которая была старше мужа на 17 лет, одолевали постоянные депрессии. Также у писательницы пошатнулось здоровье, она сильно располнела. Михаила перевели на Кавказ, в Нальчик, они поселились в маленьком домике с прекрасным садом. Именно здесь, в саду, Вовчок снова берется за перо и издает полное собрание своих сочинений – а их за годы неустанной работы накопилось немало! Однако Марию мучают постоянные головные боли, и вскоре врачи диагностируют у нее опухоль мозга.

Умерла великая украинская писательница на руках у своего мужа, с которым прожила последние 30 лет своей жизни. Она угасла в саду, и похоронили ее под тем же грушевым деревом, где она работала и которое так любила…

Михаил отстроил на усадьбе в Нальчике мемориальный дом-музей в честь жены. И сегодня здесь можно увидеть личные вещи знаменитой писательницы, книги, фотографии и документы, рассказывающие не только о ней, но и о тех, кто любил ее и писал ей всю жизнь: Иване Тургеневе, Дмитрии Писареве, Тарасе Шевченко…

Айседора Дункан и Сергей Есенин

Союз гениев, не уступающих друг другу ни талантом, ни красотой, редко бывает продолжительным и удачным. Брак великой танцовщицы, американки Айседоры Дункан с поэтическим гением России Сергеем Есениным – яркое тому подтверждение. Этих двоих тянуло друг к другу со страшной силой и с такой же силой отбрасывало. Они не смогли ужиться рядом, но за три года, которые провели вместе, они, безусловно, пережили и немало счастливых минут.

Айседора Дункан и Сергей Есенин

Есенин родился в крестьянской семье и с малых лет косил, пахал, занимался всем тем, чем жили его предки на Смоленской земле, а еще – писал стихи. Настолько сильные и самобытные, что поэта заметили еще в ранней юности. Сергей переехал в столицу, бывал и в Петрограде. Красавец, словно сошедший с иллюстраций к русским народным сказкам, Есенин покоряет одно женское сердце за другим. Поэт становится отцом в 19 лет, но вскоре оставляет гражданскую жену и маленького сына.

Первой официальной женой Есенина стала актриса Зинаида Райх, но и этот брак распался. Есенина не удержали в семье даже двое общих с Райх детей. Несмотря на ангельскую, в чем-то даже лубочную внешность, Есенин был бунтарем. Его не могли сдержать никакие оковы, в том числе и узы Гименея. Поэту постоянно требовалось состояние влюбленности, драйв, как сказали бы сегодня. Размеренная семейная жизнь – это была не его участь!

Дора Анджела Дункан родилась на семнадцать лет раньше того, кто в будущем станет ее мужем. Девочка росла в нищете – ее

отец бросил мать с четырьмя детьми на руках, и Айседора, как она сама себя называла, уже в возрасте одиннадцати лет давала всем желающим уроки танцев. Она была не по годам рослой и смышленой, и даже в школу ее отдали с пяти лет, скрыв настоящий возраст. Однако в тринадцать девушка совсем забросила обычную школу – ее призванием, несомненно, был танец.

Айседора создала свою собственную, неповторимую школу танца. Даже сегодня никто не может достоверно воссоздать то, что проделывала на сцене эта удивительная танцовщица. Она избавилась от пуантов и балетной пачки и танцевала босиком, в свободном греческом хитоне, за что ее сразу прозвали «босоножкой». Невероятная пластичность, собственный неотразимый стиль и музыкальность сразу же выдвинули Дункан в ряды тех артистов, кто собирает аншлаги.

Однако личная жизнь танцовщицы была далека от идеала: хотя ее руки и сердца добивались многие, она не спешила связать себя узами законного брака. Кроме того, диву подмостков всю жизнь преследовало предчувствие огромной беды. Оно оказалось пророческим: двое ее обожаемых детей – дочь, рожденная от режиссера Гордона Крэга, и сын от наследника империи «Зингер», Патрика Зингера, по нелепой случайности утонули вместе с автомобилем в Сене.

Казалось, жизнь кончена. Айседора не могла не то что танцевать – она не могла даже плакать. И когда лондонская гадалка предрекла, ей, сорокалетней, что в заснеженной России она встретит свою любовь и даже выйдет замуж, Айседора только покачала головой…

Дункан пригласил в Россию нарком просвещения Луначарский. Как новаторскую танцовщицу, ее просили открыть школу для детей пролетариата. В красной России, о которой на Западе ходили самые страшные слухи, царили голод и разруха, но Дункан всем сердцем стремилась к новой жизни. Поэтому она, не сомневаясь ни минуты, отправилась в путь.

Есенин увидел Дункан на танцевальном вечере, где знаменитость демонстрировала свое искусство. Зрелище было настолько захватывающим, что поэт влюбился в женщину на сцене с первого взгляда. После окончания вечера, когда поэт читал немногочисленным приглашенным на ужин стихи, танцовщица была покорена их ритмом и музыкальностью. Почти ни слова не знавшая по-русски, она тем не менее поняла, что человек, написавший их, – гений. Взволнованная, она подошла к Есенину и, пытаясь выразить свои чувства без обиняков, поцеловала. Погладив поэта по льняным кудрям, она на ломаном

русском сказала: «Ангель», – но, заглянув в его васильковые глаза, воскликнула: «Чьорт!»

Да, этот человек был и дьяволом, и ангелом одновременно. Двойственность характера присуща всем без исключения, но в Есенине она проявлялась особенно ярко. Роман Айседоры и Есенина, начавшийся тем самым вечером, развивался очень бурно. Влюбленные общались практически одними жестами, но прекрасно понимали друг друга. Однако идиллия продолжалась недолго: Есенин уже тогда много пил и в этом состоянии мог позволить себе оскорбить любимую. Она кротко сносила его выходки, потому что этот странный русский действительно оказался последней и самой сильной любовью ее жизни…

По условиям контракта в 1922 году Айседоре нужно было уезжать из Москвы – ее ждали гастроли по Европе и Америке. Есенин хотел ехать с возлюбленной, но выехать за рубеж они могли только как муж и жена. И Дункан впервые в жизни изменила своим принципам свободной любви и согласилась зарегистрировать брак. Есенина отпускали неохотно, но он обещал пропагандировать Советскую Россию за рубежом – и вскоре самолет с молодоженами на борту приземлился в Германии.

Семейная жизнь не заладилась с самого начала. Айседора отличалась экзальтированным характером. Ее финансовые дела в связи с долгим пребыванием в России шли хуже некуда. Особняк был продан за долги, а остальное имущество, оставшееся без присмотра, просто-напросто расхищалось. И хотя на ее банковские счета был наложен арест, она позволяла себе роскошь ездить на приемы в лимузине, таская за собой молодого мужа. Есенин, которому надоела роль ученой собачки при знаменитой в Европе жене, был очень недоволен. Здесь он был никем – «русским мужиком, мужем знаменитой Айседоры».

В Америке поэту не понравилось еще больше: из-за сухого закона выпивки было не достать, и он, привыкший постоянно взвинчивать себя алкоголем, довольствовался тем, что можно было купить у бутлегеров. Кроме того, его измучили вопросами, как он зарабатывает на жизнь. Когда Есенин говорил, что он пишет стихи, толстосумы замечали: «Стихи – это прекрасно! Но чем же вы все-таки зарабатываете на жизнь?»

Америка, тупые вопросы, отсутствие алкоголя, чужой язык и Айседора, чувствующая себя в этой стране как рыба в воде – все это раздражало Есенина все больше и больше. Он устраивал громкие скандалы в отелях, и только вмешательство чиновников – поклонников искусства его жены, спасало его от крупных неприятностей. В конце концов он заявил Айседоре, что

возвращается в Россию.

Есенин приехал из-за рубежа совсем другим человеком. У простого деревенского паренька, которым он когда-то был, появились буржуазные привычки: дорогая одежда, сигары, обыкновение сорить деньгами… Кроме того, вернувшись на родину, поэт не перестал устраивать пьяные разносы в ресторанах, дебоширил – да так, что о его пьянстве и драках даже стали писать газеты, а это было куда как серьезно!

Советская власть, обеспокоенная состоянием «народного поэта», предлагала Есенину курортное лечение, но тот под разными предлогами отказывался и от санаториев, и от разговоров на эту тему. В конце концов поэта постановили лечить принудительно. Его положили в психоневрологическое отделение, под надзор известного профессора Ганнушкина. Однако вскоре поэт каким-то образом сумел выписаться из клиники, забрал в Сбербанке почти все свои деньги и уехал в Ленинград, где снял номер в гостинице «Англетер». Через несколько дней его нашли повесившимся – несомненно, в состоянии депрессии, а возможно, и под влиянием разочарования в советской власти.

Айседора, узнав из газет о смерти мужа, безостановочно рыдала много часов… Она понимала, какую утрату пережила сейчас она сама и искусство, которому она служила всю жизнь…

Через два года не станет и ее самой: длинный развевающийся шарф, неизменный атрибут ее чувственного танца, попадет в колесо автомобиля и мгновенно задушит непревзойденную танцовщицу…

Антуан де Сент-Экзюпери и Консуэло Гомес Каррильо

Они остались в истории и в глазах современников связанными навеки, однако все, кто знал графа Антуана де Сент-Экзюпери и его жену, говорили, что трудно было найти пару, столь не подходящую друг другу. Автора «Маленького принца» описывают как человека нежной души и романтика, а его жену – напротив, циничной, лживой и равнодушной стервой. Сама же Консуэло в воспоминаниях называет себя несчастной влюбленной, а мужа – ветреным и непостоянным человеком, обрекавшим ее на долгое одиночество… Эти двое, притягивавшиеся друг к другу, как разные полюса магнитов, – какими они были на самом деле? И кто из них говорил правду, а кто врал? Наверное, истину, как всегда, следует искать где-то посредине, в том, что говорили и они сами, и их друзья, и даже враги…

Антуан де Сент-Экзюпери и Консуэло Гомес Каррильо

Носивший длинное и гордое имя Антуан Жан-Батист Мари Роже де Сент-Экзюпери родился в Лионе в 1900 году в семье обедневших перигорских дворян. Детство Антуана, или Тони, как звали его родители, было очень счастливым – не отсюда ли берет начало его всегдашняя веселость и готовность прийти на помощь? Однако, дворянин по рождению, Тони рос в бедной, обремененной пятью детьми семье и хороших манер у него не

будет никогда, в отличие от безудержной фантазии, которой он неизменно поражал тех, с кем сводила его судьба.

Детство закончилось и осталось в милом Провансе, а повзрослевший Антуан переехал в Париж – город больших возможностей. Он беззаботно прожигал в городе, чьи мансарды и кафе принадлежали богеме, деньги, которые ему присылала овдовевшая мать. Комментируя швыряние банкнот танцовщицам, он говорил: «Рыцарю не пристало думать о презренном металле!»

Помимо навязчивых идей о рыцарстве, Антуан зачастую наделял других людей чертами, видными только ему самому, а попросту говоря – фантазировал. Так, он сам внушил себе чувство к Луизе де Вильморен, крайне болезненной и жеманной девице из старинного рода, и, кроме этого, рассказывал о ней друзьям как о разбитой параличом и закованной с головы до ног в гипс возлюбленной – этакой Спящей красавице, разбудить которую сможет только поцелуй прекрасного принца…

Когда же Луиза вышла замуж за другого, Антуан заявил, что его сердце разбито поступком неверной, и… ушел в армию. На самом деле к службе его толкало бедственное материальное положение семьи. С молотка был продан даже родовой замок, и больше ничего не удерживало его на земле. Антуан де Сент-Экзюпери получил летные права и стал летчиком.

Хорошо летать он умел только в своих необузданных фантазиях, а вот стать асом летного дела ему мешали слишком малый опыт полетов и все та же безудержность во всем, что он ни делал: любил ли, летал… Такой склад характера не мог не сказаться на службе: через год Сент-Экзюпери разбил самолет, а сам получил тяжелейшую черепно-мозговую травму. Только чудо помогло ему выжить и продолжить карьеру летчика.

Точкой отсчета в жизни и писательской карьере Сент-Экзюпери стал момент, когда он получил работу в компании «Аэропосталь» и увидел пустыню Сахару – место, которое перевернуло и взбудоражило все в его душе. Именно тогда он стал писать – так же неистово, как до этого пил и развлекался с доступными парижскими девицами. Роман «Южный почтовый», вышедший в 1929 году, мгновенно сделал его знаменитым.

Консуэло Гомес Каррильо родилась в Сальвадоре. Как и ее будущему мужу, фантазии ей было не занимать. В воспоминаниях она описывает родину как утерянный рай, в то время как Сальвадор тех лет больше напоминал деревенское захолустье. Эта женщина, которая на момент встречи с Экзюпери была дважды вдовой, в воспоминаниях их общих знакомых, да и самого Антуана, была «двенадцатибалльным ураганом». Маленького роста, но необычайно живая, с блестящими черными глазами и

неукротимым нравом, она внесла в жизнь своего третьего мужа череду бесконечных скандалов, эмоциональных встрясок и необоснованных трат.

Жениться на Консуэло, с которой он в своем знаменитом романе «Маленький принц» напишет Розу – образ с острыми шипами – его отговаривали все: друзья, мать, родственники… Однако неумолимый рок вел Антуана по жизни, и Консуэло стала графиней де Сент-Экзюпери.

Они жили как на вулкане, которыми был так богат родной Сальвадор Консуэло: она по двадцать раз на день устраивала мужу скандалы, била посуду, изводила Антуана своими капризами, кричала и даже дралась! А он лишь кротко улыбался своей «фирменной» улыбкой: там, где другие замечали лишь взбалмошную, невыносимую женщину, он видел сгусток поэзии, мечту, воплощенную фантазию.

Консуэло не раз говорила, что хочет купить простыни алого цвета, чтобы на них зарезать своего мужа. Другой, услыхав такое признание хоть раз, бросил бы жену – но только не Антуан! Тихая семейная жизнь – вот чего он боялся. Рутины, переходящей в тоску…

Даже вулканы должны время от времени отдыхать, но «извержения» Консуэло не прекращались ни на день. Однажды она, не поставив мужа в известность, просто… исчезла на двое суток. Антуан искал жену сначала по ее излюбленным барам, затем по полицейским участкам и в конце – уже по моргам. Появившуюся через два дня как ни в чем не бывало Консуэло он встретил издерганным и невыспавшимся, а ведь тем утром ему нужно было в плановый полет! Вылет закончился катастрофой: Экзюпери врезался в бархан в Ливийской пустыне, а затем два дня брел по раскаленным пескам и спасся лишь потому, что встретил бедуинов.

Жизнь талантливого писателя постепенно превращалась в ад. Консуэло все чаще бросала ему в лицо жуткие оскорбления, в том числе и обвинения в импотенции, причем частенько делала это публично. Существование в такой атмосфере толкало Антуана на то, чтобы заводить романы с другими женщинами: его пассиями в свое время были и актриса Натали Палей, и художница Хедде Стерни, и юная и прекрасная Сильвия Рейнхардт. Все они оставили самые теплые воспоминания о своем нежном любовнике Сент-Экзюпери, но ни к одной из них он так и не ушел. Отчего? Наверное, ему все-таки был необходим «маленький домашний ураган».

Консуэло буквально бесилась оттого, что, несмотря на выдуманную импотенцию, интересные женщины буквально

виснут на ее муже. Ей же был необходим не столько сам Антуан – литературная знаменитость и летчик-герой с орденом Почетного легиона, сколько внимание к ее собственной персоне – бесконечное восхищение, восхваление, преклонение… Не однажды измученный требованиями жены писатель хотел с ней расстаться, и не раз дело действительно доходило до разрыва. Однако супруги воссоединялись снова – тихий мечтатель и полусумасшедшая лгунья – две половинки единого целого, которое и называлось его бессмертными произведениями…

Во время Второй мировой войны Экзюпери из мирной авиации снова вернулся в военную. Тем жарким летом 1944-го гадалка предсказала ему, что он погибнет в морской пучине, но он только усмехнулся: его стихией было небо – с ветрами и даже ураганами…

Из разведывательного полета, в который он отправился с аэродрома на острове Корсика, писатель так и не вернулся… Его тело не нашли, и только в 1998 году в море близ Марселя рыбак выловил браслет, на котором были надписи: «Antoine» (Антуан), «Consuelo» (Консуэло) и «c/o Reynal & Hitchcock, 386, 4th Ave. NYC USA» – адрес издательства, в котором выходили книги писателя. А в мае 2000-го были обнаружены и обломки самолета – они лежали на глубине 70 метров.

Возможно, не будь в его жизни Консуэло, Антуан де Сент-Экзюпери не искал бы так упорно своей смерти… Но, вероятно, тогда не было бы и его «Ночного полета», «Планеты людей», «Маленького принца» – всего того волшебства слов и образов, которые остались после него?

Консуэло пережила мужа на 37 лет и написала «Воспоминания Розы» – книгу, в которой много правды, но еще больше ее собственных фантазий. Что ж, она также была по-своему талантлива, эта женщина, любившая, ненавидевшая и бывшая музой и Розой Антуана де Сент-Экзюпери…

Вивьен Ли и Лоуренс Оливье

Обычно из девочек, которых в раннем возрасте отдают на воспитание в монастырь, получаются тихие домохозяйки, однако английский монастырь Святого Сердца наверняка был особенным! Потому что из его стен вышли сразу две известные актрисы: Морин О'Салливан, впоследствии сделавшая карьеру в Голливуде и ставшая матерью небезызвестной Мии Фэрроу, и Вивьен Ли, носившая в своем монастырском детстве фамилию Хартли.

Вивьен Ли

У Вивьен была внешность ангела и беспокойный, полный противоречий характер. Однако оптимизма ей было не занимать. Не потому ли первая картина, в которой она снялась, так и называлась – «Дела идут на лад!»? У самой Вивьен дела спорились на всех фронтах: уже в девятнадцать она умудрилась выскочить замуж и родить дочь, одновременно успешно заканчивая Академию драматических искусств. А на театральных подмостках, где она подвизалась в пьесе «Маска добродетели» (вот оно, монастырское воспитание!) ее заметил сам Лоуренс Оливье. Он еще толком и не рассмотрел бойкую дебютантку, а та уже во всеуслышание заявила: «Я выйду за него замуж!»

Сама Вивьен к тому моменту была замужем, да и Оливье был женат… Но судьба явно подстилала им соломки в тех местах, где

других ждали острые камни. Для начала Вивьен и Оливье сыграли в одном фильме – им достались роли пылких любовников. Фильм назывался «Пламя над Англией». Однако настоящее пламя он зажег в сердцах актеров: даже не раздумывая, они бросили своих законных супругов и открыто стали жить вместе.

Шесть лет влюбленные были счастливы: Лоуренс ставил спектакли, Вивьен в них играла. Ее явно сумасшедшей Офелии в «Гамлете» рукоплескала публика, но и сама Вивьен периодически совершала такие поступки, что окружающие стали сомневаться в душевном здоровье актрисы.

Однажды с ней произошел и вовсе странный случай: вместо того чтобы произнести привычные слова роли, Вивьен впала в настоящую ярость, ничего общего не имеющую со спектаклем. Она брызгала слюной и орала, топала ногами и оскорбляла оторопевшего Оливье. Вместо привычного ангела с милой улыбкой перед ним бесновалась безобразная ведьма с перекошенным лицом, ничем не напоминавшая знакомую до последних потайных местечек любовницу. Эту женщину Оливье не знал! Приступ окончился так же внезапно, как и начался. Похоже, Вивьен и сама не понимала, что с ней произошло: она молча стояла, уставившись в одну точку на стене. Лоуренс обернулся – на стене не было ничего. На лице Вивьен, которая стояла, покачиваясь, на совершенно ватных ногах, также не было никаких эмоций. Его словно протерли тряпкой.

Если Вивьен ставила перед собой какую-либо цель, всем оказавшимся на ее пути стоило отойти в сторонку: эта маленькая англичанка с высокомерно задранным носиком мчалась вперед со скоростью гепарда и мощью локомотива. «Унесенные ветром» Маргарет Митчелл были ее любимой книгой, а Скарлетт – ролью-мечтой. Поэтому когда Вивьен узнала, что по любимому роману будут снимать фильм, она буквально впала в неистовство. Играть Скарлетт должна была она, она, она!

Она добилась своего. Хотя съемки были тяжелыми, ее поддерживал любимый. Лоуренс как раз получил работу в Нью-Йорке. «Дела идут на лад!» – и в карьере, и в личной жизни. Они с Оливье получили документы о разводах и наконец поженились официально – скромно и без помпы. На их свадьбе в Санта-Барбаре присутствовало всего два свидетеля: режиссер Гарсон Канин и актриса Кэтрин Хепбёрн.

Если Вивьен Ли не потерялась бы и на конкурсе красавиц, то Лоуренс Оливье, которого справедливо называют «актером номер один XX века», без труда смешался бы с любой серой толпой: он, обладавший изумительным даром перевоплощения, внешне не

представлял собой ничего особенного. Серые глаза, которые называли «оловянными», заурядные черты… Однако у Оливье было такое лицо, на которое без труда садилась любая маска. Сам актер просто обожал театральное ремесло и все его атрибуты: накладные бороды и парики, исторические костюмы и… горбы! Особенно удавались Лоуренсу шекспировские герои.

На сцене Оливье был чрезвычайно требователен не только к себе, но и к Вивьен: так, играя вместе с ней заглавные роли в спектакле «Ромео и Джульетта», он обвинил партнершу в «провинциальных интонациях и дребезжащем голосе торговки рыбой»! История умалчивает, как ответила ему жена…

В 1948-м «Гамлет» с Лоуренсом в главной роли получает «Оскара». Триумф более чем значительный, поскольку этот британский фильм был первым получившим столь высокую награду. Награда за лучшую мужскую роль также достается Оливье, и в том же году актер получает приз Международного кинофестиваля в Венеции.

Лоуренс счастлив, он не расстается с женой: звездная пара столь вдохновенно сыграла в фильме «Леди Гамильтон», что картина надолго стала самой популярной киноисторией во многих странах. Оливье сыграл адмирала Нельсона, а Вивьен – Эмму. В Англии фильм буквально произвел фурор, сам премьер-министр Уинстон Черчилль организовал его закрытый показ для избранного круга, в который вошел и глава другой англоязычной державы – Франклин Рузвельт. После «Леди Гамильтон» Лоуренс и Ли стали любимцами могущественного премьера. Поговаривают даже, что Черчилль испытывал к Вивьен не только дружеские чувства…

У самой же Вивьен любимым стал другой фильм – «Мост Ватерлоо», картина о любви, причем любви трагической, несбывшейся. И именно в это время актриса тяжело заболевает. У нее диагностируют туберкулез – болезнь, трудно поддававшуюся лечению в то время. Вивьен лежит в клинике, но умоляет Оливье забрать ее оттуда – ей хочется играть Клеопатру на юбилейном фестивале театрального искусства в Лондоне. Муж идет у нее на поводу, и, хотя больная и слабая Вивьен играет хуже, чем обычно, он не решается сделать ей ни единого замечания. Более того, он сознательно понижает планку собственной игры, чтобы Клеопатра Вивьен вышла на первый план. Это ли не настоящая любовь?!

В 1947 году за выдающиеся достижения на благо Британии королева жалует Лоуренсу рыцарское звание. Вивьен теперь также имеет право именоваться «леди Вивьен», но… жена все чаще бросается на мужа с немотивированными упреками и ведет себя при этом совсем не как леди – бранится словами последней

торговки и даже пускает в ход кулаки! Дочь Вивьен от первого брака воспитывается у бабушки, подальше от подобных сцен. Сама актриса отчаянно желает детей в этом браке, но беременность раз за разом заканчивается выкидышем. Виновата ли в этом таинственная болезнь, заставляющая Вивьен терять человеческий облик, или же изматывающий график съемок не дает ей выносить ребенка – кто знает?

Жизнь в постоянном напряжении дает о себе знать: супруги все чаще скандалят, иной раз даже на людях. Сэр Оливье и леди Вивьен осыпают друг друга упреками, однако на их профессиональных качествах эти скандалы почти не сказываются. Более того, в пьесе «Трамвай «Желание»», в которой Вивьен получает главную роль, ее игра выше всяких похвал. Публика валом валит на скандальную трагическую пьесу, в которой полно сцен с пьянством и гомосексуализмом и скрытыми намеками на изнасилование. Пьеса пережила более трехсот спектаклей, шедших с неизменными аншлагами, и Вивьен снялась в фильме с этим же названием, где партнером ее стал сам Марлон Брандо.

«Мне было просто и легко с Брандо», – признавалась Вивьен после съемок. Сами же съемки, а особенно спектакли, отнюдь не были такими же простыми и легкими: они изматывали хрупкую актрису, так тесно сросшуюся с ролью Бланш Дюбуа, что для самой личности Вивьен уже не оставалось и места… К тому же Вив, чтобы снять напряжение, много курила и пила, а уж ругалась она так, что могла дать фору любому портовому грузчику!

Роль Бланш принесла Вивьен долгожданную и вполне заслуженную награду – второго «Оскара», но она же в конце концов привела Ли и к тяжкому психическому расстройству. Во время съемок на экзотическом Цейлоне в 1953 году у актрисы начались галлюцинации. Было решено не рисковать и не лечить актрису прямо там, а перевезти в Лондон и поместить в клинику. Однако во время перелета Вивьен так буянила, что буквально разнесла салон самолета в щепки, даже пыталась выпрыгнуть из него прямо в воздухе!

Актрису, здоровье которой и без того оставляло желать лучшего, начали лечить с помощью шоковой терапии, диеты, состоявшей исключительно из сырых яиц, и обертываний ледяными простынями. Самыми страшными были, конечно, бесконечные сеансы электрошока… Но она сама, эта хрупкая маленькая женщина, страстно желала излечиться и вернуться домой, к своему Ларри, ступить на театральные подмостки, так упоительно пахнущие успехом, ощутить на своем лице ослепительный свет софитов…

Из лечебницы возвратилась совсем другая Вивьен –

заторможенная, неуверенная в себе, подозрительно тихая. Она медленно приходила в себя, проводя целые дни в обществе мужа, однако прежней Ли она уже не станет никогда… Не стало Вив, выкуривающей по четыре пачки сигарет в день и подпирающей «Оскаром» дверь спальни, потому что, по ее собственному утверждению, «эта уродливая статуэтка не годилась больше ни на что другое»!

Новая Вивьен много пила и пропадала на шумных вечеринках – скорее всего, для того, чтобы забыть, как мучительно выгибалась дугой при электрошоке или как бессильно плакала у окна, понимая, что болезнь все еще сильнее ее. Так можно ли винить Лоуренса в том, что он в такой невыносимой обстановке увлекся молодой актрисой Джоан Плоурайт?

Развод звездной пары был подобен взрыву многотонной бомбы и стал одним из самых скандальных разводов века. Однако даже спустя долгие годы, после того как Ларри перестал называть ее своей милой девочкой, она все еще держала на столике у кровати его фотографию. Она все еще любила его. И сходила от этого с ума…

Умерла Вивьен Ли в возрасте 53 лет, как написали газеты, «после продолжительной болезни». О, как мало людей догадывалось о том, что эта роковая болезнь для Вив называлась просто любовью. Однажды, давая интервью уже после их разрыва, она сказала: «Ко многому мне пришлось привыкать в этой жизни, но труднее всего было привыкнуть к отсутствию Лоуренса». В этих словах нет ни капли правды – привыкнуть к этому она так и не смогла.

Сид Вишез и Нэнси Спанджен

Иногда любовь принимает такие удивительные, а подчас даже уродливые формы, надевает такие карнавальные костюмы, что под ними порой невозможно угадать настоящую сущность и разглядеть истинное лицо. Пожалуй, так было и в истории Сида Вишеза – бас-гитариста культовой панк-группы «Sex Pistols» и его подруги, безбашенной Нэнси Спанджен.

Хотя некоторые считают, что в отношениях этой пары не было ничего романтического, а их идеализация – лишь результат удачного пиара продюсера «Sex Pistols» Малколма Макларена. И что лишь благодаря Макларену словосочетание «Сид и Нэнси» до сих пор способно выжимать слезы у тинейджеров и стало просто одним из раскрученных лейблов.

Разумеется, заслуга Макларена в том, что мир узнал о Сиде и Нэнси, просто огромна, но истории любви существуют в мире и сами по себе, независимо от того, занимается кто-то их раскруткой или же они просто «витают в воздухе». Я знаю несколько пар, о которых не лишним было бы написать в этой книге, однако я не хочу, чтобы эти дорогие мне люди потерялись здесь, среди исторических личностей, звезд экрана и шоу-бизнеса. Кроме того, читатели, как правило, хотят узнать именно о тех, кто оставил след в истории, или же о звездах – даже о таких, каким был Сид Вишез, который, надев рваные джинсы и взлохматив волосы, заставлял гитару рыдать человеческим голосом…

Джон Саймон Ричи, впоследствии прославившийся под именем Сид Вишез, родился в 1957 году в семье пьющей матери-одиночки, которая обращала мало внимания на ребенка. Уходя из дома, она включала малышу музыку, которую тот просто обожал.

Вскоре нескладный подросток и сам стал пробовать играть на гитаре. Времени для этого занятия у него было хоть отбавляй – постоянной работы у Сида никогда не было, а деньги на необходимое он или выклянчивал у матери, или добывал воровством. Также очень рано Сид пристрастился к наркотикам – не без помощи родной матушки, которая приторговывала марихуаной и частенько сама угощала ею ребенка.

Когда эта маленькая семья переехала в Лондон, Сид-Саймон пошел в художественную школу, где познакомился с Джонни Ротеном – тем самым Джонни, который вскоре создаст группу «Sex Pistols».

Сид отнюдь не был мрачным наркоманом, каким его рисуют некоторые издания. Нет, это был веселый парень, помешанный на

музыке. А свое прозвище – Сид Вишез, или Злобный Сид, он получил вовсе не за то, что постоянно резал свое тело бритвой, осколками пивных бутылок и прочими острыми предметами. Злобным Сидом в их семье называли… хомяка, который не любил, когда его брали в руки, и очень сильно кусался.

Сид пошел бы очень далеко, если бы в его жизни не было этой убившей сначала его мозг, а затем и тело чумы – наркотиков. Он прожил всего двадцать один год, но чертовски много успел сделать, занимаясь своим любимым делом – музыкой. В Лондоне, где до сих пор молодежь считает Сида Вишеза чуть ли не богом, в музее, посвященном его творчеству, выставлены черновики записей его новых песен, и по ним видно, как много хотел успеть сделать Злобный Сид…

Нэнси Спанджен переехала в Лондон из Нью-Йорка, и единственной причиной переезда была страсть девушки к группе «Sex Pistols». Нэнси, фанатка групп, следовала за своими кумирами по пятам. Очень скоро Нэнси, обладавшая яркой внешностью, была замечена исполнителями панк-музыки, однако к Сиду она попала не сразу, а пройдя через руки почти всех членов группы. Но Сиду было не до дурацких заморочек, которые могли занимать каких-нибудь чистоплюев. Кроме того, он влюбился в юную Нэнси с первого взгляда.

Нэнси была законченной наркоманкой, давно подсевшей на героин, и она же пристрастила к нему Сида. Группа считала таскавшуюся за ними повсюду хвостом Нэнси обузой, и в американское турне, прошедшее с большим успехом, Нэнси не взяли. Сид отчаянно скучал и даже впал в депрессию – ни музыка, ни наркотики в полной мере не заменяли ему присутствие той, с кем он делил один матрас на полу в комнате близ Букингемского дворца, которую им с Нэнси великодушно разрешила занять его знакомая, Памела Рук.

После возвращения из турне любовь Сида и Нэнси вспыхнула с новой силой. Сид, которого от притяжения Нэнси не вылечила даже Америка, на что очень рассчитывали остальные члены «Sex Pistols», противостоял другим музыкантам, но с этим они уже ничего не могли поделать. Сид горел страстью такого накала, что, даже забросив музыку, вместе с Нэнси зачем-то поехал повидаться с родными любимой. Те, впрочем, не пустили пару и на порог.

Тем временем «Sex Pistols» уже махнули на Сида рукой, поскольку он не мог противостоять ни героину, ни капризам Нэнси и срывал графики выступлений. Дальше группа планировала свою жизнь уже без него, хотя именно Сид стал их «визитной карточкой» – со своим фирменным подпрыгиванием,

изобретенным им танцем «пого» и идеальным имиджем панка.

Нельзя сказать, что Сид и Нэнси не пытались избавиться от пагубной привычки: 8 октября 1978 года доведенная до отчаяния Нэнси даже позвонила своей матери, прося забрать их с Сидом из гостиницы и устроить в медицинский центр на лечение. Однако желание завязать так и осталось лишь одним из тех благих намерений, которыми, как известно, вымощена дорога в ад. В случае с Сидом и Нэнси ад был особенно страшен, потому что это был ад героиновый, из которого почти никому нет возврата…

Сид так никогда до конца и не поверил в то, что именно он своей рукой убил ту, что была для него дороже жизни. Сид говорил во всеуслышание: «Молодые влюбленные, будьте разумны!» – но, увы, сам так и не последовал этому совету…

В одно далеко не прекрасное утро, когда голова его буквально разламывалась от похмелья – алкогольного и наркотического – он, шатаясь, сполз с постели и побрел в ванную. Преодолевая разбросанные в результате многочисленных вечеринок, которые правильнее было бы назвать попойками, вещи, он добрался до двери в ванную и распахнул ее. Должно быть, распростертые на полу тела в этой квартирке были скорее нормой, чем исключением, потому как Сид спокойно перешагнул через препятствие – лужу крови, в которой с ножом в животе лежала Нэнси, подошел к раковине и стал умываться.

Холодная вода помогла ему немного прийти в себя, но он все еще не понимал, кто лежит на полу и что случилось! Выходя, он случайно босой ногой зацепил уже холодное тело Нэнси – только тогда он увидел его! Он закричал так страшно, как не кричал никогда. Однако помочь было невозможно – Нэнси была мертва давно и безнадежно. Сид сам вызвал полицию и до ее приезда в оцепенении сидел над телом любимой.

После смерти Нэнси некогда веселый, неунывающий и не боящийся ничего на свете Сид сломался. На суде, состоявшемся 14 октября, он сидел с совершенно отсутствующим видом, не проронив ни слова в свою защиту. Он больше не хотел вообще ничего. Убил Нэнси он или же кто-то другой – жизнь для него одинаково была кончена. Но он совершенно точно знал, что не делал этого! И, должно быть, часть этого знания передалась суду: хотя Сида на предварительном слушании и признали виновным, но выпустили под залог – и тем самым подписали ему смертный приговор.

Первого февраля Сид вышел из камеры, а уже второго его нашли мертвым в квартире приютившей его бывшей подружки Мишель Робинсон. Сид ввел себе смертельную дозу наркотиков. Мать Сида, примчавшаяся по звонку Мишель, надеялась, что это

обычная «отключка» и сына можно вытащить… Но приехавшим санитарам достаточно было одного взгляда на тело Сида, чтобы констатировать смерть.

Сид оставил в джинсах записку, адресованную матери: «Мы заключили пакт о смерти. Я должен выполнить свою часть сделки. Пожалуйста, похорони меня в моей кожаной куртке, джинсах и ботинках для мотовелосипеда. Прощай». Сид как-то обмолвился, что они с Нэнси договорились, что тот, кто переживет другого, добровольно уйдет из жизни. Он действительно честно выполнил свою часть сделки…

Сид и Нэнси не раз говорили, что хотели бы быть похоронены вместе, но такому решению воспротивилась семья Нэнси. Мать Сида тайком привезла на кладбище прах сына и развеяла его над могилой Нэнси… Этот поступок отчасти помог ей преодолеть боль от потери сына, однако это был не более чем красивый жест. Мать Нэнси, которая потеряла дочь, сделала гораздо больше. Миссис Спанджен посвятила свою дальнейшую жизнь не бесполезному оплакиванию того, что уже нельзя было исправить, а созданию фонда помощи детям, страдающим от наркотической зависимости.

История Сида и его подруги стала культовой историей любви, а сами они – современными Ромео и Джульеттой. Хотя стоит заметить, что в героиновой смерти очень мало романтического…

Курт Кобейн и Кортни Лав

Почему в жизни некоторых людей все идет гладко, а у других, наоборот, случаются то нервные срывы, то депрессии, а то и такие трагедии, о которых даже подумать страшно… На самом деле гладко далеко не у всех и не всегда, и у каждой счастливой семьи также имеются свои собственные скелеты в шкафу. Просто некоторые выставляют эти скелеты на всеобщее обозрение, а у других дверцы шкафа закрыты крепко-накрепко…

Роман Кортни и Курта начался с… драки в одном из баров! Потасовка случилась после концерта группы «Нирвана», где Курт играл, пел и вообще был одним из главных действующих лиц. Кортни буквально налетела на Курта, она орала и колотила кулаками в его грудь, и тогда он… поцеловал ее! Причем это был не тот вежливый поцелуй, которым люди обмениваются при встрече – нет, это был поцелуй страстный! И он все не выпускал ее, пока она в его руках не расслабилась и не перестала биться. «Я просто хотел успокоить ее», – скажет он позже. «Нет, ты просто хотел с ней познакомиться!» – смеялись друзья.

После той более чем странной встречи в баре они не виделись около двух лет. Но если судьба решила свести кого-то, то лучше не спорить, а предоставить ей полную свободу действий. Так, в 1991-м эти двое встретились вновь. Тогда «Нирвана» была на пике популярности и Кобейна буквально осаждали визжащие от восторга фанатки, готовые отдаваться своему кумиру в любом месте и в любое время.

Однако Курту, этому мрачному, вечно небритому музыканту с глазами человека, который видит то, что другим недоступно, не нужна была такая любовь и кратковременные отношения с теми, имен которых наутро он не помнил; да и вспоминать их, если честно, нужды не было…

Кортни и Курт начали встречаться как обычные влюбленные: свидания, романтические прогулки по городу – если позволяло время, свободное от гастролей и концертов. Разумеется, при таком плотном графике выступлений, какой был в то время у «Нирваны», влюбленные больше общались по телефону, но все же они старались урвать каждую свободную минуту… для того, чтобы просто помолчать и подержаться за руки.

Наблюдая за Куртом в обычной жизни, Кортни понимала, что тот, кто уже так давно употребляет наркотики, как ее возлюбленный, скорее всего, никогда не сможет остановиться. Более того, ей самой, живя рядом с ним, также не удастся избежать этой заразы. Любая размолвка, любой скандал, которые

неизбежны в семейной жизни, приведут ее если не к шприцу с героином, то к таблеткам. Но она готова была рискнуть. Тем более что их отношения зашли уже слишком далеко – Кортни ждала от Курта ребенка.

Они поженились в самой романтической обстановке – на одном из гавайских пляжей, при блеске солнца и плеске волн, в кругу самых близких друзей. Курт был в зеленой пижаме – как со смехом объяснил он сам, «лень было переодеваться в костюм». На Кортни было платье, которое когда-то принадлежало актрисе Фрэнсис Фармер. Именно Курт настоял на столь приватной церемонии. Позже он признается: «Я не хотел, чтобы было много народу – боялся, что буду плакать от счастья…»

Курт действительно был счастлив, как никогда и ни с кем до нее. Он буквально носил жену на руках, а когда родилась их дочь, Курт стал самым заботливым и любящим отцом на свете. Жена и дочь Фрэнсис для него отныне стали всем миром. И если бы кто-то посмотрел на Кобейна в кругу семьи, он не поверил бы, что этот мужчина, который так ласково касается крохотной ручки новорожденной дочери и смотрит на жену глазами, буквально лучащимися счастьем, и другой, чья музыка и депрессивный имидж бьют по нервам и заставляют толпу бесноваться, – один и тот же человек.

Курт любил жену и дочь до безумия, он боготворил их. Как-то он обмолвился отцу: «Каждый раз, когда я смотрю телевизионное шоу про умирающих детей, я не могу не плакать. Меня каждый день преследует мысль о том, что я могу потерять своего ребенка. Я даже немного нервничаю, когда беру ее в машину, боюсь попасть в аварию».

Но, несмотря на то что оба они любили и оба боялись даже думать о том, что когда-нибудь непоправимое постучится в их дверь, их семейная жизнь походила не на тихую идиллию, а на смену ураганов, которые так часто налетают на тропические райские острова, на одном из которых они и заключили свой союз. Они ссорились – и не просто ссорились – вспомните их первую встречу в баре! Они орали и били посуду, крушили все на своем пути, рвали одежду друг на друге, только малышка Фрэнсис, к счастью, оставалась в стороне от этой бушующей стихии. Друзья даже не пытались вмешиваться – и, кроме всего прочего, они уже привыкли к такому бурному выражению чувств.

К счастью, Кортни смогла вовремя остановиться – легла в клинику, с трудом, но все же избавилась от наркотической зависимости. Курт же скатывался в эту пропасть все глубже и глубже. Он сам понимал, что дело может кончиться совсем плохо, но… «Когда я начал принимать героин, я знал, что это будет так

же скучно, как курить марихуану, но я уже не мог остановиться, героин стал подобен воздуху!»

Да, для человека, употребляющего героин, как правило, уже нет пути назад. И для того, чтобы хоть немного расслабиться, требуется все большая и большая доза. Случилось то, что давно уже висело в воздухе: в июле 1993-го Кобейн пережил тяжелую героиновую передозировку.

Жена нашла его лежащим на полу без сознания, и именно Кортни, не растерявшись, оказала первую помощь: сделала инъекцию налоксона – препарата, блокирующего действие наркотика. Но почему она не вызвала «скорую» и не отправила любимого в клинику? Да потому, что вечером у «Нирваны» был концерт в Нью-Йорке и без Курта он сорвался бы. И несмотря на то, что ему все еще было плохо, он вышел на сцену и отыграл весь концерт, не подав и виду, что утром его сердце едва не остановилось…

Кроме наркотиков и жены с дочерью в жизни Кобейна была еще одна страсть – роковая тяга к огнестрельному оружию. Он любил держать его в руках и покупал для своей коллекции все новые и новые пистолеты, ружья, дробовики… Кортни, которую это настораживало все больше и больше, умоляла его остановиться, но он только смеялся: «Детка, оружие для мужчин – это как игрушки для Фрэнсис!»

Но, как известно, висящее на стене ружье когда-нибудь должно выстрелить. Утром 18 марта 1992 года Кортни в панике вызвала полицию – Курт заперся с ружьем в комнате и грозил покончить с собой! Полицейские прибыли быстро и действовали профессионально: они отобрали у Кобейна несколько ружей и таблетки неизвестного происхождения, которые также находились в комнате. Курт, улыбаясь нездоровой улыбкой, утверждал, что лишь хотел спрятаться от жены: они снова поссорились и он просто собирался ее напугать…

В конце концов такое напряжение не могло не сказаться на них обоих, но прежде всего на Кортни, ведь именно она принимала на себя все удары в последние месяцы их совместной жизни. Она изменила Курту. Более того, чтобы ему было больнее, она сделала это достоянием общественности…

Возможно, их семья перестала существовать уже давно, но на развод Курт подал только теперь. Он был ужасно зол и даже хотел переписать свое завещание, но не успел… 8 апреля 1994 года в Сиэтле, в собственном доме, полиция нашла бездыханное тело того, кого считали своим кумиром миллионы. Все выглядело как самоубийство – у фронтмена «Нирваны» была прострелена голова, а на груди лежало одно из его собственных ружей. Также

полицейские нашли предсмертную записку.

О кончине Кобейна ходило множество скандальных слухов, и, хотя расследование пришло к выводу, что музыкант сам выстрелил себе в голову, в деле о его смерти и сегодня находят много противоречий. Записка, написанная Куртом, мало походила на предсмертную, а на ружье не было найдено не только никаких посторонних следов, но и отпечатков пальцев музыканта!

Фанаты Кобейна до сих пор обвиняют в его смерти Лав. Многие еще в то время считали, что именно она была заказчицей убийства своего мужа. Курт уже подал документы на развод, и из тех тридцати миллионов, которые получила Кортни, став вдовой Курта, в качестве алиментов его бывшей жены она смогла бы получить лишь миллион…

Причастность Кортни к убийству не была доказана, ясно лишь одно: эти двое сами убили свои отношения. И если Лав смогла удержаться на краю героиновой пропасти, уйти от нее, то Курт погиб в ней безвозвратно. Кроме того, несмотря на скандалы и большую вероятность развода, эти двое сумасшедших, когда-то так символично встретившихся в баре, безумно любили друг друга… Кортни любила Курта, а Курт – Кортни…

Он не боялся уйти. В его дневнике можно прочитать: «Я не боюсь смерти. Когда ты умираешь, твоя душа продолжает жить и становится абсолютно счастливой. Полный покой после смерти, перерождение в кого-то другого – вот самая большая надежда моей жизни». Сбылись ли его надежды? Кто знает… Однако жива музыка «Нирваны», в которой Курт Кобейн, несомненно, был когда-то самой душой…

Принцесса Диана и Доди аль-Файед

Эта женщина покорила сердца людей во всем мире еще при жизни и стала легендой после смерти. Ее называют «народная принцесса», «леди Ди», о ней снимают фильмы, а загадка ее неожиданной гибели до сих пор будоражит и Скотленд-Ярд, и частных расследователей.

Принцесса Диана

Несмотря на то что на голове у нее была бриллиантовая корона, Диана была просто женщиной – обыкновенной женщиной со своими собственными слабостями, прихотями, капризами, страхами… И, разумеется, она не была чужда романтических увлечений – ни после своего скандального развода с принцем Чарльзом, ни даже во время замужней жизни, когда она еще носила гордый титул принцессы Уэльской.

Диана Фрэнсис Спенсер родилась в 1961 году и была третьей дочерью графа Спенсера. Когда Диане было всего восемь лет, родители развелись и девочка осталась с отцом. Вскоре лорд Спенсер женился вновь. Мачеха невзлюбила красивую кроткую падчерицу, а заодно и остальных детей мужа от первого брака. Диану отдали в частную школу для девочек, но там она показала себя совсем не с лучшей стороны: училась далеко не блестяще и так и не смогла получить диплом учебного заведения. Ее стихией

были музыка и танцы, а вовсе не скучные история или математика…

К совершеннолетию девушке подарили квартиру в центре столицы – так Диана переехала в Лондон. Она поселилась в шикарных апартаментах вместе с тремя подругами, а заодно и подыскала себе работу по душе. Диана всегда любила возиться с малышами и потому поступила помощницей воспитательницы в детский сад.

Со своим будущим мужем они уже встречались ранее: он приезжал на охоту в замок ее отца, когда Диане было шестнадцать. Тогда принц не произвел на нее впечатления. Однако когда он попросил ее руки – по выбору собственной семьи, а не по велению сердца, – она согласилась. Принц Чарльз казался ей надежным, умным, хорошо воспитанным… И главное – он все-таки был принцем, наследником Британской короны, а какая девушка в мечтах не видит себя королевой!

Еще до свадьбы Диана знала о том, что сердце Чарльза не свободно, но… надеялась привлечь мужа на свою сторону. Для этого у нее было все: молодость, красота, невинность. Свадьба, состоявшаяся в июле 1981-го, была роскошной, а уже через год принцесса родила британской короне наследника – принца Уильяма. В 1984-м у Чарльза и Дианы родился еще один сын – принц Гарри.

Несмотря на рождение детей и проживание под одной крышей, отношения между супругами стремительно портились, и к 1990-му Диана и Чарльз оказались на грани разрыва. Чарльз так и не порвал с давней любовницей, Камиллой Паркер-Боулз. В одном из интервью Диана позже горько скажет по этому поводу: «В нашем браке нас всегда было трое».

Однако не стоит думать, что леди Ди была безупречна во всем, что касалось супружеской верности: у нее бывали и интрижки, и более серьезные увлечения. В своей связи с инструктором по верховой езде Джеймсом Хьюиттом принцесса даже призналась во всеуслышание – в интервью 1995 года, накануне официального развода с Чарльзом. Этот брак, на который возлагала такие надежды британская корона, распался еще задолго до развода – в 1992-м супруги разъехались. Диана считала себя свободной от обязательств перед принцем Чарльзом, и, в сущности, так оно и было.

Незадолго до своей гибели бывшая принцесса начала встречаться с сыном египетского миллиардера Мохаммеда аль-Файеда, Доди аль-Файедом. Влюбленные много времени проводили вместе, и их не раз ловили в объективы жадные до сенсаций папарацци. Таблоиды запестрели снимками,

приводящими в ярость королевскую семью: вот влюбленные Диана и Доди на яхте в море, вот, держась за руки, прогуливаются по пляжу, сидят за столиком в Монте-Карло…

Королевская семья не отпускала Диану даже после развода, и, хотя она уже не была женой Чарльза, но оставалась матерью наследников престола! Поэтому, когда пресса взорвалась слухами о том, что Диана и Доди собираются пожениться, королевская семья пришла в ярость. Мать наследных принцев будет женой человека, не носящего никакого титула, более того – женой мусульманина!

Хотя с момента трагической гибели Дианы и Доди в автомобильной катастрофе 31 августа 1997 года до сегодняшнего дня прошло уже очень много времени, слухи об этой аварии, в которой погибли бывшая принцесса и ее возлюбленный, не затихают.

До сих пор идут споры о том, что все-таки послужило причиной аварии: превышение скорости, наличие в крови у водителя алкоголя, то, что пассажиры не были пристегнуты ремнями безопасности, или же все это вместе? Что на самом деле произошло в тоннеле под мостом Альма в Париже? Отчего автомобиль вдруг потерял управление и врезался в тринадцатую опору моста, мгновенно превратившись в ужасающую груду металла, залитую кровью пассажиров и водителя?

Думаю, что всей правды об этой истории мы не узнаем никогда. Показания телохранителя, оставшегося в живых, расследованию почти ничего не дали: после аварии он потерял память о событиях. Или же просто не хотел ничего рассказывать? Многократно менялись результаты экспертиз – не потому ли, что узнать всю правду о гибели «народной принцессы» не должен был никто?

В тот роковой для леди Ди и ее возлюбленного день они побывали в ювелирном магазине – выбирали обручальные кольца. Но надеть их на пальцы друг другу так и не успели…

Глава 4
Любовь длиною в жизнь

Пьер Абеляр и Элоиза Фульбер

Не стоит думать, будто в истории человеческой цивилизации вечно хранятся лишь даты крупных исторических сражений, доказательства теорем и формулы веществ, двигавших прогресс вперед. Чем был бы мир без великих историй любви? И был бы он вообще тем миром, в котором мы живем? Потому как множество великих открытий и, без преувеличения, практически все произведения искусства были сделаны, созданы, написаны, изваяны и спеты с любовью, о любви и во имя ее!

Абеляр и Элоиза. Эдмунд Лейтон

Пьер Абеляр, чье имя неразрывно связано с именем Элоизы Фульбер, родился в маленьком французском городке в провинции Бретань. Домашнего воспитания юному Пьеру было мало, и, с благословения отца, пытливый юноша отправился в Париж, который и тогда, в XI веке, уже был средоточием мысли, наук, искусств и прочих благ цивилизации.

Абеляр быстро выдвинулся – его ум, несомненно, опережал эпоху, а отсутствие ложной скромности лишь помогло добиться желанной цели, и вскоре молодой философ возглавил знаменитую школу при соборе Нотр-Дам-де-Пари.

Пьер был красив, успешен, уверен в своих силах, и, казалось,

женщины вовсе не занимали его, хотя при весьма привлекательной внешности и способности поддерживать живую и остроумную беседу вниманием прекрасного пола он не был обделен никогда. Между тем судьба уже приготовила ему тот презент, который он вскоре сочтет самым ценным и восхитительным даром за всю свою жизнь. Движущая сила мира, она же любовь, явилась Пьеру Абеляру в образе молодой девушки, жившей буквально по соседству.

Элоиза была сиротой, жившей в домике для священнослужителей собора. Девушка, в раннем детстве потерявшая обоих родителей, после обучения в монастыре осталась на попечении своего дядюшки, каноника Фульбера. Монастырь Святой Марии, впрочем, как и многие другие монастыри в то время, был средоточием знаний, и Элоиза не преминула этим воспользоваться. В то время как другие девочки перенимали у сестер-монахинь искусство золотого шитья, составления букетов или мыловарения, Элоиза по выходе из стен обители свободно владела древнегреческим, латынью и даже древнееврейским!

Этим двоим суждено было встретиться, да и трудно не знать друг друга, вращаясь в одном кругу. Однажды достопочтенный каноник пригласил Абеляра на ужин. Кроме еды, вниманию гостя также были предложены главные сокровища дома: роскошная библиотека и гордость дядюшки – племянница, девица острого ума, владеющая познаниями столь обширными, что многих ученых они буквально ставили в тупик. Кроме потрясающего воображение интеллекта девушка оказалась еще и на редкость хороша собой! Великий философ был буквально сражен. Ему не хотелось покидать гостеприимный кров, отдаляться от Элоизы, и даже расстояние в двадцать лет не смущало его. Он попросил каноника сдать ему комнату и не получил отказа.

Едва эти двое оказались рядом, поцелуи и объятья целиком вытеснили ученые занятия. Лишь на расстоянии они могли мыслить здраво, читать книги, изучать философию, схоластику, риторику или же другие науки. Влюбленные думали друг о друге, слали полные нежности письма, стоило только им расстаться, пусть даже ненадолго…

Однако долго такую страсть таить невозможно, и вокруг сначала робко, а затем и открыто заговорили о том, что Элоиза Фульбер стала любовницей Абеляра. Но… Элоизу не смутили слухи и сплетни! Девушка гордилась тем, что великий ученый предпочел ее другим. «Есть ли на всем свете хоть одна королева или принцесса, которая не завидовала бы мне?» – написала она в письме.

Все было настолько явно, что буквально все вокруг знали о романе Элоизы и Пьера, кроме… самого каноника! Но непоправимое все же случилось: однажды ночью он застал Абеляра в спальне племянницы. Потрясенный хозяин тут же указал квартиранту на дверь, однако к тому времени его драгоценная девочка, его Элоиза, уже была беременна…

Видеться после скандального изгнания Пьера из дома каноника они уже не могли, однако и существовать отдельно они также уже не умели! Как-то ночью Абеляр выкрал возлюбленную и увез ее в родную Бретань, под гостеприимный кров дальних родственников. Там и родился их мальчик, плод великой любви, – к сожалению, незаконнорожденный. Ребенка, рожденного незамужней матерью, как тогда было принято, отдали на воспитание, и больше родители его не видели.

Абеляра мучили угрызения совести: ведь это по его вине Элоиза лишилась своего доброго имени, а ее воспитатель был несчастен и лишен общества племянницы. Пьер горько каялся в содеянном, но, как говорится, сделанного не воротишь. Все же он пытался загладить свою вину: попросил у Фульбера руки племянницы, однако при условии, что брак их будет сохранен в великой тайне. Каноник, сердце которого смягчилось при виде столь явного раскаяния, благословил его намерения, но… Элоиза категорически отказалась выходить замуж! Она не желала никакого брака – ни тайного, ни даже явного!

Абеляр был растерян: сначала ему казалось, что Элоиза разлюбила его… Не только в Средние века, но и в любое время и в любом обществе женщины обычно стремились к супружеству, а не избегали его! Лишь затем, когда знаменитый философ услышал рассуждения возлюбленной, сомнения оставили его. Элоиза не хотела обременять великого ученого тем, что неизбежно возникает в браке: хлопотами, связанными с домашним хозяйством, болеющими и вечно кричащими младенцами, которых она исправно будет рожать, стоит только им зажить под одной крышей…

Любимая женщина нарисовала перед внутренним взором Пьера столь устрашающую картину домашней рутины, что он был потрясен. Да, она была права – и несомненно права! Множество великих личностей после женитьбы создали гораздо меньше, чем до того, как трясина брака засосала их. Ставить на ноги детей, добывать хлеб насущный, содержать дом, жену, а зачастую и престарелых родственников жены… Однако после недолгих раздумий Абеляр все-таки настоял на браке. Он был непреклонен: или брак, или конец отношений!

И Элоиза сдалась. Но перед тем, как пойти с любимым к

алтарю, она, заливаясь слезами, произнесла пророческие слова: «Нам ничего другого не остается, но подстерегающий рок принесет нам такие страдания, которые по своей мучительности могут сравниться только с пережитой нами страстной любовью…»

После скромного венчания по настоянию Элоизы они с Пьером расстались. Он остался при университете, в котором преподавал, а она поселилась все в том же монастыре Святой Марии, в котором некогда прочла столько ученых книг, что их с лихвой хватило бы не на одну библиотеку.

Однако даже бракосочетание не заткнуло рты слишком рьяных сплетников, кроме того, оно было тайным… И в Париже на всех углах судачили о том, что Абеляр погубил невинную девушку, пользуясь доверием ее попечителя. Злые языки нашептывали в уши каноника все более скабрезные подробности связи Пьера и Элоизы, и однажды достопочтенный Фульбер не выдержал. Ночью он в сопровождении нескольких слуг и медика ворвался в дом своего зятя. Спящего философа схватили, привязали к кровати, и каноник сам сорвал с него одежду. Доктор раскрыл саквояж со зловеще блеснувшими в свете зажженных свечей инструментами, и…

Оскопленный Пьер Абеляр постригся в монахи – подальше от позора, нанесенного им дядей жены, от слухов и сплетен и от счастья, еще совсем недавно казавшегося ему таким близким и достижимым. Элоиза также приняла постриг в монастыре Святой Марии. На тот момент женщине было всего девятнадцать лет.

Любя своего мужа сквозь разделяющие их годы и расстояния, Элоиза не забывала и о том, что она теперь монахиня и должна служить Богу. Ее рвение было замечено, и спустя годы она стала аббатисой обители Святой Марии. Однако чего стоили ей вынужденная разлука с любимым, которому она не переставала писать все эти годы, и исполнение строгого монастырского устава, не знает никто.

Да, они изредка виделись: не выдерживая вынужденного расставания, Абеляр отправлялся навестить жену. Разумеется, эти вполне невинные свидания, в целомудрие которых никак не хотели верить его враги, только подливали масла в огонь нечистоплотных слухов, которые всегда клубились вокруг имени ученого. И Абеляр не раз признавался любимой, что уже опасается не только за свои труды, но и за свою жизнь…

12 апреля 1141 года, когда Пьер Абеляр, измученный болезнями и последствиями жуткой операции, совершал нелегкое паломничество к престолу Папы Римского, его шестидесятилетнее сердце не выдержало земных тягот и остановилось. Весть о кончине того, кого она любила всем своим

существом, обрушилась на Элоизу, как удар меча… От ее любимого осталось только истерзанное страданиями тело, и она попросила отдать ей хотя бы то, что принадлежит ей по праву! Пьера Абеляра похоронили при монастыре, и Элоиза лила слезы на могиле того, кто был дорог ей, как никто и никогда, еще бесконечные двадцать лет…

Им все же довелось воссоединиться: через семь столетий, в 1814 году, останки тех, кто не переставал любить, были перенесены в Париж – город, где они некогда встретились. Их перезахоронили на кладбище Пер-Лашез в одной могиле – и как прежде был единым их дух, так наконец соединилось в единое целое то, что осталось от их бренных тел…

Физическая любовь Пьера и Элоизы длилась всего два года, но их любовь платоническая, духовная, которой не суждено было умереть, пережила века – она продолжалась до самой смерти. И даже саму смерть она победила – так думаю я, и так думают очень, очень многие…

Князь Петр и его жена Феврония

Петр и Феврония из славного русского города Мурома прославились своей праведной жизнью и великой любовью друг к другу еще при жизни. А история их любви настолько удивительна, что Русская православная церковь канонизировала князя Петра и его жену и сегодня святые Петр и Феврония почитаются как покровители семьи и брака.

Летописи сохранили мало сведений о князе Петре и его кроткой жене – известно лишь, что князь правил в Муроме с 1205 по 1228 годы и у супругов было трое детей: дочь Евдокия и сыновья Святослав и Юрий. Однако рассказы о жизни любящей четы передавались из уст в уста, и таким образом за многие века история их жизни стала больше похожа на сказку. Тем не менее я расскажу о жизни Петра и Февронии так, как рассказал о ней в XVI веке Ермолай Прегрешный, чья повесть о верных супругах стала одной из поэтических вершин русской литературы.

Итак…

К супруге князя Павла повадился летать поганый змей – творение самого сатаны. Прилетал этот змей в окно и садился на постель княгини в образе ее мужа – склонять несчастную женщину к блуду. Когда же княгиня поняла, кто на самом деле является ей по ночам, то рассказала мужу, а тот велел выпытать у змея: чем его извести можно? Женщина и спросила у мерзкой твари: «Мудрый ты, а все ли на свете знаешь, что и другим никогда не ведомо? Например, от чего умрешь сам и когда?» Змей, обманутый наивностью вопроса, ответил: «Умру я от Петрова плеча и от Агрикова меча!»

Князь Павел рассказал о словах змея брату, имя которого было Петр. Но что такое Агриков меч и где его искать? Петр был весьма набожен, и вот однажды во время поездки в монастырь неподалеку молодой монах указал княжичу на старый меч в щели у стены и сказал, что лежит это проржавевшее орудие здесь испокон веков, а зовут этот меч почему-то Агриковым!

Вернувшись к брату с мечом, Петр подстерег змея в тереме у княгини и убил его. Нелегко это далось Петру – змей-то был в образе его родного брата! Князю же Павлу Петр велел не выходить из своих покоев ни под каким видом, чтобы ненароком не пролить братской крови вместо крови мерзкого чудовища. Когда зарубил Петр порождение ада, кровь змея обрызгала его всего – и с этого дня заболел он проказой. Все его тело покрылось язвами и струпьями.

У многих врачей лечился Петр, но не принесло ему это

никакого облегчения. И вот однажды услышал он, что в селе Ласково, что под Рязанью, есть умелые лекари, и велел везти себя туда, потому что сам сидеть на коне уже не мог.

Один из витязей князя, не зная, у кого спросить о лекарях, зашел в избу, стоявшую на краю, и застал там девушку, что пряла холст. Посмотрела на него девица и говорит: «Плохо, когда дом без ушей, а горница – без очей!» Гость удивился таким словам и спросил о родных девушки. Та ответила так же непонятно: «Отец и мать пошли взаймы плакать, а брат мой родной – сквозь ноги в глаза смерти смотреть!»

Когда же попросил он ее пояснить свои слова, она, засмеявшись, ответила: «Вошел ты в горницу, а я тут сижу неприбранная – а была бы на дворе собака, вот и были бы у дома уши! А если бы у меня был ребенок, он бы мне сказал, что ты у меня за спиной стоишь, был бы глазами горницы. Что до родителей – они пошли на похороны и плачут там. А когда они умрут – по ним тоже придут плакать, так что плачут они сейчас как бы взаймы. А про брата моего – так он у меня бортник, лазает по высоким деревьям, мед диких пчел собирает. И вот когда он стоит на ветке и земля далеко внизу, а рядом – пчелы злые да разъяренные, он и смотрит вниз, сквозь ноги в глаза своей смерти, потому что если пошатнется, то упадет и убьется!»

Рассказал витязь мудрой девице, что назвалась Февронией, о болезни Петра, и та сказала: «Приведи князя ко мне. Если он будет чистосердечен и кроток в речах своих, я его вылечу!» И добавила еще, что награды никакой, которую князь обещал, не хочет, а что желает, чтобы князь взял ее в жены.

Князь, на словах согласившись взять простую девицу Февронию в жены, подумал: «Негоже князю жениться на простолюдинке», – и, когда Феврония простым заговором на квас вылечила его, он одарил ее богатыми дарами и уехал к себе в Муром.

Феврония даров князя брать не захотела, а велела ему помазать квасом все струпья и язвы, кроме одной. Когда князь вышел из бани, кожа его была чистой, но от той одной язвы, что он не помазал, болезнь снова распространилась по его телу, и снова поехал он на поклон к Февронии.

Девушка очень гневалась на князя, который слова своего не сдержал, однако жалость взяла над ней верх и она снова его вылечила – взявши перед тем опять слово, что обвенчается с ней. В этот раз Петр слово свое сдержал, и в Муром Феврония въехала уже его невестой.

Между тем князь Павел скончался и на княжеском престоле сел Петр, а Феврония стала княгиней. Бояре, а особенно боярские

жены, были очень недовольны, что правит ими простолюдинка, и, придя к князю, просили его Февронию сослать в монастырь и взять себе другую жену, более подходящую ему по роду. Князь Петр супружеских обетов преступать не пожелал и от жены своей любимой не отказался. Приказал же снарядить два судна, нагрузил их добром и отплыл вместе с женой вниз по Оке искать нового пристанища.

Бояре, оставшись без князя, пожелали княжеский престол каждый для себя, и началась смута великая, и много погибло в городе великих родов, когда обнажились мечи. И послали оставшиеся в живых снова за Петром и Февронией, и просили их вернуться и княжить в городе, потому как правили они справедливо и мудро.

Когда же супруги состарились, то пожелали уйти в монастыри, молиться о душе. И ушла Феврония в женский монастырь, а князь Петр – в мужской. И стал Петр монахом Давидом, а княгиня Феврония – монахиней Ефросиньей. А еще просили всю жизнь супруги у Бога, чтобы умереть в один день, и даже гробницу себе приготовили одну на двоих: выдолбленную в большом камне в виде двух гробов, разделенных лишь тонкой перегородкой.

За беспримерную супружескую верность и любовь, какие были у Петра и Февронии всю жизнь, исполнил Господь их заветное желание и даровал им смерть в один день. Но люди не захотели положить монахов в одну гробницу для отпевания и поставили гроб с Петром в одной церкви, а гроб с Февронией – в другой. Однако утром тела их оказались лежащими в соборе в той самой каменной гробнице! Подивились люди такому чуду, но снова разделили монахов. И снова утром нашли лишь пустые гробы, а супругов – лежащими в соборе Пречистой Богородицы вместе. После этого Петра и Февронию уже не разлучали, и как были они вместе при жизни, так и остались вместе после смерти.

Эта красивая легенда о князе Петре и его жене Февронии не просто сказка, которыми так богат фольклор. Супруги Петр и Феврония действительно княжили в Муроме и умерли в один день. И когда после революции 1917 года мощи святых были извлечены из гробницы и выставлены в историческом музее на всеобщее обозрение с недостойными комментариями, даже тогда они помогали людям, свято верившим в них.

Сегодня мощи Петра и Февронии хранятся в соборе Свято-Троицкого монастыря в Муроме, а в честь этих почитаемых святых учрежден праздник семьи и верности, который отмечается 25 июня, и называется он по именам этих двоих, пронесших свою любовь сквозь все испытания, годы и века – День Петра

и Февронии.

Королева Виктория и принц Альберт Саксен-Кобург-Готский

Принцессам положено выходить замуж за принцев – это правило в прежние времена действовало практически непреложно. А рассматривать другие варианты брака для будущей королевы, к тому же единственной наследницы престола в консервативной Британии XIX века, никому и в голову бы не пришло!

Королева Виктория и принц Альберт на балу-маскараде 12 мая 1842 года. Эдвин Ландсир

Принцесса Александрина Виктория родилась в мае 1819 года там, где и положено рождаться особам королевской крови, – во дворце. Малышка лишилась отца, когда ей было всего восемь месяцев от роду, и росла под присмотром матери, а также многочисленных придворных нянек, бонн и гувернанток. Условия, в которых воспитывалась та, чье царствование впоследствии было названо великим, были самые жесткие: девочке запрещалось спать отдельно от матери, а также разговаривать в ее отсутствие с любым незнакомым ей человеком!

Тирания требовательной и не в меру строгой матери кончилась в один день: однажды утром девятнадцатилетняя принцесса и единственная законная претендентка на трон проснулась королевой. Первое, что приказала сделать та, которую

20 июня 1837 года епископ Кентерберийский объявил новой королевой, – это убрать свою кровать из спальни матери. Это был решительный шаг, и сколько еще таких шагов в своей жизни Виктории предстоит совершить!

Новой королеве было почти двадцать – возраст по тем временам изрядный, а королевство нуждалось в наследнике престола. Собственно, выбора как такового у Виктории не было: единственным кандидатом, предложенным ей в мужья матерью и дядей, бельгийским королем Леопольдом, был принц Альберт Саксен-Кобург-Готский. Брак намечался сугубо династический, ведущий к укреплению обоих участвующих сторон, но…

Виктория уже виделась с Альбертом раньше, и он показался ей не просто милым, а чертовски привлекательным! Принц был хорош собой, любезен, благородно прост в общении, однако… Дух противоречия и долго терпимая зависимость от властной матери – именно то, что заставило ее в свое время приказать вынести собственную кровать в помещение, принадлежащее только ей, не дали Виктории сразу сказать «да». И, в конце концов, она была королевой! Ей хотелось самой принимать не только государственные решения, но прежде всего те, которые касались ее личной жизни.

Как говорит народная мудрость, «суженого и конем не объедешь». Не объедешь его и королевской каретой – тем более когда чувствуешь такое сильное влечение! Хитроумный дядя Леопольд устроил встречу строптивой племянницы с Альбертом, и тот, не прикладывая никаких особых усилий, совершенно очаровал девушку. Уже через два дня она сама написала бельгийскому монарху: «Красота Альберта впечатляет, он так любезен, так прост: короче, он соблазнителен».

В решительности Виктории нельзя было отказать, и она, не откладывая дела в долгий ящик, объявила премьер-министру, лорду Мельбурну: «Я решилась на брак с Альбертом. Надо ему об этом сообщить!» Чопорный лорд растерялся: «Обычно мужчины просят руки суженой, а не наоборот!» Это немного отрезвило Викторию – действительно, хотя их брак с Альбертом казался делом решенным, форсировать события самой как-то не по-женски…

Однако первой заговорить о браке пришлось именно ей. После королевской охоты, на которую принц Альберт получил приглашение, Виктория позвала его в свой кабинет. И – впервые осталась с тем, в кого уже была влюблена, наедине. Принц просто смотрел на нее – но он молчал! И тогда говорить пришлось ей. «Вы понимаете, зачем я позвала вас сюда? – спросила Виктория кузена. – Я буду счастлива, если вы станете моим мужем!»

Альберт преклонил одно колено и прошептал: «О, я недостоин вас… – Щеки Виктории вспыхнули, однако это был не отказ. – Я буду счастлив провести всю мою жизнь рядом с вами…»

Принц Альберт хорошо понимал, что, соглашаясь на этот брак, он навсегда останется в тени своей царственной супруги, постоянно будет следовать на шаг позади нее, потому что супруг английской королевы – это не король. Он будет носить лишь титул принца-консорта, и тот получит не сразу после женитьбы, а только по истечении нескольких лет. Королева могла назначить своего мужа всего-навсего фельдмаршалом, и то лишь номинально!

Виктория понимала, насколько такое положение вещей, четко прописанное в конституции страны, унижает Альберта, и даже сделала об этом запись в своем дневнике. Кроме того, она влюблялась в своего будущего мужа все сильнее и сильнее. И это толкало ее на все более решительные шаги. Она даже хотела потребовать от парламента дать своему мужу титул короля, но от этого опрометчивого шага ее отговорил все тот же мудрый лорд Мельбурн. «Те, кто делает королей, могут и свергать их! – заметил он. – И прошу вас, ваше величество, не поднимайте этот вопрос сейчас. Еще не время».

Свадьба, которую с помпой отпраздновали в 1840 году, наконец-то соединила Викторию с тем, к кому она так стремилась. Ее страсть, возраставшая с каждым днем, даже озадачивала несколько холодноватого и рассудительного принца: сможет ли он соответствовать такому сильному чувству?

Но, как бы ни любила его невеста, она все сделала по-своему, несмотря на его многочисленные просьбы и пожелания: сама выбрала дом, в котором они будут жить, всю обстановку, и даже предложила своему будущему мужу… новых друзей! Взять в их новую жизнь его собственную свиту Виктория не пожелала…

Альберт никогда не был пылким любовником, и страсть жены порой его утомляла, но… она все же была королевой! Причем королевой, которую он сделал счастливой. В ее кабинете поставили второй письменный стол – для Альберта, хотя он не мог принимать никаких государственных решений. А в своем дневнике Виктория написала: «Я подписываю бумаги, а Альберт их промокает»…

Однако глупо предполагать, что муж королевы был полностью отстранен от дел управления государством: можно сказать, что Альберт мудро и ненавязчиво руководил своей женой, давал ей дельные советы и даже… был нянькой и сиделкой при беременной Виктории! Слово Альберта всегда оставалось решающим и в воспитании, и в лечении детей,

которых супруги родили целых девять.

Брак Виктории и Альберта был на редкость удачным, что для коронованных особ скорее исключение, чем правило. Вот как пишет о нем сам Альберт в письме к брату: «Чем тяжелее и крепче цепи супружества, тем лучше. Супруги должны быть прикованы друг к другу, неразделимы и жить только друг для друга. Я хотел бы, чтобы ты приехал и полюбовался на нас – идеальная супружеская пара, соединенная любовью и согласием».

Разумеется, когда тебе то и дело приходится носить и рожать детей, что, конечно, тоже поступок государственной важности, приказы и законы отступают на задний план. Альберт все больше вовлекался в дела королевства – он вставал еще до восхода солнца, шел в кабинет и принимался за работу: читал и подписывал бумаги, вникал в дела министерств… Некоторые политики даже возмущались, что у нового монарха в руках слишком много власти, но Виктория только радовалась сложившемуся положению дел!

Королева называла мужа «мой милый, мой несравненный ангел», а он отвечал ей такой же нежной любовью. Казалось, ничто не может омрачить их семейную идиллию, но… Внезапно в декабре 1861 года Альберт заболел. Королева вначале не придала значения недугу, думая, что болезнь мужа не более чем легкое недомогание, но все развивалось настолько стремительно, что через четыре дня короля не стало… Последними его словами были: «Моя дорогая жена…»

Король умер. Однако любовь Виктории к Альберту не умерла вместе с ним. И хотя она долгие годы будет переживать эту потерю почти так же остро, как и в первые скорбные дни, всю свою оставшуюся жизнь она посвятит увековечиванию памяти о любимом. Кроме памятников безвременно ушедшему супругу, Альберт-холла и Альберт-мемориала, Виктория будет почитать память любимого ежедневно и ежечасно: в его комнате всегда будут стоять свежие цветы, на его постель каждый вечер будут класть пижаму, а утром приносить горячую воду для бритья…

Она никогда не забудет и не предаст любимого, и память о нем будет хранить тем способом, который более всего приличествует королеве: закончит все те начинания, которые Альберт считал важными. Никто не смел диктовать Виктории свою волю, кроме того, кто незримо и до конца ее дней будет стоять у нее за плечом и шептать ей на ухо: «Ты поступаешь правильно, моя дорогая жена…»

Уинстон и Клементина Черчилль

Есть пары, глядя на которые так и хочется воскликнуть: вот она, настоящая любовь! И именно такой парой, прошедшей вместе через все препоны и сложности, которыми изобилует любое супружество, были Уинстон и Клементина Черчилль – истинные английские лорд и леди. Они пронесли взаимную любовь, нежность, привязанность и преданность друг к другу через всю свою более чем пятидесятилетнюю совместную жизнь.

Уинстон и Клементина Черчилль

Они познакомились летом 1904 года на одном из аристократических приемов. Клементине Хозьер было девятнадцать, и она была в самом расцвете своей классической, величественной красоты. Уинстон, который был на одиннадцать лет старше, рядом с похожей на лилию девушкой выглядел как сбежавший из цирка дрессированный медведь; но у него, кто никогда не умел красиво ухаживать за женщинами, в кармане были свои козыри. Однако на том памятном обоим приеме они так и не познакомились как следует – он молчал и только не отрываясь смотрел на нее, своим пристальным и тяжелым

взглядом вгоняя молодую девушку в краску…

Второй раз они встретились только через четыре года, и снова Уинстон не проявил себя расторопным кавалером. Однако в этот раз они все же начали встречаться, и через пять месяцев будущий премьер-министр Великобритании решился представить Клементину родне. Он пригласил девушку в родовое поместье герцогов Мальборо, но даже там, среди прекрасной природы, не смог преодолеть своей скованности, и все три дня они с Клементиной не приближались друг к другу, как на это рассчитывал Уинстон, а лишь отдалялись.

Черчилль был в таком отчаянии от осознания провала своей миссии, что на третьи сутки пребывания в поместье даже не захотел вставать с кровати. Он сидел, угрюмо насупившись и завернувшись в одеяло, и смотрел в одну точку. Клементине было не легче – на этот раз рядом с ней был тот, кто ей действительно нравился до безумия. До Уинстона она уже разорвала три помолвки и сейчас ждала предложения, которое наконец-то должно было сделать ее счастливой! Но вместо этого ей пришлось в одиночку пить кофе в столовой и раздумывать над тем, что же она сделала не так…

Спас положение сам герцог Мальборо: он буквально вытащил кузена из кровати. Напутствуемый грозным предостережением: «Уинстон, если ты не признаешься ей в своих чувствах сейчас, то, боюсь, тебе не представится такая возможность никогда!» Черчилль поплелся вниз, где Клементина пребывала в раздумьях: не лучше ли ей возвратиться в Лондон?

Уинстон пригласил девушку посмотреть розарий, но здесь уверенность в своем красноречии снова покинула его. К тому же началась гроза и им пришлось укрыться в беседке. Продрогшие влюбленные сидели, пережидая ливень, и… молчали, хотя время и место для предложения были как нельзя более подходящие. Клементина уныло наблюдала за жуком, который уже полчаса полз по полу, неумолимо приближаясь к трещине в каменном полу. «Если Уинстон не сделает мне предложение прежде, чем этот несчастный жук доползет до трещины, – подумала девушка, – он не сделает этого никогда!»

Черчилль все же опередил медлительное насекомое, и уже через пять дней сияющие влюбленные объявили родным о помолвке и о том, что со свадьбой они тянуть не намерены. Однако все, кто знал Уинстона близко, были уверены в том, что этому браку суждена недолгая жизнь: жених, по мнению света, не был создан для семейных уз. О, как ошибались все те, кто предрекал близкий крах этого союза! Уинстон и Клементина прожили душа в душу целых пятьдесят семь лет, и в своих

воспоминаниях Черчилль напишет: «Я женился в сентябре 1908 года и с тех пор жил счастливо».

Клементине нравилось в муже далеко не все: Уинстон не расставался с виски и сигарами, мог целыми днями пропадать в казино, а потом так же увлеченно заниматься политикой; муж писал книги и разъезжал по всей стране – однако она и не пыталась критиковать его характер. Да, ей не было с ним легко, но зато и никогда не было скучно!

Кроме того, Клементина не сделала распространенной ошибки многих – она не пыталась переделывать мужа на свой лад, а просто принимала любимого таким, какой он есть, и именно это стало залогом долгой счастливой жизни четы Черчилль. Разные по характеру и вкусовым предпочтениям, они тем не менее прекрасно уживались. Уинстон был типичной «совой», а Клементина вставала чуть свет, и поэтому они никогда не завтракали вместе. Позже славившийся остроумием премьер-министр скажет: «Совместные завтраки – это то, чего не может выдержать ни один семейный союз!»

Однако их семейная лодка сносила любые бури. Известно, что Уинстон Черчилль не принимал ни одного важного политического решения, не посоветовавшись с женой, – это ли не признак высшего доверия между супругами? Живой интерес жены к заботам мужа был не просто пустым звуком – Клементина действительно вникала во все вопросы и интересовалась каждой мелочью.

Именно Клементина в 1940 году написала Черчиллю историческое письмо, начинающееся словами: «Ты просто невозможен!» В нем она предостерегала любимого, но упрямого и самоуверенного супруга от самого страшного, что только может случиться с политиком и что едва не случилось с всесильным премьер-министром: он начал скатываться в пропасть авторитаризма, перестал прислушиваться к мнению окружающих и относиться критически к самому себе.

Леди Черчилль жила отнюдь не в тени своего знаменитого мужа – нет, эта женщина была вполне самодостаточна! Она лично возглавляла многие начинания. В частности, под ее руководством работал «Фонд Красного Креста помощи России», и во многом благодаря именно таланту Клементины фонд собрал просто гигантскую по тем временам сумму – около восьми миллионов фунтов стерлингов!

Все эти деньги до последнего пенни были вложены в медикаменты, одежду, оборудование для больниц, и День Победы 1945 года Клементина Черчилль встретила в Москве! Советское правительство по достоинству оценило труд жены премьер-

министра Великобритании и наградило ее Знаком Почета и орденом Трудового Красного Знамени.

Помимо наград, которые она получила в Советской России, Клементина Черчилль была отмечена и у себя на родине. В 1965 она получила титул баронессы Спенсер-Черчилль. Причем титулом наградили ее саму, а не знаменитого мужа, и тем самым признали ее выдающиеся заслуги и перед Великобританией, и в многочисленных международных благотворительных комитетах и фондах.

За долгие годы совместной жизни любовь и потрясающие воображение верность и преданность этих двоих не только не угасали, но, казалось, разгорались все сильнее. За пятьдесят семь лет совместной жизни Уинстон и Клементина написали друг другу около тысячи семисот писем, записок, телеграмм, и почти в каждом из этих памятных посланий есть строки: «Я люблю тебя!», «Я скучаю по тебе», «Я жду твоих писем, а те, которые получил, перечитываю снова и снова…»

Уинстон Черчилль, язвительных и метких замечаний которого многие откровенно боялись, был настолько нежен и ласков с женой, что буквально дня не мог прожить без своей Клемм… Недаром биографы Черчилля единодушны в своем мнении: Черчиллю всегда очень везло в политике, но больше всего ему повезло с женой. Сам же Уинстон однажды написал Клементине: «Моей самой большой удачей в жизни было найти тебя и жить с тобой!»

Генри и Клара Форд

В нравоучительных книжках для детей, изданных в прошлом веке в Америке, все истории заканчивались примерно одинаково: плохие дети, которые не ходили в школу и мучили животных, в конце концов оказывались в тюрьме, а хорошие становились президентами Соединенных Штатов. Или, по меньшей мере, Генри Фордами.

Генри Форд

Генри Форд родился в большой фермерской семье, и работать много ему было не в новинку. Однако кукурузные поля и свиные стойла не привлекали Генри, и, достигнув того возраста, когда дети уходят набивать свои собственные шишки, он собрал вещи в узелок и отправился искать лучшей доли. По дороге к светлому будущему ему встретилась механическая мастерская. С детства плененный видом всевозможных механизмов, Генри устроился в нее подмастерьем. Платили ему два доллара в неделю, а кров и стол стоили три с половиной, поэтому по ночам он подрабатывал еще и починкой часов.

Однако сколько Генри ни чинил часов и сломавшихся сеялок, его дебет и кредит никогда не сходились в нужном месте.

Промаявшись так два года, юноша вернулся на ферму, которая, кстати, была образцовым хозяйством, ее фото было размещено в местных иллюстрированных журналах.

Возможно, Генри все же смирился бы с фермерской долей, но судьба была к нему благосклонна: она вовремя послала ему соседа со сломанной паровой молотилкой. Генри разобрал механизм по винтику, и уже следующим утром молотилка работала как часы. Сам же мастер заболел новой болезнью: он хотел не только ездить на механизме по полям с целью сбора урожая, но и изобрести такую машину, которая везла бы его по дорогам без помощи лошадей.

Генри колесил по округе, чиня все, что только умело ломаться. И однажды на сельской вечеринке встретил ту единственную, заглянув в черные глаза которой он на мгновение забыл все – и даже свою заветную мечту! Ибо глаза, волосы и улыбка Клары Брайант, несомненно, того стоили. Ради того чтобы жениться на этой девушке, он был согласен даже остепениться и осесть на земле: отец выделил ему 80 гектаров пашни, а уютный дом Генри построил сам – своими собственными золотыми руками.

Однако фермерствовать чете Форд пришлось недолго: после того как на соседней упаковочной фабрике Генри увидел механизм, называемый рабочими Молчаливый Отто и работавший на бензине, его обуяли прежние мечты. Ферма была брошена, а Форд с женой перебрались в Детройт, где Генри поступил на работу в «Электрическую компанию Эдисона».

К чести Клары нужно сказать, что на всем далеко не гладком пути мужа к успеху она ни разу ни в чем его не упрекнула! Эта удивительная женщина ни разу не пожалела о том, что связала жизнь с человеком, который во что бы то ни стало желал изобрести нечто такое, чего никто никогда не видел. Более того: когда Генри притащил домой свой первый мотор, она сама воткнула шнур от него в розетку. Мотор заработал и разнес вдребезги кухонный стол и раковину, но Клара и тогда не укорила мужа! А когда любимый собрал в сарае свою первую тележку с бензиновым двигателем и та не смогла выехать на улицу из-за слишком узкого дверного проема, Клара схватила кирку и собственноручно выбила дыру нужного размера. Форд с триумфом выкатил тележку на улицу, к великой радости жены и удивлению привлеченных шумом соседей.

Созданный в 1908 году «Форд Т» оставался любимцем всей Америки долгие годы: машинка была на редкость неприхотливой, легкой, простой в управлении и дешевой. Она не сходила с конвейера рекордный срок – двадцать лет! Генри разбогател, стал

миллионером, но характер его любимой Клары, переехавшей в особняк стоимостью один миллион долларов – по нынешним меркам его цена приближалась бы к пятидесяти миллионам – от этого не испортился.

Жена по-прежнему была рядом с мужем и разделяла его убеждения и увлечения. И даже то странное мнение, если не сказать прямо – чудачество, что все выпускаемые компанией «форды» должны быть непременно черного цвета. Это подтверждал и слоган рекламного буклета, сочиненный самим Генри: «Каждый покупатель может приобрести автомобиль любого цвета, какой только пожелает, если только этот цвет – черный».

Клара была рядом со своим мужем всю жизнь – и в трудные времена, когда их семье приходилось жить на три доллара в неделю, и тогда, когда достаток позволял им буквально все: путешествовать, участвовать в благотворительных фондах, повышать зарплату рабочим корпорации в то время, когда в стране свирепствовала безработица и многие предприниматели заставляли рабочих трудиться буквально за гроши.

Клара и Генри всегда составляли единое целое, и жена не противоречила мужу никогда, полностью разделяя его высказывание: «Когда кажется, что весь мир настроен против тебя, помни, что самолет взлетает против ветра!» Сам же Генри Форд всегда верил в идею реинкарнации и однажды на вопрос журналистов, хочет ли он прожить еще одну жизнь, Форд ответил так: «Только если можно снова жениться на Кларе».

Принц Хуан Карлос и принцесса София

Король Испании Хуан Карлос и его жена, королева София, прожили вместе пятьдесят лет – срок немалый для любого брака. И именно на примере этой семьи, отношения внутри которой остаются отношениями обыкновенных людей, и можно попытаться понять: что же необходимо паре для того, чтобы оставаться счастливыми в браке такой длительный срок?

Принц Хуан Карлос и принцесса София (слева)

Они познакомились на дипломатическом приеме в 1954-м, но тогда знакомство еще не переросло во что-то большее. И лишь спустя шесть лет они получили возможность узнать друг друга поближе. Константин, брат Софии, принимал участие в Олимпийских играх, и его яхта выиграла гонку. На празднование победы были приглашены многие, в том числе и Хуан Карлос. Принцесса София подошла к тому, кто впоследствии станет ее мужем, и сказала: «Хуан, эти ужасные усы, которые ты отрастил, тебе совсем не идут!» Хуан Карлос растерялся и спросил: «Так что же делать?» Принцесса взяла его за руку, отвела в ванную комнату, усадила перед зеркалом и… собственноручно сбрила усы!

После истории с усами Хуан Карлос понял, что поступить так могла только та, что была предназначена ему судьбой. Разумеется, кроме усов у влюбленных было много других общих

интересов – и письма, как почтовые голуби, так и летали между Испанией и Грецией!

Наконец наследника испанской короны пригласили погостить при дворе греческого монарха. Именно там произошла притирка характеров будущих супругов: Хуан обожал морские прогулки на яхте и командовал Софией так, как будто она была не хрупкой девушкой, а одним из матросов. Если возлюбленная не понимала команды, он ужасно сердился и даже кричал на нее! Народная мудрость гласит: «Если вы собираетесь пожениться, сначала поклейте вместе в комнате обои. Если и после этого вы не передумаете, то будете жить счастливо всю жизнь». Обыкновенные люди клеят обои, ну а графы и принцессы ходят в море на яхтах…

Несмотря на то что Хуан Карлос носил громкий титул графа Барселонского, со средствами в семье испанских монархов было туговато. Поэтому жених принес к ювелиру золото, рубины и… бриллианты из пуговиц от парадного мундира своего отца!

Помолвка, скрепленная кольцом, в котором сияли пуговичные бриллианты, состоялась в сентябре 1961 года. Хуан не стал преподносить кольцо в торжественной обстановке, как делают многие. Он просто бросил Софии коробочку с кольцом и закричал: «Софи, лови!» Принцесса ловко поймала коробочку – и счастье оказалось прямо у нее в руках! Однако до брака было еще далеко – на пути у влюбленных стояли многие трудности, в основном связанные с вероисповеданием: София была православной, а Хуан Карлос – католиком.

После свадьбы София переехала на родину мужа. У власти тогда стоял диктатор Франко, а Хуан Карлос лишь номинально носил графский титул. Теперь София и Хуан со смехом вспоминают прошлое, но я уверена: тогда им было вовсе не до смеха. Недаром о тех временах они говорят: «Когда мы были никем…»

Политические распри оставались снаружи, а в их общем доме царило удивительное счастье. И как в каждой семье, где слова «счастье» и «дети» сосуществуют, их дом был трижды посещен аистом. Птица счастья принесла Хуану и Софии сначала принцессу Елену, затем принцессу Кристину, а затем и Фелипе – нынешнего наследника испанского престола.

То, чего ждали не только Хуан и София, но и вся страна, наконец-то свершилось в 1969-м году: Франко объявил венценосную чету принцем и принцессой Испанскими. После смерти Франко эти двое стали королем и королевой. Но если отбросить формальности, они были ими всегда – и по праву рождения, а также по праву всех влюбленных, отпраздновавших

золотую свадьбу и с самого первого дня называвших друг друга «мой король» и «моя королева»!

Тем, кто считает, что для полного счастья супруги должны как можно больше походить друг на друга, стоит посмотреть на Хуана Карлоса и Софию. Он любит водить автомобили, мотоциклы, самолеты, обожает скорость, охоту, а она предпочитает тихие конные прогулки, живопись на лоне природы, археологию, музыку и общение с детьми и внуками, которых у королевской четы уже девять. Он радиолюбитель-коротковолновик, она имеет зеленый пояс по каратэ. Общее увлечение обоих – лишь яхты и морские прогулки, но, видя счастье, которым так и лучатся глаза этих двоих, любой придет к выводу, что быть одинаковыми – это еще не значит идеально подходить друг другу.

София, гречанка, так полюбилась испанскому народу, что, согласно опросу, более пятидесяти процентов граждан страны утверждают, что они «монархисты только из-за королевы»! Королева София – настоящая гордость своей страны. Эта отважная женщина, вышедшая замуж по любви за человека, у которого в то время не было практически ничего, а положение в Испании было таково, что никто не мог предвидеть, что может ожидать страну и монархию уже завтра…

Заканчивая историю о любви Хуана Карлоса и его жены Софии, хочется привести слова самой королевы Испании: «Человеческое достоинство – самое главное. Оно есть у всех нас. И если человек его теряет, он – конченый человек. Достоинство так же важно для короля… как и для какого-нибудь простолюдина с улицы. Но королевское достоинство – это не снобизм, а ответственность. Вы меня спрашиваете, что это значит? Это означает всегда, всегда, всегда подчинять свои собственные интересы интересам общим. Королевская мораль очень строга и ко многому обязывает. Она обязывает тебя служить людям. И если кто-то хочет царствовать, он должен прежде всего уметь служить и быть готовым к самопожертвованию, поменьше думать о себе и побольше – о людях».

Король и его королева прожили всю свою супружескую жизнь рядом и не потеряли достоинства. Ни королевского, ни простого, человеческого: верности и преданности друг другу, причем верности и преданности самой высокой пробы!

Михаил и Раиса Горбачевы

Эти двое пронесли свою любовь через все испытания. Хотя быть политиком, находиться постоянно на виду и оставаться при этом таким нежным и любящим мужем, наверное, очень сложно. Еще сложнее было быть женой такого политика, который ломал устоявшееся и искал выход из тупика в стране, где им довелось встретиться и прожить всю жизнь…

Михаил и Раиса Горбачевы

Их роман начался еще в студенческие годы, когда ей было всего девятнадцать, а ему – двадцать. Она, Раиса Титаренко, только-только перенесла личную драму, и ей было не до ухаживаний Михаила. Однако он был настойчив, упрям, а кроме того, в нем чувствовалась та основательность, на которую, как на ту самую каменную стену, можно было опереться.

Целых полгода прошло с начала их знакомства, но она так и не принимала его чувств и самое большее, что позволяла, – взять себя за руку. И эту самую руку, за которую взял ее в самый первый раз, он не отпустит больше никогда. Даже на официальных приемах в трудный момент он будет искать ее небольшую, узкую, но такую надежную ладонь, в поддержке которой он так остро нуждался всю жизнь.

Они поженились в 1953-м. Сыграли скромную студенческую

свадьбу, и началась та самая семейная рутина, которая и является основной проверкой на прочность. Однако казалось, что для этих двоих даже повседневные дела становились праздничными. Очень скоро у них образовались и общие привычки, следовать которым они будут всегда, где бы ни находились и какую должность ни занимали. Пешие прогулки – непременный атрибут их собственной, личной жизни, большую часть которой они прятали от чужих глаз, как самое сокровенное и самое лучшее, что у них было…

Им, выходцам из простых рабочих семей, приходилось самим пробивать себе дорогу. И хотя после окончания МГУ обоим была предложена работа в Москве, они решают ехать в Ставропольский край. Решение было более чем мудрым: на периферии яркой личности можно выдвинуться гораздо быстрее, чем в столице. Карьера Михаила в качестве политика быстро идет вверх, а Раиса занимается наукой и защищает кандидатскую диссертацию по близкой им обоим социологии.

Когда Михаил Горбачев вознесся на самый верх иерархической партийной пирамиды бывшего СССР и стал генеральным секретарем, а затем и президентом, Раиса Горбачева также оказалась в самом центре внимания. Тем более что те перемены, что задумал ее муж, были неслыханными для тогдашнего застойного общества. Естественно, что вопрос «Как вести себя на людях?» встал перед ними – теми, кто раньше жил лишь тихой семейной жизнью. И если у него был опыт выхода «на публику», то у его жены – практически никакого. Однако на этот вопрос ими обоими был дан только один ответ: «Будем вести себя как раньше. Как всегда».

То, что жена генерального секретаря неожиданно вышла из тени мужа и встала рядом с ним, в СССР шокировало многих. Место жен высокопоставленных мужей практически всегда было дома, на кухне, в крайнем случае – где-нибудь в тихой конторе. Но никак не на международных переговорах, рядом с женами президентов других стран! Такого в бывшем СССР еще не видели и, если честно, многие и не желали видеть.

Раиса Горбачева всегда была невероятно элегантна – сказывалось врожденное чувство вкуса, а уж достоинства этой женщине, проходящей сквозь толпу под пристальными, а часто и недоброжелательными взглядами, было не занимать! Однако Раиса постоянно находилась рядом с главой государства не только затем, чтобы производить впечатление своей безупречной прической или сдержанно-стильными нарядами: без ее ободряющего присутствия муж чувствовал себя не совсем уверенно. Но стоило только ему поймать ее успокаивающий

взгляд, как нужные слова находились сами собой и всплывали в памяти.

Когда Горбачев выступал, его жена обычно находилась в первых рядах слушателей и многие замечали, что ее и мужа связывала некая энергетическая нить. Некоторые называли это магнетизмом, гипнозом, но я, лично наблюдавшая эту поразительную пару, назову это тем, что встречается в жизни все реже и реже – настоящей, неподдельной, вечной любовью.

Эта пара – Михаил и Раиса Горбачевы – сделала для той страны, которая сегодня называется Россией, и для всех ныне живущих в ней необыкновенно много. Можно сказать, что благодаря именно им рухнул так называемый «железный занавес», была практически отменена цензура, а из-за границы пахнуло первым ветром свободы.

Любовь не умирает, но смертны те, кто любит и любим… В 1999 году Раисе Горбачевой поставили страшный диагноз – лейкоз. Болезнь развивалась очень быстро, но, наверное, в ее течении сказывались и напряжение жизни последних лет, и то, что многие считали мужа Раисы виновным в развале Союза, и ее собственная усиленная работа во многих комитетах – в том числе и в обществе борьбы с лейкемией. Раису Горбачеву увезли на лечение в Германию, но лучшие врачи мира порой бессильны перед теми болезнями, которые не оставляют людям надежды…

Уже смертельно больная, она находила в себе силы читать письма, которые приносили ей в палату каждый день в огромных количествах. Ей писали все – люди, которые знали ее лично, но больше те, кто видел только на экранах телевизоров, но и до них дотянулась от нее та самая ниточка, которая зовется обаянием личности.

В сентябре 1999 года этой замечательной женщины не стало. Осиротела ее дочь Ирина, но мужу, для которого Раиса всегда была центром его личной вселенной, пришлось, наверное, хуже всех. Что чувствует человек, от которого отрезают половину и который вынужден всю оставшуюся жизнь жить с незаживающей раной в душе? Ему довелось заново учиться всему: говорить без нее, ходить на прогулки без нее, упрямо держась за руку, которой больше не было…

Сегодня Михаилу Горбачеву восемьдесят. После потери жены никто не смог занять ее место рядом с ним. Однажды, давая интервью какому-то журналу, на вопрос о личной жизни он ответил: «Я женат навечно».

Светлана Немоляева и Александр Лазарев

Есть в мире такие потрясающие семейные пары, глядя на которые испытываешь только светлые эмоции. Светлана Немоляева и Александр Лазарев излучали столько счастья, что многие из тех, кто был с ними рядом и лишь мимолетно прикоснулся к их семье, долго еще испытывали такое чувство, будто на их глазах произошло самое настоящее чудо.

Их имена всегда связывали вместе, да они и были неразлучны: в жизни ли, на сцене ли… Пятьдесят лет отыграть на одних подмостках – что может быть и труднее, и одновременно легче? Знать, чем дышит партнер, видеть его полные любви глаза…

Светлана Немоляева родилась в 1937 году в московской актерской семье. В гости к Немоляевым захаживали актеры Целиковская и Жаров, знаменитый клоун Румянцев-Карандаш и режиссер Пудовкин… Какую профессию можно было выбрать, живя в таком доме, кроме той, что напрямую связана с искусством? Светлана окончила театральное училище, и талантливую молодую актрису приняли в Театр им. В. Маяковского.

В такой же близкой к театральным кругам семье, но в городе Ленинграде в 1938 году родился мальчик Саша Лазарев. Учиться Александр приехал в столицу и в 1959-м окончил школу-студию МХАТ.

Они познакомились в том же Театре им. Маяковского, на сцене которого им предстояло играть вместе более полувека: оба были заняты в одном спектакле. Знакомство началось с… ревности. Саше Лазареву показалось, что партнер Светы – Толя Ромашин – как-то уж слишком приударяет за красивой девушкой. Роман развивался стремительно, и меньше чем через год после начала знакомства Лазарев и Немоляева создали семейно-творческий союз.

У молодоженов не было ничего, кроме огромного чувства – ни свадьбы, ни собственного жилья. Три года они ютились в тесной для двух семей квартире родителей Светы, пока не получили комнату в коммуналке. Но они были счастливы, потому что счастье невозможно измерить квадратными метрами, это – состояние души. В их одиннадцатиметровом «пенале» в Кисловском переулке перебывали многие актеры, режиссеры, художники. Частенько захаживал сюда и Андрей Тарковский – режиссер, чьи фильмы сегодня входят в золотой фонд мирового кинематографа. В тесном помещеньице Тарковский забирался

на… шкаф, утверждая, что оттуда ему все видны как на ладони! На столе всегда стоял чайник, в корзинке лежали сушки… А семейное счастье все прибывало, и через семь лет после свадьбы родился еще один Александр, Лазарев-младший.

Людям, далеким от мира театра и кино, наверное, кажется, что актеры – это какие-то небожители. На самом же деле актерская профессия не подарок судьбы, а скорее дорога, с которой невозможно свернуть. И приходится идти до конца, отдавая все силы и умения.

Вне работы Немоляева и Лазарев жили той же жизнью, что и все остальные: ребенок, кухня, быт и даже ссоры, которых не избежать ни в какой семье. Тем более там, где сходятся два таких таланта, два ярких темперамента, два характера – и только любовь у них была одна…

Они сыграли просто огромное количество ролей в театре и кино – на двоих более четырехсот. Однако самой главной в их жизни была все же любовь, и чувство это было настолько неподдельным, что язык не поворачивается сказать, что эти двое в него играли. Нет, они просто жили в своей необыкновенной любви, в то время как другие меняли жен, мужей, работы, города и страны…

Они всегда много работали: на их долю пришлись и годы застоя, и перестройка, и лихие девяностые, когда актерам особенно трудно было выжить… Уже будучи в преклонном возрасте – как-никак семьдесят лет – Александр Лазарев играл по 12–13 спектаклей в месяц! Любой, кто связан с театром, скажет, что это нагрузка, непосильная и для молодого актера, но он был не просто актером – он был мужчиной с большой буквы, мужем, отцом, а потом и счастливым дедом.

Мир театра – очень непростой мир. Закулисье чем-то сродни Зазеркалью – здесь непросто существовать, но те, кто любит театр всей душой, не мыслят для себя иной жизни. Для Немоляевой и Лазарева театр стал вторым домом, и именно ему они отдали самое дорогое, что имели, – своего ребенка. Сегодня Александр Лазарев-младший, который, кстати, очень похож на своего отца, известный актер театра и кино.

Когда у них выпадали редкие выходные или отпуск, они, как правило, проводили это время на земле – в подмосковном дачном поселке Ново-Абрамцево. Деревянный домик, построенный Лазаревым-старшим еще в 1979 году, был таким крохотным, что друзья постоянно удивлялись – как сами владельцы в нем помещаются? Зато участок был роскошным: дубы, ели, липы, березы… и прямо под деревьями росли грибы. Светлана Немоляева говорит, что даже в самый плохой год грибов можно

набрать хотя бы на сковородку. А уж какое жаркое делает с ними хозяйка!

Все, кто был знаком с Немоляевой и Лазаревым, считали их идеальной парой. Однако сами актеры очень стеснялись этого и всячески отнекивались: говорили, что и скандалы у них в семье бывают, и даже тарелки летают… Но бытовые скандалы, чтобы выпустить пар, – вещь в любой семье обычная, а вот хранить верность друг другу более пятидесяти лет не каждому по плечу. Светлана и Александр в этом смысле удивительно походили друг на друга: считали, что «поход налево» – это не просто физическая измена, а оскорбление человеческого достоинства того, с кем ты связал свою судьбу. Связал не на один день – на всю жизнь.

Сцена забирает человека целиком, без остатка – такое можно услышать от многих. Однако какую-то часть своего «я» Александр Лазарев-старший пронес через все перипетии их нелегкой профессии. И эта часть была ничем иным, как любовью – к ней, единственной женщине его жизни, его Свете, Светочке, Светлане…

Он и умер у нее на руках – через десять дней после выписки из больницы, куда его положили, чтобы подлечить больные почки и сердце. Оторвался тромб, и не стало того, кому Светлана Немоляева и сегодня говорит: «Я люблю тебя». Потому что их любовь не умерла. И глядя в такие же лучистые, как и прежде, глаза Немоляевой, понимаешь, что тот, кому эта замечательная актриса посвятила всю жизнь, отдала всю свою любовь – всю, без остатка, – не мог умереть. Он просто ушел за какой-то поворот, откуда когда-нибудь они пойдут уже вместе…

Екатерина и Александр Стриженовы

Брак в шоу-бизнесе – это совершенно особая форма совместной жизни, которая гораздо чаще, чем другие, проверяется на прочность. Однако если звезды небесные благоволят звездам театра и кино, то супружество приносит таким парам больше радостей, чем огорчений!

Екатерина и Александр вместе уже больше двадцати пяти лет, они с легкостью взяли «серебро» и уверенно идут к «золоту». Давайте и мы с вами, дорогие читатели, разберемся, какие секреты нужно знать для того, чтобы жить душа в душу, даже если вы имеете отношение к такому непростому явлению, как шоу-бизнес.

Многие люди, умудренные опытом, утверждают, что ранние браки быстро распадаются именно потому, что молодые люди еще не успевают стать зрелыми личностями. Ну, а вторая и, пожалуй, главная причина того, что скоропалительные союзы разрушаются так же быстро, как и создаются, – это то, что называется бытом. Однако Катя Стриженова недавно заявила, что если бы она не вышла в 18 лет замуж за Сашу – то, возможно, и вовсе никогда бы не вышла замуж, причем не только за него!

Встретились Катя и Саша на съемках фильма «Лидер», где шестнадцатилетняя Катя играла одну из главных ролей. Саша играл в том же фильме, и между молодыми людьми вспыхнул роман, не запланированный сценарием. Чувства были настолько сильны, что уже через год они поженились. А еще через год Катя родила старшую дочь – Анастасию.

Несмотря на семью и маленького ребенка, и Саша, и Катя много работали: она закончила режиссерский факультет, умудряясь во время учебы еще и сниматься в кино! Муж не отставал от жены, делая карьеру, да и вообще поддерживал свою вторую половину во всем. Когда Катя рожала вторую дочку, он даже присутствовал при родах – событие в те времена почти экстраординарное. Саша, хотя и испытывал определенное чувство страха за жену, держался очень мужественно. Он не хлопнулся в обморок, как многие молодые отцы в подобной ситуации, а активно подбадривал жену. Родившаяся же малышка, услышав папин голос, тут же перестала плакать и капризничать!

Совместная жизнь этой звездной пары не всегда была безоблачной: на десятом году брака они едва не расстались. Разъехались на два месяца – и… именно эти месяцы друг без друга и оказались самыми тяжелыми в их браке. Как только семья воссоединилась, личное счастье вернулось!

Что же помогает сохранить столь долговременные и прочные отношения? Давайте разберемся не спеша и по порядку. Первое – это, бесспорно, доверие. Из-за своей непростой работы телеведущей одну-две ночи в неделю Катя вынуждена проводить вне дома. Разумеется, если бы Саша хоть раз усомнился в своей замечательно красивой половине, то их брак если не рухнул бы сразу, то, несомненно, дал трещину. А брак Стриженовых, похоже, никаких трещин не дает, да и в будущем давать не собирается – и все потому, что отношения в нем строятся на доверии как на прочном фундаменте.

Как-то в интервью Катя дала совет семьям, в которых работают оба родителя: планировать свою рабочую неделю таким образом, чтобы освобождать один день для общения с детьми. Потому что детям нужно именно внимание родителей, а не подарки. Все мы хорошо знаем, что «отдариваться» от собственных детей – это весьма порочная практика, однако многие родители все же попадают в эту ловушку. Также Стриженовы обязательно устраивают детям летние каникулы у моря – не забывая, впрочем, и о себе, любимых!

Есть у семьи Стриженовых и другие личные секреты: Катя, например, считает, что каким бы глубоким ни был конфликт, выгонять супруга из спальни – дело последнее. Ведь именно там происходят все супружеские примирения. Еще Екатерина очень правильно считает, что подозрительность и беспочвенная ревность могут убить любой, даже самый благополучный союз. И поэтому она никогда не контролирует мужа, не открывает его записные книжки, не заглядывает в его мобильный, не говоря уж о такой постыдной вещи, как залезть в чужой карман в поисках компромата. Если бы Катя хоть раз сделала такое, то наверняка бы перестала себя уважать…

Катя и Саша Стриженовы стараются никогда не расставаться больше чем на две недели, а поскольку обе половинки этой семьи люди творческие, занятые во многих проектах, выполнение этого правила наверняка дается им нелегко.

Напряженная актерская жизнь постоянно дает о себе знать – и прекрасным выходом из этого положения является не что иное, как романтическое путешествие. А уж когда это путешествие становится ежегодной традицией и ежегодным медовым месяцем, семье Стриженовых остается только позавидовать, причем совершенно белой завистью, по-доброму! И не только позавидовать, но и пожелать оставаться все теми же дружными Катей и Сашей.

Лес и Хелен Браун

Многие сказки и выдуманные романтические истории о любви заканчиваются словами «Они жили долго и счастливо и умерли в один день». Люди читают, и по щекам их текут слезы умиления, однако они прекрасно понимают, что всегда один из любящих переживает другого и прожить всю жизнь в любви и согласии и умереть в один день – невиданная милость небес, которая не дается никому из смертных…

Хелен Браун

Но одной паре из миллионов и даже, наверное, из миллиардов всех любящих, живших на земле во все времена, удалось это почти невозможное: Лес Браун и его жена Хелен прожили супружескую жизнь в семьдесят пять лет! Более того: они умерли с разницей всего в сутки – и это так поразило весь мир, что история их жизни и любви облетела весь земной шар, ее перепечатали многие издания, а фотографиями Леса и Хелен до сих пор пестрят интернет-сайты.

История жизни Леса и Хелен также началась необычно – они оба родились в один и тот же день, 31 декабря 1918-го, в самый канун Нового года. Должно быть, праздничные небеса уже тогда уготовили им необычную и счастливую судьбу…

Встретились молодые люди в школе и буквально с первого

свидания почувствовали необычайное притяжение характеров, душ, общность привычек. А когда им исполнилось по восемнадцать, они уже настолько стали единым целым, что не представляли жизни друг без друга! Многие журналисты, исследовавшие историю Леса и Хелен, проводили параллели между этими американскими подростками и вымышленными персонажами Шекспира – Ромео и Джульеттой. Потому как Лесу и его невесте пришлось пройти почти через те же препятствия, что и легендарным влюбленным: родители юноши были категорически против свадьбы.

Лес Браун происходил из очень обеспеченной семьи американских пионеров, а вот родня Хелен не могла похвастать ни происхождением, ни достатком. За их брак были только искренние чувства самих молодых людей да отвага, с которой они оба решили бороться за свое счастье. Несмотря на противодействие родителей Леса, они с Хелен просто-напросто ушли из дому – бесповоротно и навсегда. Сыграли очень скромную свадьбу и зажили своим умом.

Ежегодно в США и других странах по всему миру совершается просто огромное количество побегов подростков из семей и скоропалительных свадеб, после которых, как правило, наступают суровые семейные будни. Молодые люди оказываются один на один с проблемами, о которых ранее они могли лишь догадываться: зарабатывание денег, уборка, приготовление еды, воспитание детей – и все это ложится на плечи, которые в большинстве случаев не бывают готовы принять, а уж тем более нести тяжелую ношу.

Однако в случае с Лесом и Хелен все было с точностью до наоборот. Чем больше трудностей было на их пути, тем крепче становился их брак и привязанность друг к другу. Видимо, они действительно были двумя половинками единого целого – стройный юноша с приветливым, но одновременно и твердым выражением лица и хрупкая девушка с романтическими кудряшками над лбом…

Они твердо и уверенно делали карьеру: Лес работал фотографом, а Хелен занималась продажей недвижимости. Появившиеся у пары дети – сначала Лес Браун-младший, а затем еще один сын, Дэниел, – не мешали деловому росту родителей и лишь сплотили эту на первый взгляд такую обычную американскую семью.

Позже, когда история любви Леса и Хелен попала в газеты, сыновья этой замечательной пары рассказали, что их мать и отец в своей жизни не расставались буквально ни на день. Может быть, эта энергетическая подпитка друг друга и помогла им достичь

такого преклонного возраста – девяноста четырех лет? Дэниел рассказал: мать как-то обмолвилась, что не представляет жизни без мужа. А Лес говорил, что не хотел бы ни на день пережить свою дорогую жену…

Старость не приходит без болезней: у Хелен диагностировали рак желудка. Она умерла 16 июня 2013 года, а на следующий день скончался и Лес. На тот момент Лес Браун уже страдал болезнью Паркинсона, но мне думается, что кто-то свыше, кому не безразличны были терзания мужа, потерявшего жену, с которой он прожил долгие и счастливые семьдесят пять лет, поторопился снова соединить их – на тех самых небесах, на которых совершаются браки.

Луиджи Педутто и Мокрина Юрзук

Еще одна история любви, о которой весь мир узнал благодаря Интернету и программе «Жди меня», также потрясла тех, кто верит в настоящие чувства.

Они встретились тогда, когда, казалось бы, о любви и помышлять было глупо – война, разруха, разлука с родными и близкими… Однако в таких условиях люди еще больше тянутся друг к другу, ища тепла, нежности, понимания, даже если они говорят на разных языках. Луиджи и Мокрина встретились в Австрии, в лагере для военнопленных. Он – итальянец, она – украинка, угнанная с родины на принудительные работы. У Мокрины на руках была годовалая дочка. Молодую женщину привезли сюда уже беременной, и девочка родилась в лагере – единственная память о том, что где-то была мирная жизнь и семейное счастье…

Луиджи также тосковал о потерянной семье, и оказавшаяся рядом молодая женщина с ясноглазой и улыбчивой, как солнышко, девочкой напоминала ему о тех, кто остался дома, в теплой Италии. Луиджи как мог помогал молодой матери: присматривал за малышкой, делился едой, которой у него и так было немного, но все же больше, чем у славянской рабыни, которая вместе с дочерью за колючей проволокой жила впроголодь…

Эти двое стали друг для друга всем: потерянными семьями, теплотой домашнего очага, поддержкой дружеского плеча. И не сразу оба поняли, что все, что их связывает – и разломленная пополам горбушка черствого хлеба, и сорванный по дороге с работы в поле цветок, и держащие их с двух сторон ручки малышки, – все это и есть та самая любовь, которой не место на войне. Однако любви везде есть место и время!

В конце концов эти двое, на руках которых был совсем маленький ребенок, решились на побег: воспользовавшись тем, что в связи с близким подходом войск Красной Армии лагерь охранялся не так хорошо, как прежде, они сбежали. Долго плутали лесом, потом прятались в кукурузном поле…

Однако не война стала главной помехой их дальнейшему счастью, а – каков парадокс! – ее окончание. Стальные тиски советского режима, в которые снова попала Мокрина, не дали ей соединиться с любимым. Ее не впустили в Италию, а Луиджи отказали во въезде в Советский Союз.

Расставание было тяжелым: оба рыдали, когда их буквально отрывали друг от друга, чтобы развезти за тысячи километров.

Казалось, Луиджи навсегда терял ту, которую он нежно называл Марией – и потому, что имени Мокрина не было в родном языке, и потому, что самой Мокрине больше нравилось быть Марией.

Тайком Луиджи отрезал у любимой прядь волос, а она нацарапала на случайном клочке бумаги свой адрес… Этот истертый обрывок он хранил всю жизнь – так же как и случайно сделанную фотографию, где они были сняты вместе…

Жизнь в украинском селе шла своим чередом. Но, работая в огороде или готовя на кухне обед, Мокрина нет-нет да и глядела на дорогу: ей все казалось, что сейчас на горизонте покажется он – тот, кого она любила больше жизни и ждала, упрямо ждала, не думая о том, что их встречи не может быть, пока людей разных национальностей, граждан разных стран разделяет железный занавес.

Время потихоньку залечивало раны, стирало из памяти любимые лица… Нужно было жить дальше. И они жили – у обоих появились семьи. Но все же где-то глубоко в душе они упрямо хранили память о той, военной любви, расцветшей, словно роза на минном поле…

У Мокрины родились еще две чудесные девочки, а у Луиджи появился сын. Но что-то постоянно не давало ему покоя. И даже дожив до девяноста лет, он все равно был уверен, что Мокрина-Мария также жива и ждет его!

То, что они встретились спустя почти шестьдесят пять лет, казалось настоящим чудом не только им, но и тем, кто сидел в студии, и тем, кто переживал за них у экранов телевизоров. Мокрину нашли не по тому адресу, который она дала Луиджи – с Хмельнитчины она с семьей переехала под Кривой Рог, в Днепропетровскую область. Когда ей, стоявшей на пороге скромного сельского домика, сказали, что ее ищут, она даже не спросила кто – в этом у нее не было сомнений. Искать ее мог только один человек в мире – он, ее Луиджи!

Слезы были не только на глазах Луиджи и его Марии, вытирала слезы вся студия, плакали даже те, для кого съемки передачи – обыденное дело. Луиджи наконец обрел свою Марию – постаревшую и поседевшую, но все с теми же молодыми глазами, тем же голосом, который он так хорошо помнил, и, главное – с теми же ямочками на щеках! «Ямочки, ямочки!» – приговаривал он, гладя ее поседевшие волосы, целуя милое лицо, на котором нелегкая жизнь проложила свои следы-морщины…

Он приезжал к ней в гости, сам готовил спагетти для любимой, накрывал стол во дворе, чтобы видеть, как за горизонт садится солнце, – и приглашал любимую к ужину при свечах. А затем они включали приемник и танцевали – прямо под ночным

небом, усыпанным звездами… Потому что звезды и в Италии, и в Украине одни и те же.

Им оставалось не так много земного счастья, и они оба это знали. Уже поздно было что-то менять в жизни – она уже никогда не станет хозяйкой его европейского дома в Кастель-Сан-Лоренсо, а он не переедет навсегда в ее деревенскую беленую хату, вокруг которой цветут мальвы. И тем не менее они встречались еще не однажды: Луиджи прилетал из солнечной Италии в Украину, песни которой он находил такими же мелодичными, как и песни его родины, а небо – таким же синим. И здесь ждала его вновь обретенная любовь – Мария. И она побывала в Италии, ходила по тем же крутым каменистым улочкам, по каким он ходил всю жизнь, вспоминая ее улыбку, ее ямочки на щеках… и храня у сердца локон ее волос.

Он еще успел сделать ей предложение – и, хотя она не согласилась, не терял надежды назвать ее своей женой. Она все еще любила его, но боялась выглядеть смешной в глазах тех, кто ее знал: односельчан, знакомых… Невеста в девяносто два года! Но и без обручального кольца на пальце она любила его всем сердцем. И ждала. И готовилась к его приезду: затеяла генеральную уборку, положила на стол его любимые газеты, но…

За несколько дней до вылета к той, кто его ждала, Луиджи Педутто умер от сердечного приступа. Его сердце не выдержало и остановилось… Когда-нибудь остановится и ее сердце, потому что никто из нас не вечен. Однако любовь Луиджи и Мокрины пережила не только войну и десятилетия разлуки – она стала бессмертной.

История итальянца Луиджи Педутто и украинки Мокрины Юрзук настолько потрясла всех, кто о ней узнал, что в Киеве, над Днепром, на Мосту Влюбленных этой паре, пронесшей свою великую любовь через всю жизнь, был поставлен памятник. И теперь к нему ездят те, кто только начинает свою семейную жизнь. Невесты в белых платьях и женихи, которые держат их за руки, глядя на памятник, клянутся любить так же, как Мокрина и Луиджи.

Глава 5
Творец и Муза

Царица Тамара и Шота Руставели

Когда муза творца еще и царица, правительница целого государства, такая любовь может вознести тех, к кому она пришла, в горни выси, но может и бросить в бездну страданий…

Царица Тамара. Автор неизвестен

Великий грузинский поэт Шота Руставели, чья поэма «Витязь в тигровой шкуре» и сегодня звучит на редкость свежо, как будто написана не восемьсот лет назад, а только недавно, была посвящена великой царице Тамаре. Во все времена поэты посвящали свои произведения сильным мира сего, но Шота не искал милостей, наград и прочих материальных благ. Его любовь к великой правительнице была сильной, чистой и совершенно бескорыстной.

Шота происходил из знатной грузинской семьи. С детства он тянулся к знаниям, как виноградная лоза к солнцу. Образованный юноша знал Платона и Гомера, читал в подлиннике персидских и арабских поэтов, был силен в риторике и богословии. Совершенствуя свои знания, Руставели побывал в Греции и уже готовился принять сан священника, когда в его жизнь властно вошла Она.

Все правление этой необыкновенно красивой и одаренной женщины, которой поклоняются в Грузии и поныне, окружено поэтическим ореолом. Царица Тамара взошла на трон в 1178 году и, как единственная наследница своего отца, была коронована вместе с ним в Уплисцихе. После смерти отца Тамару короновали еще раз – на этот раз в Гелатском монастыре.

Именно эта женщина, которую многие называли не царицей, а царем, потому как бремя, возложенное на нее, было не женским, и дела, которые она совершила в своей жизни, были по плечу скорее мужчине. Хрупкая девушка обладала решительным и стойким характером. Придя к власти, Тамара сделала для своей страны необычайно много: твердой рукой она вершила суд правый и необычайно скорый. Бравшие мзду правители и нечестивые пастыри церкви были смещены со своих постов, с крестьян сняты непомерные налоги, и в стране, раздираемой междоусобицами, наконец воцарился мир. Во время царствования Тамар были отменены казни и телесные наказания – вещь, поразительная для Средневековья!

Назвать ее женой хотели многие – слава о красоте, кротости, уме, хорошем воспитании царицы даже не бежала, а летела, как на крыльях. Современники называли ее солнцем улыбающимся, сосудом мудрости, стройным тростником… К Тамаре засылали сватов византийские царевичи, ее руки искали и алеппский султан, и персидский шах.

Тамара выбрала близкого по вере русского князя Юрия, сына Андрея Боголюбского. Супруг, однако, не оправдал ее надежд – он пьянствовал и развратничал как в военных походах, так и в мирное время прямо на глазах у своей красавицы жены. Может быть, другая и стерпела бы такое положение вещей, но только не Тамара. Она расторгла брак, не побоявшись даже того, что бывший супруг двинулся на нее войной, заняв часть территории и короновавшись во дворце Гегути. Умело руководя войсками, царица изгнала Юрия с территории Грузии.

Вторым мужем царицы стал друг ее детства, аланский царевич Давид. Их союз оказался плодотворным: вместе они вели завоевания земель вокруг грузинского царства, расширили и укрепили его границы.

Однако не только огнем и мечом сражается великая царица: именно при Тамаре начала развиваться светская романтическая литература, расцвели поэзия, живопись и прочие искусства. Тамара усовершенствовала грузинский алфавит, а образование объявила обязательным для всех грузин!

Шота влюбился в блистательную царицу с первого взгляда. Именно благодаря ей, единственной и неповторимой, от одного

слова которой поэта бросало то в жар, то в холод, и было создано величайшее из произведений героического эпоса – «Витязь в тигровой шкуре». А образ Нестан-Дареджан Шота полностью «срисовал» с той, за которую готов был отдать всю свою кровь – капля за каплей…

Никто не знает, были ли Тамара и Шота чем-то большим, чем прекрасная дама и ее рыцарь. Православная церковь объявила царицу Тамару святой, а у святых не бывает любовников. Возможно, Шота благоговел перед своей музой и любил ее чисто платонически. Тем более что второй брак царицы был удачен и супруги жили в любви и согласии. У них родились сын Георгий и дочь Русудан. Сама царица без устали разъезжала по Грузии, строила храмы и крепости, дворцы и школы. Практически в каждом уголке этой потрясающе красивой горной страны можно найти памятник архитектуры, возведенный именно в эпоху царствования Тамары!

Умерла Тамара еще молодой от тяжелой болезни, которая усугубилась от переезда из одного замка в другой. Тело почитаемой всем народом царицы сначала перевезли в Мцхету, а затем похоронили в Гелати. Однако точное место захоронения Тамары утеряно, и даже археологам не удалось его установить. Грузинская легенда гласит, что Тамара не умерла, а спит вечным сном на золотом ложе, и когда она услышит голос народной скорби, то восстанет ото сна и снова воцарится в Грузии. Но мне кажется, что Тамара спит вечным сном на ложе любви своего народа и той, что вечно будет звучать в строках «Витязя в тигровой шкуре».

Людвиг ван Бетховен и Джульетта Гвиччарди

Музыкальные произведения Людвига ван Бетховена – одни из самых популярных в мире. Эта музыка неподвластна векам, моде, традициям, потому как она сама – одна из традиций. Влияние Бетховена на композиторов всего мира трудно переоценить и до сегодняшнего дня. Однако кем были бы великие, не будь рядом тех, кто разделял с ними горе и радость, любовь и потери, радость триумфов и горечь провалов? Их любимые, их возлюбленные – те, кого принято называть музами.

Людвиг ван Бетховен. Йозеф Карл Штилер

Детство Людвига нельзя было назвать счастливым: мальчика, родившегося 16 декабря 1770 года в Бонне, в семье придворного певца и дочери шеф-повара, и явно унаследовавшего семейные музыкальные таланты, решено было воспитывать строго, с самого раннего возраста прививая усидчивость за инструментом. Отец надеялся вырастить из вихрастого смышленого сорванца второго Моцарта, и чуть только тот смог освоить клавесин и скрипку, его сразу же заставили заниматься – часами, до полного изнеможения.

Однако, несмотря на настойчивость отца, блестящего исполнителя из маленького Людвига не получалось. Тогда

Бетховен-старший почти потерял интерес к своему отпрыску, перепоручив его обучение своим друзьям и коллегам. Так к инструментам, которыми стал овладевать ребенок, добавился еще и орган.

Когда в 1780 году в родной Бонн приехал выдающийся органист Кристиан Готлоб Нефе и стал обучать Людвига, радости последнего не было предела. Со своей стороны, новый учитель сразу уразумел, с кем имеет дело: у десятилетнего мальчугана был настолько яркий талант, что Кристиан Нефе понял: на музыкальном горизонте взошла новая звезда!

Хотя Людвиг и работал помощником органиста придворной капеллы, он не выглядел на свои годы, да и вообще производил странное впечатление: при маленьком росте у него была слишком большая голова и непропорционально крупные кисти рук. Однако ум у Бетховена был не по возрасту острым – несмотря на то что после смерти деда, помогавшего их семье материально, ему пришлось бросить школу, Людвиг самостоятельно освоил латынь, французский и итальянский, а чтение было его излюбленным занятием. По ночам, при свете сальной свечи он упивался рассуждениями древнегреческих философов, трагедиями Шекспира, стихами Гёте…

В семнадцать Людвиг лишился еще и матери, и заботы о младших братьях почти полностью легли на его плечи. Об учебе в университете глупо было даже мечтать – и юноша поступает на работу в оркестр, альтистом. Одновременно он совершенствует игру на рояле и вскоре достигает таких высот, что просто поражает слушателей! Именно Бетховену мир обязан сегодняшней мощной фортепианной школой, далеко ушедшей от тихого жеманного клавесина.

Многие считали Бетховена странным и нелюдимым, и в этом была доля правды. В век блестящих кавалеров в вышитых золотом и серебром камзолах он мог появиться на людях небрежно одетым и непричесанным. Да и в доме у композитора частенько царил тот же беспорядок, что и в одежде: разбросанные нотные тетради, пролитые чернила, сломанные в творческом порыве гусиные перья… Однако больше всего посетителей поражал вид рояля, под крышкой которого виднелись лопнувшие струны – ни один инструмент не мог долго выдержать мощного напора бетховенской игры.

Ужасной трагедией его жизни стало то, что начиная с 1796 года он начал безвозвратно терять слух. Хроническое воспаление среднего уха, непрерывный звон в ушах… Когда Людвиг понимает, что его болезнь неизлечима, он даже начинает подумывать о самоубийстве. «Мир ускользает от меня», – горько

говорил музыкант. Однако мир потерял бы значительно больше, уйди Людвиг из него… Утрата обычного слуха отнюдь не означала потерю слуха музыкального, а как композитор он просто не имел равных.

Однако как бы хорошо ни расходились партитуры его сочинений, все же главным источником дохода Бетховена оставалось его мастерство исполнителя. И здесь судьба не была к нему благосклонна: в 1811 году после неудачной попытки исполнения фортепианного концерта он принимает решение больше никогда не выступать публично. Разумеется, болезнь и ее последствия наложили мрачный отпечаток как на личность композитора, так и на содержание его произведений: в них становится все больше меланхолических, сумрачных мотивов.

Неизвестно, в какие мрачные подземелья привела бы гения, общавшегося с близкими и друзьями исключительно с помощью карандаша и бумаги, его болезнь, не преподнеси ему судьба нежданного подарка: в 1801-м на его пути встретилась очаровательная юная девушка. Небесное создание носит шекспировское имя Джульетта и принадлежит к аристократическому семейству Гвиччарди. Бетховен очарован, влюблен и даже думает о браке, несмотря на то что прекрасно понимает: Джульетту за него, глухого и небогатого, скорее всего, не отдадут…

Семнадцатилетняя графиня Гвиччарди приехала в Вену брать уроки музыки, и давать ей их должен был не кто иной, как сам кумир музыкальной Вены, гений фортепиано Бетховен! Маэстро был весьма странного вида – он мог расхаживать по улицам, размахивая руками, а потом быстро что-то писал в блокноте; денег за занятия он также не пожелал с нее брать. Джульетта отдаривалась рубашками: она утверждала, что сама их для него вышивала, но руки прелестной девицы вряд ли умели держать иглу. Кроме прочего, ученицей Джульетта была не слишком прилежной и не хватала звезд с неба.

Не раз он в гневе бросал ноты на пол, но затем неизменно просил прощения и писал ей письма, полные страсти и любви. Казалось, она также разделяет его бурные чувства – во всяком случае, лето 1801-го они проводят вместе в имении Брунсвиков в Венгрии. Именно там туристам до сих пор показывают беседку, в которой великий композитор написал знаменитую «Лунную сонату». Произведение издали уже в 1802 году, и вверху стояло посвящение – Джульетте Гвиччарди.

Та, которую его друзья наперебой называли ветреной кокеткой, недолго пробыла с ним рядом: ей наскучил глухой и неопрятный, хотя и гениальный музыкант. Джулия завела роман с

графом Робертом фон Галленбергом – таким же поверхностным музыкантом, как и она сама, от скуки пописывающим посредственные пьески. Джульетта, неразвитый ум которой не мог охватить подлинного величия Бетховена, наивно считала Галленберга гением, способным поспорить с Людвигом. В 1803 году она окончательно порывает с композитором и выходит за Галленберга замуж.

Джульетта уехала в Италию, но семейной жизнью, мужем и детьми интересовалась мало – ее больше занимали романы. Ее знакомство с князем Пюклер-Мускау – человеком, которого сегодня назвали бы бессовестным жиголо, обернулось долгими и мучительными отношениями. Князь тянул из нее деньги, материальное положение мужа также ухудшалось… Дошло до того, что, находясь в 1821 году в Вене, Джульетта не постеснялась попросить денег у самого Бетховена – во имя их прошлой великой любви!

Неизвестно, отказал ли ей композитор, славящийся тем, что мог отдать другу последний грош, или все-таки Джульетта получила то, что хотела. Во всяком случае, сам Бетховен рассказывал друзьям, что на ее просьбу он ответил категорическим отказом. Однако кто знает? Сердце Людвига ван Бетховена после предательства Джульетты Гвиччарди так больше никому и не открылось… Великий композитор не был женат и не оставил после себя потомков – не потому ли, что в его жизни существовала только одна женщина? И после смерти в самой глубине его письменного стола было найдено письмо, адресованное Ей – ангелу, музе, возлюбленной…

Михаил Лермонтов и Варвара Лопухина

Музы – это те, кому благодарные потомки должны ставить памятники наряду с монументами самим творцам. Ведь благодаря тем, кого поэты, писатели или художники любили, по ком томились ночами, встреч с кем искали, и создано все то прекрасное, что называется культурным наследием человечества!

Лермонтов в ментике лейб-гвардии Гусарского полка. Петр Заболоцкий

Варвара Лопухина происходила из древнего дворянского рода. Варенька была седьмым ребенком в многодетной семье, и ее брат Алексей и сестры Мария и Елизавета были близкими друзьями Михаила Лермонтова с той поры, когда поэт приехал на учебу в Москву. Варя познакомилась с молодым многообещающим поэтом несколько позже – в 1831 году, когда приехала в столицу из имения.

Лермонтов влюбился в юную Варвару Лопухину страстно, пылко, и она отвечала ему взаимностью. Однако одной любви молодых людей было мало для брака, а против их союза восстали как родные Лермонтова, так и семья Лопухиной. У поэта была репутация бретера и повесы – и главным противником брака стал отец Вареньки, Александр Николаевич Лопухин.

А вскоре надежды Лермонтова на счастливый брак и вовсе

рухнули: Варю выдали замуж. Мужем ее стал богатый помещик Бахметьев. Старше невесты на семнадцать лет, он был полной противоположностью ветреному поэту – надежный, рассудительный, с безупречной репутацией. Однако, несмотря на выбор родителей, умудренных житейским опытом, Варя Лопухина не была счастлива в браке: муж оказался занудой и редкостным ревнивцем – в их доме было запрещено даже упоминание имени поэта!

Свадьба любимой девушки, по словам современников, оказалась для Михаила Лермонтова огромным ударом. Услышав от своего троюродного брата о венчании Вари, поэт изменился в лице и побледнел… Бахметьев, отнявший у него возлюбленную, не раз выводился поэтом в произведениях как смешной и вздорный старик – простим поэту эту слабость! – а новой фамилии возлюбленной Лермонтов так и не признал никогда. Для него она навсегда осталась В. Л. – и стихи с таким посвящением он будет писать до конца своей жизни.

Ревнивый муж запрещал не только упоминать в доме имя поэта – его жене была запрещена и переписка с Лермонтовым. Хотя в письмах поэта к его Вареньке никогда не было ничего предосудительного, большей частью они все были уничтожены ревнивым мужем, и судить, о чем же именно писал поэт, потомки могут только со слов и из переписки со старшей сестрой Вари, Марией.

Варя Лопухина-Бахметьева весьма дорожила дружбой с поэтом: она прятала от мужа уцелевшие письма Лермонтова, его рисунки. Чтобы сберечь и не дать уничтожить частичку того, кого она, без сомнения, все еще продолжала любить, будучи на лечении на водах, она передала всю переписку Александре Верещагиной, своей хорошей знакомой. И только благодаря этому исследователи жизни и творчества великого поэта получили эти материалы.

Несчастный брак не пошел Варе на пользу – она чахла и увядала на глазах. От некогда веселой и живой девушки прежними остались одни лишь глаза, сохранившие свой блеск и ласковое выражение. Поэт, случайно увидевший Варю на балу, был поражен происшедшей с ней переменой. О, как болезненно сжалось его сердце при виде той, которую он любил больше жизни – но что он мог поделать? Не имея никаких прав на любимую, он мог только посвящать ей стихи, писать по памяти ее портреты и думать о ней…

Хотя поэт, проживший такую недолгую, но необычайно яркую и плодотворную жизнь, с ранних лет был влюбчив, лишь чувству к Лопухиной было суждено перерасти в нечто большее. И это

чувство он сохранит до самого конца. Он будет думать о ней беспрестанно, и именно Лопухина станет прототипом многих персонажей его произведений: это и княжна Мэри, и княгиня Лиговская, и еще целый ряд романтических персонажей, явно списанных с любимой Вареньки…

Лермонтов, романтик и поэт до мозга костей, находил созвучные лирике стороны и в своей военной службе: шум битвы, опьянение отвагой, служение Отчизне как Прекрасной Даме. Адреналин, огромными дозами выделяющийся в кровь в сражениях и дуэлях, давал ему то, чего не могла дать ставшая недосягаемой Лопухина, – и хотя бы мимолетное забвение того, что она для него потеряна, потеряна навсегда…

Однако военная служба с ее грубостью и показной лихостью все более и более тяготила поэта, и зимой 1841-го он попытался выйти в отставку. Этому воспрепятствовала бабушка поэта – его единственная воспитательница со времени смерти матери, когда Михаилу было всего три года. Она не разделяла увлечения внука литературой и находила, что военное поприще более приличествует дворянину, нежели писание стишков или даже романов…

Задира и острослов, наскучивший военной службой и потерявший единственное, что ему было на самом деле дорого, Лермонтов прямой дорогой шел к своей гибели. Блестящий кавалергард Мартынов, задетый шутками поэта в присутствии дам, вызвал Михаила Лермонтова на дуэль. Поэт, который уже раскаивался в том, что позволил себе лишнее, выстрелил вверх, но озлобленный его поведением Мартынов не стал церемониться и разрядил тяжелый дуэльный пистолет Лермонтову в грудь…

Похоронили поэта на старом кладбище города Пятигорска, вблизи тех самых кавказских гор, которые он так любил, и вдали от той, к которой рвалось его сердце. Позднее бабушка Лермонтова, Е. А. Арсеньева, получила разрешение перезахоронить единственного внука в фамильном склепе в селе Тарханы.

Известие о гибели любимого буквально сразило Варвару Лопухину – она чахла прямо на глазах. Новость о трагедии уложила ее в постель на долгие две недели, и после смерти Лермонтова она так и не смогла оправиться. Муж, обеспокоенный ее состоянием, предлагал ехать в столицу, затем – на лечение на воды, но она отказалась. Варенька не видела смысла в дальнейшей жизни: потому что некому больше было писать, таясь от гнева мужа, не на что было надеяться… Превратившись в тень былой Вари, она прожила затворницей десять лет и скончалась в 1851 году, когда ей едва минуло тридцать шесть…

Иван Тургенев и Полина Виардо

История любви великого русского писателя Ивана Тургенева и той, которую называли золотым голосом Франции, полна драматизма и страсти. Также этот рассказ можно назвать повествованием об одиночестве души: поскольку роман Тургенева с певицей Полиной Виардо был романом скорее платоническим, чем реальным. Тем не менее это был полноценный любовный роман, и к тому же длиною во всю жизнь…

Полина Виардо. Т. Нефф

Впервые писатель увидел ту, которая стала его музой навсегда, на сцене, когда певица приехала на гастроли в Санкт-Петербург. Тургенев был очарован голосом примы французской оперной труппы – и в самом деле, голос у Виардо был выдающийся. Когда Полина начинала петь, по залу прокатывался вздох восхищения, и слушать Виардо публика могла бесконечно. Ценители оперного искусства утверждали, что второго такого голоса не сыскать на всех пяти континентах!

Тургенев жаждал быть представлен певице – и она мельком взглянула на того, кого представили как «помещика, охотника, хорошего собеседника и плохого поэта». Он и впрямь был замечательным собеседником, а в певицу, которая, кроме роскошного голоса, обладала весьма скромной, если не сказать

непривлекательной внешностью, он влюбился с первого взгляда.

Увлечение было настолько сильным, что 25-летний Иван Тургенев бросил все и уехал вслед за певицей и ее мужем в Париж – к великому негодованию своей матери, которая не дала сыну на путешествие ни копейки. Как литератор Тургенев также еще не был известен, так что он и в самом деле был в глазах Виардо не писателем, а скорее «охотником и собеседником». В Париже он перебивался с хлеба на квас, но не попросил помощи у своей матери – одной из самых богатых российских помещиц, владетельницы огромной сельскохозяйственной империи. Та называла Виардо «проклятой цыганкой», приворожившей ее сына, и за три года, пока Тургенев жил возле семейства Виардо на правах друга семьи, мать не прислала ему ни гроша.

В той, которую мать писателя окрестила «цыганкой», и впрямь было что-то от кочевого народа: болезненная худоба, пронзительные черные глаза немного навыкате и южная страстность в исполнении музыкальных произведений – как для голоса, так и фортепианных. Игре на рояле Виардо обучалась у самого гениального Ференца Листа, и когда эта некрасивая сутулая женщина выходила на сцену или садилась за рояль, слушатели забывали о ее физическом несовершенстве и погружались в волшебный мир звуков.

Иван Тургенев, чьи произведения возводили женщину на романтический пьедестал, и думать не смел о том, чтобы стать любовником певицы. Он просто жил рядом с ней, дышал с Виардо одним воздухом и довольствовался лишь дружбой певицы и ее мужа. Он грелся у чужого огня, хотя Виардо отнюдь не была недотрогой: у певицы бывали увлечения на стороне. Противиться обаянию ее голоса и личности не мог никто: сама Жорж Санд была совершенно очарована Полиной, и певицу можно было узнать в главной героине романа Санд «Консуэло». Также писательница закрывала глаза на роман замужней Полины, с которой они стали подругами, с ее сыном, считая, что великому таланту дозволено все…

Однако Иван Тургенев – талант, литературная звезда которого ярко светит уже второе столетие, удовлетворялся скромным местом «на краю чужого гнезда», как говорил он сам. Он не мог стать разрушителем этого гнезда – столько было в нем восхищения перед необыкновенной женщиной и перед всем, на что хотя бы мимолетно падал ее взгляд или чего касались руки.

Может показаться, что великий русский писатель всегда был романтиком по своей природе, однако это суждение будет ошибочным. До Виардо писатель влюблялся неоднократно и даже имел внебрачную дочь от бурного романа с белошвейкой

Авдотьей Ивановой. Но Виардо была отнюдь не белошвейкой и даже не знаменитой «тургеневской барышней», за которой можно было просто приволокнуться скуки ради. Нет, эту женщину писатель боготворил настолько, что сам возвел на такую высоту, где она стала для него недосягаемой, как музы искусств, восседающие на Парнасе!

Иван Тургенев мучительно ревновал певицу, у которой периодически случались романы на стороне, но… был для нее всего лишь другом, учителем трудного русского языка, которым она хотела овладеть в совершенстве, чтобы исполнять романсы Глинки, Даргомыжского и Чайковского на языке оригинала. Всего Полина знала шесть языков и добивалась идеального звучания каждой ноты и каждого звука.

С Луи Виардо, мужем певицы, у Ивана Тургенева также сложились теплые отношения. Они сошлись на почве любви к литературе и охоте. Вскоре никто из посещавших салон «Виардо – Тургенев» уже не удивлялся тому, что это трио стало неразлучно: Полина, ее муж и странный русский, который играл в домашних спектаклях, участвовал в музыкальных вечерах, а его дочь, которую Иван Тургенев привез из России, воспитывалась в семействе Виардо как родная.

Полина, у которой были и свои дети, с удовольствием возилась и с приемным ребенком. Робкая девочка, лишенная материнской ласки, вскоре из застенчивой буки превратилась в кокетливую, бойко щебечущую по-французски мадемуазель. Письма отцу она теперь также писала на ставшем для нее родным языке, а имя ее из Пелагеи было переделано в Полинетт.

Муза и жена – иногда это совсем разные люди… Нельзя сказать, чтобы Иван Тургенев не пытался вырваться из «чужого гнезда» и свить свое собственное. Но все попытки были тщетны: его любили и баронесса Вревская, и талантливая актриса Мария Савина, однако Тургенев не мог отыскать в своем сердце для этих женщин чувства настолько же сильного, какое испытывал к Полине. И даже когда он иногда возвращался на родину, для того чтобы уладить финансовые дела или повидаться с матерью, достаточно было одного письма Виардо, чтобы он тотчас бросил все и всех и возвратился обратно.

Иван Тургенев прожил долгую жизнь – и сорок лет из этой жизни были освещены светом только одной звезды, имя которой – Полина Виардо. Писатель умер с ее именем на устах, в окружении семейства Виардо, ставшего его единственной настоящей семьей.

Владимир Маяковский и Лиля Брик

Тот, кто думает, что Муза обязательно должна быть созданием небесной красоты, как правило, глубоко заблуждается. Лиля Брик – роковая возлюбленная великого поэта Владимира Маяковского, та, ради которой он совершил в своей жизни множество безумств – и не всегда поэтического плана – была совсем не красавицей. Невысокого роста, худая, сутулая, Лиля производила впечатление разве что своей живостью, да еще хороши были ее глаза – большие, блестящие, выразительные.

Владимир Маяковский и Лиля Брик

Она сама прекрасно понимала, что нравится мужчинам, и не упускала случая испытать свои чары на каждом мало-мальски подходящем объекте. В ход шло все: капризы, улыбки, чувственный взгляд… Она умела казаться какой угодно и какой нужно было именно в данный момент и с конкретным человеком. Лиля могла быть умной или пустышкой, наглой или робкой, грустной или бесшабашной… Но, играя какую угодно роль, эта женщина всегда оставалась сама собой, а перед ее обаянием не мог устоять буквально никто.

Когда они встретились, Лиля уже была замужем – в 1912 году она вышла за Осипа Брика, единственного человека, который остался равнодушным к ее колдовским чарам. Эпоха была непростой, и непростым был брак, и дом, в котором собирались поэты, художники, актеры новых направлений, также был или

казался непростым. И царила там она – хозяйка дома, то заигрывавшая с гостями, то внимавшая им с непосредственностью ребенка или со взглядом умудренной годами содержательницы борделя…

В 1915-м в дом Бриков вошел Он – тот, для кого она станет не просто женщиной. А начиналось все на редкость просто: молодого поэта Маяковского привела с собой сестра Лили, Эльза. Эльза видела в нем будущего жениха и хотела показать его родственникам. Гость был более чем мил, но понимала ли сама Лиля, которая сразу же повела себя так, как будто в мире существовали только два человека – Владимир Маяковский и она сама, что смертельно обижает сестру? Поэт на коленях читал стихи и просил позволения посвятить их ей, Лиле, а ее сестра в это время сгорала от ревности!

Через несколько дней Маяковский появился у Бриков снова – с неожиданной просьбой. Он просил «принять его насовсем» и полушутя, полусерьезно объяснял это тем, что влюбился в несравненную Лилию Юрьевну. Лиля, в восторге от нового обожателя, тут же дала свое согласие, но что оставалось делать Осипу? Свободные браки были в моде, а супружеская верность, напротив, считалась пережитком средневековья. Чтобы не прослыть ретроградом, Осип Брик скрепя сердце дал согласие на нечто невиданное, скандальное, небывалое – и начался один из самых эпатажных и загадочных романов прошлого века – «брак втроем».

Лиля объясняла шокированным знакомым, что с Осипом у нее давно нет интимных отношений, но сам факт, что двое мужчин и одна женщина живут вместе в крохотной квартирке, на многих действовал как пощечина, данная патриархальной морали. Маяковский сходил с ума, плененный чарами чужой жены. А что думала по этому поводу сама мадам Брик? Вот ее собственные слова: «Надо внушить мужчине, что он гениальный… И разрешить ему то, что не разрешают дома. Остальное сделают хорошая обувь и шелковое белье».

В 1919-м Брики переехали в Москву, разумеется, вместе с Маяковским. И на двери их – снова общей! – квартиры была повешена табличка: «Брики. Маяковский». Однако ветреная обольстительница и не думала хранить верность ни Брику, ни тому, кого она с такой легкостью увела у собственной сестры. Она заводила все новые интрижки, тем более что Маяковский был чрезвычайно занят. Он то и дело уезжал по делам за границу, неделями пропадал в Берлине, Париже, Лондоне… Оттуда неслись к возлюбленной письма и телеграммы, а она читала их походя.

У читателей может сложиться превратное мнение о том, что Лиля просто вертела Маяковским, как хотела, а он был ей верен и ничего не знал о ее проделках. Этого как раз не было: статный высокий красавец с магнетическим взором всегда привлекал к себе женщин, и они вешались ему на шею, где бы он ни был – в Москве ли, в Париже. Однако, познакомившись с новой пассией, он тотчас вел ее в магазин, чтобы купить… подарки для Лили! Вот что писал поэт своей подруге из Парижа: «Первый же день по приезде посвятили твоим покупкам, заказали тебе чемоданчик и купили шляпы. Осилив вышеизложенное, займусь пижамками».

Первый вечер после его возвращения к Брикам обычно бывал самым счастливым: Лиля примеряла у зеркала обновки, визжала, прыгала от счастья, целовала его… а уже на следующий день Маяковского начинала грызть самая черная ревность. Он скандалил с любовницей, бил посуду, крушил мебель – и съезжал в свой крохотный кабинет на Лубянской площади. Но долго жить без Лили он не мог. Через несколько дней он обычно возвращался, а утешал его… сам Осип. «Лиля – стихия, – говорил он, – и с этим надо считаться».

И действительно, если живешь с музой, должна ли она быть верной, варить борщи, стирать носки и рожать детей? Или же музы нужны творцам лишь для вдохновения? Однако иногда жестокость Лили, ее склонность к получению нездоровых впечатлений переходила всякие границы. В ее воспоминаниях можно прочесть и такое: «Я любила заниматься любовью с Осей. Мы запирали Володю на кухне. Он рвался, хотел к нам, царапался в дверь и плакал».

Летом 1922-го у Лили возник бурный дачный роман. Маяковский не выдержал, и, хотя ранее он отшучивался, говоря друзьям что «в любви обиды нет», в этот раз потребовал от пассии немедленно разорвать отношения с любовником. На что Лиля… послала его «под домашний арест» на три месяца. Новый год поэт встречал в горьком одиночестве, но 28 февраля они с Лилей должны были вместе ехать в Петроград. Маяковский мчался к возлюбленной, которую не видел ровно три месяца, по перрону, не замечая никого: он сшибал, как кегли, чужие чемоданы, толкал отъезжающих… Добравшись наконец до надушенной Лили в купленной им же шубке, он схватил ее в свои железные объятия. Затащив Брик в купе, он прочел ей новую поэму – «Про это». Посвящена она, разумеется, была ей, неповторимой и единственной…

В 1926 году Маяковский побывал в Америке. Вернувшись, он сообщил Лиле, что там у него был роман с русской эмигранткой Элли Джонс и у той от него должен родиться ребенок. Лиля

выслушала новость и… равнодушно отвернулась. Америка была далеко, но вот когда у поэта в Ялте возникли серьезные отношения с Натальей Брюханенко, мадам Брик разволновалась не на шутку. У нее везде были осведомители, и в этот раз ей сообщили, что Маяковский увлечен и намерен жениться. Лиля тут же послала телеграмму: она умоляла любовника «бросить все и вернуться в семью». Привязанность и зависимость от Лили была настолько сильна, что поэт действительно «бросил все» и вернулся в Москву!

Осенью 1928-го Маяковский выехал во Францию – на лечение. Однако Лиля узнала, что там он должен встретиться с Элли и своей маленькой дочерью. Это могло стать крахом их отношений, и Лиля немедленно затеяла новую авантюру. Она уговорила свою сестру Эльзу, жившую в Париже, расстроить отношения поэта и Джонс. Каковы же были обаяние и сила убеждения этой женщины, что ее прихотям подчинялись буквально все: муж, терпевший присутствие любовника в доме, и сестра, у которой она этого самого любовника увела?! Как бы то ни было, Эльза выполнила просьбу Лили и подсунула Маяковскому молоденькую модель дома Шанель, также русскую эмигрантку, Татьяну Яковлеву. План удался – поэт тут же охладел к Джонс, но… настолько влюбился в Яковлеву, что решил жениться на ней!

Когда Маяковский посвятил Яковлевой стихотворение, Лиля поняла, что уже не она стоит для него на первом месте – теперь музой поэта стала Татьяна. «Ты в первый раз меня предал!» – упрекнула она, когда Владимир вернулся в Москву. А он… ничего не ответил. Наверное, тогда Лиля и почувствовала, что земля уходит у нее из-под ног…

Брик решила добиться реванша: устроив вечеринку, она, разумеется, позвала на нее и Маяковского. В середине вечера, когда все изрядно выпили и расслабились, она зачитала письмо из Парижа, от сестры. Главной новостью, которую она хотела донести до бывшего любовника, была та, что Татьяна Яковлева выходит замуж за богатого французского виконта. Маяковский побледнел как полотно, встал и молча вышел… Не стоит и говорить о том, что ничего подобного не было – письмо было состряпано по просьбе самой Лили.

14 апреля 1930 года, когда Осип и Лиля Брик находились в Берлине, до них дошла страшная весть: Маяковский покончил с собой. О самоубийстве поэта до сих пор ходят неоднозначные слухи, но существовала предсмертная записка, в которой, в частности, были такие строки: «Лиля, люби меня»…

Лиле Брик была начислена пенсия, а также отходило

пятьдесят процентов отчислений от посмертных гонораров поэта. Новоиспеченная вдова была, как всегда, обаятельна и хладнокровно поясняла всем желающим: «Володя был неврастеник. Он постоянно думал о самоубийстве».

Муза Маяковского прожила еще много лет: сразу же после смерти поэта она развелась с Осипом Бриком и вышла замуж за гораздо более перспективного в отношении брака Виталия Примакова. Когда Примакова расстреляли, Брик нашла себе нового мужа – литературоведа Василия Катаняна, которого увела от жены. Впрочем, разбивать жизни и строить козни этой женщине нравилось всегда…

Умерла Лиля Брик в 1978 году, выпив большую дозу снотворного. Старость и сопутствующие ей болезни оказались тем испытанием, которое она терпеть не хотела. На руке у мертвой Лили все еще было надето кольцо, когда-то подаренное ей Маяковским. На внутренней стороне его были выгравированы буквы, инициалы владелицы – ЛЮБ. Когда Лиля быстро вращала кольцо в пальцах, буквы сливались в то единственное слово, которое когда-то хотел услышать от нее поэт: «люблю»…

Френсис Скотт Фицджеральд и Зельда Сейр

Их история жизни была «романом в романе». Френсис Фицджеральд писал романы о любви, славе и богатстве, а его собственная жизнь с горячо любимой женой Зельдой тоже как будто была написана для них неким талантливым сочинителем.

Френсис Скотт Фицджеральд и Зельда Сейр

Они встретились в таком месте для знакомств, которое обычно не предусматривает длительной связи, – это был бар небольшого городка Монтгомери. Фицджеральд, тогда еще скромный младший лейтенант пехотного полка, зашел скоротать свободный вечер в компании сослуживца. Красавица Зельда сидела за столиком в окружении блестящей молодежи города. Френсис влюбился с первого взгляда. Зельда также обратила внимание на незнакомца – среди обычных прожигателей жизни он выделялся одухотворенным выражением лица и тем, что смотрел на нее не так, как остальные, а с каким-то неземным восторгом…

Зельде только-только минуло восемнадцать. Она была красива и мечтательна. Свое необычное имя она получила в подарок от матери, которая во время беременности впечатлилась романом о красавице цыганке. Зельда выросла в богатой семье и ни в чем не знала недостатка. Свободное время, которого у нее

было предостаточно, она занимала то танцами, то рисованием, то светскими вечеринками. Разумеется, ей был нужен муж, который мог бы обеспечить привычный жизненный уровень. Руки Зельды не знали работы – первая красавица штата должна была стать украшением гостиной состоятельного супруга, но никак не выскочить замуж за нищего, без гроша за душой.

Френсис Фицджеральд, на которого девушка обратила внимание в баре, в то время был беден как церковная мышь и, кроме прочего, имел сильную тягу к выпивке. Он был весьма амбициозен, но его учеба в престижном Принстонском университете закончилась отчислением. Собственно, в Принстоне его интересовали только футбол и театральная студия. Однако спортсменом он оказался никудышным, а в театральную труппу набирали только отличников. С треском вылетев из университета, он не испытал ничего, кроме облегчения: учеба казалась ему весьма скучным времяпрепровождением, тем более что в учебном заведении обретались сплошь напыщенные сынки богачей, а в эту компанию снобов он решительно не вписывался.

Фицджеральд отправился в армию – что может быть романтичнее, чем умереть за родину? Однако и тут его ждало разочарование: на фронт он не попал, его откомандировали в штат Алабама, и тут, в городке Монтгомери, он и увидел ту, ради которой стоило жить, а не умирать!

Семейство Сейр было не в восторге от жениха младшей дочери, но Зельда твердо стояла на своем: или Френсис, или никто! Родители выдвинули твердое условие: прежде чем сыграть свадьбу, жених должен найти работу, и никак иначе. Фицджеральд, будучи в восторге от того, что его не выставили на улицу с прямым отказом, тут же помчался в Нью-Йорк, где получил место в рекламном отделе при железной дороге. Мало этого – там же он попытался напечатать свой первый роман «Романтический эгоист». В то время автору было всего двадцать два и роман сочли незрелым, но не отвергли категорически, а вернули писателю с пометкой «доработать».

Фицджеральд пытался чего-то добиться в Нью-Йорке, пока Зельда продолжала вести тот образ жизни, к которому привыкла: вечеринки, поклонники, флирт… Разумеется, она приняла от Френсиса кольцо, но он был так далеко, а ей было скучно! Настолько скучно, что однажды она искупалась в бассейне совершенно голая – и это у всех на глазах! Эпатажная выходка лишь увеличила армию ее поклонников, ведь такого не могла себе позволить ни одна девушка в штате! Зельду заваливали признаниями в любви и приглашениями на вечеринки. Отписываясь, она случайно отправила послание, предназначенное

другому кавалеру, не по тому адресу – и его получил жених в изгнании.

Фицджеральд был в ярости, прочтя легкомысленную записочку. Он тут же примчался и потребовал объяснений. Произошла бурная ссора, в результате которой Зельда швырнула в лицо Френсису его кольцо. Помолвка была расторгнута, и будущий великий романист вернулся к рекламе железных дорог. Впрочем, он не терял надежды на то, что когда-нибудь произведения прославят его настолько, что легкомысленная Зельда пожалеет о своем поступке!

Если сильно чего-то хотеть, да еще и подкреплять желание работой, оно, как правило, сбывается. Вскоре после расставания с Зельдой переписанный роман Фицджеральда, получивший новое название «По ту сторону рая», был издан – и автор проснулся знаменитым. Он, как говорится, «попал в яблочко». Все газеты писали только о нем и его таланте. И через неделю Френсис и Зельда поженились.

Безумная «эпоха джаза», которую Френсис и его жена не переставали планомерно олицетворять, вознесла Фицджеральда на самую вершину славы. Газеты продавались огромными тиражами только благодаря сумасшедшим выходкам этих двоих. Чета Фицджеральдов позволяла себе буквально все: приходила голыми в театр, каталась в такси, но не как рядовые обыватели, а на крыше, – словом, эпатировала публику, как могла. Злые языки утверждали, что даже в роддом Зельду привезли вдрызг пьяной…

Маленькая Скотти, пополнившая семью, не остановила шальных родителей, которые продолжали вести разгульный образ жизни. При этом Фицджеральд успевал много работать и за его рассказы издания буквально дрались. Однако пить целыми днями и одновременно плодотворно творить было необычайно трудно, если не сказать невозможно. Сочинять что-либо действительно достойное Френсис Скотт мог только на трезвую голову.

С утра писатель торопился засесть за работу, но жена тут же предлагала ему выпить, а если он не хотел, устраивала истерику. Зельда ревновала мужа к работе, к славе, но только не к бутылке. Возможно, дело было в том, что и сам Фицджеральд не хотел, чтобы Зельда прославилась как художница – ее картины были весьма и весьма недурны, но муж категорически запретил Зельде заниматься живописью!

Эти двое не переставали мучить и убивать друг друга с помощью алкоголя и выходок самого дурного тона. Зельду не остановило даже замечание Эрнеста Хемингуэя, друга семьи, что такая муза губит одного из лучших американских писателей! Хемингуэй ненавидел Зельду, называл ее хитрой кошкой с

пустыми глазами, и она отвечала ему такой же всепоглощающей ненавистью.

В поисках более тихой жизни семья Фицджеральдов отправилась во Францию. Здесь, в поэтической атмосфере французской Ривьеры, они оба немного успокоились. Писатель работал над романом «Великий Гэтсби», а Зельда нежилась под лучами солнца на пляже.

Казалось, ничто не предвещало беды – однако Зельда, которая никогда не отличалась супружеской верностью, влюбилась во французского летчика. Фицджеральд привык к бурным, но скоротечным романам жены, но в этот раз все пошло по-другому. Когда летчик, измученный бешеным темпераментом и истерическими выходками любовницы, бросил Зельду, она наглоталась снотворного. Выжила она только благодаря тому, что муж вовремя обнаружил ее, спящую подозрительно беспробудным сном, и отправил в клинику.

Выписавшись, Зельда снова взялась за свое: она устроила мужу безобразную сцену ревности в ресторане. За столиком сидела Айседора Дункан – знаменитость тех лет, прославленная танцовщица и очаровательная женщина. Френсис попросил у жены разрешения подойти и выразить даме свое почтение. Зельда разрешила, но как только муж направился к Айседоре, вскочила и демонстративно бросилась через балюстраду лестницы вниз…

Она не убилась насмерть, отделалась всего-навсего ушибами. Однако эта попытка самоубийства была не просто очередной истерикой: она предвещала худшее. Вскоре Зельда стала слышать странные голоса: они нашептывали ей о готовящихся заговорах против ее семьи, о том, что друзья хотят убить ее, мужа, Скотти… Затем голоса запретили ей двигаться, и Фицджеральд, не на шутку встревоженный всеми этими симптомами, решился показать супругу психиатру.

Диагноз был неутешительным – шизофрения. И вместе с неизлечимой болезнью жены, на лечение которой он тратил баснословные суммы, на писателя, как из раскрытого ящика Пандоры, обрушились всевозможные беды. Умерла горячо любимая им мать, перелом ключицы надолго лишил его единственной отдушины – творчества. Его муза была неисцелимой сумасшедшей, а подросшая Скотти не желала ни учиться, ни заниматься чем-либо, кроме танцев и развлечений, не понимала и не любила отца и лишь без конца требовала денег на свои прихоти.

Фицджеральд все больше пил и пытался заводить новые романы, ища утешения и любви у других женщин. Однако его большое романтическое сердце не выдержало такой жизни:

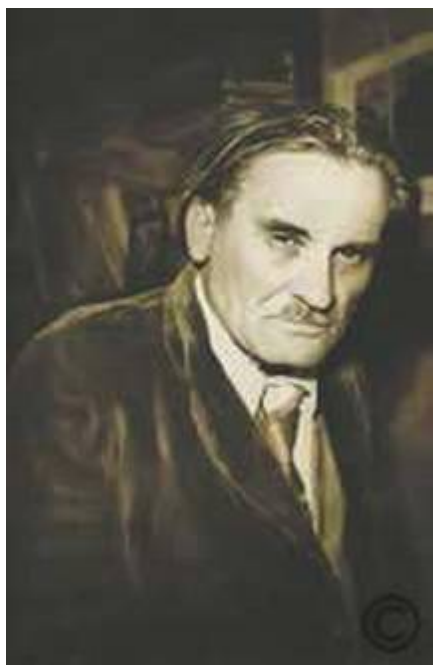
в 1940 году у писателя случился обширный инфаркт, которого тот не перенес. Он скончался в возрасте сорока четырех лет – в самом расцвете творческого таланта.

После смерти мужа к голосам, которые не переставали мучить Зельду, добавился и голос Френсиса Скотта. Он разговаривал с женой ласково и нежно… и через восемь лет врачи неожиданно диагностировали у своей пациентки значительные улучшения. Ее даже отпустили из клиники повидаться с родными в Монтгомери. Уезжая от родителей, прощаясь с ними на вокзале, притихшая Зельда внезапно сказала: «Не волнуйся, мама! Я не боюсь умереть. Скотт говорит, это совсем не страшно».

Она вернулась в клинику, а через несколько дней в ней случился пожар. Среди девятерых погибших была и муза писателя – Зельда Фицджеральд…

Юрий Олеша и Серафима Суок

Замечательная сказка «Три толстяка» вечна, как вечен и образ девочки-куклы – настоящей, живой маленькой артистки и ее механической копии. Однако мало кто знает, что писатель Юрий Олеша, замечательная фантазия которого и вызвала к жизни девочку с загадочным именем Суок, позаимствовал имя своей героини у реальной женщины. Вернее, он воспользовался не именем, а фамилией. Сестер Суок в его жизни на самом деле было трое.



Юрий Олеша

Сестры Лидия, Ольга и Серафима Суок были дочерьми учителя музыки из Одессы Густава Суока. Девушки были на редкость красивы и музыкальны, и трудно сказать, личность которой из них явилась прототипом образа танцующей и поющей куклы. За девушками ухаживали отнюдь не богатые и жадные три толстяка – в поклонниках трио Суок числились исключительно люди творческие: Эдуард Багрицкий, Валентин Катаев и Юрий Олеша. Последний явно отдавал предпочтение младшей, Симочке Суок.

Ей было всего шестнадцать, да и ему немногим больше – двадцать, но ухаживал Олеша серьезно: всегда с цветами, он

просиживал под окнами любимой целыми днями, ожидая, когда же за занавеской появится милое большеглазое лицо.

Осада младшей сестры шла по всем правилам, и вскоре Серафима сдалась, стала жить с Юрием гражданским браком. Старшая Суок вышла замуж за Багрицкого, и лишь средняя, Ольга, осталась без мужа и без поклонника – она была влюблена в Юрия, но он выбрал не ее…

Серафима Суок была исключительно хороша собой – поклонников у молодой женщины и после того, как они с Олешей стали жить вместе, не убавлялось. Огромные глаза, роскошные волосы, точеная фигура… Из-за Симы у Олеши даже начались разлады с семьей, но не потому, что его родителям она не нравилась. Просто из-за любимой он отказался возвращаться на родину, в Польшу, потому как Серафима покидать Одессу отказалась наотрез. Олеша разругался с родителями и даже последней их просьбы не выполнил, о чем жалел потом всю оставшуюся жизнь. Родители поручили Юрию ухаживать за могилой его сестры, Ванды, умершей перед самым отъездом, но он, увлеченный Симой, роман с которой был в самом разгаре, на могилу Ванды так и не пошел, а потом просто не смог ее отыскать…

Серафима, которая с виду была сама кротость, на самом деле вовсе не была ангелом – она могла уйти из дому с новым поклонником, а вернуться только через несколько дней. Претензий же молодая женщина не терпела: было время свободной любви, что как нельзя лучше соответствовало характеру Симы. Олеша, часто вместе с Катаевым, разыскивали ее и возвращали домой – Сима не протестовала. По дороге она осыпала мужа поцелуями и клялась в том, что любит его безмерно!

Однако о любви, настоящей, верной и жертвенной, здесь не было и речи: через два года Серафима все же покинула Олешу – навсегда – и ушла к поэту Владимиру Нарбуту. Нарбут, о котором в Одессе ходили мистические слухи, был намного старше Серафимы Суок и к тому же был хром и с отсутствующей кистью руки, которую потерял во время бандитского налета. Он не отличался покладистым характером прежнего спутника жизни младшей Суок – напротив, был мрачен и неразговорчив. Он увез Серафиму в Москву – Олеша бросился было за ними, чтобы вернуть гражданскую жену, но тщетно. Серафима была растеряна, но Нарбут предупредил и ее, и Олешу: если она попробует уйти от него, он застрелится.

В Одессу Юрий Олеша вернулся без жены… Тоска была безмерной, и не проходило дня, чтобы ему не казалось: вот,

сейчас она постучится в дверь, переставит через порог свой чемодан и скажет: «Я вернулась…» Он не спал по ночам, и именно в этот год, самый тяжелый год его жизни, и родилась девочка Суок. Это она сидела у его постели, она разговаривала с ним голосом Симы – или уже не ее голосом, а своим собственным…

Некоторых людей время лечит, но Юрий Олеша явно не принадлежал к их числу. И неизвестно, что бы произошло с писателем дальше, если бы не Ольга, сестра Серафимы. Именно она пришла на помощь тому, кого любила все это время в стороне, уступив младшей сестре. В своем дневнике Олеша записал: «И от сестры и до сестры замкнулась жизнь волшебным кругом…» Жизнь действительно совершила некий оборот, и Юрий женился на Ольге. И даже именно ей, Ольге, он написал посвящение на издании «Трех толстяков». Однако ни это, ни тягостная семейная жизнь – с вечным призраком Симы рядом – не могли обмануть ни его, ни тем более Ольгу, которой брак вместо счастья принес только разочарования.

В страшные 30-е сгинул в северных лагерях Нарбут, однако Серафима не вернулась к нему, как втайне надеялся Олеша. Ее жизнь навсегда разошлась с его: Сима осталась в Москве и после того, как Нарбута репрессировали, вновь вышла замуж за писателя и коллекционера Николая Харджиева. После Харджиева она еще раз выходит замуж – третьим мужем Серафимы стал писатель Виктор Шкловский, у которого она работала секретарем. О ее жизни Олеша знал все – они по-прежнему оставались родственниками, но были далеки друг от друга как никогда.

Кроме двух больших произведений – яркого романа для детей «Три толстяка» и романа «Зависть» Олеша до самой смерти не напишет больше ничего монументального, ничего, что по мощи могло бы сравниться с «Завистью», которую и сегодня называют лучшим романом периода советского романтизма. Писатель чувствует, что его время истекает – не потому ли, что его муза больше не смотрит в его сторону? Он пробует писать пьесы, но до уровня «Зависти» и «Трех толстяков» они явно не дотягивают. Уделом Олеши становятся сатирические рассказы, работа в газетах и журналах.

Юрий Карлович Олеша, замечательный писатель, о таланте которого можно судить не только по ранним произведениям, но и по последней автобиографической книге «Ни дня без строчки» и замечательным дневниковым записям, прожил чуть больше шестидесяти. Тоску по Серафиме, по временам их молодости, когда она говорила, что любит его, только его одного во всем свете, – эту тоску невозможно было заглушить.

Частенько Олешу видели в московском Доме литераторов, но не в залах для выступлений, а в буфете, за столиком, на котором стоял стакан водки… Денег на выпивку у писателя не было. Из его произведений давно ничего не печатали, но те, кто вырос на его книгах и теперь писал сам – новые, молодые, удачливые, – считали за честь угостить мэтра литературы… не зная или просто не желая видеть, какой огромный вред они наносят ему.

Однажды Олеша поинтересовался – там же, в Доме литераторов, – по какой категории его будут хоронить? Услышав, что по самой высшей, он спросил: «Нельзя ли меня похоронить по самой низшей, а разницу вернуть сейчас?»

Умер Юрий Олеша в 1960 году – почти ежедневная выпивка и тоска по Серафиме свели его в могилу. Похоронили писателя действительно по высшему разряду, на Новодевичьем кладбище. Серафима пережила его на двадцать два года, но вряд ли когда-нибудь вспоминала…

Вера и Владимир Набоковы

Их звали «неразлучные ВВ», потому что эти двое – Вера и Владимир – действительно поражали окружающих своей преданностью друг другу и тем, что все пятьдесят два года, что длился их брак, они прошли по жизни рука об руку.

Владимир Набоков тогда еще не был столь известным писателем, каким будет в последующие годы, а просто подающим надежды молодым литератором, но Верочка Слоним, которая читала его произведения, твердо сказала: «Это величайший писатель своего времени!» Скромная девушка сказала это только себе, но слова эти оказались пророческими.

И Набоковы, и Слонимы покинули Россию во времена великих революционных потрясений и в 20-е годы выехали за границу. Встретились молодые люди уже в Берлине, на благотворительном балу, и чувства у обоих вспыхнули сразу. Время наступало такое, что раздумывать о том, что молодой семье особо не на что будет жить, было некогда – и Володя с Верой, верно решив, что в водовороте революций, войн и политических потрясений лучше держаться вместе, не откладывая дела в долгий ящик, поженились.

Это, безусловно, был брак по любви, но, как известно, даже в пылкой взаимной любви один целует, а другой только подставляет щеку. Вера была для Владимира всем одновременно: женой, матерью, любовницей, машинисткой, литературным агентом, кухаркой и прислугой… Даже болея, она, не вставая с постели, лежа перепечатывала на машинке работы мужа! Поговаривали, что в сумочке у нее даже имеется маленький пистолет – на случай, если ненаглядного Володеньку придется защищать от хулиганов!

За долгие годы брака они как будто срослись и всегда ходили, держась под руку. Вне дома их почти никогда не видели отдельно, и поэтому некоторые даже утверждали, что Набоков слепой и передвигается по улице только благодаря жене! Вся совместная жизнь Набоковых была окутана таким плотным облаком легенд, что даже сегодня, когда творчество и личная жизнь писателя глубоко исследованы, некоторые слухи продолжают жить.

Например, многие современники были твердо убеждены: все книги, вышедшие под именем Владимира Набокова, написаны именно Верой! Потому как это ее постоянно видели склоненной над машинкой, это она не позволяла выбросить ни единого, даже самого ничтожного листочка с рукописным текстом, это она

работала, работала, работала… в то время как ее мужа никто и никогда не лицезрел за письменным столом!

На самом деле Набоков терпеть не мог письменные столы, он мог работать где угодно – в кресле, на балконе, в ванной комнате, но только не там, где по классическим канонам положено работать писателю. Вера же проводила за столом, на котором стояла ее машинка, целые дни. Также она всю жизнь была для своего гениального мужа и водителем – Набоков не умел водить машину. На совести жены лежало буквально все: от сворачивания зонтиков (Володенька терпеть не может это занятие!) до секретарских обязанностей: ответить на звонок, написать письма, найти потерянный забывчивым мужем любой предмет…

Сама Вера Набокова всегда гордо говорила: «Гений не живет – он работает!» Под словом «живет» она как раз и подразумевала все то, что им, вернее практически ей одной, пришлось вынести за первые небогатые, а порой и откровенно голодные годы совместной жизни: было их, ни много и ни мало – сначала в Германии, а потом, когда к власти пришли фашисты и им пришлось снова эмигрировать, на этот раз в Америку, – почти тридцать…

За первыми тридцатью годами, когда семья Набоковых нуждалась буквально во всем, от сахара до писчей бумаги, пришли годы признания и относительного благополучия. Но все равно именно Вере приходилось и переписывать набело лекции, которые муж читал в Корнуолльском университете, будучи в должности профессора русской словесности, и привозить его на те же лекции в автомобиле, и – боже правый! – самой вести его в аудиторию за руку! Наверное, правы были те, кто считал Набокова слепым – ну кого еще жена водила за ручку, да еще и садилась дожидаться в первом ряду, чтобы отвезти после лекции обратно?

Однако все это: и раздача студентам экзаменационных билетов, и то, как она бросалась помогать любимому мужу передвигать доску, и как трогательно вела его обратно к машине – и было тем, что в литературе, которую так замечательно преподавал профессор Набоков американским студентам, называлось великой всепоглощающей любовью… И пусть над ними потешались не только студенты, уверенные в том, что «мадам профессор» еще и сама проверяет их работы, но и многие, кто видел эту трогательную пару, – Набоковым было все равно, что о них говорят. Они любили друг друга.

Вера освобождала для своего мужа самое драгоценное, что только может быть у писателя, – время для творчества. От его имени она отвечала на все письма, причем обычно они

начинались так: «Мой муж просил меня сообщить, что, по его мнению…» – дальше действительно шло мнение самого Набокова, но отвечать на огромное количество писем он просто не имел возможности, а вот Вера – Вера могла и умела буквально все!

Не будет преувеличением сказать, что ни одно из великих произведений Набокова не вышло бы в свет, не будь рядом жены. Так, самый знаменитый на сегодня и самый скандальный роман мужа – «Лолиту» – Вера несколько раз буквально вынимала из мусорного ведра! Набоков, сначала загоревшись идеей написать это произведение, быстро остыл, и только упорство Веры, усаживавшей мужа за написание «Лолиты» чуть ли не силой, позволило роману выйти и совершить триумфальное шествие по миру.

Именно после «Лолиты», принесшей автору мировую известность, семья начала жить в относительном достатке. Но Вера трудилась так же упорно и много, как раньше: ей, перепечатавшей три тысячи страниц переводов Пушкина на английский язык, обязаны и сам Набоков, который без жены просто не справился бы с этой титанической работой, и английская литература, обогатившаяся прекрасными переводами великого русского поэта, сделанными не менее великим русским прозаиком.

То, что Набоков почти никогда сам не отвечал по телефону, не писал писем и еще много чего не делал лично, в конце концов и породило слухи о том, что он находится под тиранией своей жены. На самом деле писателю было удобно так жить, а его верная Вера, добровольно взвалившая на себя огромный груз бытовых и издательских проблем, просто освободила его от всей этой рутины. Более того – эта женщина, настоящая муза и помощница великого человека, никогда не позволяла себе выдвигаться на первый план или как-то менять планы мужа, даже если ей самой это было неудобно.

Многие исследователи творчества и жизни Набокова утверждают, что литературный и критический талант самой Веры не уступал таланту мужа, но эта самоотверженная женщина решила, что главным в их семье – абсолютно во всем! – будет он… Именно благодаря продюсерским и житейским талантам Веры семья наконец-то разбогатела и последние годы жизни Набоковы провели в Швейцарии, на берегу Женевского озера.

Возможно, читая эти строки, кто-то подумает, что Набоков просто всю жизнь пользовался услугами своей жены и не давал ничего взамен, кроме возможности любоваться «творением рук своих». Однако это не так: писатель чрезвычайно высоко ценил свою спутницу жизни и даже мог порвать многолетние дружеские

отношения с людьми, которые невзначай или умышленно обидели его музу.

Они не любили обнажать свои чувства прилюдно, и о замечательной, с годами не увядавшей, а все более расцветавшей любви этих двоих, таких странных и таких талантливых людей, все сказали письма, которые они писали друг другу в моменты разлуки. Они не жалели друг для друга ласковых слов: «Любовь моя», «Мое счастье, мое золотое, изумительное счастье», «Да, я тебя люблю, я тебя бесконечно люблю» – все это было написано ими после пятидесяти лет брака!

Владимир Набоков умер в 1977-м, его жена Вера – в 1991 году. И после смерти она осталась в тени своего великого мужа – на памятнике, установленном на ее могиле, высечена лишь скромная надпись: «Супруга, муза и литературный агент».

Кларк Гейбл и Кэрол Ломбард

Гейбл и Ломбард, несомненно, были созданы друг для друга, однако, встретившись в первый раз на съемках фильма с названием «Не ее мужчина», они не обратили друг на друга особого внимания. Вернее сказать, обратили: Кларк посчитал Кэрол избалованной пустышкой, а она партнера – напыщенным снобом, который к тому же своей игрой испортил весь фильм. В подтверждение своего мнения Кэрол даже послала Кларку кусок свинины, завернутый… в его собственную фотографию!

Кларк Гейбл и Кэрол Ломбард

До следующей их встречи прошло целых четыре года – срок немалый. Но кому суждено быть вместе, тот может ждать и дольше. Они снова скрестили взгляды – и Кларк подмигнул Кэрол. Вкупе с его «фирменной улыбкой» это было так заразительно, что ее сердце не выдержало. Отныне и навсегда оно будет принадлежать только одному мужчине – Кларку Гейблу.

Не сбавляя темпа, Кларк пригласил девушку на танец и тут же спросил, есть ли белье под ее вызывающе облегающим платьем? Или, как он думает, там его нет? Кэрол заразительно рассмеялась и подтвердила – под платьем у нее действительно ничего нет… Дальше все полетело с бешеной скоростью: они катались на машине Гейбла, и Кэрол не сразу заметила, что ездят они по одному и тому же маршруту: вокруг отеля, в котором остановился актер. «Может, поднимемся ко мне в номер, выпьем чего-нибудь?» – предложил он. «Ну, похоже, ты возомнил себя

самим Кларком Гейблом!» – саркастически заметила Кэрол, чем окончательно покорила сердце известного ловеласа…

Однако не одна Кэрол умела шутить. В День святого Валентина она подарила Кларку, который коллекционировал автомобили, старый «форд Т», больше похожий на развалину. Актриса купила его на свалке за пятнадцать долларов. Машину отбуксировали в мастерскую и там разрисовали розовыми сердечками. Кларк был в восторге от подарка и в качестве ответного шага пригласил любимую поехать в какой-нибудь роскошный дансинг потанцевать. Кэрол, предвкушая шикарный вечер, надела шикарное платье, меха и в таком виде спустилась вниз… где ее ждал Кларк на том самом «форде»! Они с черепашьей скоростью потащились по улицам Голливуда, необычайно довольные друг другом, целуясь, смеясь и маша руками знакомым и незнакомым…

Зная ветреный нрав Гейбла и непостоянство Ломбард, их роман долго не воспринимали всерьез. А когда продюсеры поняли, что здесь пахнет чем-то более серьезным, чем простой флирт, они забили тревогу: у Гейбла, который носил титул короля Голливуда и по которому вздыхала вся женская половина Америки, был имидж романтического героя; так же обстояли дела и с Кэрол – она была секс-символом, дивой, оказаться в постели с которой мечтал каждый американец от семнадцати до семидесяти! Если эти двое будут встречаться, кассовые сборы неминуемо упадут!

Под давлением продюсеров им пришлось скрывать свои отношения, тем более что жена Кларка, актриса Мария Лэнгем, была категорически против развода. Когда же Кларк стал настаивать, Мария, которая была старше мужа на семнадцать лет, выдвинула совершенно грабительские условия расторжения брака. Кларк не понаслышке знал, что такое нищета, – он родился в семье рабочего с нефтяных месторождений и сам выбивался в люди. И теперь, когда его материальное положение во многом обуславливал брачный контракт, он очень боялся, что Мария приведет свои угрозы в исполнение и он останется без гроша за душой. А предстать перед любимой в образе нахлебника – нет, это было бы невыносимо…

Однако, несмотря ни на что, Кларк и Кэрол продолжали встречаться. Он ждал, когда стемнеет, и, как мальчишка, залезал к любимой в окошко. А Кэрол было все равно: приедет к ней Кларк в лимузине и в дорогом костюме или же прикатит на том самом «форде», заявив, что это единственное, что у него осталось. Более того, Ломбард сделала возлюбленному царский подарок – купила ранчо стоимостью пятьдесят тысяч долларов. Сегодня эти

пятьдесят тысяч стоили бы нескольких миллионов!

Именно этот сумасшедший поступок Кэрол и доказал Кларку, насколько сильны ее чувства. Он наплевал на все и развелся. Кроме того, его ждал огромный гонорар за «Унесенных ветром», где он сыграл главную роль – Ретта Батлера. Поженились влюбленные очень тихо и так же тихо жили на своем ранчо. Кэрол, вне всяких сомнений, и была той единственной, которую он искал всю жизнь. Кларк называл жену своей музой и не отходил от нее ни на шаг.

Вместо шумных голливудских вечеринок эти двое предпочитали посидеть с книгой у камина, или разбить палатку в лесу, или совершить конную прогулку… Домашний быт, так ненавидимый многими актерами, был им в радость. Именно за стенами дома прятался Гейбл от своих поклонниц, которых после триумфа «Унесенных ветром» стало на порядок больше. Жена понимала его как никто в мире, и единственное, чего им не хватало в их тихой семейной жизни, – это детей.

Вторая мировая война не обошла Америку стороной. Гейбл всегда был патриотом своей страны, и именно он предложил Кэрол поучаствовать в кампании по продаже облигаций государственного займа, доходы от которого должны были пойти на борьбу с фашистским режимом. Кэрол собиралась стать лицом кампании – она прекрасно справилась и с этой ролью. С рекламных съемок она планировала вернуться на поезде, но ей хотелось поскорее увидеть мужа и она поменяла билеты на авиа.

Наверное, судьба пыталась сберечь ее для любимого: по пути домой самолет сделал посадку в Лас-Вегасе, и Кэрол попросили уступить место военному, который отстал от своей части. Она не согласилась – и больше Кларк никогда не видел жену живой…

Самолет потерял управление во время грозы и врезался в гору. Все погибли мгновенно. Гейбл, узнав о катастрофе, не поверил в смерть любимой. Он бросился к машине и доехал до места трагедии, еще надеясь на то, что она каким-то чудом выжила… Он не нашел даже тела, только серьги Кэрол с бриллиантами и рубинами – камнями верности, которые сам подарил возлюбленной на Рождество.

Он никак не мог привыкнуть, что ее больше нет. Внутри, там, где сердце, болело и жгло так, что не помогали ни литры алкоголя, которые он вливал в себя, ни снотворные, которыми заглушал тоску… Кларк никого не впускал в дом, а потом и вовсе запер дверь. Он записался в летную школу, после чего ушел воевать на фронт. Ему хотелось одного – побыстрее умереть, чтобы соединиться с той, жизнь без которой дальше представлялась ему невозможной.

Он летал в том самом небе, которое забрало у него Кэрол, и, казалось, совсем забыл об актерской карьере. Актер в нем умер, потому что его музы больше не было с ним. Только один раз он посетил официальное мероприятие – когда спускали на воду корабль, названный именем любимой, «Кэрол Ломбард». Когда же о борт корабля разбили традиционную бутылку шампанского и пожелали ему долгой жизни, все увидели, что король Голливуда не может унять слез…

Он еще попытается вернуться к нормальной жизни и даже два раза женится. Но от одной жены он уйдет меньше чем через год, а последняя спутница жизни Гейбла, Кей Уильямс, действительно любившая и понимавшая Кларка и старавшаяся заменить ему Кэрол, которую тот так и не смог забыть, даже родила ему ребенка, но актер его так и не увидел. Его единственный сын родился через четыре месяца после смерти отца. Кларк Гейбл умер прямо на съемочной площадке от сердечного приступа, потому что сердце его так и не смогло смириться с гибелью Кэрол.

Энди Уорхол и Эди Седжвик

Америка 1960-х была особым миром, кратко охарактеризовать который можно всего тремя словами: секс, наркотики, рок-н-ролл. Энди Уорхол в этом мире был не просто своим – он был почти полубогом там, где смешивались в единый экзотический коктейль музыка, живопись, прочие искусства – и коммерция, как острая и одновременно необходимая приправа этого адского варева.

Энди Уорхол

Настоящее имя Энди Уорхола – Андрей Варгола. Он был младшим из четверых детей в семье словенских эмигрантов, натурализовавшихся в Питтсбурге. Еще будучи ребенком, Эндрю перенес несколько тяжелых болезней подряд. В школу он практически не ходил, избегая насмешек одноклассников. Прикованный к постели болезнью, которую в народе называют пляской святого Витта, худой и болезненный подросток все время посвящал рисованию и изготовлению необычных красочных коллажей из газетных и журнальных вырезок. Постель Энди была завалена обрезками: щелкали ножницы, в ход шли рекламные картинки, портреты кинозвезд – словом, все броское, яркое, необычное, что привлекает внимание.

У него был свой взгляд на работу художника-оформителя, и идеи, которые Энди воплощал в жизнь после получения образования в области дизайна, оказались настолько новаторскими и свежими, что он без труда нашел себе работу в таких престижных изданиях, как «Vogue» и «Harper's Bazaar». Энди оформляет витрины дорогих бутиков – словом, взлетает на гребень волны, именуемой успехом. Одновременно Уорхол выставляет свои собственные графические работы, порой настолько провокационные, что озадаченные обыватели не понимают даже, искусство ли это?!

Однако, несмотря на то что работы Уорхола не были рассчитаны на «широкого потребителя», удача и мода явно на его стороне. Энди быстро богатеет и так же быстро работает, легко и непринужденно двигаясь вперед, потому что умеет не только угадывать желания заказчиков, но даже предугадывать их!

Эди была под стать ему самому – такая же бесшабашная с виду, легкая на подъем, вытворявшая с обычным вещами то, что он сам проделывал с образами, линиями и красками. Настоящее ее имя было Эдит Минтерн Сэджвик, но все называли ее просто Эди, хотя, в отличие от Уорхола, семья Сэджвик имела аристократические корни.

Хрупкая, не производившая впечатление сильной, Эди могла танцевать и тусоваться ночи напролет. При этом она надевала на себя вещи, которые никто, кроме нее, ранее не использовал в таком качестве. Эди могла заявиться на гламурную вечеринку в обычной майке или балетном трико, но при этом выглядела так стильно, что тут же становилась объектом фотоохоты журналистов. И так же, как Энди Уорхол переворачивал представление людей об искусстве, его подруга и муза выворачивала наизнанку понятия о том, что модно.

Они были вместе всего семь лет, но для Америки 60-х, помешанной на вечеринках, откуда народ разъезжался либо на лимузинах, либо на «скорых» с сиреной, это была целая жизнь. В 1963-м Энди купил дом на Манхэттене, который назвал «Фабрика». Именно здесь он создает свои провокационные полотна, выполненные трафаретным методом, здесь разрабатывает дизайн множества вещей, привычных для нас и сегодня, которые навсегда вошли в историю дизайна.

Заказчиками Энди были те, кого называли сливками общества. На своей «Фабрике» Энди ставит изготовление предметов искусства на поток. Там же он снимает свои знаменитые фильмы с Эди Сэджвик в главной роли. Стены «Фабрики», выкрашенные серебристой краской, и ее посетители, тусовавшиеся на вечеринках, плавно перетекавших в рабочие

будни, украшали собой страницы светской хроники центральных изданий.

Свои портреты в стиле андеграунд Энди заказывали Лайза Миннелли, Джон Леннон, Мохаммед Пехлеви, Брижит Бардо, Мик Джаггер, иранский шах и все его семейство – словом, те, кто несся на волне бешеных 60-х или просто пытался угнаться за модой.

Бездумная, всегда готовая веселиться Эди олицетворяла собой то, к чему так стремился Уорхол, – красоту в чистом виде. Кроме того, его муза, которую он сам называл «пустышкой», не спрашивала, зачем и куда они едут и надо ли будет возвращаться назад… Она просто жила – одним днем. Однажды, когда они прилетели в Париж, в ее дорожной сумке не оказалось ничего, кроме… норковой шубы. Еще одна была надета на ней прямо поверх старой майки и балетного трико. Когда они с Энди вошли в ресторан и швейцар вежливо попросил у Эди ее шубу, она взмолилась: «Не отнимайте ее у меня! Это единственное, что у меня есть!»

Энди и Эди были настолько популярны, что их приглашали на все мало-мальски значимые мероприятия в Нью-Йорке. Без Уорхолла и его подруги не обходилось ни одно открытие – выставки или фирмы, все равно. Они были олицетворением сексуальной революции и новой, свободной Америки. Чтобы заманить модную парочку к себе, за ними присылали лимузины, им сулили фантастические гонорары, а Эди и Энди частенько развлекались тем, что вместо себя подсовывали жаждущим каких-нибудь знакомых.

С легкой руки Эди Сэджвик в моду входили обтягивающие трико и крупные серьги, она бесконечно пробовала на себе все новый и новый макияж – в сундучке, который подруга Уорхолла всегда возила с собой, только всевозможных накладных ресниц было более пятидесяти пар! Она стала иконой стиля, ее манеру одеваться и двигаться копировали, ее снимали для журналов мод и просто как фотомодель – камера любила Эди. Ну, а сама Эди все больше любила наркотики…

При ее внешности и потрясающих актерских данных Эди могла добиться многого, но… она крепко «подсела» на кокаин и амфетамин. Они с Энди часто ругались по этому поводу, и подруга даже пыталась спровоцировать ревность Уорхолла, заведя отношения с рок-музыкантом Бобом Диланом. Однако с Диланом она вскоре порывает, чего нельзя сказать о ее отношениях с наркотиками. Она пробует и барбитураты, и опиаты, и их различные сочетания – словом, убивает себя всеми возможными способами.

В 1966-м Эди зовут в театр, но ей уже не до актерской карьеры. После серьезной мотоциклетной аварии ее кладут в психиатрическую клинику – лечиться от наркозависимости. В это время она уже не живет с Энди Уорхолом, но он не может ни забыть Эди, ни простить ей ухода к Дилану.

После выхода из клиники Эди возвращается к своей семье, в Калифорнию, и даже выходит замуж. Она явно пытается быть «как все», но той, что была музой андеграунда, это плохо удается. Она снова начинает принимать наркотики, часто сочетая их с алкоголем. И однажды случается неизбежное – утром муж находит Эди мертвой. Она прожила всего 28 лет.

Влияние образа Эди Сэджвик на все искусство 60-х огромно, потому что она была музой не только Энди Уорхола. Музыкальные рок-группы посвящали Эди альбомы и песни, снимались клипы, где роль Эди исполняли весьма похожие актрисы. Фотографии Эди украшали обложки альбомов и афиши, ее макияж стал знаменитым – словом, мертвая Эди прожила в искусстве гораздо дольше, чем Эди живая, которая была неотъемлемой частью вечеринок 60-х. Ее образ востребован и сегодня – совсем недавно знаменитый Карл Лагерфельд представил на суд зрителей фотосессию, где снял актрису Ванессу Паради в образе Эди Сэджвик.

Энди надолго пережил свою музу и подругу – он скончался в возрасте 58 лет на операционном столе от остановки сердца. В оставшемся после его смерти архиве Эди все еще смеется, танцует, курит, моргает огромными ресницами – пытается продолжать жить вечно, пока ее будут помнить…

Джон Леннон и Йоко Оно

Музы не приходят из ниоткуда и к тем, кто в них не нуждается. Когда Джон Леннон, певец, поэт, композитор и лидер легендарной четверки «Битлз», стал ощущать в душе некую опустошенность, к нему явилась Она – его муза, которая осталась с ним на всю жизнь. Музой Леннона стала хрупкая японская девушка по имени Йоко.

Джон Леннон и Йоко Оно

Появление Йоко на своем пути он счел мистическим, однако в жизни Леннона было много мистики. Рок-музыкант появился на свет 9 октября 1940 года, во время налета немецкой авиации на Ливерпуль. Бешеная энергия, выплескиваемая в разрывах бомб, неким образом трансформировалась в энергию поэтическую, художественную и музыкальную, которой сверх всякой меры всю жизнь был одарен этот удивительный человек.

Его детство было не слишком радостным: вскоре после его рождения родители развелись и отдали четырехлетнего Джона на воспитание бездетной тетке. Та растила племянника довольно сурово, и когда подростком Леннон принялся с утра до вечера бренчать на гитаре, тетка корчила брезгливую мину: «Гитара – хорошая вещь, но она никогда не поможет тебе заработать на жизнь!» Он навсегда запомнит эти слова, и потом, когда баснословно разбогатеет, купит тете Мими и дяде, с которым, будучи мальчиком, быстро нашел общий язык и который действительно заменил ему отца, шикарный особняк на побережье. А в холле повесит мраморную доску с теми самыми словами тетки о гитаре…

Однако ворчание тетки вполне могло стать пророческим: учился Джон из рук вон плохо, особенно не давались ему точные

науки. Зато он пел в хоре, выпускал стенгазету, а позже организовал школьный ансамбль, состоявший из гитаристов (во главе с собой), парня с банджо, двух ударников и… еще одного музыканта, игравшего на стиральной доске! Несмотря на всю художественную самодеятельность, выпускные экзамены он провалил. Но Джон обладал огромным обаянием – или же в этом случае также были задействованы некие мистические силы? Ведь директор школы помог ему поступить в художественный колледж.

Джон Леннон упорно шел вперед – и играл на гитаре. Его группа несколько раз меняла название и в конце концов стала именоваться «Битлз». Они уже были популярны в родном Ливерпуле и в Гамбурге, куда часто вылетали на гастроли, когда в 1961-м их заметил талантливый продюсер Брайан Эпстайн. Музыканты сменили кожаные куртки на аккуратные костюмы; сам Джон был от этого не в восторге, но новый имидж способствовал тому, что популярность группы быстро возросла.

Они встретились на выставке авангардного искусства. Леннон пришел, потому что его пригласили, а отказываться, не имея на то веского предлога, было не в его правилах. Особого впечатления выставка на него не произвела, но вот сама художница… Маленькая японка с острыми скулами и пронзительными черными глазами водила его от полотна к полотну, а затем показала главную инсталляцию – выкрашенную белым стремянку и картину, написанную на потолке. Леннон залез на лестницу – и… снял паука, примостившегося на картине. При этом он вежливо спросил у художницы разрешения убрать непрошеного гостя. Он ушел, оставив неизгладимое впечатление о себе, а Йоко записала в дневнике: «Сегодня я встретила мужчину, которого смогла бы полюбить».

Леннон быстро забыл выставку, но каждый день стал получать таинственные открытки, на которых были написаны странные приказания: «Смотри на огонь до рассвета», «Танцуй», «Дыши»… Он не знал, от кого они, но вскоре художница стала звонить ему. Они разговаривали, вернее, говорила практически только она одна – об искусстве, о творчестве, о том, что они с Джоном родственные души… Сначала его раздражала ее бесцеремонность, но прошло время, и он уже не мог жить без ее голоса в трубке.

Они были совсем разными: Йоко из богатой родовитой аристократической семьи, Джон – дитя ливерпульских улиц. Она – рафинированная умница, он – двоечник, выбившийся в люди благодаря таланту да еще счастливому стечению обстоятельств. Он частенько не знал, куда его заведет новый эксперимент, а она всегда точно видела, чего хочет. И в этот раз она хотела того, с

кем чувствовала родство душ. Йоко хотела Джона.

Он был женат, она – замужем. Но она решительно входила в святая святых – студию, куда до нее не ступала нога ни одного постороннего. Это ужасно раздражало остальных «битлов», но они молчали, потому что тоже чувствовали в этой маленькой женщине нечто особенное. А Йоко не отходила от Джона буквально ни на шаг, сопровождала его повсюду, ждала за кулисами после концертов.

В тот день, когда Леннон получил развод, у Йоко случился выкидыш. Джон дежурил возле кровати любимой днем и ночью: спать он устраивался просто на полу, к ужасу медперсонала. Ведь он уже был «тот самый» Джон Леннон, мегазвезда. Слава «Битлз» гремела в Великобритании, да и во многих других странах, и группа, по выражению Леннона, «стала популярнее, чем Христос».

Они поженились на острове Гибралтар, в британском консульстве. Йоко не взяла его фамилию, но зато он стал именоваться Джон Оно Леннон! Медовый месяц они провели креативно: лежали в пижамах в отеле и давали интервью, выступая против войны во Вьетнаме.

Жизнь для Джона внезапно наполнилась новым смыслом, и если раньше в ней присутствовала практически только музыка, теперь в нее вошла Йоко. Она и стала тем стержнем, на который было нанизано множество всего, чего он не знал раньше или не задумывался об этом: искусство во всех его традиционных и новых проявлениях, философия и та внутренняя свобода, которой он не ощущал до нее.

Все запреты были сняты, все шоры упали. Джон и Йоко сфотографировались обнаженными для обложки нового совместного альбома. Оба они были далеко не моделями – обычные люди с неидеальными фигурами и не самыми красивыми лицами в мире, но эта фотосессия стала вызовом всему косному, консервативному. Они хотели чего-то нового, что-то сделать для мира, показать другие пути. Они ездили по свету, боролись то за права индейцев в Америке, то против плохого содержания заключенных; участвовали во многих акциях протеста. Леннон чувствует: это именно то, чего ему не хватало раньше, чего недодавала одна только исполняемая ими музыка!

«Битлз» и Леннон постепенно расходятся. Это приводит к ссорам с Полом Маккартни, но Джон устал от многолетнего повторения одного и того же. И, хотя фанатов «Битлз» по всему миру насчитывались миллионы, они с Йоко все же решают начать делать собственную музыку. Они обосновываются в центре Нью-Йорка и оборудуют музыкальную студию. Новые песни Леннона расходятся по Америке, но… они явно слабее того, что он делал

для «Битлз». Его музыкальная слава постепенно затухает, а вокруг только и разговоров о том, что Йоко сильнее, чем он сам, что она подмяла его под себя и изменила не в лучшую сторону…

В жизнь Джона снова возвращается то, от чего он успел уйти, женившись на Йоко, – депрессия и наркотики. Он злится, и однажды прямо на глазах у жены уходит с какой-то девицей, имя которой к утру забудет. Но этого ему кажется мало – он уезжает в Лос-Анджелес и там пускается во все тяжкие: женщины, наркотики, алкоголь… Почувствовав себя свободным от всего, он пишет несколько песен, и они тут же взлетают на верхние строчки хит-парадов. Он стал прежним бездумным Джоном, и его музыка вернулась к нему!

Но он ужасно тоскует по Йоко… Ни наркотики, ни выпивка, ни затеваемые им скандалы, чтобы выпустить пар, – ничто не помогает. С женой он становится другим, но без нее он просто не может жить… Позже он скажет об этом времени так: «Я просто обезумел, это был потерянный уикенд длиной в полтора года – это саморазрушение от разлуки».

Они случайно встречаются в Нью-Йорке – и не выдерживают. С вечеринки они уезжают вместе. У них снова есть все для счастья: их музыка, их любовь и… долгожданный ребенок – сын, который появляется на свет в день рождения Джона! Отныне Джон живет так, как того хочет Йоко. Ест только экологически чистые продукты, медитирует, пишет музыку наверху, в своей студии… А она тем временем сидит в офисе и приумножает его состояние.

Йоко – бизнесмен от природы. Она делает на музыке Леннона миллионы и десятки миллионов, но… Чтобы просто увидеть жену, он должен позвонить ей в офис и договориться о встрече! Это похоже на фарс, и однажды Джон жалуется секретарю, что они с Йоко почти не занимаются любовью, потому что ей все время некогда!

Однако оттого, что они с Йоко снова рядом, а возможно, и потому, что количество рано или поздно должно было перейти в качество, у Леннона вдруг происходит скачок. Накануне своего сорокалетия он записывает потрясающий альбом, который критики называют возвращением, вторым дыханием. Джон счастлив, он дает интервью и говорит, что чувствует себя свободным как никогда, наполненным творчеством до краев.

Он мог бы сделать невероятно много, но… всего через несколько месяцев после триумфа его застрелил сумасшедший фанат «Битлз» Марк Чепмен. Он убил кумира миллионов, когда тот вместе с женой входил под арку собственного дома. Четыре пули в спину не оставили Джону ни единого шанса выжить, хотя

«скорая» приехала почти мгновенно.

Йоко благополучно здравствует и сегодня – муза Леннона живет памятью о нем. Она до сих пор устраивает фестивали и всевозможные акции, теперь все они связаны с именем Джона. А на провокационные вопросы о личной жизни, которые так любят задавать журналисты, эта загадочная женщина отвечает: «Мы просто любили друг друга».

Барак Обама и Мишель Робинсон

Муза для политика – такая же важная часть жизни, как и для того, кто занимается творчеством. Потому как большая политика невозможна без творческого начала. И чем ближе по духу будет та или тот, кто находится рядом, тем успешнее будет складываться карьера. Так, первый темнокожий президент США Барак Обама в глазах многих неотделим от своей замечательной жены Мишель.

Барак Обама и Мишель Робинсон

Мишель Лавон Робинсон выросла в очень простой семье. Однако простые семьи умеют прививать своим детям правильные жизненные ценности не хуже, чем семьи аристократов, а порой и намного лучше! Кроме того, Мишель от природы обладала отличными способностями: сначала она училась в школе для одаренных детей, а затем – в Принстонском и Гарвардском университетах. После окончания образования талантливая выпускница успела поработать и в юридической фирме, и в мэрии Чикаго, и в медицинском центре.

Мишель успешно делала карьеру, а то, что ее родословная происходила от негров-рабов, похоже, совсем не смущало будущую первую леди США. Она и не думала скрывать тот факт, что ее прапрабабушку когда-то… продали! Она даже хранит документ в память об этом событии – завещание некоего рабовладельца, который в 1850 году в качестве другого имущества передавал своим потомкам «негритянскую девочку

Мелвину стоимостью 475 долларов».

Разве можно продавать за деньги живую человеческую душу? Разумеется нет! Но зато свою собственную душу можно навек подарить тому, кого любишь. Мишель выбрала такого человека раз и навсегда – им оказался Барак Хуссейн Обама-младший.

Барак Обама – первый президент США, родившийся на Гавайях, где и познакомились его родители. Однако романтическая обстановка тропического острова не помогла сохранить чувства надолго: после того как маленькому Бараку исполнилось три года, его родители развелись. С этого возраста его воспитывала бабушка, которая, кстати, взяла на себя обязанности и главного добытчика в семье.

Бабушка Барака, так же как и ее внук, была личностью неординарной: имея за плечами лишь среднее образование, она поднялась по карьерной лестнице от должности секретаря до поста вице-президента Гавайского банка! К тому же она стала первой женщиной, занявшей в банковской иерархии столь высокую должность.

Внуку надо было бы смотреть на свою замечательную бабушку и учиться, но, поскольку школьные предметы давались Обаме-младшему слишком легко, он начал пробовать то, чего наверняка не разрешает собственным детям: алкоголь, марихуану и даже кокаин! Однако подросток сумел вовремя остановиться, а пример его бабушки, а также матери, которые вложили в его воспитание столько душевных сил, в дальнейшем, когда он сам пойдет в гору и начнет занимать руководящие должности, всегда будет перед его глазами. Он станет настоящим борцом за права женщин, и не только на бумаге!

Барак и Мишель встретились в 1988-м – он стажировался в юридической фирме «Сидни Остин», а Мишель… стала его старшей наставницей! Когда руководительница так молода и ослепительно красива, как Мишель, грех не пригласить ее на свидание, что Барак и сделал. Но субординация фирмы была для Мишель превыше всего – она ответила отказом. Однако Барак не отступал и добился своего. На месте их первого поцелуя теперь стоит памятный знак со словами самого Обамы: «Я поцеловал ее и почувствовал вкус шоколада!»

Несмотря на вкус шоколада и все остальное, поженились они лишь спустя три года. Мишель хотела отбросить всякие сомнения в выборе спутника жизни, но они отпали сами собой после того, как она услышала, с какой любовью ее будущий муж рассказывает о бабушке и маме.

Совместная жизнь также сначала не была сладкой – у обоих были сложившиеся характеры и привычки. Мишель раздражало

то, что Барак разбрасывает свои вещи, целыми днями пропадает на работе… С рождением дочери Малии проблемы не исчезли, а лишь увеличились: Мишель казалось, что, не уйди муж с головой в политику, он бы мог больше времени уделять семье, да и зарабатывал бы намного больше. Жили они в то время очень трудно, к тому же решились завести еще одного ребенка – родилась Наташа, которую в семье называют Саша.

Бытовые трудности едва не довели их до развода, но, к счастью, они справились. Хотя у них бывали критические моменты, какие случаются в каждой семье, где жена, имеющая прекрасное образование и блестящие способности, вынуждена сидеть дома с детьми. И то, что порой разрушает другие семьи – горе, их маленький мир спаяло воедино. Тяжело заболела Саша – у девочки диагностировали менингит. Барак бросил дела, отменил все встречи и сутками вместе с женой дежурил в клинике у кроватки дочери…

Чем выше муж поднимался по политической лестнице, тем больше времени он уделял жене, разделяя с ней свои сомнения, прислушиваясь к советам и активно включая ее в свои поездки. Мишель с удовольствием исполняла роль советника, первого помощника и готова была делать какую угодно работу в предвыборном штабе. Услышав новость, что муж победил на президентских выборах, в первую секунду не удивилась, кажется, только она одна – ведь иначе и быть не могло!

Сегодняшняя Мишель очень мало отличается от той скромной молодой женщины, что ждала мужа с работы, возясь с двумя малышками. Она отказалась переезжать в Вашингтон и по-прежнему живет в южной части Чикаго, где стоит памятник их с мужем первому поцелую. А в саду президентской резиденции первая леди страны развела… огород и выращивает там экологически чистые овощи, подавая тем самым пример многим семьям!

Однако не стоит думать, что Мишель Обама – это женщина с тяпкой, которую невозможно представить в вечернем платье. Изысканные наряды очень даже ей к лицу! Первая леди славится элегантностью и великолепным вкусом. Кроме того, она продолжает работать рядом с мужем и в качестве советника, и в роли имиджмейкера. Обама не скрывает того, что многие речи для него также пишет жена. И это все не пустые слова в честь первой леди Соединенных Штатов – недаром в 2010 году журнал «Forbes» назвал Мишель первой в списке ста самых влиятельных людей года! Ну, а достижением в плане личной жизни можно считать то, что Мишель и Барак признаны самой смешливой парой Белого дома за все время его существования.

Да, эти люди умеют работать, смеяться, любить. Недавно Мишель и Барак отпраздновали двадцать лет со дня свадьбы – и нам остается только пожелать им счастья, такого же сладкого, как шоколад!

Глава 6
Рифмуются любовь и боль…

Александр Пушкин и Наталья Гончарова

Пожалуй, ни одна история любви не вызывала вокруг себя таких ожесточенных споров и обсуждений, как трагически закончившийся роман великого русского поэта Александра Пушкина и красавицы Натальи Гончаровой. Пушкин, обладавший вещим сердцем, предчувствовал свою гибель, но не смог противостоять роковой страсти, потому что ни одна женщина не влекла его к себе так сильно, как Натали Гончарова. Недаром через три года после свадьбы он напишет жене: «Я должен был на тебе жениться, потому что всю жизнь был бы без тебя несчастлив».

Александр Пушкин. Орест Кипренский

Ее бабка по матери, Ульрика Липхарт, вышла замуж за шведского барона Мориса фон Поссе. Однако вскоре она разошлась с мужем и уехала в Петербург вместе с обольстившим ее любимцем князя Потемкина Иваном Загряжским. У Загряжского в России оказалась семья – жена и трое детей. Разразился скандал, и совратитель, оставив беременную Ульрику на руках своей собственной жены, укатил в Москву. От потрясения вскоре после родов Ульрика скончалась. Родившуюся девочку крестили Натальей, и законная жена Загряжского стала воспитывать ее как родную вместе с остальными детьми.

Наталья Загряжская отличалась редкой красотой, поэтому вместе со своими сводными сестрами была взята ко двору императрицы Елизаветы Алексеевны. Бойкая фрейлина вскоре отбила любовника у самой императрицы, и увлеченный ею кавалергард Охотников бросил ради прелестей Загряжской свою сиятельную любовницу. Императрица не стерпела унижения, и Охотникова застрелили прямо у выхода из театра. А скомпрометированную Наталью Загряжскую торопливо выдали замуж за Николая Гончарова – человека умного, красивого и образованного.

Однако Наталья Загряжская-Гончарова не любила мужа, и навязанный брак с каждым годом становился ей все более в тягость: к концу жизни она уже сильно пила и заводила любовников, не гнушаясь даже людьми из прислуги. С дочерьми Наталья Ивановна также вела себя не лучшим образом: за малейший проступок девочек наказывали, запирали в чулан, морили голодом, били по щекам. Николай Гончаров не смог вынести позора и вскоре сошел с ума.

Наташа Гончарова, младшая из трех сестер, росла тихим и замкнутым ребенком. Девочка мечтала стать поэтессой, и неудивительно, что, когда за ней, шестнадцатилетней красавицей, стал ухаживать ее кумир Пушкин, она потеряла голову от счастья. Неправ тот, кто думает, что Гончарова вышла замуж за Пушкина только потому, что ей кружила голову его слава. Нет, Наталья любила поэта всем сердцем, но на свой лад: тихо и сдержанно, потому что характером девушка пошла не в свою взбалмошную мать, а в смирного и серьезного Николая Гончарова.

Они были на виду у всех: он – буйный непокорный поэт, и она – первая красавица, которую выделял сам царь Николай I. Ради того чтобы постоянно видеть эту избегавшую его пристальных и нескромных взглядов, но никого не оставляющую равнодушным женщину у себя во дворце, царь даже произвел поэта, который был ему крайне неприятен, в камер-юнкеры!

Жене поэта в то время было всего двадцать два года – она в самом расцвете своей прелести. Кроме того, придворная жизнь, восхищенные взгляды мужчин все же сделали свое дело: Наталье не хотелось ехать в деревню, куда настойчиво звал ее муж, коротать при свече долгие зимние вечера… Когда во дворце так светло и весело и балы следуют один за другим!

Она была женщиной своего времени: ей, дворянке, пристало думать о детях и нарядах, но вовсе не о том, откуда берутся деньги на бальные платья и содержание дома. Пушкин погряз в долгах, но сам император предложил ему ссуду! Отказаться было

невозможно, как было невозможно после этого пропустить хотя бы один бал…

Пушкину же нужно писать, а не разъезжать по балам, он разрывается между творчеством и нежеланием оставлять жену одну. Ревнуя, он пишет жене в октябре 1833 года из Болдина: «Не кокетничай с царем…» Однако как бы сильно поэт ни ревновал жену, в ее верности он не сомневается ни минуты. Вот строки, написанные его собственной рукой: «Жена моя прелесть, и чем доле я с ней живу, тем более люблю это милое, чистое, доброе создание, которого я ничем не заслужил перед Богом».

Гончарова действительно вела себя безупречно, но настойчивое ухаживание Николая I давало обильную пищу для сплетен. Кроме того, для царя это был повод отомстить поэту, писавшему смелые эпиграммы и стихи, полные ядовитых намеков и прямых указаний на персону царя. Николай I не зря говорил о Пушкине как о «вожде вольнодумцев»!

Судьбы великих поэтов во многом подвластны року: течение жизни в какой-то момент подхватывает их и несет к неминуемой точке гибели. Пушкин, запутавшийся в долгах, озлобленный постоянным противостоянием с монаршей властью, ссылками, несвободой, сплетнями, анонимными письмами, полными злых пересудов, был доведен до нервного истощения. И достаточно было еще одного грязного намека, чтобы он вызвал обидчика на дуэль.

Есть много версий того, отчего Жорж Дантес, блестящий честолюбец, чья карьера при дворе быстро шла в гору, решил погубить свое будущее ради того, чтобы стреляться с поэтом. Дантес прекрасно понимал, что после дуэли – а дуэли были запрещены высочайшим указом – его вышлют из страны, лишат всех милостей и разжалуют. Ради чего он принял все это плюс пожизненную ненависть и презрение поклонников Пушкина? Вряд ли ради прекрасных очей Натали – скорее Дантес был ширмой, прикрывавшей многолетнюю неудовлетворенную страсть Николая I к жене поэта.

Глупо винить в смерти поэта ту, которую обеляют слова самого Пушкина, привезенного домой в санях с дуэли смертельно раненным: «Как я рад, что еще вижу тебя и могу обнять! Что бы ни случилось, ты ни в чем не виновата и не должна себя упрекать, моя милая!» Пушкину вторит Василий Жуковский, словам которого нельзя не верить. Вот как передает слова Пушкина тот, кто присутствовал при последних часах поэта: «Жена здесь. Отведите ее. Она, бедная, безвинно терпит! В свете ее заедят».

Да, и Пушкин, и Жуковский прекрасно знали нравы и обычаи «светской черни». В чем только ни обвиняли жену Пушкина те, у

которых за душой не было ничего, кроме придворного лоска: в надменности и бездушности, в том, что она плохая хозяйка… А Наталья Пушкина, между тем, одна вела большой дом, в то время как муж был в постоянных отлучках: ведь нужно было и детей рожать и воспитывать, и с кредиторами торговаться, и в долг просить, и доставать бумагу для журнала «Современник», да еще и с издателем Смирдиным за гонорары мужа торговаться! А потом выезжать на балы, где только ленивый не обсуждал ее нарядов, улыбок и взглядов…

Не только сам поэт, но и Наталья Николаевна предчувствовала трагедию. Накануне она просила мужа уехать вместе с ней и детьми в деревню, но тот не внял ее просьбе. Мела метель за окном, когда с Черной речки сани привезли ее смертельно раненного мужа… Умирая, поэт просил жену соблюдать траур два года – Наталья Николаевна не снимала его целых семь лет. Семь тяжелейших лет, когда пришлось самой поднимать детей, выносить обвинения в смерти мужа, шепот за спиной…

Она снимет траур и выйдет замуж за достойнейшего человека – генерала Ланского, который буквально пылинки сдувал со своей прекрасной жены. Однако раз в год, в день смерти поэта 29 января, Наталья Николаевна снова надевала траур, и так до конца жизни. Умерла Наталья Пушкина-Ланская в 1863 году, пережив своего убитого на дуэли мужа на много лет. Однако, умирая, она произносила именно его имя…

Эмма Гамильтон и Горацио Нельсон

История любви храбрейшего из храбрых, англичанина и джентльмена до мозга костей адмирала Нельсона и той, которую он всю жизнь считал настоящей леди, волновала сердца многих. И сегодня рассказ о любви Горацио Нельсона и леди Гамильтон остается одной из самых романтических историй XIX века.

Леди Гамильтон. Джордж Ромни

Эмма (Эми) Лайон родилась в семье, где слова «лорд» и «леди» употреблялись только по отношению к другим. Мать хорошенькой малышки Эммы торговала углем, а после смерти своего мужа-кузнеца отдала дочь на воспитание бабушке с дедушкой.

Смышленая и на редкость миловидная девушка из простой деревенской семьи нанялась в горничные в Лондоне, но весьма скоро поняла, что своим телом зарабатывать на жизнь куда приятнее и проще, чем прислуживать придирчивым лондонским миссис. Уже в шестнадцать Эмма забеременела, родила ребенка и отдала его в ту же семью, которая взрастила ее саму, и сменила имя на Эмму Харт.

В семнадцать скандальная слава известной лондонской куртизанки мисс Харт уже гремела. Эмма меняла богатых любовников как перчатки, а кроме этого выставляла свое

обнаженное тело напоказ в так называемых «живых картинах», где олицетворяла то Венеру, то богиню здоровья. В это время она и стала сожительницей богатого шалопая Чарльза Гревилля. Именно он представил красавицу своему престарелому дяде – лорду Гамильтону.

Лорд Гамильтон был очарован Эммой, и племянник уступил ее дяде в обмен на погашение долгов. Пожилой лорд казался весьма завидной партией для девушки из низов, и, надеясь на законный брак, Эмма с удовольствием переехала в особняк Уильяма Гамильтона, в чудный итальянский город Неаполь, где Гамильтон служил послом его величества.

В Неаполе Эмма продолжала участвовать в «живых картинах». Ее безупречное тело и такое же вызывающее восхищение лицо волновало многих, в том числе и знаменитого поэта Гёте. Эмма называла свои выступления не иначе как высоким искусством, а написать ее портрет почли бы за честь многие прославленные художники. Пятидесятишестилетний лорд Гамильтон боялся потерять красавицу, и вскоре Эмма и сэр Уильям оформили законный брак, чем вызвали бурю негодования в среде английской аристократии.

Помимо восхитительной внешности, Эмма несомненно обладала талантом общения – иначе как можно объяснить то, что ее общества искали не только мужчины, но и весьма высокопоставленные женщины? С королевой Марией Каролиной Австрийской, супругой неаполитанского монарха Фердинанда IV, Эмму даже связывала нежная дружба!

Именно в доме Марии Каролины леди Гамильтон и познакомилась с прославленным адмиралом Нельсоном. Впрочем, в это время Эмма, наделенная от природы необычайной грацией и артистизмом, и выглядит, и ведет себя точь-в-точь как благородная дама, выросшая не в деревенской кухне, а в каком-нибудь старинном замке. Сам король Фердинанд IV как-то обронил: «Неаполитанские дамы хорошо бы сделали, если бы брали с Эммы пример!»

Эмма желала быть благородной и благонравной леди, но муж был старше ровно на сорок пять лет, а она была так молода, так хороша собой… Кроме того, ее сердце, как ни странно, еще ни разу не поражала стрела Амура. Горацио Нельсон отнюдь не блистал красотой, он был также немолод и, кроме того, изувечен в боях, но Эмма влюбилась в него, а он в нее. Может быть, столь сильному и быстро вспыхнувшему чувству способствовал голос Нельсона – низкого тембра, чарующий, богатый оттенками? Или то, что Эмма почувствовала в нем родственную душу? Адмирал также вышел из низов: он был сыном сельского священника, а

титулы виконта, пэра Англии и адмиральский кортик получил за беспримерную доблесть.

Эмма была любима и любила сама, но это было совсем не то, что происходило с ней прежде. Раньше она дарила свое тело в обмен на золото и услуги – теперь она отдавала все, что у нее было, и тело и душу, просто так… Она понимала, что Горацио и ее саму никогда не свяжут узы брака – он женат, она также не свободна. Они вели себя так осторожно, скрывая свою страсть, что лорд Гамильтон даже предложил адмиралу погостить в их доме!

Это было блаженство – жить под одной крышей, спать в одной постели… Нельсон, ослепленный поздней и, вероятно, последней любовью, все же пишет жене, прося у нее развод. Та категорически отказывает, а в это время лорда Гамильтона переводят обратно в Лондон – и Эмма должна следовать за ним! Она ненавидит столицу, где ее помнят Эммой Харт и могут оскорбить. Утешает Эмму только одно – Нельсон также едет в Лондон.

В Лондоне они перестают скрывать свои отношения, и Эмма гордо выставляет напоказ свою любовь и округлившийся живот: она носит под сердцем ребенка Горацио. Но даже адмиралы должны плавать по морям во славу британской короны – и возлюбленный уходит в поход. Эмма рожает двойню, но мальчик почти сразу умирает, а дочь Нельсона она гордо называет Горацией. Только через два года ее возлюбленный приедет, чтобы окрестить свою дочь, а та еще много лет будет оставаться в неведении, кто ее настоящий отец.

Нельсон геройски погиб в битве при Трафальгаре. Он выиграл битву, но потерял самое драгоценное, что у него было, – Эмму и дочь. Умирая, он думал только о них, самых дорогих его сердцу существах. Превозмогая боль от смертельного ранения, он твердил: «Поручаю заботу о леди Гамильтон моему королю и моей стране…»

Герой погиб, но что такое слова героя после его смерти? Заботиться об Эмме и незаконной дочери Нельсона никто и не подумал. Более того, после огласки скандального романа перед падшей женщиной начали закрываться двери в дома высшего света. Ее старый муж также умер, и по его завещанию ей достались крохи.

Возможно, она еще могла бы кого-то обольстить и стать если не женой, то содержанкой, но Эмма продолжала любить Горацио и после его смерти… Боль от потери не могло заглушить ничто, и она стала заливать горе алкоголем. Деньги также кончились, и из долговой тюрьмы ее выкупили верные друзья Нельсона, которые

еще помнили о его последних словах. Они же помогли Эмме переехать во Францию, где никто не знал ни о ее прошлом, ни о романе с Нельсоном. Однако Эмме было уже все равно: тоска по Горацио терзала ее сердце и душу. Долгие десять лет она провела практически в одиночестве, единственным ее собеседником был портрет любимого…

Умерла леди Гамильтон 15 января 1815 года от дизентерии, в полной нищете, одинокая, забытая всеми. Но, глядя на гордую фигуру адмирала, венчающую Трафальгарскую колонну в Лондоне, почитатели великого воина вспоминают и Эмму – его последнюю и самую сильную любовь.

Леся Украинка и Сергей Мержинский

Хрупкая, болезненная, но необычайно талантливая и сильная духом женщина – ее творчество является одним из краеугольных камней, на которых стоит украинская литература, – такими словами можно охарактеризовать Ларису Косач, творившую под псевдонимом Украинка.

Леся Украинка и Сергей Мержинский

Леся родилась в 1871 году в семье творческой: отец, помещик и любитель литературы и живописи, души не чаял в детях и жене, которая была детской писательницей и издавалась под псевдонимом Олена Пчилка. Частыми гостями семьи бывали актеры, музыканты, поэты, запросто захаживали писатель М. Старицкий и композитор Н. Лысенко. Не раз дружеское чаепитие перерастало в настоящий творческий вечер – а ведь времена были такие, когда украинские песни разрешали исполнять только на… французском языке!

Таланты Леси проявились уже в раннем детстве: с пяти лет девочка сочиняла музыкальные пьесы, а с восьми пошли стихи – да какие! Однако там, где много дают, зачастую еще больше забирают… В возрасте десяти лет девочка тяжело заболела. Впоследствии сама Леся Украинка шутливо назовет это

«тридцатилетней войной», но на самом деле и ей, и родителям было не до шуток. Туберкулез поразил кости на левой ноге и руке, затем перекинулся на легкие… Лечение в лучших клиниках помогало мало, а после неудачной операции рука так и осталась искалеченной. О музыкальной карьере Лесе пришлось забыть.

Леся была практически прикована к постели, но, лежа целыми днями в кровати, она обращает вынужденное безделье на пользу: изучает английский, французский, немецкий, испанский, итальянский, польский, болгарский, латинский, древнегреческий языки. Пишет стихи, ее внимание занимают география и история Востока, история искусства и религий. Для любознательных младших сестер девятнадцатилетняя Леся написала учебник «Древняя история восточных народов». Кроме того, Леся Косач пробует свои силы в переводах – и стихи Гёте, Шиллера, Гейне начинают звучать на украинском.

В 1893 году во Львове выходит первый сборник стихов молодой поэтессы «На крилах пісень». Лесю заметили и критики и публика – она становится популярной. В 1899 году выходит еще одна книга – «Думи і мрії». Стихи хрупкой девушки полны сказочного очарования и в то же время настолько сильны и самобытны, что Иван Франко полушутя-полусерьезно называет Лесю «единственным мужчиной во всей литературной Украине».

Она пишет о любви, хотя пока не знает, что на самом деле такое эта любовь… Мать Леси, глядя на свою искалеченную болезнью дочь, тихо горюет: «Наверное, Лесечке суждено узнать любовь только в стихах…»

Но сильное чувство само находит тех, кто его достоин. В 1897 году, когда Леся находилась на очередном лечении в Крыму, она встретила свою первую любовь – Сергея Мержинского. Он был белорусом из старинного дворянского рода и революционером. Так же как и сама Леся, Сергей боролся с недугом – туберкулезом легких. Ему было двадцать семь, ей – двадцать шесть, но она больше походила на подростка – со своей худобой и огромными глазами.

Мать Леси всячески противилась сближению дочери с ненадежным революционером. Да и понять Ольгу Петровну было нетрудно: брата Леси, Михаила, едва не исключили из университета за пропаганду украинской культуры и языка, которые были в опале на всей территории Российской империи.

Сергею отказали от дома, но Леся не отказалась от любимого. Она писала ему письма, полные тоски и нежности: «Только с тобою я не одинока, только ты умеешь спасать меня от самой себя…» В 1901-м здоровье любимого резко ухудшилось, и матери ничего не оставалось, как скрепя сердце отпустить дочь к

умирающему Мержинскому в Минск.

О, как тяжко смотреть, как угасает взгляд того, кого любишь! Леся поддерживает Сергея как может, но ему все хуже и хуже. Она пишет друзьям: «Мы даже редко теперь с ним разговариваем, он только просит, чтобы его не оставляли одного, ну да, конечно, об этом и просить не надо… Я живу в том же доме, взяла с собой все необходимое для ближайших работ и делаю вид, что живу и работаю вполне нормально, так как при малейшем моем видимом отклонении от нормы Сергей Константинович начинает упрекать себя в эгоизме и беспокоиться, что я расстрою свое здоровье, опоздаю со срочной работой в журнал…»

Она действительно лишь делала вид, что работает: все мысли ее были заняты другим. Но бывали и проблески неземного вдохновения, когда она буквально за одну ночь создавала такие шедевры, как драматическая поэма «Одержима». Леся видит неминуемую смерть – и меняется сама. Отныне все горе, которое ей довелось пережить, весь ужас осознания того, что ничем не можешь помочь угасающему у тебя на глазах любимому человеку – все это переплавляется в ней, как в некоем таинственном горниле, в стихи. Стихи, полные драматизма, великой любви и такой же великой ненависти…

Любовь Леси не была взаимной, но это она сама считала не важным, гораздо важнее было не оставлять умирающего Сергея одного, даже зная, что сердце его принадлежит другой. Уже не вставaвший с постели Мержинский диктует Лесе письма к Вере Крыжановской, сосланной в Вологду. Но умирает он не рядом с Верой, а в объятиях Леси, на ее руках… 3 марта 1901 года его не стало.

У самой Леси, самоотверженно отдавшей свои силы у одра умирающего, также обостряется болезнь. А о том, что творится у нее в душе, знала только ее заветная тетрадь и выходившие из-под пера строки. Однако опубликовать эти стихи она не спешила – слишком было больно, слишком личными были эти ранящие, берущие за душу слова… Этот замечательный цикл стихов опубликуют только во второй половине XX века, при жизни Леси Украинки они не печатались. Поэтесса не хотела выносить свои переживания на суд толпы.

Леся носила траур по Мержинскому шесть лет – траур по тому, кто не ответил на ее любовь взаимностью. Но ей этого и не было нужно, ей было необходимо лишь видеть его, говорить с ним, однако и это у нее отняли…

Только в тридцать шесть она наконец встретит человека, с которым сможет создать то, к чему стремилась всю свою жизнь, – настоящую семью. Мужем Леси Украинки станет Климент Квитка

– юрист по специальности и фольклорист по призванию. Климент даст талантливой поэтессе покой и ощущение того, что ей наконец есть на кого опереться. И он же похоронит свою безнадежно больную жену, свою Мавку – ту, которая создала шедевры украинской поэзии. Нет сомнений, что она улетела от него прямо в небо – туда, где плывут облака, те самые, которые она в детстве страстно хотела потрогать руками…

Александр Колчак и Анна Тимирева

Войны, революции, социальные потрясения… И на фоне бедствий стран и народов, как цветок, брошенный на истоптанный лошадьми снег, – любовь…

Александр Колчак

К моменту встречи со своей последней, страстной и неотделимой от его биографии любовью Александр Колчак прошел огонь, воду и медные трубы. Он был баловнем судьбы и любимцем России. Он плавал в водах двадцати морей и четырех океанов, покорял Арктику, был награжден российскими и зарубежными орденами, но главной наградой своей жизни считал ее, Анну…

Они встретились случайно. Колчак был женат, она – замужем за морским офицером Сергеем Тимиревым. К тому же он был старше возлюбленной на девятнадцать лет – целую жизнь. Они боролись со своими чувствами, не виделись месяцами, но… Любовь была сильнее. Многие называют отношения Тимиревой и Колчака странными: обращение только на «вы», по имени-отчеству… Лишь в своей душе они могли сказать друг другу «ты» – и больше чем письма, которыми они обменивались долгие пять лет, до самого момента гибели адмирала Колчака, говорили при встрече их глаза.

Впервые они встретились на вокзале: Анна провожала мужа, а он просто прошел мимо. «Это Колчак-Полярный», – почтительно шепнул ей на ухо муж, но она его не услышала – так сильно и остро стукнуло сердце, словно чуяло: это прошла мимо сама судьба.

Жизнь как будто нарочно сводила их – то случайная встреча

на улице, то вечер у общих знакомых, где прославленный адмирал пел романс «Гори, гори, моя звезда…». Он пел, а глаза его при этом так неотрывно глядели на Анну, что ей чуть не стало дурно… Потом были свидания наедине и разговоры, разговоры… Они говорили – не могли наговориться, насмотреться друг на друга, как будто предчувствовали, как мало счастья им отведено на этом веку…

Когда Анна снялась на костюмированном балу в русском костюме, фото вышло на редкость удачным. У нее просили карточки на память, как у какой-нибудь знаменитости. Она охотно их презентовала. Позже общий знакомый обмолвился: «У Колчака в каюте я видел ваш портрет». Анна улыбнулась: «О, я их столько раздарила… так что ничего удивительного!» – «Удивительно как раз то, что у него в каюте только один ваш портрет!»

Александр Колчак женился на женщине замечательной, умной, надежной, преданной. Софья ждала его из военных походов и тяжелейших арктических экспедиций годами. Да и детей ей приходилось поднимать самой. Они больше писали друг другу, чем виделись, а страсти между ними не было никогда – их отношения скорее напоминали братские. Именно Софья первой заметила чувство своего мужа к молоденькой Анне.

Софья и Анна катались на санях, и молодая женщина замерзла. Софья сняла с себя чернобурку и накинула на плечи той, на которую ее собственный муж смотрел такими глазами, что становилось больно. Что ж… Она всегда была ему больше другом, чем женой, и видела, как он борется с собой, чтобы не предать, не бросить ее и сына. Но предчувствия все не покидали жену адмирала, и в тот же вечер она написала своей подруге в Москву: «Я знаю, Александр Васильевич разойдется со мной и женится на Анне Васильевне…»

Не одна жена замечала то, что буквально бросалось в глаза: в обществе уже давно ходили слухи о том, что Колчак и Тимирева – любовники. Но до этого было еще очень далеко. Близкими их делали только письма, которые они слали друг другу – письма почти без намека на будущее, но полные откровенного, острого счастья от предвкушения встречи.

Их история любви вся состояла из кратких свиданий, большинство из которых проходили на глазах у посторонних, и длинных, наполненных признаниями в любви писем. Колчак не принадлежал себе, всю жизнь он провел в походах и считал служение Отечеству достойнейшим делом для мужчины. Когда он уехал надолго в очередной раз, Анна впала в отчаяние. Вот строки из ее письма: «Я всегда хочу видеть Вас, всегда о Вас

думать, для меня такая радость видеть Вас, вот и выходит, что я Вас люблю. Говорю, потому что знаю: эта наша встреча – последняя».

Однако он не может отпустить ту, которую любит больше жизни: «Столько бессонных ночей провел я у себя в каюте, шагая из угла в угол, столько дум, горьких, безотрадных. Я не знаю, что случилось, но всем своим существом чувствую, что Вы ушли из моей жизни, ушли так, что не знаю, есть ли у меня столько сил и умения, чтобы вернуть Вас. А без Вас моя жизнь не имеет ни того смысла, ни той цели, ни той радости. Я писал Вам, что думаю сократить переписку, но понял, что не писать Вам, не делиться своими думами выше моих сил. Буду снова писать – к чему бы это ни привело».

Против их любви было все: их собственные семьи, мнение окружающих, но самым большим препятствием, не давшим соединиться этим двум любящим сердцам, стала революция. Он, который готов был отдать свою жизнь во имя Родины, присягу на служение которой не забывал никогда, был прирожденным военным, но слабо разбирался в политике. Поэтому вначале революция показалась ему не страшнее очередной боевой операции; более того, он радовался, что она поможет покончить с затянувшейся русско-немецкой войной.

Он остался чуть ли не единственным, кто сопротивлялся врагу, когда корабли один за другим стали покидать поле сражения. Его линкор «Императрица Екатерина» противостоял всем сразу: туркам, немцам, подлодкам, гидропланам… Однако удар пришелся не со стороны вражеских войск: свои же, русские, восставшие матросы потребовали от офицеров сдать оружие. Адмирал вынес из своей каюты золотую Георгиевскую саблю и Георгиевский же крест и бросил их в море со словами: «Море их мне дало, и только морю я их отдам!»

В то время как в Петербурге дрались за власть все: большевики, Керенский, эсеры, генерал Корнилов – один Колчак не участвовал в этой грызне. Он приехал в город на Неве с единственной целью – увидеть ее, любимую. У них оказалось целых два дня – огромное богатство по сравнению с теми минутами, а в лучшем случае часами, когда они могли находиться рядом друг с другом.

Но время вышло, и он в последний раз обнял любимую. Ему казалось, что теперь они точно расстаются навсегда. Он принял предложение американского правительства вести флот США к Дарданеллам. Путь в Америку был сопряжен для Колчака с огромными трудностями – после потерь, которые из-за его действий понес флот Германии, немецкая разведка искала его

повсюду. На розыск адмирала были брошены даже подводные лодки! С кораблей, идущих в Англию – а только таким путем можно было достичь Соединенных Штатов, – снимали всех пассажиров, чье описание подходило под портрет Колчака.

Его носило по свету, и он действительно думал, что они не встретятся больше никогда, но… вдруг в китайском Харбине к нему приехала Анна! Она следовала с мужем на Дальний Восток и вдруг узнала, что Колчак в Харбине. Наспех простилась с мужем, продала жемчужное ожерелье и купила билет в неизвестный город.

Больше они не расставались. Колчак воевал с красными, Анна была рядом с ним. Она стала для своего избранника всем: ангелом-хранителем, единственной отдушиной в страшной круговерти гражданской войны, спутницей, которая пошла за ним даже в тюрьму… Он называл ее своей женой, хотя обвенчаться они не могли.

Большевики закрыли его в камере иркутской тюрьмы – четыре шага в ширину, восемь в длину… Анна явилась в тюрьму добровольно. В ее деле так и написано: «самоарестовалась». Он был совершенно спокоен – ждал суда, пусть и не совсем справедливого, но такого, где его выслушают. Но никакого суда не было: ночью 7 февраля 1920 года его вывели и расстреляли у замерзшей реки. Тело спустили под лед – в ту самую воду, которой он никогда не боялся и которая стала его последним пристанищем…

Жене адмирала, Софье Васильевне, повезло – ее с сыном англичане вывезли во Францию. А Анна Тимирева так и осталась в Советской России. Несколько раз ее сажали в тюрьму по обвинению: «Будучи враждебно настроенной к Советской власти, в прошлом являлась женой Колчака и находилась при последнем до его расстрела». Но она ничего не боялась. И даже страшный удар, когда в 1938-м ее единственного сына Володю расстреляли за антисоветскую пропаганду, ее не сломил. Она жила долго – в память о своей великой любви, и еще в семьдесят она писала и посвящала ему стихи:

Но если я еще жива
Наперекор судьбе,
То только как любовь твоя
И память о тебе…

Анна Павлова и Виктор Дандре

Умирающий лебедь… Белый лебедь… Она могла все: быть лебедем белым и черным, летящим и умирающим, она, парящая легко, как перышко! Анна Павлова – самая прославленная балерина прошлого века, ставшая легендой еще при жизни. Она была необычайно скрытна: все, что касалось личной жизни, великая балерина предпочитала держать в тайне от посторонних глаз и ушей.

Анна Павлова

Детство маленькой Анечки, родившейся в 1881 году, прошло в бедности. Отца она не знала – скорее всего, его в жизни девочки никогда и не было, а мать подрабатывала прачкой. Однако, заработав лишний рубль, женщина не спешила потратить его на себя: она откладывала его, чтобы купить подарки для единственной доченьки. День Ангела, Рождество – в эти праздники девочка непременно получала то, о чем мечтала. Однажды мать повела Аню в Мариинский театр. Давали «Спящую красавицу». Девочка завороженно смотрела на сцену, и ее худенькие ручки невольно тянулись повторить движения балерин… Через два года ее приняли на балетное отделение Петербургского балетного училища.

Худенькая и болезненная Анна Павлова училась как

одержимая. Она не давала себе ни малейшей поблажки, часами простаивая у балетного станка, шлифуя отдельные па до полного изнеможения. Однако годы тяжелейшей работы прошли не зря: по окончании училища ее приняли в тот самый Мариинский театр, с которого и началось ее увлечение балетом. А уже через восемь лет после того, как она впервые вошла в балетный класс, Анна стала ведущей балериной театра.

Успех следовал за успехом. Она уверенно поднималась по карьерной лестнице – вернее, даже не поднималась, а взмывала, точно невесомая, покоряя ступень за ступенью: «Баядерка», «Жизель», «Щелкунчик», «Раймонда»… Она стала примой – той, о которой писали газеты, чьего внимания добивались титулованные особы и богатые поклонники. Однако Анна отсылала дорогие подарки назад: она не собиралась разменивать свой талант и становиться содержанкой. Она жаждала лишь выходить на сцену снова и снова. А всем, кто подступал к ней с ухаживаниями, она повторяла лишь одно: «Я – монахиня искусства. Личная жизнь? Это театр, театр, театр!»

Говорила ли она правду? Действительно ли ее интересовала лишь работа и больше ничего? Восхитительная Павлова лукавила – с некоторых пор все свое свободное от театра время она проводила с одним человеком, бароном Виктором Дандре.

Покровительствовать искусствам было модным в среде аристократии. Из всех начинающих балерин Дандре выбрал Анну Павлову – и не прогадал. Девушка была не просто способной, она была по-настоящему талантлива. Виктор, человек с блестящим образованием, владеющий многими европейскими языками, мог по достоинству оценить ее дар. Однако его отношение к юной танцовщице не выходило за рамки общепринятого: жениться на балерине, да еще и девице сомнительного происхождения, он, аристократ с длинной родословной, даже не помышлял.

Анна переехала в снятую для нее Виктором квартиру, в ней был даже зал для занятий – такую роскошь могла себе позволить далеко не каждая балерина! Поклонник неизменно встречал ее со спектаклей с цветами, вывозил в свет, покупал дорогие подарки и частенько оставался с Анной до утра. Словом, ее не миновала участь содержанки, дорогой игрушки. И чем больше девушка узнавала того, с кем делила кров, тем меньше ей хотелось с ним оставаться. Брак он ей не предлагал, и с каждым днем Павлова понимала, что ее положение становится все более унизительным…

Она порвала с Дандре – уж лучше убогая каморка где-нибудь под крышей, обеды в студенческих столовках, но только не такая зависимость! Переход от роскошного существования к

откровенной бедности и от страсти к разрыву не дался ей легко. Она пробовала даже кутить, но что этим докажешь? Ее всегда отличало редкое здравомыслие, и поэтому Анна вернулась к тому, с чего начала, – к тяжелой ежедневной работе во славу искусства.

Она работала как одержимая – выходила на сцену по семь-восемь раз в неделю и с утра до вечера стояла у станка. Выступления, гастроли… И снова подарок судьбы, как тот счастливый билет в театр, который когда-то принесла ей мать. Именно для нее, для Анны, сам великий Фокин ставит «Умирающего лебедя» на музыку Сен-Санса! Прославленный балетмейстер отдал этот номер Павловой и с ним она объездит весь мир. Ей будут рукоплескать лучшие театры, а Сен-Санс, увидев на сцене ее «Умирающего лебедя», воскликнет: «Мадам, благодаря вам я понял, что написал восхитительную музыку!»

Анна неустанно гастролировала – и о ней заговорили. Она буквально взлетела на вершину славы. О ней писали газеты, ее принимали коронованные особы. Шведский император Оскар II даже вручил ей орден «За заслуги перед искусством». Разумеется, такой быстрый и ошеломляющий успех был не просто случайно вытащенным счастливым билетом – он был заслуженным, ведь она принесла на алтарь искусства все, что имела, все свои силы, красоту, молодость и даже личную жизнь…

Она могла запросить за свое выступление немалые деньги и уже сама, из собственного кармана заплатить за наряды, снять уютный дом, нанять горничную… О Викторе и их отношениях она предпочитала не думать. Ей казалось, что все это осталось далеко в прошлом.

Между тем дела барона Дандре шли совсем плохо. Он ввязался в финансовую аферу и задолжал огромную сумму денег. Сидя в долговой тюрьме, он не смог наскрести средств даже для того, чтобы внести залог и выйти до начала судебного процесса. Родственники, как это часто бывает в таких случаях, отказали ему в ссуде, а богатые друзья просто-напросто сделали вид, что не знают неудачливого спекулянта.

Анна даже не слыхала о том, что ее бывший поклонник сидит за решеткой, – в это время она блистала в Париже, в «Русских сезонах» Сергея Дягилева. Гениальный антрепренер Дягилев буквально открыл для Запада русский балет. В Париж съезжались со всей Европы – посмотреть на Вацлава Нижинского и Анну Павлову.

Однако Павлова неожиданно расторгает контракт и уезжает в Лондон. Дягилев обескуражен таким поведением примы. Обиняками он узнает, что Анна подписала документы, согласно

которым она будет выступать два раза в день – условия, можно сказать, кабальные, но и сумма контракта была огромной!

Анна не гналась за деньгами, как думали многие. Весь полученный в Лондоне аванс она сразу же отослала в Петербург, и благодаря этому Дандре смог выйти на свободу. Виктор уехал за границу, и в Париже влюбленные встретились. Потому что ни он, ни она за прошедшие годы так и не смогли забыть друг друга. Тайно, не привлекая внимания, они обвенчались в небольшой церквушке. Анна взяла с Виктора обещание, что об их браке никто не узнает.

Когда лондонский контракт закончился, Анна собрала собственную небольшую труппу и организовала маленький театр. Денег на гастролях было заработано достаточно и для того, чтобы купить особняк близ Лондона. На участке было небольшое озеро, в котором плавали чудные белые лебеди – символ ее танца. Она была знаменита, богата и счастлива с мужем, но…

Чего-то в ее жизни все же не хватало, хотя, помимо прочего, Виктор оказался и талантливым менеджером. Он взял на себя буквально все: счета, хозяйственные дела, декорации, плату актерам – всем этим ведал он один. Однако Анна закатывала истерику за истерикой: она рыдала, била посуду, кричала на мужа и прислугу… Часто свидетелями этих припадков великой балерины становились друзья и знакомые. Многие недоумевали: почему Виктор терпит такое обращение? Но тот только отмалчивался…

Супруги мирились, а потом все начиналось сызнова. И все же Виктор боготворил жену: кто, как не она, пришел на помощь, ничего не прося взамен, в то тяжелое время, когда от него отвернулись даже родные? А ведь Анна тогда была ему никем… Да и сейчас она работает на износ для их общего блага – выступления, гастроли, постоянные разъезды.

Она умерла внезапно – в Гааге, на гастролях. Изношенный непосильной работой организм не смог преодолеть тяжелое воспаление легких. 23 января 1931 года Анны Павловой не стало. Она не дожила до своего пятидесятилетия нескольких дней.

За многие годы, проведенные вместе, они стали единым целым. И вот ее больше нет… Виктор долго не мог прийти в себя. Вернуться к жизни ему помогло созданное им же Общество памяти Анны Павловой. Именно мужа Анны мы должны благодарить за то, что сохранились редкие записи выступлений Павловой, фотографии, костюмы, принадлежавшие ей. Виктором же была написана книга воспоминаний «Анна Павлова». И хотя общество почитателей таланта великой балерины просуществовало не так долго, оно сделало свое дело – имя

Павловой не забыто и сейчас. А рядом с именем прославленной танцовщицы скромно стоит и его имя – Виктор Дандре.

Эдит Пиаф и Марсель Сердан

Эта маленькая женщина, чье прозвище-псевдоним переводится с парижского арго как «воробей», имела такое большое сердце и такой потрясающий голос, что непонятно было, как и то, и другое помещались в ее худеньком теле!

Жажда жизни Пиаф просто поражала: она пережила четыре автомобильные катастрофы, семь операций, три гепатические комы и два приступа белой горячки, не говоря уже о таких «мелочах», как две мировые войны и несколько попыток самоубийства.

Когда вы в очередной раз захотите пожаловаться на тяжелую жизнь – вспомните Эдит! С самого детства на девочку градом сыпались испытания, да и было ли у нее это самое детство?

Пиаф была дочерью актрисы, которая не оставила по себе никаких следов в истории искусства. Зато она подбросила ребенка собственной матери, потому как новорожденная Эдит Джованна Гассион была ей совершенно не нужна. Так, буквально с самого дня рождения 19 декабря 1915 года и начались странствия малышки Эдит по свету.

Бабушке было не до орущего младенца, и она вместо молока давала малышке, чтобы та хоть немного угомонилась, бутылку с… разбавленным вином! Только через два года отец Эдит, отправившийся добровольцем на фронт, узнал, что жена бросила и его, и ребенка. К счастью Эдит, он приезжает и забирает ее у матери жены. Однако и ему девать ребенка некуда. Солдат пристраивает девочку к другой бабушке – к своей собственной матери. Та, ни много ни мало, содержит публичный дом! Но несмышленышу там были рады: девицы легкого поведения, лишенные радостей материнства, с удовольствием возились с ребенком.

В поведении маленькой Эдит были замечены некоторые странности, и оказалось, что в результате перенесенной еще в младенчестве инфекционной болезни и жуткой грязи, в которой она жила у своей первой бабушки, девочка почти полностью ослепла. Эдит показывали врачам, но тщетно. Прогнозы были самыми неутешительными – кроха стремительно теряла и ту малую толику зрения, которую имела.

Бабушка и все девицы ее заведения отправились вместе с Эдит к алтарю святой Терезы в Лизье и… вымолили у нее исцеление для малышки! С тех самых пор Эдит никогда не расставалась с образами святой, молилась она также и младенцу Иисусу и его святой матери. Сама Эдит признавалась, что много

раз бывала на грани отчаяния, но всякий раз ее спасала вера.

Учеба в школе у Эдит не задалась. Одноклассники и их родители ее травили – она ведь жила в публичном доме! В конце концов не выдерживает не сама Эдит – терпение лопается у ее отца. Он забирает дочь в Париж. У него новая семья, но именно Эдит помогает им выжить в непростых послевоенных условиях. Она поет на улицах – маленький воробышек на мостовых огромного города.

Однако пение Эдит было далеко не чириканьем – у нее был мощный голос, а тембр его был таков, что, лишь единожды его услыхав, людям хотелось слушать песни Эдит вновь и вновь. Девушку приглашают петь в кабаре «Жернис», и не где-нибудь, а на Елисейских полях! Далее эта маленькая и гордая птичка будет подниматься все выше и выше – к самым вершинам славы.

Не стоит думать, что, как только Эдит вышла на сцену, ее испытания закончились. Нет, судьба, наделив ее огромным талантом, будет наносить ей удар за ударом. Но она будет крепко стоять на ногах и даже выдержит самое страшное потрясение в своей жизни. Пиаф была бойцом – так же, как и ее великая любовь, боксер Марсель Сердан.

Она всю жизнь тянулась к теплу других людей – наверное, искала то, что ей недодали. Она не знала ласки у материнской груди, но в ее жизни, кроме холода, нищеты и обмана, которыми щедро делилась с ней судьба, были и прекрасные моменты любви. Ее единственную маленькую дочь, умершую во время эпидемии «испанки», звали Марселла. И имя ее великой любви также было Марсель – Марсель Сердан.

Он боксировал так же блестяще, как она пела. Сердан был чемпионом мира в среднем весе. Он носил Эдит на руках в прямом и в переносном смысле. Да, у него жена и трое детей, но только после встречи с Эдит Марсель понял, что такое настоящая страсть и всепоглощающая любовь. Эдит была далеко не красавицей, однако от нее исходила такая мощная энергетика, что боксер буквально потерял голову.

Он не бросил жену и детей, но, помогая им материально, мотаясь по турнирам по всему земному шару, он тосковал по своей маленькой птичке, по Эдит. Все свое свободное время Сердан проводил с любимой. Он помогал ей собирать вещи, когда Эдит уезжала на гастроли, он делал ей, уставшей после концерта, массаж, он с восторгом выбирал для любимой подарки… А газетчикам, преследовавшим эту необычную пару, Сердан как-то ответил: «Хотите знать, люблю ли я Эдит Пиаф? Да, люблю! Да, она моя любовница, только потому, что я женат».

После такого смелого заявления ни одна газета не вышла с

очередной сплетней об их отношениях, а сама Эдит получила необычный, но трогательный подарок – огромный букет с пришпиленной к нему запиской: «От джентльменов – женщине, которую любят больше всего на свете!»

Однако именно то, что их связывало, и стало причиной гибели их любви. Они хотели каждую свободную минуту проводить вместе, но с гастрольным графиком Эдит и выступлениями Марселя на боксерском ринге это было весьма и весьма непросто. Выкроив в очередной раз несколько дней, чтобы побыть с любимой, Марсель едет к ней. Но она считает не дни, а минуты – именно Эдит настояла на том, чтобы он летел, а не ехал… Самолет с Серданом на борту разбился. Тело боксера опознали только по часам, подарку обожаемой им женщины – эти часы он носил на обеих руках…

Эдит узнала о гибели Марселя утром. Это был удар, который она, казалось, не в силах была перенести. У нее внутри все окаменело. Вечером ее ждал концерт, но идти она не могла. Ее вынесли на сцену на руках. Однако она сумела спеть только одну песню – «Гимн любви», посвященный Марселю. Потом горло перехватило и она без сознания упала на подмостки.

Ей кололи морфий – настолько сильна была душевная боль. Эдит не хочет никого видеть и запирается в своем доме, не допуская к себе даже самых близких. Однако гибели Марселя року, преследовавшему Пиаф всю жизнь, явно мало: певица два раза подряд попадает в страшные автомобильные аварии. У нее сломаны кости, ей снова колют все тот же проклятый морфий, после которого многие на всю жизнь становятся неизлечимыми наркоманами. Эдит мало-помалу возвращается к жизни – боль телесная помогает превозмочь боль душевную. И наркоманкой она тоже не становится: совершив буквально невозможное, Пиаф перестает делать себе инъекции, убивающие ее как личность.

Она еще будет петь и переживет еще одну любовь – тихую и умиротворяющую, совсем не похожую на ту испепеляющую страсть, которая была у нее с Марселем. Будет ли это новое чувство в самом деле любовью или только тенью ее великой любви? Она примет ее в то время, когда уже будет неизлечимо больна. Она умрет на руках своего мужа, греческого актера Димитриса Харона, любившего ее, перегоревшую и умирающую, старше его на много лет, так же сильно и ярко, как она в свое время Марселя…

Эдит скончалась 10 октября 1963 года. Ей было всего сорок семь – возраст расцвета голоса, зрелости и переоценки чувств… Она умерла, но ее волшебный голос до сих пор продолжает звучать – голос, услыхав который однажды, вы будете стремиться

слушать его вновь и вновь…

Эва Дуарте и Хуан Перон

Любовь, ненависть, страсть, интриги… Все это с избытком есть в истории любви актрисы Эвы Дуарте и аргентинского диктатора Хуана Перона. О них был снят не один фильм, однако лав-стори военного и актрисы действительно того стоит!

Портрет президента Хуана Доминго Перона и его жены Марии Эвы Дуарте де Перон. Нума Айринак

Мария Эва Дуарте, или Эвита, как ее все называли, прожила недолгую, но очень яркую жизнь. Родилась та, которой было суждено стать первой леди Аргентины, в 1919 году на ферме своего отца, Хуана Дуарте. Однако Эва была внебрачным ребенком – ее родила не жена синьора Дуарте, а их служанка Хуана.

Когда Эве было всего семь лет, отец погиб в автомобильной катастрофе. Законная супруга, много лет терпевшая внебрачную связь мужа, выставила Хуану за порог. Кроме того, что Эва всю жизнь носила клеймо незаконнорожденной, в двенадцать лет с девочкой произошло несчастье – кипящим маслом ей сильно обожгло лицо и руки. Доктор, накладывавший повязку, с сожалением сказал, что шрамы обезобразят миловидную девушку

на всю жизнь. Но Эва, казалось, была любимицей судьбы – когда через месяц повязки сняли, под ними оказалась молодая здоровая кожа без единого изъяна!

В пятнадцать Эва заявила матери, что хочет стать актрисой и уезжает в столицу. Девушка не блистала классической красотой, не принадлежала она и к ценимому в кинематографе типу «женщина-вамп». Однако Эва обладала природным обаянием и тем, что сегодня называют харизмой. Она поступила в небольшую театральную труппу – по сути, это были бродячие актеры, переезжавшие из города в город и дававшие представления где придется. Но прошло меньше года и Эву взяли на крохотную роль в столичном театре. Это, несомненно, означало начало большой карьеры.

В театре Эва не выбилась в примы, но стала успешной моделью, и ее лицо замелькало в рекламе и на обложках журналов. Также она обладала приятным голосом и частенько подрабатывала в качестве диктора, даже мечтала о собственном радиоспектакле. Это направление оказалось перспективным, и вскоре на радио запускают несколько проектов с ее участием. Диктор с чарующим тембром становится узнаваемой и популярной, а стартовавший в 1943 году радиосериал об известных женщинах различных эпох «Героини истории», где Эва играла ведущие роли, принес ей просто небывалый успех.

1944 год стал для Эвы поистине судьбоносным: она знакомится с полковником Хуаном Пероном, инициатором военного переворота, вознесшим его через год на самую вершину власти. Сама Эва была совершенно очарована полковником, впрочем, как и он ею. Эва становится главным диктором политической радиопередачи, восхваляющей новый режим, а заодно и любовницей практически всевластного диктатора. После переворота карьера Перона резко пошла в гору; вместе с любовником росла и Эва. Ее оклад на радио достиг поистине рекордной отметки. Кроме этого, высокий покровитель выбил для нее главную роль в фильме «Расточительница».

Однако главные таланты Эвы лежали даже не в театральной или кинематографической плоскости. Эта молодая женщина от природы была наделена чрезвычайно мощной энергетикой, и во многом благодаря именно ей полковник Перон приобрел у народа просто фантастическую популярность.

Армейские соратники Перона, недовольные слишком быстрым возвышением полковника, а также тем, что он, нимало не смущаясь, открыто появляется на приемах с любовницей, в начале октября 1945-го арестовали полковника. Это вызвало огромные народные волнения, и когда 17 октября Перон вышел

из тюрьмы, вся Аргентина ликовала. Эта дата и сегодня празднуется как «День освобождения Перона народом». Тогда, в 1945-м, все улицы были запружены митингующими, а на Майской площади собрались многотысячные толпы. Перона буквально носили на руках, и Эва лила слезы радости – ее герой снова был вместе с ней!

Через пять дней после освобождения полковник и Эва поженились. И с этого времени Эва все больше входит в политическую жизнь Аргентины. Она олицетворяет собой женщину новой формации – аргентинку, которая стоит на одной ступени с мужчинами. Это было ново, необычно, сильно, учитывая то, что аргентинки в то время не имели даже права голоса.

Эва наряду с мужем становится кумиром толпы. Ее портреты повсюду, ее голос звучит с трибун в поддержку мужа, и Эва находит такие слова, что народ верит ей безоговорочно. Это поистине великая женщина! Во многом благодаря влиянию и необычайной популярности жены Хуан Перон убедительно выигрывает выборы в 1946 году и становится президентом, а Эва – первой леди страны.

Эва с удовольствием взяла на себя часть работы мужа: она выступала перед рабочими и той частью населения, которая была ей знакома не понаслышке, ведь она сама выросла среди таких же «безрубашечников». Она была первой женщиной своей страны, однако аристократки не спешили принять Эву в свой круг. Она все еще была «незаконнорожденной», «бывшей любовницей», «актрисулькой»…

Эву обвиняли в алчности, но этому во многом справедливому обвинению было и свое объяснение. Ей, выросшей не в самых лучших условиях, хотелось сделать для своей семьи больше. Друзья и родственники получают выгодные должности из рук президента, но ведь сама Эва работает буквально круглые сутки на благо своей страны! Она, не имея никакой официальной должности, выслушивает жалобы рабочих, консультируется по их вопросам – и уже затем дает просителям ответ. Во многом именно благодаря Эве и ее титаническому труду аргентинки уже в 1947 году получили право голоса.

Харизматичная жена президента сама становится политической величиной. Она возглавляет женское крыло партии. Ее называют символом социальной справедливости, народ дает ей героические прозвища: «щит Перона», «знаменосец угнетенных масс», «надежда и страж революции»… Удивительно то, что эти «титулы» не были выдуманы отделом пропаганды президента – простые аргентинцы буквально боготворили Эву и готовы были

носить ее на руках.

Сам Хуан Перон гордится своей необыкновенной женой. Пусть злобно шипят те, кто слишком чванится своим высоким происхождением, но Эвита совершенно необыкновенная женщина, несмотря на то что вышла из низов! Многие ставят Перону в упрек, что он слишком балует жену – платья от Кардена, бриллианты, дорогие машины… Да, он давал ей все то, чего у нее не было никогда. Но она платила своей стране сторицей. Уже в 1946 году Эва создает Благотворительный фонд, который впоследствии назовут ее именем. В 1948 году бюджет этого фонда, куда отчислялись определенные проценты с доходов казино, профсоюзов, лотерей, а также добровольные пожертвования, составлял всего 30 тысяч долларов, однако уже в 1952-м бюджет организации вырос до 500 миллионов!

Фонд, созданный женой президента, помогал беднейшим слоям населения страны, причем на всех уровнях, начиная от личной помощи отдельным рабочим и заканчивая финансированием летнего отдыха школьников, строительства школ, детских садов, приютов, бесплатных больниц. По линии Фонда мог получить помощь любой человек, даже гражданин другой страны, а работники Фонда ежедневно обрабатывали около 10 тысяч писем!

Уже в 1950 году у Эвы появились первые признаки болезни, но она отмахнулась от этого: работы было слишком много. Ей становилось все хуже, и через год она все же согласилась лечь на операционный стол. Однако болезнь – рак матки – была уже сильно запущена. Ни операция, ни последующее лечение не помогли, и 26 июля 1952 года Эва Перон скончалась. На момент смерти ей было всего 33 года.

Хуан Перон скорбел о жене, но не меньше президента плакали о своей потере простые аргентинцы. Смерть Эвы стала поистине днем всенародной скорби. О жизни той, которая как магнитом притягивала множество обыкновенных людей, рабочих и фермеров, была написана книга, поставлен мюзикл и снят фильм «Эвита», но все эти произведения не передают и десятой доли того очарования, которое несла в себе эта женщина.

Вольф Мессинг и Аида Раппопорт

Мессинг умел то, чего не умеют простые смертные. Он видел сквозь стены, предсказывал будущее, мог заставить людей выполнять любые приказы. Однако отменить то самое увиденное будущее было не под силу даже ему. Его дар делал его счастливым и одновременно самым несчастным человеком на свете.

Тот, кого всю жизнь будут называть волшебником, телепатом, ясновидящим, родился в 1899 году в бедной еврейской семье неподалеку от Варшавы. Его дар проявился рано. Будучи подростком, Вольф убежал из дому, от отца, который мечтал сделать сына священником и заставлял дни напролет просиживать за религиозными книгами.

Мальчик добежал до вокзала и сел в поезд, следовавший на Берлин. Денег на билет у юного Мессинга не было, а немецкий контроль на железных дорогах был весьма строгим. Заметив подходящего контролера, Вольф залез под лавку, однако было уже поздно, его заметили. «Ваш билет!» Подхватив обрывок газеты с пола, он протянул его вагонному Церберу, мысленно моля: «Это мой билет, это мой билет!» Контролер улыбнулся: «Билет в полном порядке! А зачем такой милый молодой человек залез под лавку?»

Уже с ранней юности Мессинг выступает в цирках и на эстраде, путешествуя с бродячими труппами по всей Германии. Вторая мировая забирает у Вольфа всех родных – его братья, сестры и все остальные родственники погибли в стенах Варшавского гетто. Выжил только он один, голову которого за предсказание «гибели, если он повернет на Восток» Гитлер оценил в 200 000 марок! Однако в это время Мессинг был уже далеко – еще в 1939-м он перебрался в Советский Союз.

О его даре ходило много легенд и слухов: якобы он умудрился по чистому листу бумаги получить 10 000 рублей в Сбербанке, а потом, разгипнотизировав кассира, показал ему ордер, где ничего не было написано. Этот трюк помог ему доказать, на что способен его разум. Он выступал на эстраде с концертами, выезжал на фронт в составе агитбригад. Заработанные деньги Мессинг пожертвовал на строительство двух истребителей. Один самолет был целевым – он предназначался для летчика-аса Ковалева, а на его борту красовалась надпись: «Подарок от советского патриота В. Г. Мессинга Герою Советского Союза летчику Балтики К. Ф. Ковалеву».

Вольф и Аида встретились в 1944 году в Новосибирске. После

концерта к нему в гримерку постучали. Обычно он отдыхал, потеряв много энергии, и никого не принимал, но тут рука сама потянулась открыть дверь. На пороге стояла женщина. Она вежливо поздоровалась и сказала, что… его ассистентка ему не подходит. А она, Аида Раппопорт, обладает всеми необходимыми качествами.

Женщина была полновата, да и красивой ее нельзя было назвать – открытое приятное лицо, не более того. Однако незнакомка настаивала: «Ваши концерты надо вести не так! И потом – ее платье совсем не годится. Наряд должен быть строгим!» Мессинг отреагировал на эти слова мгновенно, словно наперед зная, что она права: «Хорошо! Концертное платье есть? Завтра я вас в нем жду!» Так в его жизни появилась она – любовь, жена, помощница, нянька… Та, без которой вскоре он не будет представлять себя самого.

Вольф Мессинг обожал свою жену. Она заменила ему семью, которой он так рано лишился. Кроме Аиды, в жизни Мессинга не было ни одного серьезного увлечения. Женщины в его присутствии чувствовали себя неловко и говорили глупости – от напряжения, неловкости и сознания того, что незнакомец читает их мысли. С Аидой все было совсем не так. Она вела себя естественно, и от нее исходило такое тепло, что он, измотанный выступлениями, отогревался возле жены душой.

Вскоре после женитьбы Мессинг почувствовал, что они с женой составляют как бы единое целое. И в самом деле, если звонил телефон, а у него не было сил поднять трубку, его жена говорила как раз то, что он сказал бы сам: назначала встречи, соглашалась или отказывалась от предложений. Кроме того, Аида сразу же повела домашнее хозяйство, и его холостяцкое жилье приобрело тот уют, которого всегда было лишено. Четыре года они с Аидой прожили в гостинице в Москве, а затем, по распоряжению Сталина, им предоставили отдельную квартиру.

Аида взяла на себя весь быт: уборка, приготовление пищи, концертные костюмы… Вольф мог вести себя как капризный ребенок: отказывался сам вызывать такси или не хотел размешивать сахар в стакане – но его жена принимала это безропотно. Казалось, она не замечает его прихотей. Аида сама резала ему мясо на тарелке, размешивала сахар в чае, а он смотрел на нее и был счастлив.

У нее иногда спрашивали: «Как вы можете с ним жить? Он же знает все, что вы думаете!» Аида, смеясь, отвечала, что плохих мыслей у нее никогда не бывает. На самом же деле у жены Мессинга был свой, особенный дар – она была медиумом, то есть проводником между своим мужем и всем остальным миром.

Частенько на выступлениях мужа именно она мысленно передавала ему просьбы и приказы, которые люди из зала писали в записках. Мессинг выполнял их, и не было случая, чтобы он неправильно понял мысли жены!

Его слушали, с ним считались… Чего стоил, например, только один эпизод с сыном Сталина Василием, который увлекался спортом! Однажды Мессинг буквально пробился на прием к Сталину и с порога заявил вождю: «Ваш сын собирается лететь в Свердловск с командой спортсменов. Не разрешайте ему этого. Пусть едет поездом». Нужно ли говорить, что самолет разбился, а Сталин с тех пор всегда безоговорочно следовал советам ясновидящего.

Их счастье продолжалось пятнадцать лет. Потом Аида заболела раком груди. Оперироваться женщина не хотела, а потом, когда она уже согласилась на оперативное вмешательство, было поздно. Не помогла ни лучевая, ни химиотерапия. Но Аида упорно ездила с мужем по стране, участвуя в выступлениях. Она слабела на глазах и иногда уже не могла выстоять на ногах все двухчасовое представление. Она не подавала виду, хотя после того, как занавес падал, муж подхватывал ее на руки и сам относил в гримерку…

Когда Аиде стало совсем плохо и она уже не смогла вставать с постели, к Мессингам приехало несколько медицинских светил. Они осмотрели жену, а потом, желая утешить хозяина дома, сказали, что даже у таких тяжелых пациентов бывают случаи неожиданного улучшения и даже полного выздоровления! Мессинг мрачно выслушал эти слова, а затем сказал: «Это все вы можете говорить кому угодно, но только не мне. Я ведь точно знаю, что Аида умрет 2 августа 1960 года в семь часов вечера».

Он часами просиживал у постели жены. О чем он думал? Сожалел ли о том, что они с Аидой не обзавелись детьми? Или, наоборот, радовался, что у них нет никого, кому он мог бы передать свой странный и страшный дар: знать все наперед, видеть смерть той единственной, кого любишь больше всего на свете… Она умерла точно в тот день и час, которые предсказал муж. У ее постели собрались немногочисленные родственники и медсестра, которая по часам делала уколы. Только Вольф не мог видеть лица уходящей жены, курил и плакал в кухне…

После смерти Аиды он долгое время не мог ни с кем общаться. Слова не шли с языка, и он целыми днями просто неподвижно сидел, бесцельно глядя в одну точку. Заботы о доме взяла на себя сестра его покойной жены, Ираида. Она была рядом с зятем, и вдвоем они ежедневно ездили на Востряковское кладбище, где похоронили Аиду. Через полгода Ираида, которая

молча наблюдала за тем, как он сгорает изнутри, не выдержала: «Вольф, так не может дальше продолжаться! Нужно взять себя в руки! Нужно работать!» – «Я не могу работать! Я ничего не чувствую! Без нее я пуст внутри!»

Только через год он возобновил выступления. Постоянная опека сестры покойной жены, уговоры друзей сделали свое дело – он вернулся к работе. Ассистенткой его стала Валентина Ивановская, но кроме общей работы их с Мессингом не связывало ничего. После выступлений он сухо прощался и уезжал куда-нибудь, но только не домой, где все напоминало о его потере. Властная свояченица часто упрекала его, что он ходит куда угодно, но не на кладбище. Она говорила, что нужно ежедневно посещать могилу Аиды, а он не мог туда идти…

Вольф Мессинг и дату своей собственной смерти знал наперед и не раз с иронией говорил об этом. Друзья и верили ему, и не верили, но все произошло точно так, как он и предсказал. Уходя в больницу, он попрощался со всеми, зная, что оттуда уже не вернется. Но чего было бояться ему – тому, кто пережил свою любовь на четырнадцать лет?

Он больше не женился, но и на могилу жены не мог ходить часто. Просто потому, что ее души там не было. Кому это еще было знать, как не ему, который все обо всех видел и знал наперед…

Константин и Анастасия Хабенские

Артисты – самые обыкновенные люди. Только, пожалуй, устроенные немного по-другому: более тонко чувствующие, более ранимые, эмоциональные.

Константин Хабенский

Его выразительное лицо, глаза, то насмешливо прищуренные, то глядящие понимающе и печально, нельзя было не заметить в любой толпе. Точно так же нигде не потерялась бы и она – броская, темноволосая… колдунья? Нет, скорее лесная фея, потому что глаза у девушки были такие же прозрачные, глубокие и бездонные, как лесные озера.

Разумеется, она знала, кто подсел к ней за столик в летнем кафе недалеко от театра «Ленсовет», но… Она не упала в обморок от счастья, не полезла в сумочку за ручкой и бумажкой для автографа, и даже, похоже, не слишком обрадовалась знакомству. Да, разумеется, она видела его в сериале «Убойная сила», но она не слишком любила сериалы, да и кто такие актеры, знала не понаслышке. И все же она, девушка по имени Анастасия, приняла предложение Константина Хабенского сходить на спектакль с его участием.

В театре он оказался совсем другим, и его игра в спектакле «Калигула» захватила ее так, что она смотрела на сцену не

отрываясь. После спектакля они не разбежались, как это предполагала Настя, идя в театр – нет, теперь она видела его совсем другими глазами! А он – он с самого начала знал, что эта девушка предназначена именно для него…

Уже на следующее утро оба поняли, что не смогут расстаться никогда. Но… она была москвичкой, а он жил и работал в Петербурге. Однако если любовь настоящая, что ей какие-то там несколько сотен километров, разделяющие города! Они встречались много раз, и Настя переехала-таки к суженому. Нашла работу – на питерском радио «Маяк-24», и они поженились. Причем в ЗАГС оба явились по-походному: в джинсах и кроссовках. Необычная свадьба и окончилась нетривиально: они… потерялись! Их брачная ночь оказалась погоней друг за другом по ночным клубам – он приезжал туда, где только что побывала она, а она ехала искать его дальше…

Разумеется, семейная жизнь бывает безоблачной только у выдуманных героев, а Костя и Настя были людьми самыми что ни на есть настоящими. И у них не обходилось без небольших трений, но на люди они никогда ничего не выносили. Тем более что Настя оказалась человеком на редкость неконфликтным. Даже на ее нервной работе, где постоянно случались какие-то накладки, коллеги вспоминают девушку с большим теплом. Настя даже голос никогда не повышала, а о ее доброжелательности и готовности прийти на помощь на питерском радио ходили чуть ли не легенды!

Съемки, спектакли, поклонницы… Наверное, жизнь жены актера, а тем паче популярного актера может понять лишь тот, кто вхож в этот круг. И как нелегко при этом не сорваться, не начать ревновать – без причины или потому, что красотки всех мастей так и норовили попасться на глаза ее мужу. Однако она оказалась идеальной женой: не стремилась занять «достойное место», попасть вместе с ним на обложки журналов, в таблоиды. И снявшись пару раз в эпизодах, она поняла: ее призвание – быть просто его женой. Надежным тылом. Уютным домом, где его всегда ждут.

Она была удивительно тактична – и с ним, и с теми, кто сопровождал его со спектаклей: театральные фанатки хвостом тащились за ее мужем от артистического подъезда до самого их дома. Некоторые, особо экзальтированные, даже грозились облить ее кислотой, писали на стенах подъезда, где жили Хабенские, гадости о Насте…

Их жизнь текла ровно и счастливо, и не хватало только одного – детей. Долгие семь лет Насте никак не удавалось забеременеть, а тут еще и в аварию попала… Именно она, эта

роковая авария, и спровоцировала смертельную болезнь жены Константина Хабенского. У Насти диагностировали опухоль мозга. И именно тогда, когда она уже ждала ребенка!

Возможно, те сильнодействующие препараты, которые ей назначили, и могли бы ее спасти, но Настя категорически отказалась их принимать, боясь навредить малышу. Возможно, она сама чувствовала то, что скажут уже после ее смерти – опухоль росла слишком быстро и агрессивно и была неизлечима. А Настя так хотела дать жизнь их с Костей сыну, продолжению их любви!

Их Ванечка появился на свет после кесарева сечения, а Насте сразу же стало хуже. Ее положили в реанимацию, потом была тяжелейшая операция в госпитале Бурденко. Опухоль удалили, провели курс химиотерапии… Казалось, Насте становится лучше – началась ремиссия, и молодую женщину выписали домой.

Они обвенчались сразу же после операции – оба хотели скрепить свой союз еще и церковным таинством. Венчание проходило прямо в больничной палате, и именно после него Настя пошла на поправку. Однако улучшение было недолгим – через два месяца снова появились признаки опухоли и снова была назначена операция. Нужно было жить и бороться. Ради мужа, ради их маленького сына…

Когда надежды на лучшие клиники России оказались тщетными, Костя отвез Настю в Америку, в клинику, специализирующуюся на опухолях мозга. Борьба за Настю продолжалась целый год – и он буквально разрывался между ребенком, женой и работой. Содержание Насти в клинике обходилось в целое состояние – один день пребывания стоил 15 000 долларов. Но ему было наплевать на деньги, он боролся за их любовь.

Разумеется, помогали друзья, родственники, коллеги – и деньгами, и морально, но… Болезнь оказалась сильнее той, которую он любил так, что не выразишь словами… Настя умерла 3 декабря 2008 года. Ей было всего тридцать четыре, а их с Костей сыну – чуть больше года.

Он долго не мог оправиться после смерти жены. Осунулся, похудел так, что даже знакомые его не узнавали. Но у него оставался Ванечка – маленькая искра радости и счастья, частичка его ушедшей из этого мира Насти…

Сегодня у Константина Хабенского все хорошо. Он снимается и в России, и за рубежом, играет в театре. Однако личную жизнь актер предпочитает не обсуждать и не выносить на суд тех, кто жадно ищет сенсаций. И как бы ни сложилась дальше его жизнь, свою Настю он не забудет. Никогда.

Глава 7
Служебный роман

Лу Саломе и Фридрих Ницше

Он хотел стать музыкантом, писателем, философом, она – поэтессой, террористкой и также философом… Они не могли не встретиться, потому что жили в одно время, думали об одном и том же и дороги их жизней неумолимо стремились к точке пересечения друг с другом…

Фридрих Ницше

Луиза Саломе родилась в Санкт-Петербурге в 1861 году в семье потомственного дворянина, генерала Густава фон Саломе. Интеллект девочки был настолько высоким, что одной гимназии для той, кто впоследствии прославится под именем Лу, было мало. Поскольку высшего образования для девушек в то время не существовало, для завершения образования в 1880 году мать сама отвезла Луизу в Швейцарию слушать университетские лекции.

Девушка была умна и на редкость хороша собой. Кроме того, Лу мечтала о чем-то новом: о коммуне, эмансипации, равенстве полов… Когда влюбленный в нее философ Пауль Рё предложил ей руку и сердце, она ему отказала, но согласилась… просто жить вместе!

Поступок Лу шокировал даже Мальвиду фон Мейзенбуг, которая читала лекции женщинам, желавшим вкусить плоды

эмансипации. Ученица в этом случае пошла куда дальше учительницы! И, кроме всего прочего, Лу не интересовали такие мелочи, как общественное мнение, потому что она презирала общество, выстроенное на сплошных условностях и неравенстве.

Ницше был старше Лу на семнадцать лет, но чувствовал себя моложе на целую вечность. Эта девушка, равной которой по уму он не встречал, постоянно ставила его в тупик. А то, что она говорила, писала или делала, иногда предвосхищало его собственные мысли. Чего стоила только одна ее поэма «К скорби»! Ницше положил стихи на музыку, и все, кто слышал произведение, думали, что его слова принадлежат перу самого философа, и не могли поверить, что эти гениальные строки написала «какая-то русская девушка»!

Ницше был настолько потрясен умом, твердостью характера и прочими достоинствами новой знакомой, что меньше чем через месяц после начала знакомства попросил ее руки и сердца. Лу поступила с Ницше так же, как и с Рё: предложила жить с ней в доме, «полном книг и цветов», и не только с ней одной, но и… с Рё!

Троица действительно зажила в доме под одной крышей. Они прекрасно проводили время в философских беседах, наслаждались музыкой и поэзией. Лу была вполне счастлива, но Рё и Ницше из кожи лезли вон, борясь за пальму первенства в ее глазах. Они то и дело бросали в сторону Лу ревнивые взгляды, и соперничество грозило вот-вот перерасти из философского спора в обычную потасовку.

Постороннему могло показаться, что Лу – развращенное чудовище. Однако это было лишь первым впечатлением – девушка была вполне целомудренна. Просто ей казалось, что между мужчиной и женщиной вполне возможны братские отношения, даже в пределах одного дома! В те времена, когда женщине было неприлично оставаться с посторонним мужчиной наедине где бы то ни было, эта доктрина привела бы в замешательство кого угодно.

Возможно, причина таких отношений с мужчинами крылась в том, что у Лу было четыре старших брата и, как говорила она сама, «в детстве мне казалось, что весь мир населен братьями». Повзрослев, Лу отчаянно желала построить некую интеллектуальную коммуну, где, живя рядом, можно было бы общаться без помех на любые темы. Ей было двадцать один, Рё – тридцать два, Ницше – тридцать восемь, но умудренные знаниями и опытом философы с этой молодой женщиной чувствовали себя на равных!

«Тройственный союз» просуществовал несколько лет, при

этом, проживая сразу с двумя вполне темпераментными мужчинами под одной крышей, Лу умудрилась сохранить девственность. Сами же Рё и Ницше дошли буквально до точки кипения. Им казалось, что Лу должна выбрать кого-то одного, она же сама вполне довольствовалась «братской любовью». Особенно остро ненавидела Лу сестра Ницше, Элизабет. Она требовала, чтобы Фридрих порвал с «развратной русской», а сам философ, совершенно измученный ревностью, попробовал объясниться с Лу еще раз.

Однако после нового объяснения в любви его ожидал отказ. Кроме того, Элизабет оскорбила Лу письменно – и троица, к удовольствию сестры Ницше, наконец разъехалась. Избалованный всеобщим вниманием, никогда не знавший отказа у женщин, он потерпел сокрушительное фиаско на личном фронте. По примеру сестры, Ницше пишет Лу едкое письмо, но забыть ту, кто ранила его в самое сердце, которую он называл то «совершенным другом», то «абсолютным злом», он не сможет никогда.

Через год, в своей знаменитой книге «Так говорил Заратустра», Фридрих Ницше скажет: «Идешь к женщине – не забудь плетку!» Лу, которая никогда не лезла за словом в карман, добавит к этим строкам и свой комментарий: «Чтобы она могла тебя отхлестать!» Книга была создана, по словам Петера Гаста, друга Ницше, «из его иллюзий о Лу». Ведь «именно Лу вознесла его на гималайскую высоту чувства»!

Та, которая вслед за Титом Ливием любила повторять: «Дружеские связи должны быть бессмертными, не дружеские – смертными», на своем жизненном пути разобьет еще не одно сердце. Лу Саломе будет любима многими мужчинами, но не сразу научится отвечать на их чувства. И она никогда не забудет того, кто написал ей весной 1883 года: «Я бросаю тебя исключительно из-за твоего ужасного характера. Если бы я создавал тебя, то дал бы тебе больше здоровья, и еще то, что гораздо важнее здоровья, – может быть, немного любви ко мне». Пройдет еще много времени, пока эта «странная русская» научится любить сама – такой же чистой и пламенной любовью, какую она сумела зажечь в самом Фридрихе Ницше.

Фред Астер и Джинджер Роджерс

Они производили впечатление самой счастливой пары Голливуда, но… только на экране. На самом деле тот, кто порхал по танцполу с легкостью мотылька и отбивал такой степ, что стал легендой еще при жизни – Фред Астер, был женат совсем на другой женщине. И был, как ни странно, примерным семьянином и прекрасным отцом.

Фред Астер и Джинджер Роджерс

Джинджер Роджерс, напротив, слыла отъявленной сердцеедкой и разбивательницей незрелых браков. Но только не таких, каким был брак ее партнера Фреда. После знакомства с хрупкой очаровательной блондинкой, не уступавшей ему в танцевальном мастерстве, он был совершенно очарован ею, но его брак ей удалось разбить далеко не сразу, хотя Джинджер очень старалась сделать это побыстрее.

Фреда Астера на самом деле звали Фредерик Аустерлиц. Танцами Фред начал заниматься еще в детстве вместе с сестрой Адель. Аустерлиц – это было слишком длинно и слишком по-немец-ки, поэтому пара американских танцоров выбрала себе звучный псевдоним Астер. Брат и сестра, виртуозные танцоры, вскоре попали на сцену, а затем и на Бродвей. Фреда заметил сам Джордж Гершвин – великий композитор, чьи музыкальные взгляды оказали на Астера большое влияние. Их дружба

продолжалась всю жизнь.

Все 20-е годы XX века Фред и Адель протанцевали на бродвейских сценах. Они имели ошеломительный успех, и Фред уже начал помышлять о Голливуде, когда Адель неожиданно вышла замуж за лорда Кавендиша и их творческий союз распался. Нужно было искать новую партнершу, но это было не так легко: Фреду было уже тридцать три, и у него была такая виртуозная техника, которой нелегко было соответствовать. Первые кинопробы Астера оказались не слишком удачными. То ли продюсер совсем ничего не смыслил в танцах, то ли был откровенно слепым, но его вердикт гласил: «Петь не умеет. Играть не умеет. Залысины. Немного танцует…»

Однако унывать было рано – Голливуд его все же заметил. Первый фильм с Фредом «Танцующая леди» был не слишком хорошо принят публикой, однако второй – «Полет в Рио» – в одночасье сделал Астера знаменитым.

Его и ослепительную двадцатилетнюю блондинку Вирджинию Кэтрин Макмэт, больше известную под именем Джинджер Роджерс, также познакомил Голливуд. Фред увидел девушку на съемочной площадке и был покорен ее пластикой. Замена Адель была найдена!

Мать юной Джинджер подвизалась в киноиндустрии, она писала сценарии и подрабатывала театральным критиком, так что девушка знала о мире искусства не понаслышке. Вместе с матерью Джинни часто бывала в театре, а однажды даже заменила заболевшую актрису второго плана. С этого и началась ее актерская карьера. Жанром Джинджер был водевиль, и тут она поистине блистала.

В семнадцать Джинни выскочила замуж за собрата по профессии – певца Джека Пеппера, но их брак просуществовал совсем недолго. Ей гораздо интереснее было оставаться свободной и делать карьеру. Она пробилась на Бродвей, где ее внешность, прекрасные актерские данные и замечательное понимание характера роли быстро выдвинуло Джинджер в первые ряды. Затем под ее напором пал Голливуд – после мюзикла «Сумасшедшая девушка», который сделал ее звездой Бродвея первой величины, дорога в кино была открыта.

Джинджер с восторгом приняла предложение Фреда. Помимо того что оно ей льстило, Фред нравился ей как мужчина. Вместе они составили потрясающую танцевальную пару. Им не было равных не только в бальных танцах, но и в степе.

Вначале рядом с утонченным денди Астером Джинджер выглядела простовато и даже немного вульгарно, однако она невероятно быстро училась, перенимая его повадки, вкус и

манеру одеваться. И вскоре они стали самой элегантной и утонченной танцевальной парой. Благодаря Фреду Джинджер поднялась на высшую ступень славы – девять из десяти мюзиклов, в которых она снялась вместе с новым партнером, получили мировое признание.

Разумеется, тесное сотрудничество часто подразумевает дальнейшее развитие личных отношений. Особенно если это союз актерский и артистический. Когда тебя каждый день обнимают крепкие ласковые мужские руки, не влюбиться в этого человека невозможно. А уж если у тебя самой пылкое сердце…

Они никак не комментировали свои отношения – не подтверждали, не опровергали. Однако часто даже на публике ссорились и мирились так, как это свойственно очень близким людям и страстным любовникам. Фреда и Джинджер связывала не только работа, это подтверждает и то, что со своей женой он все-таки развелся: тихо и не афишируя этого. Однако жениться на Джинджер он не спешил – должно быть, потому, что был человеком обстоятельным и умеющим разграничивать семейный очаг и работу, а на роль жены ветреная и увлекающаяся Джинджер не подходила.

Их связь продолжалась пять лет – до 1939 года. Пять лет и десять великолепных фильмов! Еще один фильм, создателем которого был великий Федерико Феллини, «Джинджер и Фред», был снят об их собственной истории – истории, которая, к сожалению, закончилась, как заканчивается большинство «служебных романов» – разрывом.

После того как партнеры расстались, Фред женился снова. У Джинджер было пять мужей, трое из них – известные голливудские актеры. Но… служебные романы в Голливуде – плохая основа для семейной жизни. Кроме того, Джинджер не умела быть актрисой и женой одновременно. Без Фреда ее карьера начала угасать, а потом и вовсе сошла на нет, хотя именно она, Джинджер Роджерс, согласно опросу 1999 года вошла в первую сотню американских актеров, и даже более того – заняла в ней четырнадцатое место!

Фред Астер танцевал до весьма почтенного возраста, и его искусство было отмечено такими мэтрами театра и балета, как Баланчин и Нуреев. Великий танцовщик и балетмейстер Рудольф Нуреев называл Фреда Астера гениальным – и был прав. Сегодня Фред Астер занимает пятое место в списке величайших актеров Голливуда, и хочется надеяться, что звезда его искусства не погаснет никогда.

Чарльз Линдберг и Энн Спенсер Морроу

Когда двое вместе танцуют – это как-то понятнее широкой публике, чем когда те же двое вместе поднимаются под небеса, причем не в переносном, а в самом прямом смысле этого слова! Да еще в то время, когда история авиаперелетов не вышла из начальной стадии развития и самолеты не были оснащены таким количеством приборов, как сегодня, а их комфортабельность была весьма далека от идеала.

Чарльз Линдберг

Чарльз Линдберг родился в 1902 году в американском промышленном городе Детройте. В детстве маленький Чарльз интересовался всем, что движется. Сначала его интерес удовлетворяли семейный автомобиль и мотоцикл, но этого любознательному подростку было явно мало. После окончания школы он поступил в университет, на отделение механики. Однако изучать – это еще не значит ездить самому. А Чарльзу хотелось не просто передвигаться по земле – его манило небо!

Спустя два года Линдберг не выдерживает, бросает университет и поступает кадетом в летную школу. Это оказывается именно тем, чего всю жизнь жаждала его душа, – и, с восторгом сев в качестве пассажира в двухместный биплан,

Чарльз прямо на следующий день совершает свой первый самостоятельный полет! Разумеется, юноша парил в небе не один, а с инструктором, а к одиночным полетам его пока не допускали. И не потому, что у курсанта Линдберга не хватало опыта – просто по инструкции одиночкам требовалась связь с базой на случай аварии, а денег на источник связи у Чарльза пока не находилось. Мало того – у него даже не хватало средств продолжать учебу!

Линдберг стал переезжать из города в город, подрабатывая автомехаником, и в это время всерьез увлекся парашютным спортом. Просто прыгать этому сорвиголове было неинтересно, и он выполнял в воздухе различные трюки, которые были под силу разве что профессиональным каскадерам. Затем он освоил трюки на самолетах – это были фигуры высшего пилотажа, выполняемые столь виртуозно, что посмотреть на «малыша Линдберга» собирались целые толпы любителей острых ощущений.

Наконец нелегким трудом автомеханика он собирает вожделенные 500 долларов – большие деньги на то время – и приобретает биплан Кёртисс JN-4 «Дженни». Ему так не терпится подняться в воздух, что уже через полчаса они вдвоем с пилотом-испытателем летят меж облаков и Чарльз испытывает блаженство от полета и от обладания машиной.

В 1919-м неугомонный авиатор ввязывается в новую авантюру: владелец сети отелей Реймонд Ортейг предлагает приз в 25 000 долларов первому, кто совершит беспересадочный авиаперелет Нью-Йорк – Париж. Несколько смельчаков уже погибли, другие были покалечены, но Чарльза Линдберга это не останавливает, хотя на его несовершенном «Дженни» выполнить такое не под силу никому. Однако Линдберг обладает не только прекрасной летной подготовкой, но и замечательным даром убеждения! В результате девять предпринимателей Сент-Луиса решаются его поддержать.

Компания из Сан-Диего выпускает именно то, что нужно отважному летчику, – сделанный по индивидуальному заказу одномоторный моноплан, который сам Линдберг, участвовавший в разработке этого чуда техники, назвал «Духом Сент-Луиса». В мае 1927 года он испытывает моноплан в воздухе, пролетев 5800 км от Сан-Диего до Нью-Йорка с посадкой в Сент-Луисе. Перелет занял 20 часов 21 минуту – скрупулезный Линдберг привык учитывать все, и в дальнейшем это умение пойдет ему только на пользу.

Утром 20 мая пилот стартует из Нью-Йорка, а 21-го приземляется в аэропорту «Ле-Бурже» в Париже! На аэродроме собирается такая огромная толпа, что полиция вынуждена поставить заслон, чтобы летчик мог благополучно приземлиться.

Под аплодисменты собравшихся Линдберг сажает «Дух Сент-Луиса». Он победил и выиграл не только призовые деньги, но также был награжден Крестом летных заслуг. Он стал первым кавалером ордена, но не собирался останавливаться на достигнутом!

Линдберга чествовала вся Америка: толпы людей проходили парадами по улицам, суда в океане давали салюты в его честь. Награду герою вручал сам президент Калвин Кулидж, потому как значение перелета Линдберга для развития дальней авиации трудно было переоценить. В 1928 году авиакомпании втрое увеличили количество перевезенной по воздуху почты и вдвое – протяженность авиамаршрутов.

В Америке Линдберг стал настолько популярен, что даже женские шляпки называли в его честь! Чарльз летал по всей стране и далеко за ее пределы. И однажды, во время перелета в Мексику, встретил ее – ту, которая любила небо так же страстно, как и он сам. Энн Морроу была дочерью посла США в Мексике, но о небе пока только мечтала.

Они полюбили друг друга с первого взгляда и вскоре стали женихом и невестой. Чарльз научил Энн летать, и вскоре их семейный тандем уже вовсю бороздил просторы воздушного океана. Энн получила лицензию пилота – впервые этот документ был выдан женщине! Однако не обходилось и без казусов: однажды их самолет потерпел аварию и совершил срочную посадку, приземлившись… вверх ногами, то есть колесами. Но смельчаки, страстно любящие не только авиацию, но и друг друга, серьезно не пострадали – должно быть, их хранил сам бог небесной любви…

Линдберги летали по всему миру – от Африки до Южной Америки, от вечных снегов до иссушающих пустынь. Многие думают, что несчастья могут подстерегать летчиков только в небе, но с Энн и Чарльзом это случилось на земле. 1 марта 1932 года полуторагодовалый сын четы Линдберг был украден прямо из их особняка в Нью-Джерси. Была поднята на ноги не только полиция штата – ребенка искали по всей Америке, долго и безрезультатно. В конце концов нашли тело мальчика – похитители, получив выкуп в 50 000 долларов, предпочли не рисковать и не возвращать ребенка, а убили его через несколько часов после похищения…

Чудовищное преступление потрясло многих – и в том числе знаменитую писательницу Агату Кристи. Позже она напишет книгу «Убийство в “Восточном экспрессе”» – в основу сюжета будет положена реальная история с ребенком Чарльза и Энн.

После случившейся трагедии Линдберги перебираются

в Европу – подальше от толп осаждающих их дом репортеров. Чарльз и его жена живут тихо и уединенно, что, впрочем, не мешает им заниматься любимым делом. Кроме перелетов Чарльз, как талантливый механик, участвовал в разработке аппарата искусственного кровообращения. Также он первым разработал принцип автопилота, а Энн оказалась одаренной писательницей.

С началом Второй мировой войны Чарльз Линдберг подает прошение о том, чтобы пойти на фронт добровольцем, но ему отказывают на основании того, что он сотрудничал с германской авиационной промышленностью и даже получил из рук Геринга орден Заслуг германского орла. Кроме того, Линдберг публично критиковал внешнюю политику Соединенных Штатов и президента Рузвельта, в результате чего был вынужден уйти в отставку.

Однако пилот не может не летать, и в 1944-м Линдберг снова поднимается в небо на военных самолетах ВВС США в Тихом океане. На его счету более 50 боевых вылетов, хотя числится он всего лишь гражданским консультантом. Воодушевленный примером жены, романы и стихи которой нашли своих многочисленных поклонников, Чарльз также пишет книгу и называет ее «Дух Сент-Луиса». За нее он получает ни много ни мало – Пулитцеровскую литературную премию!

Брак Энн и Чарльза Линдбергов был очень счастливым: эти двое, которых связала любовь к небу, прожили долгую семейную жизнь, наполненную не только грустными воспоминаниями о случившемся с ними в Америке несчастьем, но и массой других, поистине замечательных событий.

Чарльз и Энн Линдберг были награждены наградами и премиями многих стран мира. Еще в 1933-м совсем молодая Энн была отмечена ассоциацией «Женщины-воздухоплаватели» – ей была вручена премия «Исследователю воздухоплавания» за вклад в покорение небес. В 1939-м Энн получила Крест за отвагу за участие в трансатлантических перелетах, а в 1940-м Национальное Географическое общество Америки наградило ее медалью Хаббарда за преодоление по воздуху сорока тысяч миль – а ведь это более шестидесяти четырех тысяч километров!

Супруги Линдберг не только летали под облаками – они путешествовали по всему миру, обращая внимание буквально на все. Особенно интересовались они культурой народов Африки и Филиппин. В 1960-е годы Чарльз даже организовывает кампанию по защите синих и горбатых китов – эти потрясающие животные на тот момент были почти полностью истреблены. Также Чарльз Линдберг предостерегал граждан планеты Земля от использования сверхзвуковых самолетов, считая их опасными для

экосистем.

Чарльз Линдберг прожил семьдесят два года, и каждый из них был наполнен событиями и любовью его второй половины. Энн пережила его почти на 30 лет, но небо над головой без ее любимого Чарльза было уже не таким синим…

Фрэнк Синатра и Ава Гарднер

Эти двое просто не могли не встретиться. А встретившись, уже не могли расстаться. У него был самый потрясающий голос того времени, услыхав который женщины были готовы бежать за ним на край света. Она была настолько безупречно красива, что многие сегодняшние «мисс» рядом с ней показались бы просто дурнушками…

Фрэнк Синатра

К моменту встречи с Авой Фрэнк Синатра прошел самую трудную часть своего жизненного пути – от никому не известного сына нищих итальянских эмигрантов до избалованного славой культового певца. Злые языки за спиной Синатры шипели, что его карьера никогда не пошла бы в гору, не будь за его спиной главарей итальянской мафии, но талант Синатры говорил сам за себя.

Прежде чем стать кумиром Америки, Фрэнк поработал и шоуменом в захолустных кабачках, и попробовал свои силы в качестве спортивного комментатора. В конце концов фортуна повернулась к трудолюбивому парнишке лицом. После того как его взяли на работу в джаз-банд, где подвизались сам великий Гарри Джеймс – трубач и Том Дорси – тромбонист, дела Фрэнка сразу пошли в гору. Он даже получил льстящее самолюбию любого певца прозвище Голос.

У него действительно был такой потрясающий голос, что

некоторые шутили: «Фрэнк может спеть даже телефонную книгу – и все равно никто не уйдет из зала!» Его песни мгновенно становились хитами, и, заключив контракт с фирмой «Коламбия», он стал зарабатывать баснословную по тем временам сумму – более 50 000 долларов в год!

Однако внешне Фрэнк оставался все тем же простым пареньком из эмигрантской семьи. И до поры до времени он жил так же, как и его родители: женился на своей первой любви, простой девушке Нэнси, родил с ней трех славных ребятишек, но… Кумиры миллионов не живут как булочники или клерки, спешащие по вечерам в свое уютное семейное гнездышко. Семейный мир Синатры также не выдержал перемен и стал трещать по швам еще до появления на его горизонте Авы. Ну, а после того, как они встретились, семейной идиллии и вовсе пришел конец.

Их с Синатрой роднило и то, что в детстве Ава также бегала босиком – но не по шершавым тротуарам эмигрантских трущоб, а по траве сельской глубинки. Ава родилась в семействе фермеров, и ее изысканная красота среди грубого простонародья выделялась, как орхидея, брошенная в стог сена. Мать, которую внешние данные дочери совсем не радовали – как с таким лицом доить коров или полоть кукурузу? – даже запрещала той пользоваться косметикой, а также носить облегающие платья. Однако в лице Авы не было нужды ничего подправлять, а ее восхитительную фигуру невозможно было спрятать даже в мешке из-под картошки…

Этой девушке в деревне было не место, и даже если бы ее фото, сделанные мужем сестры, и не попали в мир кино, Аву, несомненно, миновала бы фермерская участь – не этим, так другим способом. Но ей повезло сразу – ее затребовал к себе сам мистер Голливуд!

Ава поехала навстречу судьбе, имея при себе два основных плана: выйти замуж и стать счастливой. Увы, девочка из провинции, которая и читать-то научилась с большим трудом, не смогла сразу разглядеть, где в ее планы закралась ошибка. Более опытные наставники указали бы на нее немедленно, но рядом с Авой не было никого, кому была бы по-настоящему интересна судьба этой красотки, и никто не сказал ей, что в Голливуде «выйти замуж» редко имеет продолжение в виде «стать счастливой»…

Сногсшибательная красавица сразу же выскочила замуж за короля сентиментальных комедий и мюзиклов Микки Руни. Однако король и вел себя по-королевски: запирал ее дома, а сам отправлялся на вечеринки и в казино. Ава не стала долго терпеть

и подала на развод. Затем в ее жизни было столько мужчин, что она и сама, наверное, не смогла бы всех перечислить. Однако среди актеров и миллионеров, добивавшихся ее внимания, того единственного, с которым она могла бы «стать счастливой», все не находилось. Ава еще несколько раз выходила замуж, наивно надеясь, что официальное замужество будет чем-то отличаться от гражданского брака, но ее ждали только очередные разочарования.

Когда двое в Голливуде постоянно сталкиваются, это значит только одно: их сводит судьба. Ава знала, что Фрэнк женат, но устоять перед его озорной мальчишеской улыбкой и обаянием его бархатного голоса просто не смогла. Кроме того, у мальчика, выросшего на улице, и девочки с фермы оказалось слишком много общего. Они предпочитали одни и те же нехитрые радости: боксерские поединки и простую вкусную еду, гонки по ночным дорогам и стрельбу по консервным банкам… Они дурачились и смеялись, они любили друг друга, и Ава как никогда близко подошла к исполнению своего второго плана: она была счастлива.

Бурный роман того, кого вся Америка считала добропорядочным семьянином, с той, которую окрестили «черноволосой распутницей» и «самым сексуальным животным Голливуда», не нравился почти никому – кроме самих Фрэнка и Авы! Пресса ополчилась на красавицу, разбившую дружную семью, а Нэнси подливала масла в огонь, прилюдно плача и категорически отказываясь дать Фрэнку развод. Ава не могла появиться практически нигде – поклонники певца встречали ее улюлюканьем и непристойными выкриками. Несмотря на закаленную крестьянскую натуру, Ава не выдержала и слегла в клинику с неврозом.

Фрэнку нужна была публика, а также Ава! Красавица не настаивала на разводе, но вскоре на нем стал настаивать сам Фрэнк, снедаемый ревностью. Пока Ава была свободна, на нее мог предъявить права кто угодно. Ава подогревала ревность любовника хитростью: отправившись в Испанию на съемки фильма, она тут же закрутила роман с известным тореро. На самом деле испанский мачо был ей глубоко безразличен, но она флиртовала направо и налево, чтобы простимулировать Фрэнка, оставшегося в Америке.

Синатра наглотался таблеток снотворного и едва не умер после очередной газетной сенсации, связанной с именем Авы. Нэнси не выдержала и дала-таки мужу развод: пусть лучше у детей будет живой отец, хоть и не живущий с ними, чем мертвый!

Ава добилась своего: свадьбу с шиком сыграли в Филадельфии, а на медовый месяц молодые отправились в

Майами. Однако счастливой семейной жизни, несмотря на все старания Фрэнка, не получалось. Ава стремилась к лидерству: ее карьера все время шла в гору, в то время как у Синатры, имиджу которого развод весьма повредил, дела шли все хуже и хуже. Пластинки раскупались плохо, и Ава, не блещущая воспитанием, могла публично заявить, что кормит их семью исключительно она!

Для Фрэнка, выросшего в патриархальном итальянском семействе, где слово мужчины было законом, жизнь с Авой была сущим адом. Чтобы как-то утвердиться в качестве мужчны, он заводил романы на стороне. Ава отвечала ему тем же – и Фрэнк, закатив любимой скандал, хватался за ружье, угрожая пристрелить сначала ее, а потом и себя! В ответ Ава демонстративно выбрасывала в окно обручальное кольцо, а соседи, измученные шумом, чуть ли не каждый вечер вызывали полицию.

Долго такое продолжаться не могло: они, разумеется, развелись. Ава уехала в Испанию, где решила лечить депрессию адреналином, попробовав себя в роли тореро. Эта затея закончилась трагически: лошадь сбросила ее, а бык распорол рогом лицо… Несмотря на то что они были разведены, поддержать ее прилетел Фрэнк, у которого после расставания с Авой было такое чувство, будто ему без наркоза вырезали жизненно важный орган…

Ава выпала из его круга, и дела Фрэнка Синатры неожиданно наладились: кроме выпуска удачных дисков, которые раскупались как горячие пирожки, он также начал успешную карьеру в Голливуде. Жизнь с Авой осталась позади – как некое роковое увлечение, но влияние этой женщины и любовь к ней он будет испытывать до конца ее, а затем и своей жизни…

Когда Ава Гарднер умерла, для Фрэнка это было не просто горем – это было величайшим потрясением. Дочь нашла его лежащим на полу в спальне – он так отчаянно рыдал, что совершенно потерял голос и не мог вымолвить ни слова…

Синатра пережил ту, которая стала роковой любовью его жизни, его музой, о которой он пел в каждой из своих песен, на восемь лет, и не было ни одного дня в течение этих горьких лет, когда он не вспомнил бы ее…

Галина Вишневская и Мстислав Ростропович

Эту звездную пару связала музыка, и связала крепко, на всю жизнь. Впрочем, то, что они созданы друг для друга, они поняли сразу и мужем и женой стали уже через четыре дня после знакомства!

Галина Вишневская и Мстислав Ростропович

У Галины было очень непростое детство – она родилась после Гражданской войны, в 1926 году. Разруха, коммуналки… Потом – новая война, перед которой ее отца репрессировали. Блокада Ленинграда – и всю блокаду она провела в осажденном городе! Спасло ее от смерти только то, что в шестнадцать ее взяли в войска ПВО, да еще музыка, с которой она не расставалась никогда.

И голос, и дыхание у Вишневской были поставлены от природы. Но попытки театрального наставника помочь молодой певице «петь правильно» закончились плачевно – у нее пропали высокие ноты, украшение ее сопрано. Теперь она могла петь только в оперетте…

Однако Вишневская не сдавалась – она помнила, как легко брала самые трудные ноты! К счастью, нашлась настоящая наставница, Вера Николаевна Гарина, певица, которой она будет благодарна до конца своей жизни. Потому что голос снова зазвучал в полную мощь, а ее дорогая наставница настояла на том, чтобы Галина участвовала в конкурсе на место оперной певицы, и не где-нибудь, а в столице, в Большом театре!

Она выступила просто ошеломительно и ее приняли,

несмотря на отсутствие консерваторского образования. Очень скоро Вишневская начала петь заглавные партии, и равной ей, без преувеличения, на сцене Большого в те годы не было. У Галины было все: чарующий голос, потрясающая внешность, прекрасная фигура, выразительная пластика… Она стала настоящим украшением театра и вскоре начала выезжать на гастроли.

В первый раз она вышла замуж за военного моряка, но брак распался уже через несколько месяцев. Вторым ее мужем стал директор ленинградской оперетты Марк Рубин, и долгие десять лет она делила с ним горе и радость. Именно Марк помог жене пережить смерть первого ребенка, затем вытащил Галину с того света, когда она заболела туберкулезом. За баснословные деньги покупал только-только появившийся на рынке пенициллин, и она, здоровье которой было подорвано огромным количеством выступлений на эстраде и в оперетте, выжила и выздоровела…

Однако этот брак уже изжил себя – Марк считал ее дальнейшее музыкальное образование излишним, ему хватало того, что жена подвизается на подмостках оперетты. Ну, а ей всегда хотелось большего – ее характер требовал неустанной шлифовки таланта, покорения новых высот…

Ту, которую он почти сразу назовет своей, Ростропович впервые увидел на гастролях. Он сам еще не был звездой первой величины, как та, которая царственной походкой спускалась по лестнице гостиницы «Метрополь». Она показалась ему богиней, но даже у богинь бывают мужья! И он захотел стать ее мужем с первой минуты, вот так – ни больше ни меньше.

Вишневская сразу осадила нахала, сказав, что замужем. Однако Мстислава это не остановило. Он повел осаду по всем правилам – и… она почти сразу сдалась! И не потому, что, стараясь произвести впечатление, худой интеллигентный и немного смешной очкарик менял при каждом удобном случае пиджаки и галстуки. Нет, она просто почувствовала в нем то родное, что искала всю жизнь и не могла найти ни в ком: ни в первом муже, Георгии Вишневском, от которого у нее осталась фамилия, ни во втором, Марке, который ухаживал за ней по-отечески, но без того пыла, страсти и обожания, с которыми смотрел на нее Ростропович…

Кроме того, он умел рассмешить, заставить посмотреть на привычные вещи с другой стороны. Заметив, например, что в ресторане, где кормили гастролеров, Галина предпочитает другим закускам соленые огурцы, он пробрался в ее комнату и поставил на стол вазу, наполненную ландышами и… солеными огурцами! Да еще и записку написал такую, что она просто руками развела – то ли смеяться, то ли действительно выйти за

него замуж?

Он ухаживал за ней как мальчишка. Гуляя по Праге, умытой летним дождем, он внезапно предложил: «А давайте перелезем через стену? Там, на той стороне, такие восхитительные лужи!» Она растерялась: «Как, я, примадонна, буду лазить через стены? Прямо в грязь?» Тогда, чтобы она не испачкалась, он снял с себя светлый плащ и бросил ей под ноги…

Их брак стал настоящим союзом профессионалов и любящих сердец, хотя соединиться официально им было непросто. Ее муж, Марк, не давал ей развода, больше того: просто перестал выпускать жену из дома. Провожал до театра, потом встречал с работы – и никаких посторонних контактов! А в это время Ростропович неистовствовал, обрывая телефон. В конце концов он поставил вопрос ребром: «Или ты уходишь ко мне, или между нами все кончено!»

И тогда она… просто убежала из дому! Воспользовалась тем, что муж ушел на рынок, быстро собрала чемодан с самым необходимым и выскочила на улицу, боясь только одного – что Марк вернется раньше времени. Бросилась к стоянке такси: Москву она тогда знала очень плохо, села в машину и продиктовала адрес. Шофер возмутился: «Так это же буквально за углом! И пешком дойдете!» А ее трясло от страха и… счастья. Сейчас она наконец будет с тем, кого любит! «Да поезжайте уже, пожалуйста! Я вам заплачу!»

Ее встретили… мама и сестра Мстислава, которым он объявил: «Сейчас сюда приедет моя жена!» Ни о какой жене они раньше и слыхом не слыхивали! Мама от волнения закурила и одновременно стала натягивать на ночную рубашку халат, а сестра открыла Галине дверь. Сам Ростропович в это время убежал за шампанским, а три растерянные женщины просто смотрели друг на друга, не зная, что делать. Когда он вернулся, все плакали – от волнения. Его возлюбленная Галина сидела на чемодане в прихожей, а вокруг – ее новые родственники. Так и началась их с Ростроповичем семейная жизнь.

Вишневская уже тогда была звездой первой величины, к Ростроповичу известность пришла позже. И в ЗАГСе, когда они пришли расписываться, служащая стала уговаривать Мстислава сменить его фамилию – которую и выговорить-то толком невозможно! – на звучную и известную фамилию жены. «Да не надо, – отбивался смущенный Ростропович, – я уж как-то к этой привык!»

Они были счастливы вдвоем, а уж когда Галина забеременела, Слава и вовсе стал относиться к ней как к некому драгоценному сосуду. Она же до последнего пела в спектаклях, в

то время как он, гастролировавший с оркестром, волнуясь, кричал по телефону: «Без меня не рожать!»

Его строгий приказ подействовал на ее организм – родила она на следующий день после его возвращения с английских гастролей. Он привез ей невиданные подарки: отрезы для концертных платьев, духи, шали и шубу, увидев которую, она чуть не расплакалась! Однако плакать ей хотелось не от счастья, а от того, что она поняла: Слава экономил в Англии каждую копейку из мизерных суточных, не ел и не пил, чтобы побаловать ее всеми этими недоступными здесь, в Союзе, вещами.

Они были не только гениальными музыкантами. Прежде всего они были людьми с большой буквы, которым не безразличны судьбы родины. Однако сама родина в то время думала иначе: за дружбу с опальным Солженицыным их лишили гражданства и выслали из страны. Выслали тех, кто был гордостью искусства, лицом страны, которым нужно было гордиться!

Гастроли Вишневской и Ростроповича приносили Советскому Союзу огромную прибыль в твердой валюте, из которой сами артисты не получали даже тысячной доли. Власть отбирала даже подарки, сделанные артистам зарубежными импресарио и меценатами.

Они уехали буквально без ничего. Все заработанное – квартира, дача, мебель – осталось в Союзе. Мало того, за помощь инвалидам-эмигрантам Первой мировой их лишили всех государственных наград, а имена их были стерты отовсюду: с пластинок, кинофильмов, истории театра…

Только уехав из Союза, они поняли, как ценится в мире настоящее искусство. Ростропович и Вишневская с аншлагами гастролировали в США и Европе, их новый дом снова стал полной чашей, но… Родина остается там, где ты родился. Они вернулись в Москву после распада Союза, счастливые тем, что могут помочь здесь. Галина снова вернулась к преподаванию, стала почетным профессором Московской консерватории, но… Гордость не позволила ни ей, ни Ростроповичу принять то, чего они были лишены насильно. Хотя гражданство им с мужем было возвращено указом Президента, музыканты отказались его принять.

Кроме своих преподавательских занятий, Галина Вишневская до конца жизни была очень деятельным и публичным человеком. Она выступала и на театральной сцене МХАТ, и играла в кино, и руководила Центром оперного пения имени… совершенно верно, Галины Вишневской! Написала замечательную книгу «Галина. История жизни», читающуюся на одном дыхании, потому что и

писателем она оказалась на редкость талантливым.

Ее дорогой Слава, с которым они душа в душу прожили огромную, наполненную событиями жизнь, скончался в 2007 году. Для Галины это стало огромным ударом. Муж был для нее не просто «величайшим из ныне живущих музыкантов», как написала о нем в 2002 году лондонская газета «Таймс», а средоточием ее жизни, сердцем ее сердца…

Она пережила его на пять лет, и все эти пять лет вспоминала его любимые веселые словечки, его заботливые руки, озорно, несмотря на возраст, блестевшие глаза… Она старалась думать, что он не умер, а просто уехал на очередные гастроли и теперь голос его любимой виолончели звучит для ангелов…

В 2012-м и Галина Вишневская присоединила свой голос к ангельскому хору… Лучший голос России, тембр которого называли «серебряным», теперь звучит рядом с голосом ее мужа – вечно, среди серебряного сияния звезд, да и сами они наверняка стали новыми звездами, причем первой величины.

Софи Лорен и Карло Понти

Внезапно вспыхнувший роман режиссера и актрисы многими был воспринят исключительно как служебный: как-никак, Софи была молода и ослепительно красива, а Карло мало того что был на много лет старше, но и внешностью обладал отнюдь не героя-любовника. Также у Карло Понти имелась семья. Но теперь, через призму прошедших лет, можно с уверенностью сказать: это была любовь. Чувство из разряда тех, что настигают мгновенно, как молния. Им оставалось лишь одно – покориться этому испепеляющему чувству и любить…

Софи Лорен

София Шиколоне с детства отличалась изысканной, рафинированной красотой. И, хотя девочка родилась в столице, вскоре после ее рождения семья переехала в небольшой рыбацкий городок, который по иным меркам вполне сошел бы за деревушку. Селение называлось Поццуоли, и именно здесь Софи получила свое первое прозвище Стеккетто, что означало «жердочка»… Ну, это если изъясняться языком, принятым у воспитанных людей. А в нашей глубинке прозвище глазастой девчонки звучало бы как «Хворостина» – за высокий рост и худобу. Кроме прочего, София росла без отца, который бросил их

семью, так что детство будущей кинодивы вряд ли можно было назвать безоблачным.

Тощая достопримечательность Поццуоли росла и хорошела не по дням, а по часам. И ее умная мать, которая в свое время сама получала приглашения сниматься в Голливуде, но так и не решилась на это, всячески поощряла дочь к участию в конкурсах красоты, что зачастую является шагом к признанию. Первым пал к ногам Софии родной Поццуоли – она легко обошла всех местных красавиц и стала первой. Далее, в 1950 году, ей покорился Рим, и, кроме короны и титула «Мисс Италия», она была награждена вниманием некоего Карло Понти – мужчины, продюсера и режиссера.

Карло был старше своей избранницы на двадцать два года и к тому же женат. Разводов в католической Италии тех лет еще не существовало, так что препятствия для вспыхнувшей любви между режиссером и начинающей актрисой были огромными, если не сказать непреодолимыми. Кроме того, Карло знал, что София начинала свою карьеру с того, что снималась в фильмах, которые сейчас назвали бы легкой эротикой, но тогда это было чуть ли не порнографией.

Софи Ладзаро – таков был первый псевдоним той, что впоследствии прославится под именем Лорен – во многих сценах снималась топлес, а также в полупрозрачных нарядах, подчеркивавших безупречные формы. К слову сказать, когда карьера Софии пошла в гору, Карло выкупил все эти фильмы с участием обнаженной актрисы, чтобы они больше никогда не попали на экраны и не испортили репутацию той, кто стала ему дороже жизни.

Саму Софию съемки ни в рекламе, ни в тех фильмах, что впоследствии назовут сомнительными, не смущали: ей, выросшей в крайней нужде в семье без мужской руки, нужно было помогать матери. Да и жизнь в столице была недешева! София постоянно дежурила под кабинетом продюсера, чтобы не упустить хотя бы эпизодической роли, и за это секретарши прозвали большеглазую девицу Мисс Приемная!

В Карло Софи нашла то, к чему тянулась всей душой: основательность, твердое мужское плечо и такое же твердое слово. Однако, хотя обещание жениться он пытался выполнить как можно быстрее, Ватикан стал тянуть с утверждением развода. У Софии были бесконечные съемки, она смертельно уставала, а тут на нее давило еще и то, что за ее спиной то и дело слышалось слово «любовница»…

В 1955 году имя Софи Лорен уже гремело не только по всей Италии, где ее слава превзошла славу других знаменитых

соотечественниц – Джины Лоллобриджиды и Сильваны Мангано. Актрису, чьи потрясающие внешние данные дополнялись высоким актерским мастерством, заметили на «фабрике грез» – в Голливуде. За съемку в киноленте «Падение Римской империи» Лорен получила неслыханный тогда в актерской среде гонорар – миллион долларов. Кроме того, внимания итальянской дивы добивались многие режиссеры, а в паре с ней мечтали играть такие мэтры кино, как Кларк Гейбл, Энтони Куинн и Марлон Брандо.

К решительным действиям Карло подтолкнула ревность: в Голливуде, в фильме «Гордость и страсть», Софи снималась в паре с известным сердцеедом Кэри Грантом. И, когда Кэри стал проявлять к мисс Лорен повышенное внимание и засыпать красавицу охапками цветов, сердце Карло не вынесло пытки. Тем более что Софи, казалось, была совсем не против ужинов и прогулок с Грантом. На самом деле такое поведение Софии значило лишь одно: ей надоело ждать от любимого решительных действий и она просто хотела его спровоцировать. Акция удалась – Понти увез суженую в Мексику, и там, оформив развод с первой женой, он и София незамедлительно поженились.

Однако ни развод, ни брак, заключенный в Мексике, католическая Италия не признала. Для церкви, да и для многих других, они оставались отщепенцами, несмотря на все достижения Карло как продюсера и награды Софии за актерское мастерство. Начались бесконечно тяжелые десять лет скитаний по городам и странам, пока чета Понти не решилась стать гражданами Франции. Бывшая жена Карло также пошла им навстречу: чтобы ее муж мог наконец оформить развод и жениться на той, с которой он не желал расставаться, она также приняла французское гражданство.

Постоянные съемки, разъезды, отсутствие собственного дома, переживания и сплетни не давали актрисе стать матерью: два раза у Софии случались выкидыши, а затем врачи и вовсе поставили ей неутешительный диагноз – бесплодие. Все же они с Карло не отчаивались. Сначала случилось одно радостное событие – Ватикан после долгих лет откладывания их дела в долгий ящик все же утвердил развод, и в 1960-м они вторично поженились. А два года спустя в семье продюсера и его теперь уже всемирно известной жены случилось то, чего они жаждали еще больше, чем официального оформления отношений, – родился их первенец, Карло Понти-младший. Газеты запестрели снимками счастливых родителей с младенцем на руках. Поздравления сыпались отовсюду, а мечта Софии стать матерью не только в кино, но и в реальной жизни наконец сбылась!

Когда карьера Софии только начиналась, Карло настоятельно советовал ей укоротить нос, который считал слишком длинным. Однако актриса его не послушала, и правильно сделала. Не стала она прятать и свои бедра, хотя в то время в моду вошли «девушки-тростинки». Софи уже не была той Жердочкой, что в четырнадцать лет, когда завоевала свой первый титул Мисс Поццуоли, но она была вполне уверена в себе! Именно неординарная внешность и яркая индивидуальность и сделали ее той, которая выделялась из толпы красавиц с чересчур правильными чертами лица. Позже, когда Софи Лорен станет кумиром миллионов, ее внешность признают эталоном красоты в Италии. Даже священнослужители не оставались равнодушны к красоте синьоры Понти. Архиепископ Генуи как-то пошутил, что «вообще-то Ватикан против клонирования людей, но для Софи Лорен они сделали бы исключение».

Они были счастливы в браке больше пятидесяти лет – до самой смерти Карло в 2007 году. Их «служебный роман», начавшийся на съемочной площадке, принес богатые плоды – множество фильмов и двоих сыновей: старшего, Карло, дирижера симфонического оркестра, и младшего, Эдуардо, который пошел по стопам отца и стал режиссером и продюсером. Сама Софи получила все мыслимые награды – она обладательница почетных премий всех основных кинофестивалей: Каннского, Венецианского, Московского и Берлинского. Также она была первым лауреатом «Оскара» за лучшую женскую роль в иностранном фильме. Еще одного «Оскара», почетного, Лорен удостоили «за карьеру, богатую запоминающимися ролями, придавшими нетускнеющий блеск кинематографу»!

Несмотря на возраст, Софи Лорен и сегодня все так же утонченно красива, и, хотя в кино она больше не снимается, в 2002 году, в возрасте семидесяти двух лет, она снялась для календаря Пирелли – изысканного фотоиздания, выходящего очень ограниченным тиражом. На фотографиях можно было увидеть все ту же Софи – женщину, которая покорила весь мир талантом и красотой. Но если спросить у самой Лорен, что же было главным событием в ее жизни, я уверена, она скажет: «То, что мы встретились с Карло».

Дэнис и Маргарет Тэтчер

Такие женщины, как Маргарет Тэтчер, так же редки в политике, как огромные алмазы, находка каждого из которых становится событием мирового масштаба. Однако не каждый алмаз оправдывает надежды владельца и становится безупречным бриллиантом. С политиками дело обстоит еще сложнее. И все же Маргарет Тэтчер стала именно таким безупречным бриллиантом в короне Британской империи. Разумеется, в ее личности были и острые грани, но они только придавали шарма этой «железной леди».

Дэнис и Маргарет Тэтчер

Маргарет Хильда Робертс родилась в 1925 году в семье, принадлежащей к среднему классу. Отец Маргарет владел двумя крохотными бакалейными лавками, однако его дочери не суждено было стоять за прилавком, отвешивая покупателям фунт сахара или осьмушку цейлонского чая. Целеустремленную Марго ожидала совсем иная судьба!

Маргарет прекрасно училась – сначала в школе, где помимо основных предметов посещала множество факультативов: ее интересовали музыка и спортивная ходьба, поэзия и хоккей на траве… Словом, мисс Робертс была личностью крайне разносторонней. Кроме учебы в школе, по четвергам, когда лавка закрывалась раньше, девочка вместе с отцом посещала также

вечерние лекции в университете.

Отец Марго в свое время был членом муниципального совета, и дома постоянно велись жаркие дискуссии о политике. Младшая дочь поражала Альфреда Робертса, умудренного опытом и вооруженного красноречием, отточенным годами, своим умелым аргументированием и не по-женски устроенным умом. Однако он даже и помыслить не мог, как далеко зайдет увлечение Маргарет политикой!

В университете будущая премьер-министр Великобритании изучала химию и одновременно понемногу втягивалась в политику. Постепенно политические игры стали настолько занимать ее ум, что полностью вытеснили оттуда и химические опыты, и естественные науки, к которым склонялась девица Робертс. Уже в 1946-м Маргарет стала председателем Ассоциации Консервативной партии Оксфордского университета. Пост был немаленький, а Оксфорд всегда был кузницей будущих лидеров и лучших умов страны. Неординарным было и то, что впервые за всю историю существования университета его заняла женщина.

Учеба была окончена, и впереди ее ждала работа химика в тяжелых условиях послевоенной страны, живущей по карточкам. Маргарет переехала в Колчестер, но снова политика интересовала ее даже больше, чем карьерный рост. Она исследует работы философов, историков и экономистов и делает далеко идущие выводы. Ее пытливый ум постоянно занимают глобальные вопросы, и, когда эта совсем молодая женщина делает доклад на партийной конференции в 1948 году, ей тут же предлагают баллотироваться на выборах, хотя ее кандидатура даже не входит в списки!

Именно эти выборы, на которых она успешно прошла и была утверждена в качестве кандидата от Консервативной партии, и оказались решающими в ее судьбе – как политической, так и личной. На званом обеде, данном в честь кандидатов, она и познакомилась с тем, кто всю жизнь будет рядом, – бизнесменом Дэнисом Тэтчером.

Они поженились спустя три года после помолвки. Теперь у Маргарет было относительное материальное благополучие, и другая на ее месте спокойно бросила бы и политику, и работу химика ради домашнего хозяйства. Но она не изменила даже своих привычек: вставала в шесть утра и ложилась далеко за полночь. Кроме того, деньги Дэниса дали ей возможность осуществить свою давнюю мечту – получить юридическое образование, без которого ее карьера не могла двигаться дальше.

Сестра и мать мужа были недовольны: Дэнис женился на бесприданнице, хотя мог выбрать в жены девушку и

посостоятельнее, и потише, чем этот оратор в юбке, которому только и дай, что поговорить на политические темы! Однако сам Дэнис Тэтчер был весьма доволен своей семейной жизнью. Он любил Маргарет – пускай не такую, как все, не сидящую за бриджем с соседками и не листающую модные журналы, зато неординарную личность с задатками несомненного лидера!

Маргарет была беременна двойней на пятом месяце, когда сдала свой первый экзамен на звание адвоката. Разумеется, такое напряжение не могло не сказаться – дочь Кэрол и сын Марк родились семимесячными. Лежа с детьми в больнице после родов, она… написала заявление с просьбой досрочно допустить ее к выпускному экзамену!

Бессонные ночи, забота о новорожденных – однако предвыборную кампанию она не пропустила и в этот раз. К тому же, получив звание адвоката, она была обязана начать работать. Позже, вспоминая об этом времени, она скажет: «Я думала, что никогда больше не высплюсь…»

Однако несмотря ни на что – ни на бессонные ночи, ни на адвокатскую практику в вопросах налогообложения, забирающую очень много времени, – она все же добилась своего: малышам еще не было года, когда ее кандидатуру снова одобрили на выборах, а еще через четыре миссис Тэтчер заняла свое место на заседаниях в парламенте.

Ее путь наверх не был ни прямым, ни легким, ни усыпанным розами, скорее, он был утыкан шипами от этих самых роз. Ее появление в Палате общин было достигнуто нечеловеческими усилиями. Ее выматывали постоянные заседания в различных партийных комитетах, предвыборная гонка, собственные дети, работа… Она отдавала всему этому двадцать часов в сутки, и только четыре оставалось на сон. К тому же муж был постоянно в разъездах и домашние дела также требовали ее постоянного внимания!

Маргарет продвигали вперед ум и способности. И несмотря на то, что она была женщиной, матерью двоих детей, да и дорога домой в пригород отнимала у нее много времени, она с радостью согласилась занять новый пост – в министерстве по делам пенсий. Далее последовал пост министра образования – и… нет, не успех, как могли бы подумать многие. Наоборот, Тэтчер стала самой непопулярной женщиной в стране! Она осмелилась отменить бесплатное молоко в школах, сделав эту привилегию доступной только малоимущим.

Страна находилась в жесточайшем кризисе, а львиную долю школьного молока попросту… выливали на помойку, потому что дети отказывались его пить. Бесплатное школьное молоко

оставалось «доброй английской традицией», и то, что ее отменила женщина и мать, только подлило масла в огонь. «Прочь, сукина дочь!» – скандировали демонстранты, и только она знала, что этой решительной мерой сэкономила стране в трудное время девятнадцать миллионов фунтов в год! Кроме того, она считала, что родители сами обязаны обеспечивать своих детей, и в чем-то, несомненно, была права…

Ее верный Дэнис поддерживал жену как мог, ведь, можно сказать, он состоял при ней на службе: в качестве психолога, секретаря, даже няньки при детях… Муж облегчал жизнь своей энергичной супруге, но все же хозяином в доме был именно он, что бы там ни писали газеты. И на едкий вопрос журналистов Дэнис, которому присуще было чувство юмора, однажды ответил так: «Меня часто спрашивают: кто же в вашей семье носит брюки? И я отвечаю: брюки ношу я! И я же их стираю и глажу».

Дэнис не только вел домашнее хозяйство и воспитывал детей – он еще и верил в счастливую звезду своей Маргарет, даже тогда, когда правительство тори пало и вместе с ним ушла в отставку и «похитительница молока». Он знал, что она еще сумеет подняться и достичь невиданных для женщины высот, и именно так и случилось.

В 1975 году Маргарет Тэтчер стала лидером партии консерваторов. Ей было уже пятьдесят, и можно было подумать, что выше она уже не поднимется. Однако для политика полвека – это возраст расцвета. И жена Дэниса Тэтчера дождалась своего звездного часа – в 1979-м она заняла пост премьер-министра Англии! Первая женщина на таком высоком посту и второе в стране лицо после королевы!

Железной рукой она наводила в стране порядок, совсем как в собственном доме. Впервые за много лет было покончено с дефицитом бюджета, и Великобритания выбралась из экономического кризиса. Газеты сравнивали Тэтчер с другим великим политиком – Черчиллем, ведь именно политика Тэтчер привела к тому, что с Британией на политической арене мира вновь стали считаться!

Они прожили вместе всю жизнь, но всегда кто-то уходит первым… В возрасте восьмидесяти восьми лет Дэниса не стало. С его уходом Маргарет потеряла все: мужа, друга, помощника, того, кто все это время был рядом с ней; даже тогда, когда она улетала по делам в другие города и страны, ее Дэнис незримо присутствовал рядом – и теперь она лишилась его дружеского плеча!

Только очень близкие люди да те, с кем Маргарет Тэтчер работала годами, поняли, какая это была потеря. Маргарет

думала о Дэнисе всегда: был случай, когда она прервала заседание совета министров, чтобы выскочить в лавку и купить для мужа ветчину на завтрак! Она попросила сделать десятиминутный перерыв, а затем возвратилась в свою резиденцию премьер-министра, на Даунинг-стрит, и снова с головой окунулась в работу.

«Железная леди» была сделана не из стали и железа, а из плоти и крови, как и тот, кого она потеряла. В восемьдесят семь она также ушла вслед за любимым, и дети похоронили прах своей знаменитой матери в могиле ее мужа – так, как она всегда этого хотела.

Антонио Бандерас и Мелани Гриффит

Съемочная площадка свела вместе не одну актерскую пару. И хотя звездные браки долговечными не назовешь, союз Мелани Гриффит и Антонио Бандераса пока прочно противостоит всем невзгодам.

Антонио Бандерас и Мелани Гриффит

Тот, по ком у экранов вздыхали многие, мог запросто стать не актером, а футболистом – им Хосе Антонио Домингес Бандерас мечтал стать еще в школе. В футболе он добился определенных успехов и явно мог пойти намного дальше школьной команды, но в четырнадцать лет сломал ногу. Раздумывая о превратностях судьбы, чувствительный подросток посмотрел мюзикл «Волосы» – и под впечатлением сильной актерской игры футбол был забыт настолько, что Бандерас без промедления поступил на актерские курсы, а затем и в труппу Малаги, города своей родной Испании.

Актерское мастерство Антонио шлифовал так же страстно, как когда-то играл с мячом, и вскоре его рвение было по достоинству вознаграждено: подающего надежды актера заметил сам культовый режиссер Педро Альмодовар. И, хотя гонорар за сыгранную роль был более чем скромным, дебют Бандераса на

большом экране не прошел незамеченным. Его стали приглашать в другие картины. Но в Голливуде колоритного испанца приметили именно благодаря фильмам Альмодовара.

Он уже был не мальчиком, но зрелым мужем – к моменту покорения Голливуда Бандерасу стукнуло тридцать пять. За его плечами были совместные работы с Томом Крузом и Брэдом Питтом и такие картины, как «Эвита», где он снялся вместе с другой горячей штучкой – певицей Мадонной. В «Маске Зорро» актер сыграл вместе с Кэтрин Зета-Джонс, и оба эти фильма были номинированы на «Золотой глобус». Словом, Бандерас был весьма лакомым кусочком даже для избалованных вниманием голливудских красавиц. Но Антонио был женат и твердо придерживался принципа «Дорогая, поищи себе кого-нибудь другого», пока не встретил Ее – ту самую… Однако далее по порядку.

Мелани получила свою фамилию от отца-англичанина, но в венах той, чья мать также была актрисой, кроме британской течет шведская, норвежская и немецкая кровь. Мелани ступила на актерскую стезю в возрасте… девяти месяцев! Красивую крошку сняли в рекламном ролике. Затем последовали съемки в уже более зрелом возрасте – в теле– и кинофильмах, но зрителям Мелани больше всего запомнилась по картине «Деловая девушка». За главную роль в этой ленте Гриффит получила «Золотой глобус» и была номинирована на «Оскар». Однако самый большой приз ее жизни ждал впереди.

Несмотря на ангельскую внешность, юность Мелани прошла совсем не скучно: в ней было все – и ранний брак, когда она увела у собственной матери ее любовника Дона Джонсона, и съемки в полупорнографических лентах, и увлечение алкоголем и наркотиками. Сильный характер актрисы вынуждал ее к самореализации, но она не находила ее в полном объеме. Возможно, причина такого поведения крылась в том, что ее личной жизни просто не хватало истинных чувств?

Мелани и Антонио постоянно находились где-то рядом, но волею судеб или какими-то другими силами их дорожки постоянно разводили. Так, в 2003-м Гриффит решила попробовать себя в новом качестве и дебютировала в мюзикле «Чикаго» в роли Рокси. Бандерас в это время также участвовал в бродвейском мюзикле «Девять» – театр, в котором ставился «Девять», находился буквально через дорогу от того, в котором играла Мелани!

Личная жизнь актрисы до того, как она встретила Антонио, можно назвать бурной: она трижды побывала замужем, причем дважды ее мужем становился Дон Джонсон – за него она

выходила замуж в первый и в третий раз. Так что опыт отношений у Мелани был, и весьма богатый.

Они встретились на съемочной площадке фильма «Двое – это слишком». Название картины стало пророческим: то, что произошло между Антонио, за плечами которого был семилетний брак, и Мелани, которая также была замужем за записным красавцем Доном Джонсоном, можно было как раз охарактеризовать словом «слишком». А началось все с того, что Бандерас, который в присутствии Мелани буквально терял дар речи, решил все-таки завязать непринужденный разговор и как бы между прочим поинтересовался, сколько актрисе лет. «Да пошел ты!» – смачно послала его разгневанная Мелани, но лицо партнера было настолько по-детски обиженным и непосредственным, что лед между ними мгновенно был сломан.

Дальше все развивалось ну точно как в кино. Чувства вспыхнули, как бенгальский огонь – ослепительно и ярко. Настолько ярко, что обоим пришлось срочно разводиться – и через год после первой встречи, 14 мая 1996 года, Бандерас и Гриффит уже были мужем и женой. С наследниками они также тянуть не стали и вскоре осчастливили мир дочерью – Стеллой дель Кармен Бандерас Гриффит.

Несмотря на то что эта пара явно и безоблачно счастлива уже почти двадцать лет, споры и домыслы вокруг их брака все не утихают. Однако Мелани и Антонио до сих пор вместе, несмотря ни на какие «что он в ней нашел» или «это они сделали только ради рекламы!». Антонио оказался на редкость верным мужем – он откровенно признается, что ему нет нужды ходить на сторону, потому как его чувства к Мелани не угасают, а лишь крепнут с каждым годом.

Еще одной составляющей крепкого звездного брака является умение уступать, и в этом случае Мелани с самого начала повела себя очень мудро: она не стала соревноваться с мужем из-за астрономических сумм гонораров, а тактично ушла в тень. Антонио продолжает с успехом сниматься, а Мелани нашла себя в дизайне интерьеров и пишет критические статьи о театре в центральной газете «The New York Times». Разумеется, с ее богатым сценическим опытом она делает это виртуозно!

У Мелани на плече красуется татуировка с именем мужа – она украсила себя ею еще в самом начале их семейной жизни, которая больше похожа не на служебный, а на нескончаемый роман-идиллию. Разумеется, такие тату – способ раздразнить завистников и недоброжелателей, но, похоже, Антонио и Мелани уверены в своих чувствах, а сердце с именем любимого на плече отважной актрисы – словно оберег для их многолетней любви.

Женщины – существа загадочные. Кажется, что у Мелани есть все: любовь главного мачо Голливуда, деньги, интересная работа, но… этой «взбалмошной девчонке» постоянно чего-то не хватает! Мелани буквально помешана на пластических операциях – она неустанно борется с собственным возрастом, но, возможно, в этом виноват тот самый вопрос, с которого и начался ее бурный роман с собственным мужем? «Сколько тебе лет?» – да, она явно это не забыла! Увлечение Мелани пластикой зашло так далеко, что Антонио недавно пригрозил жене разводом, если она не перестанет совершенствовать свое лицо и тело. Он любит ее такой, какая она есть, – и не это ли является высшим счастьем для любой женщины?

Однако недавно пара подала на развод…

Мэрил Стрип и Дон Гаммер

Даже идеальным женщинам, какой многие считают Мэрил Стрип, нужен спутник жизни – тот, которому хочется положить голову на плечо и которому наплевать, сколько у тебя «Оскаров». Разумеется, отыскать мужчину, которому нужно лишь одно: чтобы та, которую он любит, была рядом и чтобы у них были дети, похожие немного на нее и немного на него самого, непросто. Но если надеяться на удачу и на то, что браки совершаются на небесах, такой мужчина просто обязан отыскаться!

Мэрил Стрип

Мэри Луиз Стрип родилась в 1949 году. Отец девочки был фармацевтом, а мать – художницей. Девочка, вне всяких сомнений, пошла по ее стопам. Она унаследовала тонкое видение мира, и, хотя рисование также было ее коньком, более всего Мэрил привлекал театр. Подвизаясь в школьном кружке, она с одинаковым энтузиазмом бралась за любые роли – от романтических девушек до дряхлых маразматических старух. Я уверена: доведись Мэрил сыграть кочан капусты, даже от него зрители были бы в восторге!

Мисс Стрип с успехом окончила Йельскую школу драмы, после чего отправилась покорять Нью-Йорк. Она с успехом играла в театральных постановках, особенно Мэрил удавался Шекспир. Но не обходилось и без казусов: когда в 1975-м Стрип пришла на

кастинг, желая получить главную женскую роль в фильме «Кинг-Конг», продюсер Дино де Лаурентис, обсуждая актрису со своим сыном, спросил на итальянском: «Зачем ты прислал мне сюда эту свинью? Она ужасно уродлива!» Хотя Мэрил была оскорблена до глубины души, она спокойно ответила Дино на том же языке: «Мне жаль, что я разочаровала вас!»

Разумеется, внешность Стрип была далека от идеала стандартной голливудской красотки: нос был длинноват, как и само лицо, глаза из-за тонкой переносицы казались близко посаженными, но… на сцене или на съемочной площадке эта женщина настолько преображалась, что недостатки ее внешности не замечал никто. Недаром «Оскары» и «Золотые глобусы» за блестящую игру буквально дождем сыпались на Мэрил!

Однако высокие награды не всегда означали хорошую плату за актерскую игру. Та, которую кино– и театральные критики сегодня называют «инопланетянкой» и «гениальной Мэрил», вышла из простой семьи, и за спиной ее не стояло ни богатых меценатов, ни тех, кто мог бы обеспечить ей хотя бы несколько месяцев полноценного отдыха от работы. Словом, актриса откровенно нуждалась в деньгах. Во времена юности она легко добывала требуемую сумму, давая мини-представления в парках, чтобы расплатиться за жилье и еду. Однако, имея за спиной столько наград, она уже не могла себе этого позволить…

Она любила и была любима, но выйти замуж за своего избранника так и не успела. Актер Джон Казале умер от рака, и Мэрил до последнего сидела в клинике рядом с женихом, наплевав на выгодные предложения. Она даже не поехала получать «Эмми» за роль в сериале «Холокост».

После смерти Джона она не могла оставаться там, где они были так счастливы. Не могла больше смотреть из тех же окон на улицу, по которой он больше не пройдет… Ее брат Гарри видел, что происходит с Мэрил, и предложил сестре переехать в квартиру его друга, скульптора Дона Гаммера. Тот уезжал в Европу, и его студия пустовала.

Она оставила в мастерской скульптора только свои вещи, а сама отправилась на очередные съемки. После того как она вернулась, еще более похудевшая, чем обычно, с усталым и нерадостным лицом человека, которого никто не ждет дома, и открыла дверь своего пристанища, то обнаружила там… самого хозяина. Тот вернулся ненадолго, перед тем как уехать в кругосветное турне на целый год. Мэрил стояла, не зная, как отблагодарить Дона за щедрость – снимать квартиру в Нью-Йорке стоило целое состояние. «Хочешь, я буду тебе писать?» – неожиданно спросила она.

Они поженились спустя всего шесть месяцев после начала знакомства. Мэрил до сих пор кажется, что это Джон нашел ей достойного мужа, потому что оттуда, с неба, ее покойному жениху было виднее… Роман, начавшийся с написанных «по долгу службы» писем, закончился свадьбой и, счастьем на долгие годы.

Она замечательно «держала удар», когда журналисты не без подвоха спрашивали, как она могла выйти замуж всего через полгода после смерти Казале. Мэрил отвечала всегда с неизменным достоинством: «Я поняла, что он то, что мне нужно. Надежный, спокойный, сильный, добрый!» А еще Дон чувствовал ее как никто, ведь его профессия также была творческой.

Мэрил никогда не выносила на суд молвы свои настоящие отношения с тем, кому писала все, что приходило ей в голову, целых четыре месяца. Именно этот неторопливый роман в письмах сблизил их настолько, что она смогла довериться Дону – и никогда не пожалела о своем решении. А ведь тогда она даже не разглядела как следует его лица! Ожидая Гаммера у него дома, она волновалась так, как никогда не волновалась перед камерой или перед выходом на сцену. Чтобы убить время, она принялась печь яблочный пирог – и приехавший Дон, попробовав его, был весьма удивлен ее кулинарными способностями.

Сегодня у Мэрил и Дона четверо детей, однако ее муж все никак не может забыть их первый яблочный пирог. Периодически он просит жену испечь его к чаю. Мэрил говорит, что стряпает «эти чертовы пироги» уже тридцать с лишним лет, но такого, как в тот раз, ей до сих пор испечь не удалось. Не потому ли, что тогда она в рассеянности клала все «на глазок», нисколько не заботясь о результате, но природная интуиция ее не подвела? Также она не подвела ее, когда Дон сделал ей предложение, а она не раздумывая ответила: «Да!»

Хотя, как уверяет Мэрил, кулинар из нее неважный, зато матерью она была просто сумасшедшей. Она лично воспитывала детей и контролировала, какие продукты они едят, а для той, на чьем счету три «Оскара», восемь «Золотых глобусов» и огромное количество других наград, это было совсем не просто!

Актриса сама следит за домом и гладит вещи и считает эти занятия куда более интересными, чем гламурные голливудские вечеринки, которые, к слову сказать, на дух не переносит. Но зато режиссеры от Мэрил без ума. Алан Пакула как-то сказал: «Если существует рай для режиссера, то он заключается в том, чтобы всю жизнь снимать Мэрил Стрип».

Да, она любит свою работу. Однако еще больше она любит того, с кем прожила тридцать три года. Недаром как-то Мэрил

сказала, что умерла бы, если бы не встретила Дона. Разумеется, эти слова не стоит воспринимать буквально, но той Мэрил, которую сегодня знают и любят все, на свете точно не существовало бы…

Ольга Остроумова и Валентин Гафт

Любовь приходит к людям независимо от того, сколько им лет – влюбленным может быть и двадцать, и тридцать, и сорок… К Ольге Остроумовой ее последняя и самая светлая любовь пришла в сорок девять. Ее избраннику Валентину Гафту на тот момент было уже за шестьдесят.

Они оба были актерами – играли в столичных театрах, да и на съемочной площадке встречались: и Гафт, и Остроумова снялись у Эльдара Рязанова в знаменитом «Гараже». Они жили в одном городе и занимались одним и тем же делом – состояли на службе при Мельпомене, музе капризной и необязательной. Должно быть, это она была виновата в том, что они не сталкивались нос к носу, иначе и он, и она сразу почувствовали бы притяжение друг друга. Однако чему быть, того не миновать – и вот уже шестнадцать лет эта пара вместе.

Валентин Гафт никогда не считался записным красавцем, но недаром говорят, что самый сексуальный орган у мужчины – это мозг. У прекрасного пола язвительный Гафт, сочинитель злых и метких эпиграмм, пользовался неизменным успехом. Все его жены – и первая, Алена Изоргина, манекенщица, и вторая, Инна Елисеева, балерина, отличались изысканной красотой. Однако семейная жизнь предполагает прежде всего терпение, а затем уже сходство характеров и интересов. И если со вторым было все в порядке, то с первым – терпением – у жен Гафта явно не ладилось.

Первая жена покинула артиста, второй брак также оказался несчастливым. И хотя все вокруг винили в расставании именно Елисееву и ее несносный характер, в том, что в семье нет взаимопонимания, всегда виноваты двое. Так думал сам Валентин Гафт – и был прав. Однако оттого, что он это понимал, легче не становилось. И именно в то тяжелое время, когда актер после развода сидел дома и переживал, он впервые увидел Ольгу. Увидел на экране телевизора, и ее вдохновенное лицо его поразило. Однако до их романа оставались даже не месяцы – годы.

Наконец судьба свела их в одном месте и в одно время – на съемках фильма «Гараж». И Гафта изумила даже не красота Ольги, которая била наповал, а ее скромность. В то время как другие звезды экрана лезли из кожи вон в борьбе за удачный кадр и экранное время, Ольга… пряталась за огромным оранжерейным деревом! Она почему-то считала себя не ровней сплошь народным артистам, занятым в съемках. Однако близкое знакомство снова

не состоялось, Ольга отработала свои эпизоды и исчезла – со съемочной площадки, но не из его мыслей.

Жизнь Ольги Остроумовой также не текла гладко. Ведь недаром говорят: не родись красивой, а родись счастливой. Роман Ольги и режиссера Михаила Левитина начался на гастролях в Ленинграде. И экспансивный Левитин сразу же заявил: «Мы должны рассказать обо всем нашим семьям и быть вместе!» Ольга приехала домой и все честно открыла мужу. За измену он отвесил ей полновесную пощечину и отпустил на все четыре стороны. А Левитин своей жене не сказал ничего!

Четыре года тянулся этот роман, пока наконец Ольга не заявила: «Миша, хватит! Я поняла, что мы не будем вместе никогда. Мне надоело обманывать и твою жену, и себя саму! Между нами все кончено!» Через месяц, когда Ольга уже переболела их разрывом, на ее пороге возник… Левитин. Он ушел от жены и явился к ней. И ей показалось, что теперь у них все сложится…

Ольга несла на своих плечах все: дом, нелегкий быт, капризы мужа, который брался только за те проекты, которые считал интересными, – а ведь кормить семью нужно было каждый день! И она сама моталась и по съемкам, и по антрепризам, и даже по утренникам… Она была так занята, что родившуюся дочь пришлось сдать в садик на пятидневку. Но однажды, когда ее четырехлетняя Олюшка спросила: «Мама, а ты не забудешь забрать меня домой?» – Остроумова разрыдалась. Она поняла, что должна выбирать: или такая каторжная жизнь, или ее ребенок. В тот день дочь в садик она так и не повела…

Она взвалила на себя еще больше и наняла девочке няню. Потом у них родился еще и сын, хотя Михаил категорически не хотел второго ребенка. Однако она не смогла решиться убить в себе живое существо, и, хотя муж закатывал истерики и кричал: «Или он, или я!» – на свет появился еще один малыш.

Жертвы бывают не напрасными, когда приносятся во имя чего-то значительного. А такая семейная жизнь, как у Ольги, многим ее подругам казалась наказанием, а не счастьем. И в конечном итоге правы оказались те, кто видел проблему со стороны. Ольга с Михаилом прожили вместе двадцать три года, и оказалось, что все это время муж ей изменял! Левитин вел такую же параллельную жизнь, как и с ней самой когда-то, – его любовницы на стороне исчислялись десятками…

Она была в такой депрессии, что, казалось, жизнь для нее кончилась. Многие советовали перетерпеть: все же двадцать три года вместе – это не шутка. Однако она была не из тех, кто может жить рядом и в то же время выгорать изнутри. Ольга выбрала

одиночество, хотя на дворе стояли страшные 90-е и детей нужно было поднимать – теперь только ей одной.

Вторая встреча Ольги Остроумовой и Валентина Гафта произошла на концерте, в котором оба участвовали. Она и стала точкой отсчета их нового счастья, теперь уже общего. После концерта они разговорились, хотя Остроумова и побаивалась острого как бритва языка собеседника. Чего, например, стоила одна лишь эпиграмма на Татьяну Доронину:

Как клубника в сметане, Доронина Таня.
Ты такую другую поди поищи.
У нее в сочетанье тончайшие грани,
Будто малость «Шанели» накапали в щи!

Гафт написал сотни эпиграмм, и некоторые настолько попадали не в бровь, а в глаз, что Ольга не на шутку испугалась: не стать бы еще одной «шанелью во щах»!

Однако актриса боялась зря – Валентин Гафт сразу же всей душой потянулся к ней. И она, и он были свободны – последняя жена Гафта, известная виолончелистка, не вернулась с гастролей по Америке, предпочтя новую родину и новую судьбу. А он неожиданно отыскал ту, которая оказалась половинкой его самого… Незаменимой, родной, единственной…

Так же как и она сама, ее сын и дочь потянулись к этому необыкновенному человеку, бывшему вовсе не циником, каким он хотел казаться, а ранимой и чувствительной душой. Впрочем, многие уязвимые и впечатлительные люди прячут свое истинное лицо под маской этаких закоренелых мизантропов… Свадьба была очень скромной: Остроумова и Гафт попросту тихо расписались в одном из столичных ЗАГСов.

Должно быть, Ольге Остроумовой на роду написано быть для своих близких именно той пресловутой каменной стеной, на которую можно надежно опереться. Когда в 2002 году покончила с собой дочь Гафта от Елисеевой, его мир, казалось, рухнул. И хотя в самоубийстве не было его вины – все знавшие девушку в один голос твердили, что до самоубийства бесконечными упреками и придирками ее довела мать, – ему от этого было не легче. Он винил себя в том, что не забрал дочь; хотя куда он мог привести уже взрослого человека – не сюда же, на Олины плечи?

Остроумова боролась за любимого как могла: вытаскивала его из депрессий, сидя рядом в клиниках, когда чувство вины разбивало ему сердце… И она победила: Гафт, которого смерть дочери на несколько лет буквально вырвала из жизни, вернулся к нормальному существованию. И еще выжить ему помогли… дети

и внуки его жены! Потому что за эти годы он стал для них самым родным человеком на свете.

Они вместе, они счастливы, а на смену тоске и одиночеству пришло такое глубокое взаимопонимание, что, глядя на эту пару, те, кто знал Гафта раньше, просто диву даются. Актер больше не производит впечатление остряка, которому лучше не попадаться на язык, – теперь это умудренный жизненным опытом философ. Говорят, это с ним сделали годы, но я осмелюсь предположить другое: это чудо сотворила настоящая любовь.

Юлия Высоцкая и Андрей Кончаловский

Если не строить никаких планов на личную жизнь, непременно получишь именно то, что нужно, – в этом твердо убеждена актриса и телеведущая Юлия Высоцкая. И хотя брак с Андреем Кончаловским был и для нее, и для известного режиссера не первым, она вышла за него не задумываясь: и потому, что Юлия относится к тому типу женщин, которые умеют принимать решения молниеносно, и оттого, что она верила своей интуиции, а та не подводила ее ни разу.

Юлия Высоцкая

Юлия родилась в среде, далекой от кинематографа: отец ее был военным, и жизнь семьи, постоянно переезжавшей с места на место, была подчинена приказам командования. Так и прошло детство будущей актрисы – по военным гарнизонам и большим и малым городам необъятной родины…

Однако, живя в глухой провинции, она чувствовала себя не похожей на других. И даже на выпускной пришла одетой не как все провинциальные барышни – в кружева, больше похожие на гардины, и с искусственной розой в волосах, а в мамином черном сарафане на узких бретельках. Наверное, этот нестандартный наряд должен был символизировать маленькое черное платье, придуманное неугомонной Коко Шанель. И так же, как

знаменитая француженка, Юлия всего в жизни добилась сама.

Они познакомились на кинофестивале в Сочи в 1996 году. Кончаловский уже тогда был персоной – известный кино– и театральный режиссер, сценарист. К тому же за его спиной стояли именитые родственники. Отцом Андрея был Сергей Михалков, прославленный детский писатель, мать, Наталья Кончаловская, также была писательницей, поэтессой и переводчицей. Словом, он был из тех, кого принято называть сливками общества, а Юлия – лишь начинающей актрисой, да еще пробовала себя в роли телеведущей.

Андрей пригласил ее поужинать, просто потому, что ему понравилось ее открытое лицо и живые глаза. А затем… позвал лететь вместе с ним в Стамбул! Причем сделал это весьма оригинальным способом – вручил билет и сказал: «Если решишь лететь – я жду тебя в аэропорту. Нет – просто выброси». Вот так, прямо и без обиняков.

Разумеется, она решила лететь, и не потому, что сочла это увеселительной поездкой или была авантюристкой по натуре. Кончаловский ей нравился, хотя был намного старше. Однако можно быть молодым и в шестьдесят один, а можно и в восемнадцать вести себя как старик, который ничего не хочет от жизни! Впрочем, и сам режиссер тогда еще не предполагал, во что выльется это путешествие в обществе молодой стеснительной актрисы, которая, как только села в самолет, сразу открыла «Братьев Карамазовых» и погрузилась в чтение.

Сначала они побывали в Стамбуле, затем в Лондоне – Кончаловский выбирал натуру для съемок нового фильма, а Юлию он взял с собой якобы для того, чтобы она оценила все «свежим взглядом». Однако в ее присутствии все становилось свежим и новым: и ветер, и природа, и чувства, и даже сама жизнь…

Путешествие закончилось, потому что не могло продолжаться вечно. Она вернулась в Минск, в свой театр, к обычной жизни: спектакли, редкие выезды на гастроли… На выходных, чтобы развеяться, поехала к друзьям на дачу, а когда вернулась, узнала, что телефон в коммуналке, где она жила, трезвонил не переставая: Кончаловский принялся ее разыскивать!

В ответ на очередной звонок трубку подняла она сама – и услыхала рассерженный голос Андрея: «Ну, и где ты пропадаешь? Бегом в английское консульство, получай визу, приглашение тебе уже отправлено!» Вот так быстро все и случилось… Он принял решение вызвать ее к себе в Лондон, а она… она жила тогда по голодным законам 90-х: в театре, где играла главные роли, получала 70 долларов, еще на 30 тянул приработок в качестве

телеведущей. За квартиру нужно было платить 60, а на оставшиеся 40 как-то жить, питаться и одеваться.

Она робко спросила: «А сколько стоит виза?» «Ну, я не знаю. Может, 100 долларов, может, больше». Разумеется, его такие мелочи не интересовали. Однако она и не думала играть в прятки и строить из себя дочь состоятельных родителей, поэтому сказала прямо: «У меня таких денег нет». Кончаловский передал ей деньги, и она улетела навстречу своей судьбе, хотя и знала, что он женат. Но… если мужчина так упорно добивается той, которую случайно встретил в гостиничном лифте и теперь не может без нее существовать, значит, это не просто служебный роман между режиссером и актрисой, а, возможно, что-то большее?

Если честно, Юлия не думала о браке, когда согласилась прилететь к Андрею в Лондон, потому что… вообще не хотела больше выходить замуж! Как говорится, это блюдо мы уже пробовали – не понравилось. Она просто радовалась возможности вырваться на свободу, посмотреть мир, может быть, найти работу на Западе.

Когда они в очередной раз вернулись с Андреем в Лондон, он уже не был женат. Вдвоем они путешествовали по миру: как соратники, компаньоны – словом, как люди, занятые одним делом. Но прежде всего они были просто влюбленными…

Выйти за него он предложил после того, как они провели совершенно упоительную ночь в одном маленьком отеле в Майами. Там им выдали такие необыкновенные халаты, что, когда они уже летели на Ямайку, Юлия вздохнула: «Эх, какие были потрясающие халаты! Надо было один спереть!» Именно тогда, он, усмехнувшись, сказал: «Выходи за меня. Я люблю воровок!»

Разумеется, он любил не воровок, а именно ее! С ее непосредственностью и ребячливостью, всегда хорошим настроением, домовитостью, природным умением создать уют. Однажды, когда она в очередной раз прилетела в Лондон, Кончаловский был категоричен: «Утром пойдем жениться!» Бракосочетание было весьма скромным. И точно так же, как когда-то она обошлась без стандартного выпускного платья, в этот раз Юлия не стала надевать наряд невесты. Зато дорогого шампанского было море – его привезли отец ее мужа, Сергей Михалков, и его жена – тоже Юлия. Вчетвером они кутили до утра – вот это и было настоящим праздником!

Разумеется, она понимала, что тот, кто был до нее женат четыре раза, вполне может увлечься кем-нибудь еще, но – странное дело! – она этого не боялась. Как не боялась и того, что муж непременно станет засматриваться на красивых женщин.

Режиссер – профессия творческая и предполагает тесное общение с актрисами, среди которых так много красавиц. Однако Юлия поступила очень мудро – она не стала ограничивать свободу Андрея. А тот, кто чувствует себя свободным, не замечает никаких уз, даже если это узы Гименея, одновременно самые прочные и самые ненадежные оковы на свете…

Они и сегодня вместе. Их брак стал очень счастливым, и именно в нем Андрей Кончаловский обрел то, что искал с разными женщинами всю жизнь: настоящий дом, где ему всегда рады, а на столе вкусная еда. Тут его всегда выслушают и дадут дельный совет… Даже если решение проблемы придет в голову жены ночью! Так и было, когда однажды она разбудила его посреди ночи, потому что нашла верный ответ.

Они вместе в радости и в горе – несколько месяцев назад семья режиссера попала в аварию и сильно пострадала старшая дочь, Мария.

Нам остается только пожелать семье Высоцких-Кончаловских поскорее пережить трудные времена и в полном составе плыть по волнам жизни дальше. И даже не плыть, а лететь – под алыми парусами любви.

Глава 8
Красавица и Чудовище

Дарья Салтыкова и Николай Тютчев

Образ тирана и деспота у многих ассоциируется только с грубым лицом мужского пола, но история знает немало примеров, когда кошмарные преступления или неблагородные поступки совершались именно теми, кого называют нежными женскими именами…

Та, которую родители назвали ласковым именем Даша, родилась в 1730 году в семье столбовых русских дворян. Детство девочки не было омрачено ничем, что привело бы к таким поистине чудовищным преступлениям, совершенным Дарьей Ивановой, по мужу Салтыковой, когда она получила в безраздельное владение живые человеческие души…

Дарья удачно вышла замуж за родовитого Глеба Салтыкова, и те, кто знал ее не вдовой, а счастливой женой, не припоминали, чтобы Дарья Николаевна поднимала на прислугу руку. Однако характер молодой женщины изменился в одночасье – в двадцать шесть лет она осталась вдовой, а в ее усадьбе и городском доме стали происходить страшные вещи!

Молодая привлекательная вдова с двумя детьми в тогдашней России не была чем-то исключительным: такие женщины обычно легко находили новых мужей и отцов своим сиротам. Тем более что после смерти мужа Дарья Салтыкова оказалась более чем обеспеченной: ее имущество составляли дома и поместья и более шестисот крепостных душ – приданое немалое и завидное.

Офицера Николая Тютчева, деда знаменитого русского поэта Федора Тютчева, приданое Дарьи Салтыковой интересовало меньше всего. Ему нравилась сама молодая вдова с хорошими манерами, показавшаяся Николаю несколько экстравагантной, но чувствительной натурой. Познакомились они случайно, когда на охоте в лесу Тютчев невзначай нарушил границу соседнего владения. Разгневанная барыня приказала привести нарушителя пред свои ясные очи.

Далее события развивались как в женском романе, герои которого живут в Средневековье: Дарья приказала заточить дерзкого охотника в подвал собственного дома. Уже тогда та, которая получила в народе страшное прозвище Салтычиха, издевалась над домашней прислугой с особо изощренным садизмом. Молодые девушки в ее владениях говорили, что лучше повеситься, чем попасть в горничные к молодой вдове.

Салтычиха обливала своих жертв водой на морозе, загоняла голыми в прорубь, жгла лица прислуги утюгом, могла плеснуть кипятком в глаза или сжечь горящим поленом волосы. Часто она

собственноручно вырывала жертве на голове все волосы, а уши сжигала щипцами для завивки. Она избивала в основном женщин: любым предметом, попадавшим ей в руки, цепляясь за малейшую оплошность в стирке или мытье полов. После наказания лично хозяйкой провинившуюся затем пороли на конюшне, порой до смерти, а Дарья Салтыкова наблюдала за этим.

Вот к этой-то Салтычихе и попал в подпол бравый секунд-майор, не подозревая еще, где находится. По нескольку раз в день вдова спускалась в подвал, издеваясь над своим пленником и одновременно испытывая к нему жгучую страсть. Однажды Тютчев не выдержал и сделал то, чего не позволил бы себе ни с кем другим – несколько раз ударил свою мучительницу. Однако та не разозлилась еще больше, а… выпустила его из темницы, пригласив прямиком в свою опочивальню!

Тютчев и Салтыкова стали любовниками. Поскольку их имения находились по соседству, они частенько наведывались в гости друг к другу, предаваясь плотским утехам. Но просто связи Дарье Салтыковой было мало – она мечтала о законном браке. Тютчев поначалу даже думал сделать пылкой вдове предложение, но затем стал замечать все больше странностей в ее поведении. То, что он принимал за некие оригинальные любовные игры, в действительности оказалось страшным кошмаром. Горничные с обожженными лицами, пропавшие без вести крестьяне… И когда майор случайно узнал малую часть правды о своей любовнице, у него буквально волосы встали дыбом.

Дарья Салтыкова, садистка, вошедшая во вкус, не могла так просто отпустить любовника. По ее приказу Тютчева подстерегли, схватили и снова посадили в подвал, однако он сумел освободиться и бежал в столицу, подальше от кровожадной вдовы.

Через некоторое время Тютчев женился на молодой и тихой девушке – небогатой Пелагее Панютиной. Салтыкову эта новость привела в неописуемую ярость, и она приказала своим крепостным поджечь дом неверного любовника. Для этих целей она выдала подневольным поджигателям все потребное: серу, паклю и большое количество пороха. Однако крепостные испугались совершать душегубство, и Тютчев, предупрежденный ими, вместе с молодой женой бежал в свое орловское имение. Взбешенная садистка устроила засаду на дороге, по которой должны были проехать молодожены, рассчитывая поймать и убить обоих.

К счастью для Николая Тютчева и его жены, они благополучно избежали рук Салтычихи, но та, обозленная еще более прежнего, принялась вымещать бешенство на ни в чем не

повинных крепостных девушках и женщинах, особо выбирая беременных и невест, которые в ближайшее время должны были выйти замуж. Крестьяне сбегали из ее владений, но подкупленные вдовой чиновники возвращали их владелице, не обращая внимания ни на жалобы, ни на следы побоев и истязаний.

Конец деятельности серийной убийцы и извращенной садистки положила сама Екатерина Великая, к тому времени взошедшая на престол. Двоим крестьянам, жен которых Салтычиха собственноручно убила, Савелию Мартынову и Ермолаю Ильину, удалось практически невозможное – они подали жалобу на садистку, минуя все чиновничьи инстанции, в карету самой императрице! По приказу Екатерины вдову взяли под арест и препроводили в каземат. Следствие по делу Дарьи Салтыковой продолжалось шесть лет. Было установлено, что подозрительной смертью погибли около ста тридцати восьми человек из подвластных ей шестисот крестьян, а семьдесят пять были собственноручно убиты помещицей!

Суд над дворянкой высокого рода был показательным – Екатерина хотела, чтобы и народ, и чиновники, погрязшие во взятках, видели, что правосудие невозможно подкупить. Однако даже сенат не мог решиться вынести приговор дворянке, и тогда это сделала сама Екатерина. Салтыкову лишили дворянского звания и всех привилегий и пожизненно заточили в подземную монастырскую темницу. Ей не разрешалось ни с кем разговаривать, она также была вынуждена сидеть в полной темноте. Перед заточением Салтыкову приковали к позорному столбу на площади, выставив над ней надпись «Мучительница и душегубица».

Жестокая убийца провела в подземном узилище одиннадцать лет, после чего ее разрешили перевести в каменную пристройку к храму с небольшим окном. Посетители храма могли видеть ее лицо и даже разговаривать с ней, однако так и не раскаявшаяся до конца своих дней преступница ругалась и плевала на любопытных через решетку. Все это время высочайшим наказом императрицы она была лишена еще и самого сокровенного: Дарью Салтыкову во всех документах «приказано было именовать мущщиною», потому что совершить все эти тяжкие преступления и называться после этого женщиной она попросту не имела права…

Анна Лопухина и Павел I

Это только в сказках о Красавице и Чудовище последнее оказывается прекрасным заколдованным принцем, добрым и умным. И они женятся и живут в счастье и радости все оставшиеся годы. В жизни же все намного сложнее. А порой и печальнее…

Портрет императора Павла I. С. Щукин

Император Павел I, сын Петра II и Екатерины Великой, вырос при дворе своей бабки Елизаветы Петровны и с раннего детства привык никому не доверять, сомневаться в правдивости слов самых близких людей. Ну, а как могло быть иначе, если и Елизавета, свергшая с престола свою предшественницу Анну Иоанновну, и его мать, Екатерина, находившаяся в постоянных распрях с его отцом, погибшим при невыясненных обстоятельствах, а попросту также вовремя удаленного с пути к трону, – все они жили как пауки в банке, готовые сожрать друг друга в подходящий момент…

От своего отца, Петра, Павел унаследовал не только неказистую внешность, но и недостатки характера, в том числе увлечение военной муштрой и играми в ущерб занятиям науками и искусствами. Однако необразованным человеком Павла не назвал бы никто: он владел латынью, французским и немецким языками. Из тех многих предметов, которым его обучали, Павел

предпочитал математику, любил читать, хотя и не был достаточно усидчив, чтобы овладеть какой-либо наукой в совершенстве.

Жену для цесаревича выбрали сообразно династическим предпочтениям, но, так же как и у его отца и Екатерины, личная жизнь Павла и Вильгельмины Гессен-Дармштадтской не сложилась. Жена почти открыто изменяла мужу с графом Алексеем Разумовским, а через два с половиной года после венчания умерла при родах. Откровенно говоря, Павел не слишком горевал и в том же году обзавелся новой супругой, Софией-Доротеей Вюртембергской, которая, перейдя в православие, стала именоваться Марией Федоровной.

Павел был настолько неказист и нехорош собой, что за глаза его называли «самый некрасивый человек империи». Однако надежды возлагались на то, что статная и дородная Мария Федоровна «улучшит породу» и будущие наследники российского престола будут иметь более презентабельную внешность.

За деторождением дело не стало: всего Мария Федоровна произвела на свет десять детей. Однако кроме того, что обычно происходит между людьми в спальне, более близких отношений, тех, что называют духовными, у Павла с женой не сложилось. А когда Павел узнал о том, что жена участвовала в заговоре его матери, Екатерины, целью которого было возвести на престол его сына Александра, минуя его самого, резко охладел к жене и не простил ее до самой смерти.

Супруги разъехались: Павел выбрал для своего проживания Гатчину, где его фавориткой на долгие двадцать лет стала Екатерина Нелидова. Это была женщина крайне некрасивая, как и сам Павел, но умная и тактичная, и с ней, кроме любовных, Павел смог выстроить вполне дружеские отношения, основанные на доверии. Кроме того, Нелидова обладала и дипломатическими талантами – она также смогла войти в доверие и к Марии Федоровне, особе ревнивой и склонной к истерикам.

Характер же самого Павла с возрастом приобретал все более эксцентрические черты: он был подозрителен, неуравновешен, резок, самолюбив и нетерпим. Кроме того, нового венценосца стали преследовать непонятные видения, призраки и предчувствие собственной смерти – под влиянием все нарастающей паники он перестал допускать к своей персоне даже друзей!

Когда Павел влюбился в юную красавицу Анну Лопухину, старую фаворитку, Екатерину Нелидову, отношения императора с которой давно переросли в дружески-платонические, отослали от двора. Павлу, который подозревал всех и каждого, казалось, что

Нелидова вступила в сговор с императрицей Марией Федоровной, но обе эти женщины просто старались объединиться на благо его самого! И Нелидова, и императрица стремились облегчить жизнь Павла всеми доступными способами. Однако император не внял голосу разума, и Нелидову сослали в замок Лоде.

Павел заметил юную красавицу на балу в Лефортово, но историки считают, что встреча императора с новой фавориткой была тонко подстроена недоброжелателями Марии Федоровны – Растопчиным и Кутайсовым. Граф Растопчин указал на двадцатидвухлетнюю Лопухину и шепнул на ухо императору, что эта девица так долго не выходит замуж единственно оттого, что в сердце ее пылает неугасимая страсть к Павлу. Таким образом, участь Анны была предрешена – Павел был заинтригован, а спустя самое короткое время и сам загорелся страстью к девице Лопухиной.

Собственно, Анне не оставалось выбора: в случае ее отказа вся семья Лопухиных, как объявил ее отцу всесильный фаворит царя Иван Кутайсов, будет сослана в Сибирь. Именно через Лопухину приближенные Павла намеревались проводить собственную политику и влиять на императора.

Анна приблизилась к трону, а ее отец получил титул светлейшего князя. Хотя не все вышло гладко: императрица, отличавшаяся болезненной ревностью, вызвала мужа на откровенный разговор касательно его отношений с Лопухиной. Мария Федоровна хитростью и притворной лаской выпытала у Павла подробности романа, а затем написала Анне грубое письмо, полное оскорблений и угроз физической расправы с соперницей. Однако случилось непредвиденное: письмо не было доставлено адресатке, зато попало в руки самого императора! Гнев его был ужасен: он перестал общаться с императрицей и полностью вычеркнул ее из своей жизни.

Порвав с женой, Павел с болезненной страстью привязался к новой фаворитке. Анна была назначена камер-фрейлиной, а ее отец – советником императора. Лопухина переехала в маленький особняк в Павловске, куда каждый вечер император приходил как в свой собственный семейный дом. Нужно отдать должное Анне – та по-своему симпатизировала Павлу и могла часами терпеливо выслушивать откровения царя. Постепенно она стала понимать его страхи и чувства и их отношения наконец-то стали походить на настоящую дружбу.

Несмотря на всю близость к трону, Анна Лопухина не пользовалась теми привилегиями, которые могла без труда заполучить. Она не участвовала в дворцовых интригах, не выпрашивала ни крепостных, ни дорогих украшений, и за это

Павел стал ценить ее еще больше.

Как пара Анна и Павел представляли собой разительный контраст: он – маленький, сухой, нервный тип с водянистыми глазками, поразительно некрасивый, если не сказать – безобразный, и она – статная черноволосая красавица с огромными карими глазами и белоснежной фарфоровой кожей… Однако именно с Анной, несмотря на все несоответствия в характерах и внешности, Павел стал намного спокойнее и тише. Он почти вернулся к нормальной жизни, и призраки смерти больше не преследовали его.

Император возвратился к излюбленным занятиям – военному делу и строительству, и в центре Петербурга в честь его рыцарских отношений с Лопухиной был возведен Михайловский замок, который по иронии судьбы станет его последним прибежищем. Во славу Анны влюбленный Павел называл корабли, и полки обретали знамена с ее именем. Также Анна стала первой женщиной, получившей Мальтийский орден.

Однажды, в минуту откровений, Анна в слезах призналась Павлу, что любит другого. Вспыльчивый и эксцентричный самодержец поступил с дамой своего сердца вполне по-рыцарски: он вызвал предмет любви Лопухиной, Павла Гагарина, из Италии, где тот состоял на дипломатической службе, и, наградив последнего орденами и титулами, выдал за него Анну.

Этот поступок того, кого все окружающие и народ российский считали жестокосердным тираном, буквально потряс придворных, однако изменить мнение двора об императоре как о самодуре и психопате все же не смог. Вскоре Павел был свергнут с престола в результате дворцового переворота и убит в том самом Михайловском замке, который возвел в честь своей последней любви.

Анна не была счастлива в браке – ее отношения с Гагариным омрачались постоянными упреками мужа о связи с «этим чудовищем». Молодая красавица княгиня Гагарина умерла, рожая своего первенца. Она пережила убитого императора всего на четыре года…

Наталья Пушкина и Михаил Дубельт

Наталья Александровна Пушкина родилась незадолго до гибели своего знаменитого отца. Когда поэт был убит на дуэли, его младшей дочери, которую в семье все называли Ташей, было всего восемь месяцев. Девочка выросла вдали от столиц и царского двора, принесшего столько горя ее родителям, в имении матери, урожденной Гончаровой, под Калугой. Там и прошло ее детство до восьми лет.

*Наталья Пушкина. И. Макаро*в

Вдова Пушкина носила траур по мужу гораздо дольше положенного срока, но через восемь лет после гибели мужа все же отдала свою руку и сердце генералу Ланскому – человеку достойному во всех отношениях. На бракосочетании Пушкиной и Ланского присутствовал и его подчиненный – юный граф Николай Орлов. Однако сказать «присутствовал» будет неверно: поскольку венчание происходило в очень тесном кругу, а увидеть избранницу своего командира Орлову очень хотелось, он залез на колокольню. Когда молодые шли к венцу, граф неосторожно задел большой колокол и тем выдал свои намерения.

Над свадебным курьезом долго потешались в семье Пушкиных-Ланских, а Николай Орлов зачастил с визитами. Однако его привлекала не вдова Пушкина, славившаяся изысканной красотой, не увядавшей с годами, а ее бойкая дочь с раскосыми глазами, обещавшая также вырасти красавицей.

Обещания судьбы сбылись – и красота Таши, не соответствующая классическим канонам, но от этого еще более поразительная, не оставляла равнодушным никого, хоть раз взглянувшего на эту девушку. По воспоминаниям современника, знаменитого романиста М. Загоскина, Наталья Пушкина была «высокого роста, чрезвычайно стройная, с великолепными плечами и замечательною белизною лица, сияла каким-то ослепительным блеском. Несмотря на малоправильные черты лица, напоминавшего африканский тип ее знаменитого отца, она могла называться совершенной красавицей».

Натали Пушкина была не только «совершенной красавицей» – она также была умна, хорошо воспитана и обладала тем же природным магнетизмом, что и ее родители, легко завоевывала сердца поклонников. Однако ее собственное сердце уже было отдано – Николаю Орлову. И, когда Натали исполнилось шестнадцать, а ему двадцать четыре, граф вознамерился просить руки возлюбленной.

Отцом Николая Орлова был не кто иной, как глава Третьего отделения и шеф жандармов, и для него та, кого хотел посватать его сын, была всего лишь дочерью опального поэта, к тому же умершего малопочтенной смертью дуэлянта. Все это попахивало светским скандалом, и отец категорически восстал против выбора сына.

Таша изо всех сил старалась скрыть, что ее сердце было разбито. Она намеренно стала отдавать предпочтение самому видному из своих кавалеров, Михаилу Дубельту, по иронии судьбы также имевшему отношение к Третьему отделению и также по линии отца, который был подчиненным Орлова.

Несмотря на то что и мать, и отчим, которому далеко не безразлична была судьба падчерицы, отговаривали ее от поспешного решения, Натали приняла предложение руки и сердца от Михаила Дубельта, более того, торопила родителей быстрее назначить день свадьбы. И генерал Ланской, и его жена прекрасно видели, что Дубельт, мот и повеса, имеющий к тому же нездоровое пристрастие к картам. Пушкины-Ланские всеми силами старались оттянуть день венчания, но через год под напором Натали с одной стороны и влюбленного до умопомрачения Дубельта с другой все же сдались.

Михаил Дубельт был, несомненно, умен и обладал другими достоинствами, но все это перечеркивали его бешеный нрав, поистине патологическая ревность и такая же нездоровая тяга к азартным играм. Выйдя замуж за этого человека, Натали Пушкина очень быстро поняла, какую огромную ошибку совершила. Однако сделанного было не воротить – нужно было

жить семейной жизнью, которая с каждым годом становилась ей все более в тягость. Муж быстро спустил все ее приданое – двадцать восемь тысяч рублей, деньги по тем временам огромные.

Живя в столице, чета Дубельтов не могла не выезжать в свет, но каждый такой выезд оборачивался тем, что Михаил, приревновав жену, устраивал дома жуткие сцены и бил ее! Доходило до того, что Натали была вынуждена прятать неделями не сходящие с ее прекрасного лица синяки под густой вуалью и носить полностью закрытые платья, скрывая следы «страстной любви» своего мужа.

Бедная женщина не могла ни покинуть того, с кем была обвенчана, ни уклониться от супружеских обязанностей: за годы жизни с Дубельтом Натали родила троих детей. Все обязанности по ведению большого дома также лежали на ее хрупких плечах. Однажды, когда она танцевала на балу с принцем Николаем Вильгельмом Нассауским и тот не смог скрыть своего увлечения ее красотой и умом, муж избил ее особенно сильно. Он повалил Натали на пол и стал топтать ногами, исступленно выкрикивая: «Вот для меня цена твоей красоты!» На прекрасном теле Таши Пушкиной навсегда остались следы от шпор Дубельта – словно клеймо рабыни, навеки прикованной к кровожадному чудовищу…

Дубельт так отвратительно обращался с женой, что слухи о его бесчинствах достигли ушей самого императора Александра II! Самодержец не стал церемониться с дебоширом и отправил Дубельта в отставку. Натали с детьми, пользуясь благоприятным моментом и растерянностью мужа, сбежала в Венгрию, в имение родной сестры своей матери, бывшей замужем за бароном Фризенгофом. Однако ее бегство вскоре было раскрыто, и вслед за женой туда явился сам Дубельт, угрожая беглянке расправой и бракоразводным процессом.

Натали оставила детей на попечение матери и тетки, а сама уехала за границу, пытаясь запутать следы. Она твердо решила, что больше не вернется под кров своего чудовищного мужа! Начались бесконечные переезды с места на место: Швейцария, Италия, Австрия, Франция, Германия… Судьбе было угодно, чтобы в своих скитаниях по городам и странам Натали встретила того, кто не мог забыть ее все эти годы. Да она и сама порой вспоминала тот вальс, который они танцевали на балу, как некую прекрасную грезу. И теперь за то, чтобы вернуть свою свободу, она, казалось, могла бы отдать все на свете…

Однако жертвовать всем пришлось скорее ему, а не ей: принц Нассауский Николай Вильгельм предложил Натали руку и сердце. Но для того, чтобы жениться на ней, разведенной женщине с тремя детьми, к тому же иностранке и не знатного

происхождения, ему пришлось отказаться от права наследовать престол!

После венчания, в 1867 году, родственники Николая выхлопотали для Натали титул графини Меренберг, и именно под этим именем она вошла в историю аристократических семей Европы.

Второй брак Натали Пушкиной был на редкость гармоничным. Супруги прожили в мире и согласии много лет. Натали родила Николаю Вильгельму сына и двух дочерей, одна из которых станет морганатической супругой великого князя Михаила Романова. А прапраправнучка Пушкина герцогиня Вестминстерская, которую также зовут Натали, – крестная мать принца Чарльза, наследника Британской короны. Поистине, прав был поэт, написавший и такие строки, как «водились Пушкины с царями»!

В доме графини Меренберг, славящемся своим гостеприимством, собирались литераторы, музыканты, философы. Натали с удовольствием проводила время как в светских беседах, так и в саду, цветы которого любили прикосновение ее нежных рук. Сказать спасибо дочери Пушкина также должны все те, кому небезразлично наследие великого поэта: именно Натали сохранила драгоценнейшую часть архива – письма своего отца к матери, Наталье Гончаровой.

После смерти любимого мужа Натали узнала, что по законам им не полагается лежать на кладбище рядом. Она завещала развеять свой пепел над могилой мужа, что и было сделано, и от той, чья романтическая история любви, пожалуй, заслуживала бы не главы, а отдельной книги, не осталось ничего – ни креста, ни обелиска… Лишь память, да еще портреты, с которых она глядит нежно и лукаво – та, которую называли смешным детским именем Таша…

Камилла Клодель и Огюст Роден

Его жизнь была неотделима от искусства. Будучи еще ребенком, Огюст Роден не проявлял интереса ни к чему, кроме рисования и скульптуры. Также, став взрослым и пройдя тернистый путь от скульптора-новатора до признанного мэтра и основателя направления современной скульптуры, он не интересовался практически ничем, кроме бесконечного, изматывающего труда. Женщины в его жизни, разумеется, были, но ладить с этим сложным человеком им было непросто. Тем более непросто было любить его…

Огюст Роден

Огюст Роден родился в 1840 году в семье мелкого чиновника. Как уже говорилось выше, угрюмого рыжего крепыша не интересовало ничего, кроме рисования. Отчаявшись добиться от отпрыска других успехов, отец дал разрешение на поступление в художественный лицей. В конце концов, если из парня получится ювелир или декоратор, думал он, это тоже верный кусок хлеба…

Однако Огюст стремился к другому – скульптуре. И не просто классической скульптуре, нет; он стремился делать нечто свое, сугубо индивидуальное, передающее чувства и эмоции. Приглаживать реальность, создавая безликие, похожие друг на

друга бюсты политиков или салонных красавиц – нет, это было не для него!

От Родена шла какая-то первозданная необузданная энергия, и женщины проявляли к нему неподдельный интерес. Но семейные узы также были ему чужды. Сошедшись со швеей Розой Бёре, он не спешил официально оформлять отношения, хотя вскоре Роза родила Огюсту сына. Ребенка она записала на свою фамилию и безропотно сносила все странности того, с кем жила, разделяя с ним кров и постель.

Роза также служила моделью для его ранних работ, часами простаивая на подиуме в неотапливаемой мастерской, которая совсем недавно была конюшней. Ее подруги называли сожителя Розы чудовищем, но простая девушка сердцем чувствовала в Огюсте нечто прежде никогда ею не виданное, что впоследствии искусствоведы назовут гениальностью.

Чтобы достичь хоть какого-то достатка и известности, Роден работал как одержимый по многу часов в сутки. Он нанимался в подмастерья к известным скульпторам Бельгии и Франции, которые не гнушались подписывать своим именем его работы. Подрабатывал и декоратором, брал заказы на оформление домов и фасадную скульптуру.

С Камиллой Клодель они встретятся уже в то время, когда Роден будет признан всеми. Она появилась у него в мастерской – и сразу же поразила мастера своей изысканной красотой. Дивные каштановые волосы, синие глаза, изящество движений… Но эта красотка пришла не заказывать свой портрет и не наниматься в натурщицы – как оказалось, она хотела стать ученицей великого мастера!

Камилла была необычайно талантлива и работала как раз в той манере, которую годами оттачивал сам Роден. Разумеется, он не остался равнодушным к ее красоте, тем более что девушка, которая была вдвое моложе его, влюбилась в угрюмого и нелюдимого скульптора так, что была готова трудиться кем угодно, лишь бы быть рядом с ним.

Поначалу мадемуазель Клодель приходилось убирать мастерскую, работать с глиной – это были занятия тяжелые, грязные и совсем, казалось бы, не женские. Мастер приглядывался к новенькой, но больше всего он хотел потрогать руками ее тело. И не потому, что вдруг страстно возжелал ее, а оттого, что очень плохо видел, с самого детства. Под мешковатым рабочим балахоном Камиллы Роден угадывал совершенные линии тела, и ему хотелось лепить ее так, как он привык – проверяя пропорции не зрением, а больше осязанием.

Камилла Клодель родилась в состоятельной семье. Однако

она с детства была странным ребенком и, в отличие от своей сестры Луизы, интересовалась не ведением домашнего хозяйства, а облаками да причудливыми очертаниями скал на фоне неба родной Шампани.

Она была гениальным скульптором от природы – так же, как и сам Роден. Но пробиться в высший эшелон скульпторов-новаторов женщине в XIX веке было делом нелегким, если не сказать невозможным. Однако мадемуазель Клодель настойчиво шла вперед – в Академии искусств ее работы приводили в восхищение не только соучеников, но и преподавателей. Казалось, семнадцатилетняя Камилла была способна уловить не только выражение лица и пластику тела, но само дыхание жизни и ее трепет!

Разумеется, эти двое, которым, казалось, сама природа предназначила быть вместе, не смогли устоять перед искушением изучить друг друга до самых потаенных уголков тел и душ. Мастерская стала приютом их тайной любви и местом, где зародились новые работы Родена, передававшие квинтэссенцию их страсти: «Поцелуй», «Аврора», «Данаида», «Вечный идол»…

Да, Камилла стала его возлюбленной, но… она хотела быть больше чем любовницей, хотя однажды гордо сказала: «Я не хочу разбивать тебе жизнь…» Роден по-прежнему жил в гражданском браке с Розой, и та по-прежнему терпела его непростой характер и то, что Огюст стал проводить в мастерской чуть не все ночи. Роза смирилась с существованием Камиллы, а Роден… Он принимал жертвы обеих женщин как должное! Скульптор работал на износ, брал множество заказов, чтобы содержать дом, семью, мастерскую, а любовь… Да, он воплощал ее в камне так, что у видевших его работы захватывало дух и на глаза наворачивались слезы – но умел ли так же любить сам мастер? Или его гений был весь, без остатка отдан волшебству оживления холодного камня?

Однажды у Камиллы вырвалось горькое: «Ты ни разу в жизни не сказал мне, что любишь!» – на что ее возлюбленный ответил: «Я леплю тебя. Ты – самое совершенное существо на свете и все, что у меня есть». Однако ей нужно было больше. Ее страсть, ее разум разбивались о его нежелание назвать ее своей законной женой, как о те самые гранитные скалы, которые тысячелетиями противостоят яростному натиску волн…

Десять лет они просуществовали бок о бок в его мастерской. И все эти годы Камилла боролась за него – и не победила. Нервные припадки следовали один за другим. Роден увез любимую отдыхать, но как только они вернулись в Париж, ей снова стало хуже. Камиллу грызло то, что она – никто. Ей уже тридцать, но не прошло ни одной выставки ее работ. Все ее силы

ушли лишь на то, чтобы завладеть шестидесятилетним Роденом, но все было напрасно!

Он чувствовал себя виноватым лишь в том, что ее здоровье расстроилось. Роден делал все, чтобы продвинуть работы самой талантливой своей ученицы: выдвигал их на конкурсы, выставлял рядом со своими, знакомил ее с именитыми сынами богемы – Моне, Ренуаром, братьями Гонкурами… Камилле просто не хватает терпения, решил он, который также выдвинулся не сразу, а лишь спустя десятилетия каторжного труда.

Она возненавидела его так же безгранично, как недавно любила. Когда Огюст, видя, что положение с ее разумом становится критическим, предлагал свою помощь, Камилла впадала в истерику. Она ушла от него, поселилась в маленькой квартирке и поначалу пробовала работать, но безумие уже затягивало ее в свою липкую паутину… Она разбивала начатые работы, и весь пол ее каморки был усеян осколками, когда родные приехали, чтобы определить Камиллу в приют для умалишенных…

Камилла пережила всех: и Розу, на которой Роден все-таки женился за две недели до того, как та умерла, и самого Огюста, пережившего жену меньше чем на год. Однако ее тридцатилетнее затворничество в стенах психиатрической клиники было совершенно безрадостным, лишенным какого-либо творчества. О прежней Камилле напоминали только немногочисленные, но полные страсти и очарования работы, оставшиеся после нее, и – скульптуры того, кто внес такую боль и смятение в ее жизнь…

Любовь Менделеева и Александр Блок

Отношения великого русского поэта Александра Блока, в стихах которого женщина, как правило, являлась существом высшим, поднятой на недосягаемый пьедестал Прекрасной Дамой, с женщинами земными, из плоти и крови, всегда были более чем странными.

Александр Блок

С Любашей Менделеевой Блок был знаком с самого детства: имение его деда Шахматово находилось всего в восьми километрах от имения Дмитрия Менделеева, знаменитого русского химика. Домашний театр, посиделки на веранде под пение самовара, «живые картины», совместное разгадывание ребусов… Все это разом вспомнилось Александру, когда он снова встретил ту, которую не видел долгие годы.

Люба Менделеева играла Офелию в «Гамлете», и Блок был очарован как исполнением, так и самой девушкой, выросшей из пухлощекой молчуньи в статную красавицу. В свои восемнадцать Александр Блок уже пережил острое разочарование первой любви. Ксения Садовская, с которой у него случился захватывающий курортный роман и которая вдохновила его на многочисленные поэтические строки, была скучающей светской львицей. Они встретились на курорте в Южной Германии. Блоку

было шестнадцать, Ксении – тридцать семь. Пылкий мальчик забавлял томящуюся даму, и та, не слишком задумываясь о последствиях, легко пустила его в свою постель.

Мать Блока, с которой он приехал на курорт, устроила пошлый скандал, ворвавшись к «гнусной совратительнице» в номер. Садовская была старше матери Саши на год – и та неистовствовала, грозя распутнице всеми карами небесными и даже каторгой… Садовская выставила мадам Блок за дверь, и та сорвала досаду на сыне: «Куда деться, Сашурочка, возрастная физика, и, может, так оно и лучше, чем публичный дом, где безобразия и болезни?»

В тот же день Блоки уехали домой. Александр не успел попрощаться со своей первой любовью, лишь положил под ее дверь красную розу… Однако они еще не раз свидятся – в Петербурге, где их сладкие тайные свидания будут разбавлять рутину ее скучной семейной жизни.

С появлением в его жизни Любы Менделеевой Блок совершенно остывает к Садовской: он наконец-то нашел свой идеал, чистую, прекрасную девушку, жизнь с которой можно начать с нового листа! Они встречались год, а затем Блок, совершенно уверенный в своих чувствах, сделал Менделеевой предложение. Была сыграна свадьба, и все предрекали паре долгую и счастливую семейную жизнь. Из этого сбылось только первое – их семейная жизнь была действительно долгой. Но счастливой, увы, назвать ее было невозможно…

Разумеется, поэты отчасти существа не от мира сего, но чтобы в первую брачную ночь объяснить трепещущей от любви и страсти невесте, что физической близости между ними быть никак не может, потому что это… помешает их духовному родству?! Люба плакала от стыда и унижения, но она как-никак была его Прекрасной Дамой, Таинственной Девой и Вечной Женой, и, возможно, это на время примирило ее с происходящим.

Блок не мог проделывать со своей женой в постели то, что позволял себе с уличными девками в публичных домах, куда он шел, чтобы выпустить пар и… снова писать о чистоте, женственности и белых одеждах! Однако если он, презирая все плотское, вовсю пользовался услугами доступных женщин, то бедная Люба даже помыслить себе не могла, что их брак, освященный церковью, превратится в такой балаган… Ее созревшее тело также требовало любви земной, настоящей, а не той условной близости, которую предлагал ей муж.

Между тем внимания Любы стало открыто добиваться другое литературное дарование – Андрей Белый. Красавец Белый настойчиво ухаживал за женой Блока, а она, бедняжка, не знала,

что делать со всеми этими свалившимися на нее высокими чувствами: мистикой собственного мужа, который желал видеть ее как Неизреченную, и поклонением Белого, который также хотел от нее пламенного горения и полного слияния душ…

Люба была чудо как хороша: пытаясь совратить собственного мужа, она выписывала наряды из Парижа, пользовалась модными духами, но лучше всего был ее истомленный неразделенной страстью взгляд. Их физическая близость все же состоялась – через два года жене удалось затащить собственного мужа в постель, но… он заявил, что это была ошибка и больше такого не повторится! Правда, время от времени они с Блоком все же бывали близки, но особой радости в этом для бедной Любы не было.

Наконец она решилась принять навязываемые ей правила чужой игры и стать «свободной, как птица», допустив к своему телу других, раз уж мужу оно было совсем без надобности. Гастролируя с театром Мейерхольда по России, Люба честно писала Блоку о каждом новом любовнике, неизменно приписывая в конце: «Люблю тебя одного в целом мире».

Да, она несомненно любила его, иначе давно ушла бы к кому-нибудь из тех, кто восхищался ею и жаждал ее общения, понимания, страсти… Но сердце ее было навек отдано Блоку, как и его странное сердце навек принадлежало ей. На очередных гастролях Люба всерьез увлеклась актером Лавидовским и даже забеременела от него. Возвратившись домой, она рассказала о своей беременности мужу, и тот… обрадовался! «Пусть будет ребенок! Это еще больше сблизит нас, ведь это будет наш общий ребенок!»

Люба плакала от острой любви и жалости к мужу – Блок не мог иметь детей, переболев в юности сифилисом. Однако детей им иметь было не суждено – новорожденный мальчик скончался через восемь дней, повергнув обоих родителей в неизбывную печаль.

Возможно, только обладавшая ангельским терпением Любовь Блок могла вынести все странности и чудачества своего мужа. Когда тот, увлекшись красавицей актрисой Натальей Волоховой, даже стал думать о разводе, Люба сама пошла к Волоховой и… честно рассказала о поэте все. Что дед Блока умер в психиатрической лечебнице, а мать страдает эпилептическими припадками. Что жизнь с поэтом – это тяжелый груз, но… она, Люба, готова переложить этот груз на другие плечи. При условии, что Волохова действительно любит поэта так, что будет играть по его правилам и при этом забудет о собственной жизни.

Волохова, эта «Снежная королева», которой Блок посвятил

цикл стихов, предпочла порвать с поэтом, оставив его жене. Но… Любочке от этого легче не стало. Ее Сашура тут же закрутил новый роман – на этот раз с оперной певицей. Поэту как воздух необходимо было постоянное впрыскивание в кровь сладкого яда влюбленности, а ей – крепкая семья, супружеское счастье, которого с Блоком у нее не было, да и не могло быть…

Началась Первая мировая, и Любовь Блок уехала на фронт санитаркой, разорвав тем самым круг непростых отношений с собственным мужем. Поэт безумно тоскует по жене, и когда она возвращается домой, не отпускает Любу от себя ни на шаг. Александр Блок, который все чаще прикладывался к бутылке дешевого вина и разменивал ее на таких же дешевых шлюх, наконец понял, в чем было его истинное счастье.

До самой смерти Блока они останутся вместе, несмотря ни на его по-прежнему тяжелый характер, ни на горькое разочарование в революции, которую он когда-то приветствовал. Здоровье поэта было подорвано той самой «истиной в вине» и мучительными поисками настоящей правды, которая открылась ему лишь в последние годы жизни: оказывается, счастье было совсем рядом, стоило лишь протянуть руку…

Блок умер вскоре после Октябрьской революции – в 1921 году. Большевики, на которых он согласился работать, взваливали на поэта непомерно большие нагрузки, заставляли бесконечно агитировать, председательствовать, кричать с трибуны… Блок жаловался жене: «Я чувствую, как будто меня выпили…» Блоки жили очень скромно, если не сказать в полной нищете. Смертельно больной поэт просил у новой власти разрешения на выезд за границу, но ему много раз отказывали. Когда же это разрешение наконец было получено, оно уже ничего не могло изменить – Александр Блок умер от болезни сердца.

Любовь Менделеева-Блок пережила мужа на восемнадцать лет и всю оставшуюся жизнь посвятила сохранению его наследия. Умерла она внезапно: открыв дверь двоим приятельницам, пришедшим за ее мемуарами о покойном муже, Люба вдруг сияющим взором уставилась на что-то за их спинами, произнесла: «Са-а-ашенька!» – и упала замертво.

В среде богемы долго ходили слухи о странной болезни Блока, как-то слишком быстро унесшей его в могилу, и о смерти его жены… Все сходились лишь в одном: ему надоело ждать свою Прекрасную Даму на перепутье параллельных миров, и он пришел к ее порогу сам…

Бонни Паркер и Клайд Бэрроу

В этой паре, прославившейся своими криминальными талантами, трудно определить, кто есть красавица, а кто – чудовище. Хотя Бонни Паркер, безусловно, была весьма привлекательна, если не сказать красива, но и она, безусловно, была таким же чудовищем, как и ее возлюбленный Клайд Бэрроу.

Бонни Паркер и Клайд Бэрроу

Бонни родилась в 1910 году в маленьком захолустном техасском городке Роуина. Отцом Бонни был каменщик, мать, как тогда было принято, сидела с детьми дома. Когда малышке исполнилось всего три года, она лишилась отца, и вдова с тремя сиротами перебралась к родственникам в Симент-Сити.

Бойкая девчушка пошла в школу, где у нее сразу же обнаружились таланты. Особенно учителя отмечали прекрасные актерские способности девочки, а также склонность к импровизации и богатую фантазию. Из Бонни, попади она в нужные руки, могла бы получиться незаурядная актриса, журналистка или даже писательница – недаром в средней школе у нее проявятся еще и литературные способности.

Однако среднюю школу Бонни неожиданно для всех бросила. Девушке, которая влюбилась в некоего Роя Торнтона, стала

неинтересна учеба. Ей захотелось настоящей, взрослой жизни – совсем такой, как в кино. Скоропалительно выйдя замуж за своего избранника, она не сразу поняла, что романтика на экране и семейные будни имеют между собой так же мало общего, как Млечный путь в небе и молоко в бутылке, оставляемой разносчиком под дверью…

Совсем скоро любовь начала испаряться, а вместе с ней постоянно исчезал и сам глава семейства Торнтонов. Жена могла неделями не видеть Роя, ради которого бросила учебу. О жизни домохозяйки, обеспечиваемой мужем, также можно было забыть – если бы ее не взяли официанткой в кафе, Бонни рисковала умереть с голоду. Однако скоро такая возможность ей представилась: началась Великая депрессия, кафе закрылось, и ее вышвырнули на улицу, к миллионам таких же точно безработных.

Клайд Бэрроу также родился в Техасе, где любовь к оружию мальчишки испытывают с пеленок. Но Клайду не посчастливилось родиться в семье сколько-нибудь зажиточных родителей, которые учат своих детей стрелять ради удовольствия. Клайди оказался лишь одним из семерых отпрысков фермера, перебивавшегося с хлеба на квас и мечтавшего о лучшей доле. До тринадцати лет Клайд тянул тяжелую фермерскую лямку да играл с деревянными револьверами – на настоящие в семье Бэрроу никогда не было денег…

Подростка, частенько шатавшегося без дела по округе, привлекали роскошные автомобили. Но фермерской семье, которая вскоре разорилась, лакированное чудо было не по карману. Все могло повернуться иначе после того, как в 1922-м семья в поисках лучшей доли переехала в Западный Даллас: отец стал работать на бензоколонке, а самого Клайда отправили учиться в школу, где он мог бы получить образование, если бы захотел. Но в том-то и дело – вслушайтесь в эти слова: «Если бы захотел»! Клайд Бэрроу категорически не желал учиться, полагая, что все необходимое для роскошной жизни он добудет и так, без слюнтяйских штучек, которые называются учебниками и тетрадками.

Как и Бонни, Клайд бросил школу в шестнадцать лет. Между этими молодыми людьми, которых вскоре сведет судьба, было много общего: оба любили роскошно жить, красиво одеваться и оба считали, что в этой стране они достойны лучшей доли…

Нужно все же отдать ему должное: Клайд Бэрроу пытался прилежно трудиться, однако из-за своей авантюрной жилки нигде не задерживался подолгу. Говоря простым языком, хозяева обычно давали ему пинка под зад. Уже в 1926-м полиция заподозрила мистера Бэрроу в краже автомобиля, но стражи

порядка так ничего и не смогли доказать. Между тем, попробовав вкус легкой наживы, Клайд вместе с младшим братом пополнили ряды банды, специализировавшейся на «раздевании» автомобилей. Клайд, участвовавший в налетах, исправно получает свою долю, но ему уже хочется большего.

В 1928-м Клайд Бэрроу предпринимает первую самостоятельную вылазку: со сломанным, можно сказать, игрушечным пистолетом он вламывается в игровой зал, разоружает охранников и забирает всю выручку! Легкость, с которой все прошло, опьяняет его. Сразу за ограблением он пытается провернуть кражу со взломом, но фортуна оказывается девицей весьма переборчивой и молодой криминальный талант едва не попадает в лапы копам.

Роковая встреча двоих, чьи имена с этого момента будут связаны в истории навсегда, произошла в 1929-м. Рыжеволосая бестия с гибкой фигуркой поразила воображение налетчика. Клайд также понравился Бонни с первого взгляда. Отныне и до самой смерти эта пара уже не расстанется. Бонни даже не смущает то, как Клайд добывает средства к существованию; и именно она помогает ему бежать из тюрьмы, когда его наконец арестовывают за вооруженный грабеж. Не внушающая никому подозрений милая девушка проносит на свидание оружие, и – прощайте, стены тюрьмы!

Однако свободой Клайд Бэрроу наслаждался недолго: через неделю его поймали – в этот раз он получил уже четырнадцать лет. Клайд негодует: приговор правосудия кажется ему чрезмерным. В знак протеста он отрубает себе два пальца… на ноге, потому как уродовать руки ему совсем не улыбается! Акция не имеет успеха, и тогда он избирает другую тактику: превращается в образцового заключенного и таким образом получает условно-досрочное уже меньше чем через три года.

Свобода встречает его неласково: мелкие грабежи и кражи не приносят ничего существенного, и Бонни, которая дождалась любимого, негодует. Она хочет больше, намного больше! И она знает, как добиться этого! Именно Бонни знакомит Клайда со своим прежним любовником, Реймондом Гамильтоном. В апреле 1927-го новые подельники идут на грабеж музыкального магазина. Продавец, которому, казалось бы, не должно быть никакого дела до хозяйских денег, оказывает сопротивление, не соглашаясь открыть кассу, и получает пулю в лоб.

Это убийство, цена которого – всего сорок долларов, найденные им в кассе, становится первым на счету Клайда Бэрроу. Однако теперь он чувствует себя гораздо свободнее, чем даже в тот день, когда вышел из тюрьмы. Потому что за убийство

полагается смертная казнь, а значит, бояться ему уже нечего! Все барьеры пали, в том числе и нравственные. Через пять месяцев, когда Клайд и Реймонд будут пить виски и танцевать в Оклахоме, местный шериф с помощником потребуют от них убрать со стола бутылку, поскольку в стране действует так называемый «сухой закон» – запрет на продажу и распитие спиртных напитков. Блюстители порядка требовали соблюдения приличий, но получили по пуле. Шериф был ранен, помощник скончался на месте.

Разгневанная Бонни заявила, что они тратят время и патроны впустую и пора наконец заняться настоящим делом! И начались настоящие дела: угоны автомобилей, ограбления банков, магазинов и бензоколонок. Однако «работать» втроем им было суждено недолго: вскоре Гамильтона схватили и осудили на двести шестьдесят четыре года тюрьмы! Это было больше, чем они могли прожить все вместе, но Бонни и Клайда это не отрезвило. Более того, именно после того, как Реймонд покинул их банду, Бонни научилась стрелять. И не просто палить куда попало для пущего эффекта – нет, эта рыжеволосая фурия проявила настоящую страсть к оружию. И вскоре машина, на которой разъезжала парочка, превратилась в настоящий оружейный арсенал.

Они всегда возили с собой несколько ружей, автоматов и винтовок, до дюжины револьверов и пистолетов, а количество патронов исчислялось тысячами! Бонни научилась мгновенно выхватывать винтовку из кармана, пришитого под одеждой вдоль ноги, а вскоре парочка выработала и собственный, «фирменный» стиль убийств. В 1933-м к криминальной паре вместо Реймонда Гамильтона присоединились вышедший из тюрьмы младший брат Клайда, Бак Бэрроу, и юный Уильям Джоунс, и преступления банды вышли на новый уровень.

Обычно Бонни сидела в машине с работающим двигателем, а мужчины врывались в банк с громкими криками: «Это ограбление!» Быстро распространившиеся по стране слухи о неуловимой жестокой шайке, которая всегда успевала скрыться с места происшествия раньше, чем туда прибывала полиция, действовали безотказно: Клайду и Баку даже не приходилось доставать оружие – деньги и ценности отдавали мгновенно.

Полиция много раз пыталась поймать дерзких грабителей, но те меняли машины на все более мощные, а догнать их на стареньких авто, принадлежавших полиции, нечего было и думать. Кроме того, банду сопровождала просто невероятная, мистическая везучесть, позволявшая им выходить сухими из воды в любых, казалось бы, самых безнадежных ситуациях. И хотя

позже в перестрелке Бак все же был убит, а Джоунс, не выдержав нечеловеческого напряжения вечных погонь и перестрелок, сдался властям, Бонни и Клайд долгое время оставались невредимыми, словно были заговорены от пуль.

Уверовав в свою неуязвимость, банда совершает беспрецедентный налет на тюремную ферму, куда возят на работу Реймонда Гамильтона, и… освобождает его! Вместе с ним на свободу вырываются еще несколько заключенных, и один из них – стеснительный крестьянский паренек по имени Генри Метвин – вместе с Гамильтоном пополняет поредевшие ряды банды. Однако вскоре Гамильтона, который, разругавшись с подельниками из-за дележки награбленного, вышел из их рядов, задержали в Техасе. Подельник Бонни и Клайда, справедливо опасаясь смертной казни, подробно описал все преступления банды.

Узнав о предательстве Гамильтона, Клайд отослал в полицию издевательское письмо и… подтвердил все сказанное сообщником! Бонни также оказывается чувствительной к газетной славе – периодически она отправляет в печатные издания стихи собственного сочинения и фотографии, которые они с Клайдом обожали снимать.

Терпение ли полицейских лопнуло или же удача наконец отвернулась от циничных бандитов, но в мае 1934-го шериф Фрэнк Хеймер устроил засаду на проселочной дороге. В качестве приманки он подставил на пути банды фургон старого Метвина, отца Генри, пообещав тому снисхождение при суде над сыном.

Случилось то, что давно уже должно было произойти: бандиты были расстреляны из засады шестью полицейскими. Машину прошили сто шестьдесят семь пуль, из которых пятьдесят попали в живые мишени. Бонни и Клайд умерли на месте. Однако их недолгая «любовь» и полная кошмарных преступлений совместная жизнь и сегодня служат пищей для многочисленных газетных статей, сценариев и фильмов.

Иосиф Сталин и Надежда Аллилуева

Историки до сих пор не могут прийти к однозначному выводу: покончила ли Надежда Аллилуева, жена тирана и «вождя всех народов» Иосифа Сталина, жизнь самоубийством или же муж все-таки сам отдал приказ о ее устранении? Тот, кто не дрогнув отправлял на расстрел и в лагеря тысячи невинно осужденных жертв, вполне мог точно так же, без особых нравственных мучений, распорядиться избавить себя от той, кто любила его больше жизни. Да и была ли душа у этого страшного человека или же он отдал ее самому дьяволу – за безграничную власть над народом, над далекими и очень близкими?

Иосиф Сталин и Надежда Аллилуева

Надежда была младше мужа на двадцать два года, красива и умна, но всегда вела себя так, как будто это он ее осчастливил, снизойдя до брака с дочерью своего старого друга. Их роман начался в том самом революционном 1917-м, когда Иосиф Джугашвили, партийная кличка которого была Коба, но который предпочитал другое имя – Сталин, вернулся в Петроград из ссылки.

Джугашвили был уже немолод и не слишком хорош собой: лицо его носило следы оспы, а одна рука не разгибалась и была несколько короче другой. Кроме того, определившийся к отцу Надежды на постой революционер был вдов: его жена, Екатерина Сванидзе, умерла от тифа. Но он, похоже, не слишком горевал о своей потере, разговоры велись о мировой революции, победе

пролетариата – и ни слова ни о жене, ни о том, что у Иосифа, оказывается, есть ребенок, Яков, который был только немногим младше дочери хозяина.

Надежде Аллилуевой, юной и впечатлительной, было в ту пору всего шестнадцать лет. С ее отцом, Сергеем Аллилуевым, Джугашвили был знаком давно. В семье рассказывали о том, что однажды он даже спас от смерти маленькую Наденьку, которая неожиданно упала в море. Не растерявшийся Иосиф мигом выхватил двухлетнюю малышку из воды, не подозревая о том, что спасает свою будущую жену и мать двоих детей…

У девочки, влюбленно смотрящей на него, были густые каштановые косы и кроткие карие глаза. Она была так молода, так неопытна, что у Иосифа, привыкшего все просчитывать наперед, просто дух захватило: из этой малышки он сможет сделать то, что сам захочет! Она не станет спорить и с пеной у рта доказывать, в каких вопросах он не прав, как некоторые его революционные товарищи, а станет лишь боготворить его и преклоняться перед ним!

Мать Надежды была категорически против скоропалительного брака. Иосифа эта мудрая женщина видела насквозь: и его умение манипулировать людьми, и самовлюбленность, и резко негативное отношение к критике… Однако дочь не стала прислушиваться к мнению матери, да и кто в этом возрасте считает суждение родителей верным? Надежда бросила все и вместе с любимым Иосифом переехала в Москву. Через пять месяцев они оформили брак официально – и пошли по жизни плечом к плечу. Вместо свадебного путешествия они вместе сражаются под Царицыном, защищая город от белых. Ее любимый набивает тюрьмы врагами революции. Офицеров, дворян сажают на баржу, заполняя трюмы до отказа, а затем просто топят в Волге, написав в документах, что судно затонуло по недосмотру…

Однако Надя все еще уверена, что рядом с ней человек поистине замечательный, настоящий вождь и прирожденный лидер. Сталин постепенно уничтожает конкурентов, убирает с дороги любого, кто кажется ему мало-мальски опасным: кого оговором, кого хитростью, часто разыгрывая на доске жизни просто блестящие партии, ставя противникам шах и мат и совершенно не считаясь с тем, что играет судьбами живых людей.

Лишь один человек мог составить конкуренцию Сталину – сам Ленин. Но его жена Надежда работала секретарем Ленина и была его доверенным лицом. Так что все шаги вождя революции хитрый Коба знал наперед. Надя вступила в партию и по-прежнему всецело находилась под его влиянием. Несмотря на то

что она была привлекательной женщиной, а он, как один из лидеров правящей партии, мог позволить себе многое, Сталин держал жену «в черном теле». Ее вещи, хранившиеся в семье вплоть до 50-х годов, были изношены, покрыты заплатками – и это при том, что у самого Сталина гардероб был куда богаче, чем у его жены и матери его двоих детей – Василия и Светланы.

Надежда была человеком сдержанным, многое таила в себе, в том числе и обиды на мужа. Сталин же был любителем шумных застолий, продолжавшихся всю ночь напролет и заканчивающихся только к утру. Он справедливо считал, что у пьяных легче развязывается язык и можно услышать то, из чего впоследствии легко сделать выводы: одних убрать, других возвысить, расчищая при этом место лишь одному человеку – себе самому.

Когда Ленин написал известное «Письмо к съезду», в котором резко критиковал ее мужа, Надежда неожиданно сказала, что полностью согласна с Ильичом! Для Сталина это было пощечиной – он был уверен, что жена поддержит его всегда и во всем. Вскоре после разгромного «Письма», где вождь предостерегает правящую верхушку, открыто говоря о недостатках их лидера – Генерального секретаря Иосифа Сталина, Ленину резко становится хуже. «Народный вождь» умирает, и многие также видят в этом руку всесильного Кобы, у которого везде были доверенные лица.

Отныне Сталин – первое лицо в государстве, но какое это лицо! Хитрое, злобное, подозрительное… Как сказал Ленин, он «сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью». Но Коба и не думал осторожничать – напротив, теперь он упивался своей властью, и единственной, кто пробовал бунтовать против него, была его собственная жена!

В 1926-м терпение Надежды лопнуло. Она забрала детей и уехала к отцу в Ленинград с намерением никогда больше не возвращаться к мужу. Однако вскоре она вернулась, потому что слишком хорошо знала, на какие рычаги способен надавить этот человек, и опасалась за жизнь самых близких… Надежда поступила в Промакадемию, начала изучать химию. Муж отговаривал ее, но она упрямо желала учиться, втайне надеясь овладеть профессией, которая прокормит и ее, и детей. Она твердо решила расстаться с мужем, потому что жить с ним рядом с каждым днем становилось все невыносимее.

Когда на банкете по случаю очередной годовщины революции она не захотела пить, Сталин грубо крикнул жене «Эй, ты, пей!» – «Я тебе не эй!» В ответ на это он швырнул ей в лицо апельсиновые

корки… По дороге домой она глотала слезы. Больше живой ее никто не видел. Как всегда, застолье затянулось до утра, а утром Надежду нашли с пистолетом в руке, лежащую в луже крови.

Люди, знавшие Надю Аллилуеву, не могли поверить, что эта тихая скромная женщина покончила с собой. А в партийных кругах ходили слухи, что Коба убрал жену, которая осмелилась критиковать линию партии, приведшую страну к ужасному голоду, и саму партийную верхушку, пировавшую сутками напролет в то время, когда люди в Поволжье и Украине умирали десятками тысяч.

На похороны своей жены Сталин не пошел. Одни говорят, что и ее могилу он не посещал, а другие – что он приходил часто и сидел у памятника из белого мрамора в мрачных раздумьях. Возможно, хотел попросить прощения за все то зло, что он причинил ей. Кто знает…

Адольф Гитлер и Ева Браун

Адольф Гитлер поистине был чудовищем: на счету этого человека миллионы загубленных жизней, преступления, которым нет оправдания, массовые убийства стариков и детей и уничтожение целых наций… Тем не менее одна женщина любила его искренне и самозабвенно, несмотря ни на что. И имя этой женщины – Ева Браун.

Адольф Гитлер и Ева Браун

Ева Анна Паула Браун родилась в 1912 году в простой семье школьного учителя и портнихи. Девочка росла красивой и смышленой и с успехом окончила школу. В общежитии института, где Ева изучала машинопись, языки и бухгалтерское дело, ее любили за веселый и уживчивый характер. В семнадцать лет она нашла себе работу в фотоателье Гофмана, и вскоре фотография стала ее любимым занятием. Ева снимала сама и с удовольствием позировала перед объективом, мечтая о карьере модели и актрисы.

С Адольфом Гитлером она познакомилась все в той же фотостудии. Ее новому поклоннику было сорок. Их разделяла пропасть в двадцать три года и тогдашняя любовница Гитлера – Гели Раубаль. Тем не менее они стали встречаться. Тот, кто вскоре станет всесильным фюрером Германии, водил девушку в

кино, недорогие рестораны, покупал ей мороженое… Ева влюбилась в Адольфа сразу – безоговорочно и навсегда.

Ее родители были против их связи, несмотря на то что Гитлер был восходящей звездой политики и лидером партии национал-социалистов. Ева же твердо стояла на своем: она выйдет только за Адольфа или же умрет! Экзальтированная девица, засушившая первые подаренные ухажером с дурацкими усиками (по определению самой Евы!) цветы – желтые орхидеи, действительно пыталась покончить с собой. Выбирал ли Гитлер подсознательно в спутницы жизни женщин, склонных к суициду, или же это было совпадением, но его сожительница Гели Раубаль также покончила с собой. И освободившееся место сразу же заняла фройляйн Браун.

После того как на третьем году знакомства их отношения от платонических доросли до сексуальных, Ева наивно решила, что теперь Адольф просто обязан предложить ей руку и сердце. Однако любовник высокопарно заявил, что уже… женат на Германии! Дома также не все был гладко: родители Евы, ревностные католики, были в ужасе оттого, что она позволила себе внебрачную связь. Отец называл дочь шлюхой, мать сетовала, что она зря тратит свою молодость на того, кто годится ей в отцы и в грош не ставит ее доброе имя!

Ее возлюбленный Адольф действительно мог пропадать месяцами, а потом являться как ни в чем не бывало. Ева дважды пыталась покончить с собой – в 1932-м выстрелила в шею, но промахнулась и отделалась испугом и истерикой, а в 1935-м наглоталась таблеток – и от смерти ее спасла родная сестра Ильза, вызвавшая врача.

Между тем карьера Гитлера резко шла в гору, и в том же 1935-м он покупает для любовницы дом, а затем забирает Еву из фотоателье, но не для того, чтобы жениться, а чтобы дать девушке место своего личного секретаря. С этого места Ева прекрасно видит бурную личную жизнь того, по ком она буквально сохла: у Гитлера постоянно возникали как платонические, так и вполне реальные романы. Его пассиями были актрисы Ольга Чехова, Рената Мюллер и Марика Рёкк, режиссер Лени Рифеншталь, светские львицы и такие же рьяные фанатки фюрера, как и сама Ева…

Адольф Гитлер не помышлял о женитьбе ни на Еве, ни на ком-нибудь еще. Он был твердо убежден в том, что он, как великий человек, может просто заводить связи для удовлетворения своих сексуальных потребностей. Более того, он считал, что девушки не вправе претендовать на его личность ни в коем разе и должны быть счастливы только оттого, что находятся

рядом!

Гитлер, несомненно, обладал талантом оратора и мощным энергетическим воздействием – его выступления больше походили на сеансы массового гипноза и сопровождались обмороками чувствительных дам. Он становится первым лицом в государстве и перевозит Еву в свое баварское поместье. Теперь у фройляйн Браун есть все: прислуга, наряды, которые она заказывала в лучших магазинах Франции и Италии, шикарная машина, яхта, даже собачки, о которых она так мечтала… У нее есть все, кроме одного – заветной бумажки о венчании в комоде. Ева числится управляющей поместьем, а на самом деле она просто любовница, и это и есть та самая ложка дегтя в бочке ее сладкой жизни.

Ева была не слишком умна – ее интересы никогда не простирались дальше пополнения гардероба или любительской видеосъемки. Однако именно такая женщина рядом и была нужна Адольфу Гитлеру, не терпевшему никакого лидерства, кроме своего собственного. Кроме того, принимая высоких гостей в своей резиденции Бергхоф, любовник запрещал Еве показываться им на глаза. Стеснялся ли он ее бьющей в глаза простоватости или того, что любая политика, как внутренняя, так и внешняя, интересовали фройляйн Браун не больше, чем прошлогодний снег?

Вторая мировая война вначале казалась победным маршем: немецкие войска занимали город за городом и страну за страной. Однако на России они споткнулись, и исход войны уже не был таким предсказуемым и счастливым для Германии, как ее начало. Зимой 1945-го, когда поражение Германии уже не вызывало сомнений ни у кого, кроме, пожалуй, самого Гитлера, Ева переехала в Берлин, в подземный бункер – последнее пристанище любовников. Фюрер до последнего намекал на какое-то секретное оружие и употреблял все больше наркотиков для поддержания в себе прежней силы духа – или чтобы не думать о последствиях своей политики истребления целых народов: славян, евреев и цыган?

Она все-таки добилась своего и стала фрау Гитлер – за сутки до их двойного самоубийства они с Адольфом обвенчались. Это произошло 29 апреля 1945 года, а 30 апреля Ева и ее новоиспеченный муж приняли цианистый калий. Их тела были вынесены во двор рейхсканцелярии, облиты бензином и подожжены по приказу самого Гитлера. Занявшими Берлин советскими войсками были обнаружены тела нескольких двойников Гитлера – так, даже после своей смерти этот человек-чудовище продолжал убивать…

Фрида Кало и Диего Ривера

Эти двое любили друг друга так, что их любовь скорее напоминала борьбу. Но согласитесь, что любовь без борьбы – это все равно что борьба, не имеющая никакой цели!

Фрида Кало и Диего Ривера

Великая мексиканская художница, гордость и символ своей страны, Магдалена Кармен Фрида Кало Кальдерон родилась в 1907 году. У девочки было слабое здоровье: в шесть лет она переболела полиомиелитом – болезнью, после которой выжившие почти никогда не ведут полноценный образ жизни. Но она, которая отличалась необыкновенной жаждой жизни и оптимизмом, выкарабкалась. Одна нога у нее была короче и тоньше другой, но Фрида не сдавалась: занималась спортом, закаляла тело и прежде всего – дух.

Однако над ней как будто тяготел злой рок – в семнадцать она попала в страшную аварию: автобус, в котором она ехала, столкнулся с трамваем. Тройной перелом таза, тройной перелом позвоночника, одиннадцать переломов костей, раздробленная стопа и вдобавок – железный прут, который прошил ее живот, на всю жизнь лишив возможности иметь детей! Никто не думал, что она выживет, в том числе сами врачи. Она перенесла тридцать две операции и провела в гипсе и инвалидной коляске не месяцы, а годы, прежде чем снова встала на ноги.

Именно будучи прикованной к больничной койке, она начала серьезно заниматься живописью. Это было неимоверно трудно, но для Фриды сконструировали специальный подрамник, чтобы девушка, цеплявшаяся за жизнь, могла хоть чем-то заниматься. Она пишет в основном автопортреты – для этого над ее кроватью прикрепили зеркало. В течение года она пишет саму себя, закованную в ортопедический корсет. Но, хотя тело ее скованно и непослушно, душа свободна. И сама Фрида верит, что встанет на ноги и будет знаменита и счастлива.

Через несколько лет судьба свела ту, кто больше всего на свете хотела жить и рисовала бабочек и цветы на своем гипсе, с прославленным Диего Риверой – символом свободной Мексики и основателем школы монументальной живописи. Да и сам Ривера по прозвищу Слон был весьма монументален: он возвышался над Фридой, как скала над воробьем, и не спешил отдавать ей рисунки обратно. И автопортреты, и эта дерзкая девчонка настолько его впечатлили, что он внимательнее вгляделся в ее упрямо сжатый рот и так же упрямо сжатые кулачки. А она в это время сказала себе: «Он будет моим. Я выйду за него замуж и рожу сына!»

Диего был старше Фриды на двадцать лет, безобразно толст и некрасив. Волосы у него росли какими-то неопрятными клочьями, глазки были маленькими и скрывались в огромных набрякших веках. Диего трезво оценивал свою внешность, более того, он любил ее высмеивать. Чаще всего он изображал себя в виде карикатурной жабы с чьим-то сердцем в бородавчатых лапах.

Однако, несмотря на внешнюю неприглядность, художник обладал такой мощной энергетикой, что женщины буквально вешались ему на шею. Казалось, у Кало нет шансов попасть в ряды тех красавиц, которые могли пленить избалованного вниманием и доступностью женщин всех сословий Риверы. Но он сам обратил внимание на Фриду: ему нравились ее остроумие, независимость и жизнелюбие, а также та страстность, которая прочитывалась в ее рисунках. Кроме того, ему очень хотелось узнать: почему эта девочка не улыбается ни на одном из своих портретов?

Она добилась своего – они с Риверой поженились. Однако в личной жизни самого Диего от этого почти ничего не изменилось. Он, так же как и раньше, продолжал волочиться за женщинами, гулять до самого утра и… оставался самым любимым и дорогим ей человеком, хотя от острой боли и ревности Фрида все чаще прикладывалась к рюмке. В дневнике, который вела почти всю жизнь, она записала: «Я хотела утопить свои печали, но эти ублюдки научились плавать…»

На людях она была неизменно весела, а то, что творилось у нее в душе, выливалось в гениальные полотна, полные намеков и символов. «Фрида в операционной», «Несколько маленьких уколов», «Сломанная колонна», «Две Фриды»… Она пыталась быть для него тем, чем он сам был для нее – то есть всем миром. Фрида пишет о муже: «Диего – начало, Диего – мой ребенок, Диего – мой друг, Диего – художник, Диего – мой отец, Диего – мой возлюбленный, Диего – мой супруг, Диего – моя мать, Диего – я сама, Диего – это все».

Однако самому Диего, казалось, было нужно лишь получать новые ощущения и удовольствия. Его ответ Фриде и всему миру был таков: «Чем сильнее я люблю женщин, тем сильнее я хочу заставить их страдать». Художница отчаянно хотела забеременеть, но ее попытка родить закончилась тремя выкидышами и приговором врачей, что матерью она не станет никогда. Последней каплей в их первом браке стало то, что муж совратил ее младшую сестру, Кристину. Этого Фрида уже не стерпела. Они с Диего развелись.

Несмотря на развод, их все равно притягивало друг к другу, словно магнитом. Они попробовали друг друга на вкус и уже не могли жить иначе. Фрида и Диего снова поженились. Но теперь она уже знала цену семейной жизни, и если Диего было позволено все, то почему она сама должна была себя хоть в чем-то ограничивать? Фрида пила, курила, материлась и заводила романы на стороне, в том числе и лесбийские. Ей хотелось изведать все, пока жизнь снова не приковала ее к больничной койке. Авария не прошла бесследно: ее постоянно мучили боли, а организм так до конца и не восстановился.

Фрида была умна, красива сногсшибательной экзотической красотой, невероятно талантлива, и поэтому неудивительно, что от нее потерял голову один из лидеров большевиков, Лев Троцкий, которого занес в Мексику ветер гонений. Троцкий открыто начал ухаживать за Фридой, и она отвечала ему взаимностью. Диего, наверное, впервые в жизни начал ревновать. Ревность была столь острой и всепоглощающей, что порой он чувствовал: может не сдержаться и убить соперника…

Между тем здоровье Фриды, подорванное тремя неудачными беременностями, неуклонно ухудшалось. Она месяцами ходила затянутая в ортопедический корсет. Хрупкая женщина превозмогала боли, которые не смог бы вытерпеть и крепкий мужчина. В 1950-м Диего был вынужден положить жену в больницу. Там она провела год, и на ее первую персональную выставку Фриду привезли на больничной кровати, украшенной цветами!

Снова в корсете, снова мучительные боли и семь операций подряд… Однако ее Диего рядом: чтобы подбодрить жену, он поет и танцует у ее койки, хотя в глазах у него стоят слезы… У Фриды началась гангрена, ей ампутировали правую ногу. Диего постоянно был рядом, а когда он ненадолго отлучался, то посидеть с ней приходили другие. Муж просил, чтобы Фриду ни на минуту не оставляли одну, и такой преданности того, кого многие до сих пор считали «чудовищем во плоти», не ожидали и самые близкие люди, да и сама Фрида, честно говоря, тоже.

За восемь дней до смерти она написала натюрморт с искрящимися солнечной плотью арбузами, названный ею «Да здравствует жизнь!». Внизу она приписала: «Я весело жду ухода и надеюсь никогда не возвращаться…»

Она ушла навсегда 13 июля 1954 года. Из сорока семи прожитых ею лет только первые шесть она прожила без боли. Ривера тяжело перенес смерть жены. Он пил, но алкоголь не приносил облегчения. Однако Фрида заботилась о муже и после смерти: зная, что Диего не может жить без женской поддержки, незадолго до своей кончины она попросила агента и помощницу в делах Риверы Эмму Уртадо после ее смерти выйти за Диего замуж. Это была необычная просьба, но все вышло так, как того хотела Фрида. Через год Эмма действительно вышла замуж за Риверу и скрасила последние годы его жизни. У Диего развился рак, и в 1957-м его не стало.

Последним желанием умирающего Диего Риверы было то, чтобы его прах смешали с прахом той, кого он любил больше жизни – его обожаемой Фридой Кало…

Мария Каллас и Аристотель Онассис

Он разбил ей сердце, а сам спокойно и счастливо продолжал жить дальше. Его не мучила совесть, когда она умирала в полном одиночестве. Он – это греческий миллиардер Аристотель Онассис, а она – величайшая оперная певица Мария Анна София Сесилия Калогеропулу, взявшая себе сценический псевдоним Мария Каллас.

Мария Каллас

Та, которую за небывалый диапазон и чарующий бархатный тембр называли Дивой и говорили, что у нее «четыре голоса в одном горле», родилась в 1923 году в Нью-Йорке, в семье греческих эмигрантов. Уже в три года маленькая Мария обнаружила склонность к классической музыке, а в пять стала брать уроки игры на фортепиано. Однако уже тогда было ясно, что девочка обладает потрясающими певческими данными, и вскоре к ее музыкальным урокам добавляется еще и вокал.

Начало ее карьеры совпало со Второй мировой войной, и напряжение, царившее в мире, наложилось на ее собственные неудачи. Каллас отказалась петь в Метрополитен-опера, потому что ее излишний вес – а Мария тогда весила около ста килограммов – не согласовывался с тем образом Чио-Чио-Сан,

который она сама себе нарисовала. Однако к 1940 году впечатлительная певица берет себя в руки и дебютирует уже по-настоящему. Ей покоряются самые знаменитые оперные сцены. Каллас поет невероятно сложные вокальные партии. В ее репертуаре «Аида» Верди, «Норма» Беллини, партии Брунгильды в «Валькирии» Вагнера и одновременно Эльвиры в «Пуританах» Беллини – партии, совершенно несовместимые для голоса одной певицы!

Каллас с триумфом гастролирует по миру, и ей аплодируют в миланском «Ла Скала» – высшей награды для певицы сложно и вообразить. Более того, пресса называет Марию «королевой итальянских примадонн»! А в 1954-м она снова шокирует публику – выходит на сцену преобразившейся. Певица похудела почти на сорок килограммов! Ее новый облик способствует очередной волне успеха. Мария счастлива и в личной жизни. В 1949 году в Вероне, городе Ромео и Джульетты, она встретила того, с кем, казалось бы, навсегда связала свою дальнейшую жизнь – Джованни Менегини.

Муж Марии был страстным любителем оперы и довольно богатым человеком. Однако для Марии он жертвует всем: продает свой бизнес и полностью посвящает себя таланту жены. Он продюсирует новые постановки, сносит перепады настроения капризной примы, выполняет любые ее прихоти, но… Сердцу Каллас не прикажешь: в 1957-м она встречает того, с кем навеки будет связано ее имя – греческого миллиардера Аристотеля Онассиса.

Аристотель Онассис не привык ни в чем себе отказывать. Увидев Марию в первый раз, он сказал себе: «Эта женщина будет моей!» Мария с мужем получили приглашение на самую роскошную яхту того времени – «Кристину», принадлежавшую греческому олигарху. Аристотель танцевал с Марией весь вечер, не отходил от нее ни на шаг, а потом она и миллиардер куда-то исчезли… Поначалу Джованни не беспокоился: у жены бывали приступы меланхолии, и он, будучи намного старше Марии, относился к ее причудам по-отечески снисходительно. Возможно, сейчас она уединилась в каком-нибудь уголке и просто смотрит на яркие греческие звезды…

Однако среди ночи в их с Марией каюту постучали. Джованни вскочил – жены рядом не было. Он распахнул дверь: на пороге стояла заплаканная Тина – супруга Аристотеля. «Твоя жена в объятиях моего мужа!» – выкрикнула женщина. Менегини бросился ее утешать, но все было напрасно. «Я знаю, это чудовище никогда не отдает то, что заполучил… И ты тоже никогда больше не получишь свою Марию!»

Слова Тины Онассис оказались пророческими. Мария больше не вернулась к мужу. Тина также покинула яхту. Хотя муж и пытался уговорить ее не поднимать скандал, гордая гречанка забрала детей и подала на развод. Каллас также потребовала развода – и хотя Менегини уговаривал жену не торопиться, надеясь, что она одумается и вернется к нему, она все же настояла на своем.

Джованни Менегини, несомненно, знал жизнь лучше своей неразумной жены: для Онассиса Мария была не более чем очередной дорогой игрушкой. Он поначалу всячески баловал любовницу, дарил ей баснословно дорогие меха и драгоценности, но она быстро наскучила ему. Богатый грек ничего не понимал в опере и мог уснуть прямо на премьере. Кроме того, он не привык, чтобы ему перечили даже в мелочах. Мария могла прилюдно получить от любовника оплеуху. Онассис частенько бывал не в духе и оскорблял свою спутницу, и в такие минуты «толстая дура» было самым мягким эпитетом из тех, что он бросал Марии в лицо.

Аристотель и Мария постоянно ссорились – сегодня он мог пообещать ей подарить обручальное кольцо, но завтра рассмеяться: «Свадьба? Дорогая, ты ослышалась! Я не говорил ни о какой свадьбе!» Мария понимала, что их отношения исчерпали себя, но продолжала любить. Любить до самозабвения, до полного уничтожения своей собственной личности… Кроме того, постоянное напряжение, в котором находилась Каллас, не могло не сказаться: у певицы стал пропадать ее потрясающий голос. Впервые это случилось в Америке, и падкие до сенсаций газетчики не замедлили раструбить новость по всему миру.

Она ушла со сцены прямо посреди представления, хотя в ее любимом римском оперном зале сидели сам президент Италии с супругой. Однако у Марии так перехватило горло, что она не могла издать ни звука. После постыдного провала она стала бояться потерять голос навсегда – и ее страхи этому способствовали. Последней каплей стал провал в «Ла Скала» в 1961 году. Когда она вся в слезах вошла в гримерку, там оказался взбешенный Онассис. «Ты просто ничтожество!» – презрительно бросил он, как выплюнул…

Когда она поняла, что беременна, то была на седьмом небе от счастья, «Ребенок мне не нужен!» – заявил Аристотель. Более того, если она его оставит, он тут же бросит ее, – шантажировал Марию любовник. Она сделала аборт, но срок был уже большой, операция прошла неудачно. Она с трудом поправлялась, проливая горькие слезы и проклиная себя за то, что послушалась…

Окончательный разрыв произошел там же, где и начался их

роман, – на борту «Кристины». Они ссорились так, что даже команда предпочла скрыться с глаз долой, опасаясь попасть под горячую руку хозяина. «Убирайся!» – орал он ей в лицо, брызгая слюной. И в Марии словно что-то сломалось. «Хорошо, – ответила она. – Но больше ты меня не увидишь!»

Их последняя ссора произошла в августе, а в сентябре Онассис уже объявил о своей помолвке с Жаклин Кеннеди – вдовой американского президента. Он обвенчался с Жаклин на том самом острове Скорпио, который когда-то купил для Марии… В день бракосочетания Каллас прокляла Онассиса и всех его будущих потомков. Петь она не могла и, казалось, не могла больше жить. Она медленно угасала, живя в маленькой квартирке в Париже и не пуская к себе практически никого.

Вскоре после свадьбы Аристотель внезапно появился у нее. Он раскаивался и на коленях просил прощения – говорил, что Жаклин была лишь временным помешательством, что жена холодна с ним и не понимает его так, как понимает она, Мария… Она так страстно желала, чтобы он почувствовал свою ошибку и пришел к ней – и вот он снова здесь, однако правдивы ли его слова или это снова ловушка?

Каллас простила Онассиса, но… Сказанное ею в минуту гнева было услышано: в 1973-м любимый сын Аристотеля, Александр, погиб в авиакатастрофе. Греческий миллиардер много раз разбивал сердца других, а в этот раз разбито было его собственное сердце. Смерть сына он не смог пережить.

В его последние часы именно Мария была рядом с ним, а законная жена Жаклин гуляла по Нью-Йорку, выбирая себе наряды.

Свою собственную смерть Мария также предчувствовала. Незадолго до того, как ее собственное сердце остановилось, она приехала на могилу Аристотеля, на остров Скорпио, с букетом белых роз. Вскоре ее не стало, но она попрощалась с тем, кого любила, и действительно простила его…

Глава 9
Жениться по любви не может ни один король?

Елизавета I и Роберт Лестер

Та, кого называли «королевой-девственницей» и чье правление впоследствии именовалось золотым веком Англии, родилась в 1533 году. Рождение еще одной принцессы никого не обрадовало: ее отец, Генрих VIII, печально известный тем, что избавлялся от одной жены, чтобы тут же сочетаться браком со следующей приглянувшейся красоткой, вместо долгожданного наследника престола вновь получил девчонку!

Королева Елизавета I. Дж. Говер

Елизавете еще не исполнилось трех лет, когда король казнил ее мать, Анну Болейн. Обвинение было стандартным: многократная измена мужу, которую подтвердили лжесвидетели, также трепещущие от страха: Генрих VIII не любил, чтобы ему перечили.

Ее отец снова поспешно женился, а Елизавету, так же как и ее сестру Марию, объявили незаконнорожденными. Новая королева, Джейн Сеймур, родила наконец мальчика – принца Эдуарда. Джейн, женщина с добрым сердцем, пыталась уговорить мужа признать принцесс законными дочерьми, но король и слышать об этом не хотел.

Пока принцессы подрастали неподалеку от королевских покоев, их добрая мачеха умерла и после нее король успел жениться еще три раза. Казнь несчастной Екатерины Говард настолько потрясла юную Елизавету, что она мысленно поклялась себе никогда не выходить замуж. Слово «муж» теперь ассоциировалось у девушки исключительно со словом «казнь», и

впечатлительная Елизавета еще долго просыпалась в холодном поту от ночных кошмаров, когда во сне на ее шею опускался остро отточенный топор палача…

Принцесса с детства проявляла недюжинные способности, и, хотя все еще считалась незаконнорожденной, ее обучением занимались лучшие учителя королевства. Елизавета свободно владела греческим, латынью, французским и итальянским, могла поддержать беседу на философскую и историческую тему – словом, ее учителям не пришлось бы за нее краснеть.

В 1547 году король умер. В своем завещании он наконец признал за принцессами право на корону. Однако теперь до трона было куда дальше, чем даже во времена правления Генриха VIII. На престол претендовал обширный клан Сеймуров, и последняя мачеха, Екатерина Парр, отослала Елизавету с глаз долой – в Хартфордшир. Но принцессе там было куда вольготнее, чем при дворе с его интригами и закулисной грызней. Она продолжала заниматься своим образованием под руководством Роджера Эшама, человека поистине энциклопедических знаний, и за это время английский трон успел несколько раз сменить хозяина.

Наконец престол занял подросший единокровный брат, Эдуард VI, и Елизавету снова пригласили ко двору. Эдуард нежно любил старшую сестру, но, к сожалению, через два года новый король скончался и в стране снова возникла смута. В обход завещания Генриха VIII на престол возвели его двоюродную внучку – Джейн Грей, и в стране вспыхнула война между сторонниками новой королевы и сестры Елизаветы Марии, законной наследницы. Партия последней победила, и Мария воцарилась в Англии, измученной монархическими распрями.

Королева Мария, ревностная католичка, принялась истреблять в стране сторонников протестантизма и к тому же готовилась выйти замуж за Филиппа Испанского. Зная о существовании людей, которые хотели бы вместо нее видеть на английском престоле сестру, Мария заточила Елизавету в каменный мешок Тауэра. Только требования Тайного Совета да еще то, что Елизавета была далека от политики и не участвовала ни в одном заговоре, помогли сохранить ей жизнь.

Граф Роберт и принцесса Елизавета познакомились далеко не в самом романтическом месте. Их свел тюремный дворик Тауэра, куда высокопоставленных узников выпускали подышать свежим воздухом из сырых и темных камер. Живое общение очень скоро переросло в обоюдную симпатию: граф был умен, начитан, остроумен, что было совсем не лишним в таком мрачном месте, как Тауэр, откуда они оба не надеялись больше выйти.

Однако всесильная судьба распорядилась иначе: королева

Мария, прозванная в народе за расправы над неугодными Кровавой, была бездетна в браке. По иронии судьбы ни Елизавета, ни граф Роберт не заболели и не умерли в сыром подземелье, а страдающая непонятными недугами Мария Кровавая мучилась к тому же угрызениями совести. В конце концов она распорядилась выпустить сестру, но не приветила ее по-родственному при дворе, а сослала в Вудсток. Причем Елизавете не разрешалось даже писать писем, а книги ей доставляли только по заранее утвержденному списку!

Разумеется, новая тюрьма была куда удобнее прежней, а к престолу Елизавета и не рвалась. Тем не менее королевская корона была уготована именно ей: осенью 1558 года Мария Кровавая скончалась, до последнего сопротивляясь тому, чтобы назначить Елизавету, сторонницу протестантизма, наследницей трона. Но перед смертью она все же подписала нужный документ – отчасти под давлением мужа, Филиппа, который всегда благоволил кроткой и веселой Елизавете, явно предпочитая свояченицу своей хмурой и вечно всем недовольной жене.

Известие о том, что теперь она королева, застало Елизавету врасплох. Но она приняла власть, сказав: «Господь так решил. Чу́дны его дела в наших глазах!» Уже на третий день правления новая королева совершила перестановки сил: те, кто поддерживал ее в годы опалы, получили ключевые посты в государстве, а Роберт Лестер – место конюшего, немалый придворный чин, соответствующий, как сказали бы сегодня, министерскому.

Елизавете было двадцать пять, когда она вступила на трон – возраст, по средневековым меркам, далекий от молодости. Девочек выдавали замуж в двенадцать-тринадцать лет, и редко кто доживал до полувека. Однако Елизавета, всегда выделявшаяся стройностью и прекрасным цветом лица, выглядела едва на шестнадцать. Кроме того, новая королева отличалась хорошим вкусом и следила за модой, однако для нее искусство наряжаться стало отнюдь не главным.

Ее правление было мудрым и терпимым: она не запретила католикам служить мессы, избежав тем самым гражданской войны и сохранив страну единой. Но членам парламента, состоявшего сплошь из мужчин, казалось странным то, что на троне восседает незамужняя женщина. Вскоре после восшествия парламент издал указ, согласно которому Елизавете предписывалось выбрать себе достойного мужа и как можно скорее обеспечить страну наследником.

Увы, в сознании новой королевы звон свадебных колоколов был прочно связан со звоном кандалов, которые влачили несчастные жены ее отца, по очереди попадавшие в подземелья

Тауэра, а затем на плаху. Елизавета не собиралась сковывать себя узами брака, но, как поистине мудрая женщина, она дала парламенту уклончивый ответ, что непременно рассмотрит кандидатуры женихов, среди которых был и русский царь Иван Грозный.

Фаворитом королевы был граф Роберт. Разумеется, если бы Елизавете захотелось стать женой Роберта Лестера Дадли, она не остановилась бы ни перед чем, но, как уже говорилось выше, она не желала делить трон ни с кем! Более того, королева упрямо и во всеуслышание заявляла о своей девственности! Это, несомненно, было еще одним способом психологической защиты, потому как Елизавета не только имела интимные отношения с сэром Робертом, но даже тайно родила от него ребенка, которого, разумеется, сразу же отдали на воспитание в чужую семью.

Старость Елизаветы, немного не дожившей до своего семидесятилетия, была печальной. Она пережила и любовника, и всех своих близких друзей. Ее ребенок был для нее потерян. И даже если бы сейчас она призналась в том, что много лет назад родила, то отыскать его следы было невозможно: мальчик пропал, когда его приемные родители путешествовали морем, а моря в ту пору кишели пиратами, деятельность которых поощрялась… самими монархами, получавшими от разбойных набегов джентльменов удачи твердый процент для пополнения казны!

Королева растеряла остатки былой красоты, ее зубы из-за неумеренного увлечения сладким сгнили, прекрасные рыжие волосы поседели, лицо покрылось морщинами, которые уже не мог скрыть толстый слой пудры. Возможно, только теперь она поняла, что никакие нарядные платья, которыми она старалась скрыть непривлекательность собственного лица и тела, не способны заменить одного-единственного близкого человека, а также детей и внуков, которые сейчас могли бы быть рядом с ней и скрасить последние годы…

Карл II и Нелли Гвин

Карл II родился в 1630 году. На трон король вступил в зрелом тридцатилетнем возрасте, не избежав при своем воцарении интриг, смут и войн, свойственных тому времени, когда военные походы и свержение одних монархов в пользу других были делом обыкновенным, а мужчины играли не в компьютерные войны, а в самые что ни на есть настоящие.

Портрет Нелли Гвин. П. Лели

Карла II в народе не зря прозвали Веселым – количество его любовниц не поддавалось исчислению, и только признанных внебрачных детей при дворе было четырнадцать. Эти дети были потомками титулованных дам, и им достались герцогские и графские титулы, замки и земли, но доподлинно известно, что у Веселого короля были и другие дети, которым перепало от судьбы, да и от казны, не так много. В частности, Карл II оставил свой след и в судьбе актрисы Нелли Гвин – в виде двух потомков королевской крови, которые, однако, кроме любви матери и оставшегося после нее наследства не получили от своего венценосного отца никаких титулов и привилегий.

Нелли Гвин была солнечно рыжеволоса, весела и не думала о том, что судьба вознесет ее столь высоко, когда в детстве

разносила горячительные напитки в публичном доме. Она стала актрисой в шекспировском театре, что в то время было неслыханным новшеством. До эпохи Карла Веселого все женские роли в театре исполнялись юношами, а женщина, вышедшая на сцену, была чем-то невиданным, вроде синей лошади или зеленой розы…

Нелли быстро смекнула, что быть любовницей аристократа куда выгоднее, чем подвизаться на подмостках театра, пусть и королевского. Первым ее приметил лорд Дорсет, и Нелли охотно пошла к нему в содержанки. Дальнейший прыжок – в королевскую опочивальню – занял куда меньше времени, чем путь от должности официантки до подмостков знаменитого театра «Глобус». Король, дав лорду Дорсету отступного в виде выгодного места посла, переманил мисс Гвин к себе, положив ей немалый ежегодный оклад – 500 фунтов стерлингов. За эти деньги тогда можно было купить небольшое поместье, но Нелли так очаровала ветреного монарха, что за четыре года ее жалованье при дворе выросло до 6000 фунтов!

Вопреки тому, что придворные предрекали новой монаршей пассии такой же быстрый закат, каким было ее возвышение, веселая и остроумная Нелли смогла прочно удержаться в сердце Карла II. Фаворитку короля любил и народ: в отличие от чопорных придворных дам, Нелли была не прочь перекинуться словом с простым людом. Однажды, когда актриса выехала на прогулку по Лондону в роскошной карете, до нее принадлежавшей прежней любовнице Карла II, француженке Луизе де Керуаль, герцогине Портсмутской, толпа едва не забросала карету камнями. Лондонские обыватели думали, что в ней находится ненавистная шпионка Людовика XIV, и осыпали карету ругательствами и проклятиями. Однако из окошка, прикрытого занавеской, вдруг высунулось озорное личико Нелли: «Люди добрые, – закричала она, – я вовсе не католическая герцогиня! Я честная протестантская шлюха!»

При Нелли актерское сословие, ремесло которого всегда было тяжелым и считалось занятием настолько нечистым, что актеров даже запрещалось хоронить в церковной ограде, получило немалые послабления и привилегии. Актеры шекспировского театра, в котором подвизалась Нелли, стали считаться придворными, состоящими на службе у короля, то есть, попросту говоря, госслужащими. Однако когда дело дошло до обложения их доходов налогами, законопроект был отвергнут, и снова не без участия мисс Гвин. Актеры, как сказала она, служат для развлечения самого короля – какие тут могут быть налоги?

Король, славившийся непомерной любвеобильностью,

менявший фавориток как перчатки и тут же забывавший о предыдущей, едва на горизонте всходила звезда новой любовницы, до самой смерти не предавал забвению только одну женщину – Нелли Гвин. Уже не будучи любовниками, они оставались добрыми друзьями – а что еще нужно для того, чтобы достойно встретить старость?

Судьба детей Нелли Гвин от Карла II неизвестна, но после смерти монарха в пятидесятипятилетнем возрасте трон короля, не имевшего (ирония судьбы!) детей от законного брака, перешел к его брату, правившему под именем Якова II. И утечет еще много воды, и пройдет не один век, пока короли смогут выбирать себе в жены тех, кто по праву будет делить с ними трон, независимо ни от происхождения, ни от рода занятий…

Елизавета Петровна и Алексей Разумовский

Женщина, даже сидящая на одном из самых великих императорских престолов, не всегда вольна распоряжаться собой. И если она самодержица российская, выйти замуж за любимого она может лишь тайно, потому как любимый не ровня ей, женщине царской крови, и не может разделить с ней престол. Кроме того, брак должен быть одобрен Сенатом и Синодом, а эти два высочайших органа управления, штатский и церковный, никогда не дали бы согласия. Поэтому императрица Елизавета и хранила тайну своей великой любви вдали от посторонних глаз – и любовь, и тайна эти были постыдными в глазах церкви и света, но только не в ее собственных и не в глазах того, кто также любил ее всем сердцем…

Елизавета Петровна и сама была незаконной дочерью – она родилась за два года до вступления Петра I в брак. И только когда царь узаконил свои отношения с Мартой Скавронской (она стала именоваться императрицей Екатериной I), младшая дочь царя, Лизонька, стала носить титул цесаревны.

Елизавета Петровна. Виргилиус Эриксен

Девочка с ранних лет была на редкость хороша собой, а ее изяществу в движениях и легкости походки позавидовала бы сама

Психея. Кроме того, цесаревна была умна, однако достойного образования так и не получила. Мать ее, императрица Екатерина I, была совершенно безграмотной, а учить наукам дочь, которую планировали выдать замуж во Францию, за Людовика XV, она считала излишним. Однако французский монарх не спешил брать в жены незаконнорожденную принцессу, тем более что мать ее была совсем простого рода, даже не дворянка!

После смерти Екатерины I завещание Петра о наследовании не выполнили и на российском престоле, обойдя Елизавету, воссела ее двоюродная сестра – Анна Иоанновна. Долгих десять лет родная дочь Петра I жила в полуопале. Забытая почти всеми придворными, она носила дешевые простенькие платья, а свои собственные небольшие средства тратила на воспитание кузин Скавронских, для того чтобы достойно выдать их замуж.

Недовольные пронемецким правлением Анны Иоанновны возлагали на Елизавету большие надежды, и в ночь на 25 декабря 1741 года она их оправдала. Анна и ее фаворит Бирон были свергнуты небольшими силами гренадерского Преображенского полка, и на российский престол взошла новая императрица. Она прославила себя не только тем, что свергла предшественницу силами лишь трехсот восьми человек, но и всеобщей амнистией и отменой смертной казни. Слово свое императрица сдержала: во время ее правления не был казнен ни один человек!

Алексей Разумовский, которого привез в столицу полковник Федор Вишневский, был из украинских казаков. В то время Алексей, обладатель роскошного баса, был певчим при церкви. Вишневский, придя в восторг от его голоса, забрал Разумовского (или Розума, как он числился в бумагах) с собой в столицу.

Царский двор, да и сама Елизавета, престол к которой перешел только в тридцать два года, никогда не отличались чистотой нравов. До Разумовского у Елизаветы уже были любовники. Все, кого она выбирала своим женским сердцем, сердцем не просто правительницы, но прежде всего желавшей любить и быть любимой женщины, были падки до титулов, денег, земель и дворцов… Разумовский же, которого она сразу приметила и приветила, по словам современников, не желал денег и власти, а был спокойным, рассудительным и любил ее так, как не любят коронованных особ, а именно – настоящей, искренней любовью.

Казак Разумовский был человеком веселым, добродушным и бесхитростным, кроме того, он был на редкость красив. Причем красотой, которой скорее подойдет определение «благородная». Алексей был высок, широкоплеч, с правильными, классическими чертами лица. Кроме прочих достоинств, у нового фаворита

присутствовал здравый смысл и чувство юмора: когда ему в 1744 году был пожалован титул графа Священной Римской империи (Елизавета озаботилась, и ее просьба была уважена императором Карлом VII), Разумовский первым высмеял новую версию своего происхождения. Он не стеснялся своего прошлого, но и не стремился, как это делали другие, продвинуть при дворе своих родственников. Он хотел только одного – любить Елизавету и быть любимым ею.

Уважая свободу и выбор Елизаветы, он частенько терпел рядом более молодых и горячих любовников императрицы, но, утолив страсть, она неизменно возвращалась к нему – спокойному, верному, рассудительному, с легкой насмешкой смотрящему на ее причуды. Эти случайные молодые и горячие приходили и уходили, а он оставался рядом. Императрица все больше ценила его преданность и нежность и в конце концов стала его тайной женой. Тайной, потому что стать законной супругой Разумовского ей бы просто-напросто не позволили.

Венчание, о котором знали лишь немногие посвященные, состоялось в небольшой церкви в Перово в ноябре 1744 года, когда весь основной двор уже переехал из Петербурга в Москву. На венчании, помимо самих Елизаветы и Алексея, присутствовал духовник царицы, Федор Дубянский.

После церемонии, несомненно произведшей на Елизавету огромное впечатление, она много раз одаривала скромный храм дорогой утварью, ризами, и парчовыми воздýхами, собственноручно вышитыми золотом и жемчугом – для их изготовления императрица просидела за пяльцами не один месяц! Далее Елизавета выкупила деревню Перово у владельца, и в 1748 году по ее приказу на памятном месте итальянским архитектором Бартоломео Растрелли был выстроен роскошный дворец, окруженный пейзажным парком.

Все при дворе знали, что Алексей Разумовский имеет на императрицу неограниченное влияние – именно по его совету в Украине было восстановлено гетманство, и гетманскую булаву при этом получил не кто иной, как родной брат тайного супруга Елизаветы, Кирилл Разумовский. Благодаря любви графа к музыке при дворе процветала итальянская опера. Разумовский выписал с родины бандуристов и украинских церковных певчих, на дворцовой кухне готовили к столу малороссийские блюда – словом, при фаворите Елизаветы в моду вошло все малороссийское. Однако Алексей никогда не пользовался своим влиянием в корыстных целях – Елизавета сама дала ему то, о чем он мечтал, а ничего большего от нее он никогда не требовал.

Алексей Разумовский любил свою тайновенчанную жену до

самой ее смерти – и большего горя в его жизни, когда в 1761 году Елизавета скончалась, не было. Умирая, императрица взяла со своего ставленника Петра III клятву – никогда не обижать графа Разумовского… Ей было тяжко оставлять его одного, она слишком хорошо знала, в каком окружении ему придется доживать свой век…

Наталья Брасова и Михаил Романов

Возможно, если бы на престол взошел не Николай, а Михаил Романов, сегодняшняя Россия на политической карте мира могла бы выглядеть иначе. Но история не знает сослагательного наклонения, и Михаил Романов также вряд ли захотел бы изменить свою судьбу, выпади ему такой шанс. Он предпочел трону государства российского любовь прекрасной женщины, и, вероятно, был прав.

Наталья Брасова и великий князь Михаил Романов

Великий князь Михаил Александрович был четвертым сыном самодержца Александра III и императрицы Марии Федоровны. Мальчик с детства был привержен наукам, а придворным церемониям предпочитал прогулки по лесу, рыбалку или же вечерние посиделки у камина с книгой в руках. К двадцати годам Михаил стал прекрасно образованным романтичным молодым человеком и был весьма хорош собой.

В двадцать три Михаил пережил неудачный роман – он влюбился в фрейлину своей сестры, Александру Коссиковскую, и, как честный человек, был готов искать ее руки. Однако это обстоятельство привело в ужас императорскую семью: Михаила спешно отослали в Гатчину и приказали заниматься военным делом, а девушке недвусмысленно дали понять, что отныне двор

не нуждается в ее услугах. Цесаревич тяжело пережил крах своей первой любви, и с тех пор его отношение к женщинам стало носить отстраненно-насмешливый характер: он явно боялся снова обжечься…

Наталья Шереметьевская также с детства отличалась незаурядными способностями. Кроме того, дочь московского присяжного поверенного была хороша собой – однако не настолько, чтобы претендовать на титулованного жениха. Она вращалась в обществе среднего класса и в шестнадцать вышла замуж за аккомпаниатора Большого театра Сергея Мамонтова. У Мамонтовых родилась дочь, также названная Натальей, однако брак не был счастливым. Муж казался молодой жене скучным, и вскоре у нее возник новый роман. Мамонтовы развелись, и Наталья вторично вышла замуж – за поручика Владимира Вулферта.

Новый муж служил в полку «синих кирасир» под командованием светлейшего князя Михаила Александровича, однако, когда любовные страсти немного поостыли, и Вулферт показался Наталье таким же скучным и недалеким, как предыдущий супруг. Но делать было нечего: она сама выбрала как первого, так и второго мужа, возможно, приняв томление молодого тела за то единение душ, которое случается с человеком не так часто и называется настоящей любовью.

Они познакомились, когда Наталье Вулферт было уже двадцать восемь – возраст вполне зрелый, вот когда бы и замуж выходить, но… Развестись с Мамонтовым не составило труда, точно так же она могла оставить и второго мужа, однако тот, кто ей приглянулся и искал ее общества, был не кем иным, как самим великим князем и наследником престола после своего брата Николая, а она была всего лишь женой поручика, к тому же до этого еще и разведенной! Правда, она обладала прекрасной, вполне аристократической внешностью и неотразимым обаянием, но этих качеств, несомненно, было мало для того, чтобы считаться своей в среде князей и прочих персон голубой крови.

…Она танцевала с великим князем уже четвертый танец подряд, и это вызвало возмущенные завистливые перешептывания. Кроме девиц на выданье, которым также хотелось вальсировать с красавцем Романовым, были недовольны и родственники Михаила: откровенно предпочитая замужнюю Наталью Вулферт другим, великий князь ставил под удар свое реноме. Однако Михаил был уже не тем послушным юнцом, которого можно было так просто сослать в Гатчину. Он подхватил свою даму под руку, и они… демонстративно покинули бал!

Всю оставшуюся ночь они проговорили, бродя по

романтически освещенным аллеям дворцового парка. Им было что сказать, более того, с самой первой встречи они поняли, что действительно созданы друг для друга, но… Она уже дважды обожглась, да и он был уже не тот восторженный мальчик. Кроме того, существовали еще препятствия: он был Романов, а она ясно дала понять, что ни любовницей, ни содержанкой брата царя быть не намерена, несмотря ни на какие материальные блага. Или жена – или никто…

Вся Гатчина, притихнув, ждала грандиозного скандала: великий князь Михаил Александрович зачастил в гости к Вулфертам. Все знали, что Романов ездит не к подчиненному, а к его жене Наталье. Именно с ней он часами разговаривает, слушает музыку, обсуждает художественные и театральные новинки. Однако Наталья учтиво принимала визиты великого князя, да и сам поручик был также человеком чести: Михаил не сделал ничего, что бы скомпрометировало его жену в глазах света, и ему оставалось только ждать.

Великий князь признался в любви только через год после начала знакомства: письменно, взвешенно, но, категорически. Он требовал, чтобы Наталья рассталась с Вулфертом, и она решилась на этот нелегкий шаг. Однако развода это не означало: на него мог подать только сам поручик, а он как раз и не собирался этого делать!

Устав от двусмысленного положения, Наталья решила уехать за границу. На вокзал ее пришли провожать муж и… Михаил! Вулферт устроил на перроне настоящую истерику – кричал, что разведется с женой, только если Романов женится на ней, а быть царской содержанкой не позволит! При этом поручик прекрасно понимал, что вероятный наследник престола не может жениться на дважды разведенной женщине, да еще и с ребенком. В случае такого брака Михаил Романов теряет все права на российский трон!

Возможно, будь Вулферт наследником престола, он и оставил бы чужую жену в покое, предпочтя ей корону Российской империи. Но Михаил Романов не собирался отказываться от своей настоящей любви. Через несколько месяцев он приезжает к Наталье, и в одной из гостиниц Копенгагена они проводят вместе восемь дней – свой медовый месяц, который сам Михаил называл сбывшейся сказкой.

Однако по возвращении на родину их ждала вовсе не сказка, в которой молодых встречают «честным пирком». Романовы всем кланом ополчились на «эту плебейку». Более того, постановлением суда Наталье Вулферт было запрещено покидать столицу, а Михаила вместе с полком отправили в Орел.

Наталья ждала ребенка, и великому князю пришлось пойти на хитрость. В 1910 году он объявил императору, что не собирается жениться на своей пассии, но попросил брата помочь ускорить ее развод, потому как муж Натальи бушевал и грозился анонимно сдать ребенка в воспитательный дом для сирот, чтобы жена никогда его не нашла. Однако развестись до рождения сына Наталья и Михаил Вулферты все равно не успели.

У Натальи родился мальчик, которого назвали Георгием. Однако ребенка записали на фамилию Вулферт, и за отказ от отцовства Михаил выплатил алчному поручику ни много ни мало 200 000 рублей! Только в 1912 году Наталья наконец развелась. Она стала носить фамилию Брасова – у Михаила было имение Брасово, где они оба любили бывать. Сам Михаил иногда также тайно выезжал за границу под этим псевдонимом.

Как ни надувало щеки семейство Романовых, ему все же пришлось признать существование отпрыска своей фамилии. Георгию разрешили носить отчество отца и фамилию Брасов, а также пожаловали дворянство. Однако в свидетельстве о рождении в графе «Отец» у ребенка так и остался прочерк…

Михаил с Натальей любили жить именно в Брасово. Здесь они чувствовали себя свободными от всех условностей. В Петербурге и Москве Наталью игнорировали в свете, а сослуживцы Михаила при встрече даже не поворачивали головы в ее сторону! Однако гордая женщина была счастлива своим маленьким семейным счастьем и частенько посещала музеи и театры, не слишком заботясь о мнении тех, кто считал себя выше их с Михаилом.

Они обвенчались все в том же 1912 году в Вене, тайно. Однако все тайное рано или поздно становится явным: Михаилу пришлось признаться в венчании императору. Николай пришел в ярость: он наложил арест на имущество родного брата, а самого Михаила велел объявить умалишенным. Его с треском уволили из армии, лишили титула и запретили въезд в Россию.

Только через два года, когда началась Первая мировая война, Николай сменил гнев на милость: брак его брата был наконец признан, и Михаилу были возвращены все титулы и имущество. Ему поручили командование так называемой Дикой дивизией. Великий князь мог бы отсиживаться где-нибудь в командном пункте, но Михаил наравне со своими бойцами шел под пули. В 1916-м его сильно ранило картечью, и поправляться он приехал все в то же милое Брасово, к жене.

В 1917 году началась революция, и Николай отрекся от престола в пользу Михаила. Либерального и умного Михаила многие хотели бы видеть монархом России, но… он предпочел не

связываться с политикой и передал полномочия Временному правительству, посчитав, что так будет лучше для страны.

Однако новая власть не оценила его благородства: в 1918 году Михаила, как представителя династии Романовых, сослали в Пермь, где чекисты тайно расстреляли его как самого вероятного претендента на российский престол…

Прими ее муж корону монархии в свои руки, Наталья Брасова могла бы стать императрицей! Однако судьба распорядилась иначе. И, хотя Наталья смогла выехать во Францию, жизнь не устилала ее путь цветами и там. От мужа не было никаких известий, но она до последнего надеялась, что Михаилу удалось избежать судьбы своего брата Николая Романова, вся семья которого была зверски расстреляна в Екатеринбурге.

Наталья жила очень скромно, продавая драгоценности, малую часть которых удалось вывезти из России – в чернильнице, огарке свечи, куске мыла… В 1931 году ее ждал еще один удар – сын Георгий погиб в автомобильной катастрофе. Умерла Наталья Брасова в полной нищете в больнице для бедных. Останки ее мужа, великого князя Михаила, до сих пор не обнаружены. Но наверняка эти две любящие души давно соединились – там, в безоблачном небе над Брасовым…

Екатерина Долгорукова и Александр II

Император Александр II с юношеских лет отличался романтическим складом характера и влюбчивостью. Первым его серьезным увлечением стала фрейлина его матери, Ольга Калиновская. Ольга была старше на два года, но чувства Александра к ней были пылкими и одновременно сильными. Цесаревич даже подумывал о разрыве помолвки с немецкой принцессой Максимилианой-Вильгельминой – будущей российской императрицей Марией Александровной. Однако родители, обеспокоенные столь серьезным увлечением сына, предпочли удалить Калиновскую от двора, и вскоре девушка вышла замуж за графа Огинского.

Екатерина Долгорукова и Александр II

Александр тосковал по Ольге, а его отец, Николай I, которого считали солдафоном, вопреки мнению многих, был человеком тонким и переживал за сына и наследника. Вот строки из его письма: «…Я объяснил, однако, сыну, что сколь ни естественно в его летах предпочитать одно лицо женского пола другому, не должно, однако, давать волю мечтам или склонности, когда они не приличны ни по званию, ни по положению лиц».

Да, брак наследника престола в те времена был делом гораздо более политическим, чем любовным, и Александр женился по выбору родителей. Максимилиана, которая в православии была наречена Марией, оказалась прекрасной

матерью, но как жена она, пожалуй, имела слишком властный характер и подавляла личность мужа. За восемнадцать лет брака жена родила Александру восьмерых детей, что не могло, разумеется, не сказаться на ее привлекательности. Да и последняя беременность оказалась столь тяжелой, что врачи строго запретили императрице дальнейшие интимные отношения.

Императрица больше не могла исполнять супружеские обязанности, но при дворе это был не первый случай. Для удовлетворения мужских потребностей обычно выбирали какую-либо из фрейлин. На такую связь и жена императора, и весь двор обычно смотрели сквозь пальцы: в истории государства Российского еще не было случая, чтобы роман государя с фрейлиной вылился в нечто большее, чем простой адюльтер…

Александр знал Екатерину еще ребенком – она была дочерью разорившегося князя Долгорукова. Император принял участие в судьбе всех шестерых детей князя: мальчиков отдали в престижные военные заведения, а девочек – в Смольный институт.

Катя была чувствительной девочкой, и вот что она записала в своем дневнике: «Несмотря на все заботы директрисы, я так и не смогла привыкнуть к этой жизни без семьи, среди чужих. Я потихоньку теряла здоровье. Император, узнав о нашем приезде в Смольный, навестил меня по-отечески; я была так счастлива его видеть, его визиты возвращали мне бодрость. Когда я болела, он навещал меня в лазарете. Его подчеркнутое внимание ко мне и его лицо, столь идеальное, проливали бальзам на мое детское сердце. Чем более я взрослела, тем более усиливался его культ у меня. Каждый раз, как он приезжал, он посылал за мной и позволял мне идти с ним рядом. Он интересовался мною; я считала его покровителем, другом, обращалась к нему как к ангелу, зная, что он не откажет мне в покровительстве… Он посылал мне конфеты, и не могу описать, как я его обожала».

Долгое время не видя ту, что за это время из девочки превратилась в прелестную девушку, Александр был весьма удивлен, когда при посещении Смольного института ему была представлена семнадцатилетняя Екатерина Долгорукова. Родители, к которым Катя вернулась после завершения образования, вывозили дочь в свет, но… Она писала: «Каждый бал удваивал мою печаль; светские увеселения были противны моему характеру, я любила уединение и серьезное чтение. Один молодой человек очень старался мне понравиться, но мысль о браке не важно с кем, без любви, казалась мне отвратительна, и он отступил перед моей холодностью».

Между тем, гуляя в Летнем саду, девушка случайно встретилась с императором. Далее встречи стали уже не случайными, и вскоре эти двое поняли, что не могут жить друг без друга. Прошел год упоительных свиданий, прежде чем Екатерина согласилась на интимные встречи, но, чувствуя, что нужна возлюбленному как жена, она отдалась ему со всей страстью молодости…

Связь императора с Долгоруковой настолько не походила на обычную в светских кругах интрижку, что вызвала сначала недоумение, а затем и недовольство двора. У Александра с Екатериной образовалась полноценная семья, в то время как законная его жена еще была жива! Однако Александр никогда не обижал императрицу – он помнил обо всех семейных праздниках и неизменно дарил подарки и жене, и сыновьям и проводил с ними много времени. Но отказаться от Екатерины было не в его силах, ведь именно в ее поддержке он нуждался более всего!

Под давлением семьи Александр был вынужден отослать любовницу в Неаполь, но в разлуке влюбленные писали друг другу письма. За четырнадцать лет их совместной жизни сохранилось около четырех с половиной тысяч этих нежных посланий! Кроме того, долгое расставание не охладило их чувств, как надеялись многие. Когда государь посетил с официальным визитом Париж, туда приехала вызванная им Екатерина, и домой они вернулись уже вместе.

Императрица, неизлечимо больная чахоткой, была еще жива, когда Александр, желая беспрепятственно видеть Екатерину и детей – а за годы связи их родилось трое, поселил Долгорукову в Зимнем дворце. Это вызвало неприязнь многих Романовых к любовнице императора, но та часть царской фамилии, которая видела бескорыстие Долгоруковой и ее нежную и искреннюю любовь к императору, вполне понимала чувства Александра.

Они жили как обыкновенная семья – с совместными завтраками и ужинами, прогулками, расставаниями и радостными встречами… Императрица же делала вид, что Долгоруковой в жизни ее мужа не существует. В 1880 году императрицы Марии Александровны не стало. И еще до истечения срока протокольного траура император Александр I поспешил выполнить то, что когда-то, много лет назад, пообещал юной и неопытной Кате: в часовне Царскосельского дворца он обвенчался с любовью всей своей жизни. Свое решение не ждать окончания траура он объяснил так: «Я никогда не женился бы прежде окончания траура, но мы живем в опасное время, когда внезапные покушения, которым я подвергаю себя каждый день, могут окончить мою жизнь. Поэтому мой долг –

обеспечить положение женщины, вот уже четырнадцать лет живущей ради меня, а также обеспечить будущее троих наших детей…»

Брак не предполагал того, что после смерти Александра на трон может взойти его вторая жена или кто-то из ее детей, да Екатерина к этому и не стремилась. Сама Долгорукова после венчания получила титул княгини Юрьевской, и ее брак с императором считался морганатическим. Дети от Александра носили отчество «Юрьевич» – то самое, которое все Романовы давали своим детям, рожденным вне брака, но узаконенным позже.

За свою жизнь император опасался не напрасно: 1 марта 1881 года он был убит народовольцами, бросившими бомбу в его карету. Многие современники обвиняли Долгорукову в том, что она готовилась взойти на императорский трон и даже было назначено число для коронации. Смерть Александра I положила конец всем слухам, а заодно и счастливой жизни Екатерины…

Княгиня Юрьевская с детьми уехала в Ниццу, потому что в России было слишком много ненависти и дорогих ее сердцу воспоминаний. Она жила замкнуто и одиноко, но в это время с ней подружилась одна из великих княжон, Ольга Александровна, которая любила бывать в доме второй жены своего деда. В воспоминаниях Ольги можно прочесть то, о чем сама Екатерина предпочитала не говорить: «Всякий раз, как я приходила к ней, мне казалось, будто я открываю страницу истории. Жила она исключительно прошлым. Она только о нем и говорила…»

Да, Екатерина только об этом помнила и говорила. И бережно хранила все подарки любимого, все письма и саму память о нем – своем единственном Александре…

Принц Акисино и Кико Кавасима

Младший сын японского императора Акихито и императрицы Митико своей женитьбой нарушил сразу несколько вековых традиций: во-первых, он женился раньше старшего брата, а во-вторых, выбрал себе в жены простолюдинку – дочь преподавателя, профессора экономики, Кико Кавасиму.

Принц Акисино и Кико Кавасима

Негодующая императрица Митико, наверное, забыла, что ее происхождение также отнюдь не безупречно: она не принадлежала к японской аристократии, а была дочерью президента крупной мукомольной компании. Именно Митико первой нарушила многовековую традицию, когда императорской женой могла стать только та девушка, у которой в жилах течет голубая кровь самураев. Тем не менее в далеком 1959 году, когда она сама должна была взойти на императорский престол, ее кандидатуру одобрили все члены Императорского совета.

Кико познакомились с принцем еще на первом курсе университета: она изучала психологию и литературу, а Акисино сначала постигал юриспруденцию, а затем увлекся ихтиологией. Акисино сразу понял, что без этой девушки он не будет счастлив, и сделал Кико предложение вскоре после знакомства. Однако долгие три года влюбленные скрывали свои отношения, справедливо опасаясь противодействия императорской семьи, а также желая проверить свои чувства.

Чувства оказались весьма крепкими, и принц решил поставить в известность о помолвке Императорский совет – без одобрения этого органа ни помолвка, ни, тем более, свадьба были бы невозможны. Одобрение Совета было получено, хотя принц, как уже говорилось выше, нарушил несколько устоявшихся традиций и, кроме того, еще не закончил своего образования: на момент помолвки Акисино учился в аспирантуре.

Несмотря на все препятствия, как формальные, так и вполне настоящие, Кико и Акисино все-таки поженились. Войти в японскую императорскую семью оказалось непросто. Разумеется, она соблюдает все дворцовые традиции и церемонии, но ее забавляет их чопорность, она видит в них скорее исторические артефакты, чем то, чему нужно следовать беспрекословно.

Брак принца Акисино и Кико, которую многие ласково называют Кики, оказался счастливым. У новой владетельной ветви императорской семьи, которая образовалась с момента их свадьбы, трое детей: две дочери – принцессы Мако и Како – и долгожданный наследник трона Японии, принц Хисахито. Именно Хисахито может со временем занять престол страны восходящего солнца, после своего дяди и отца.

Поскольку у жены старшего брата Акисино, принца Нарухито, возникли психологические проблемы с общением, Кико великодушно взяла на себя обязанности по поддержанию дружеских связей с другими государствами. Она с мужем бывает и на официальных приемах, летает на похороны венценосных особ – что ж, от печальных обязанностей нельзя отказываться, даже будучи принцессой…

Но все-таки Кико предпочитает бывать на свадьбах, вспоминая при этом собственную свадьбу с Акисино, своим любимым и единственным…

Принц Уильям и Кейт Миддлтон

Еще один принц, который рискнул связать себя узами брака с девушкой «из народа» – не кто иной, как Уильям Артур Филипп Луи, герцог Кембриджский, старший сын принца Чарльза и печально известной леди Ди. Несмотря на то что его мать не была счастлива в браке, Уильям все же рискнул заключить «неравный союз» и, похоже, не прогадал.

Принц Уильям и Кейт Миддлтон

Родословная Кейт Миддлтон даже отдаленно не похожа на генеалогические древа титулованных особ Великобритании, сплошь увешанные гербами предков. Прадеды Кейт были шахтерами в графстве Дарем, ее отец – пилот авиации, а мать – стюардесса. Со временем родители Кейт основали компанию по доставке товаров, а годы упорного труда сделали их миллионерами.

Оттого что родители сказочно разбогатели, Кейт не стала капризной доченькой, думающей только о нарядах и косметических салонах. Кейт настойчиво вгрызалась в гранит науки и после получения среднего образования с блеском закончила программу обучения в колледже Мальборо, пройдя по самому высокому, «золотому» уровню!

Будущая принцесса увлекалась и спортом, причем самыми разными его видами. Словом, «спортсменка, комсомолка и, наконец, просто красавица»! «Комсомолку» в этом перечне достоинств можно заменить на что угодно: Кейт получила

диплом по специальности «история искусств», занималась в компании отца дизайном, закупками, проведением различных праздников, а затем еще и всерьез увлеклась фотографией.

С принцем Уильямом они познакомились еще в университете. На благотворительном показе мод Кейт вышла на подиум в прозрачном платье и… приглянулась одному из зрителей! Нетрудно догадаться, что этим зрителем был сам наследник британской короны.

Юная парочка стала встречаться, а затем даже поселилась в снятом вместе с друзьями особняке. Принц, хотя и был стараниями матери «близок к народу» – посещал детский сад, да и в школе-пансионе жил в одной комнате с тремя соседями, не был склонен к приготовлению пищи, и Кейт взяла эти обязанности на себя. Зато Уильям кого угодно мог покорить своим обаянием и совершенным отсутствием заносчивости, свойственной многим титулованным особам.

Словом, Кейт стала девушкой принца, и ни разу не пожалела об этом, пока… их личная жизнь не стала объектом пристального внимания папарацци. Фотографы и журналисты, жаждущие горячих новостей, буквально преследовали парочку. Жить под вечным прицелом объективов было не легче, чем под прицелом снайперской винтовки, и, когда давление стало совсем уж невыносимым, Кейт и Уильям расстались…

Помолвка наследника трона, которую вот-вот ожидали осветить все печатные издания туманного Альбиона, не состоялась. Уильяма все чаще стали замечать с другими красотками, а Кейт… Кейт просто терпеливо пережидала черную полосу. Она была уверена и в своих чувствах, и в том, что Уильям к ней вернется.

Когда летом 2007-го они помирились и Кейт переехала в резиденцию принца, это стало настоящей сенсацией. Однако к тому времени девушка уже поняла, что находиться в центре внимания прессы ей придется всегда… и лучшим выходом будет просто не обращать на это внимания.

Кейт и Уильям наслаждались обществом друг друга, но предложение любимой принц сделал лишь спустя три года. Зато какое это было предложение! Уильям надел на пальчик суженой семейную реликвию – кольцо с огромным сапфиром, принадлежавшее самой Диане.

Свадьба, состоявшаяся в апреле 2011-го, была грандиозной, и уже в декабре 2012-го официальный представитель королевского дома – куда же без него! – сообщил, что Кэтрин, герцогиня Кембриджская, беременна. Страна ликовала, а Кейт лежала в клинике, справляясь с токсикозом. Однако все закончилось

вполне благополучно: 22 июля 2013 года на свет появился еще один член королевской семьи – Джордж Александр Луи, принц Кембриджский.

Несомненно, постоянно находиться в центре внимания страны и прессы, наносить официальные визиты, соблюдать правила дворцового этикета порой очень утомительно. Но кроме всего, что связано с жизнью, так сказать, внешней, есть еще и огромный внутренний мир, который принадлежит только Кейт и Уильяму. Этот мир у них не сможет отнять никто – пока они сами будут его хранить, говоря друг другу искренние слова: «любимый» и «любимая»!

Принц Нарухито и Масако Овада

Несомненно, на принца Нарухито, старшего наследника японского престола, сильно повлиял выбор брата, решительного принца Акисино, женившегося на Кико Кавасиме не по выбору родителей, а по велению сердца.

Принцесса Масако

Наследный принц страны восходящего солнца Нарухито познакомился со своей будущей женой в 1986 году на дипломатическом приеме. Девушка понравилась ему с первого взгляда, однако ухаживания растянулись на целых семь лет. Нарухито дважды делал суженой предложение, но… Японка по происхождению, Масако выросла в Америке – и образ жизни, к которому она привыкла, радикально отличался от нравов ее исторической родины.

Масако смущали непривычные правила дворцового этикета и то, что ее жизнь будет строго регламентирована, прими она предложение Нарухито. Однако принц был настойчив, говоря, что, когда любишь, можешь справиться с любыми трудностями. В конце концов, Масако была дипломатом и дочерью дипломата, и она рискнула.

Императорская семья, родословная которой до того, как в нее

влилась Масако Овада, состояла практически только из лиц высшей японской аристократии, приняла новость о том, что принц все же добился своего, в вежливом молчании. Но это было молчание такого рода, что Масако сразу поняла: ей здесь не рады. И, хотя свадьба была очень пышной и народ Японии ликовал, «простолюдинку» начали травить еще до совершения церемонии бракосочетания.

После свадьбы дверь во внешний мир для Масако захлопнулась и в прямом, и в переносном смысле. Согласно традиции она поселилась в Восточном дворце, но эта безусловно роскошная резиденция оказалась для свободолюбивой, привыкшей передвигаться без помех по всему миру молодой женщины настоящей золотой клеткой.

Разумеется, в каждой избушке свои погремушки, однако «погремушек» в дворцовой жизни Японии было явно больше, чем здравого смысла. Теперь вся жизнь Масако была строго расписана в рамках чуть ли не средневекового этикета. Даже для того, чтобы просто поговорить по телефону с родителями, ей требовалось специальное разрешение! Склоняться перед родственниками требовалось строго под углом в шестьдесят градусов, а собственного мужа величать не иначе как «господин Восточного дворца». Перед тем как они с мужем должны были уединиться в спальне, храмовые жрицы натирали живот Масако рисовыми отрубями – для удачного зачатия. А раз в месяц сам император вежливо интересовался: началась ли у нее снова менструация?

И этот бестактный вопрос, который, кстати, также был частью дворцового ритуала, и то, что она не могла заниматься практически ничем – штат из пятидесяти человек различных профессий не давал ей во дворце и шагу ступить самостоятельно. Даже поливать цветы было кому, а принцессе этого делать не следовало!

Масако впала в глубокую депрессию. Она не могла позволить себе никаких незапланированных передвижений не то что по стране – даже по территории дворца! От нее ждали лишь одного – рождения нового наследника престола. Через шесть лет она забеременела, но от переживаний у принцессы случился выкидыш.

Только в 2001 году принцесса Масако наконец стала матерью. Разумеется, рождение долгожданного ребенка привнесло в ее жизнь новые надежды и радости, но… к титулу принцессы и жены наследника престола прилагалось столько этих пресловутых «но»… Масако родила девочку – Айко, получившую титул принцессы Тоси. Казалось бы, вся Япония должна была ликовать, но ведь императорская семья с нетерпением ждала от нее не

девочку, а мальчика!

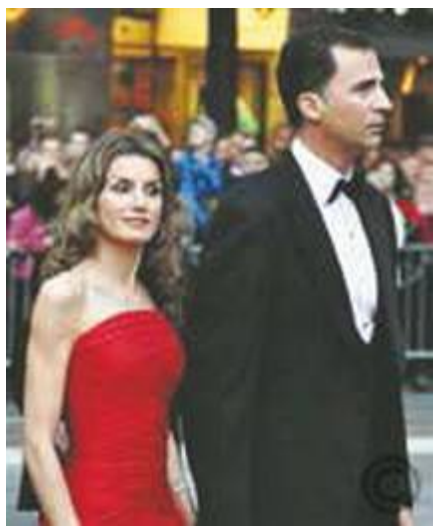
«Не оправдавшую надежд» игнорировали все, кроме ее по-прежнему любящего мужа. Однако усилий одного принца Нарухито было мало. В 2004-м врачи публично объявили, что «принцесса страдает синдромом пониженной адаптации к окружающей среде»! Это она – та, которая с блеском училась в Гарварде и Оксфорде, в прошлом успешная дипломатка! С Масако, несомненно, случилось то же, что с принцессой Дианой в Великобритании: она просто «не вписалась» в каноническую дворцовую среду. И, учитывая, что в Японии монархические правила куда более строгие, чем в Англии, шансов стать «своей среди чужих» у Масако было чрезвычайно мало…

Когда в 2006-м у младшего брата ее мужа, принца Акисино, родился наконец долгожданный мальчик, Масако и вся Япония вздохнули с облегчением. Появившийся новый наследник престола снял с ее плеч непосильное бремя, потому что рожать после появления дочери врачи ей категорически запретили…

Только очень большая любовь между принцем Нарухито и его женой до сих пор удерживает этот брак на плаву. А не так давно принцесса даже выезжала в Нидерланды с официальным визитом – разумеется, в сопровождении мужа. Что ж, история принцессы Масако и принца Нарухито, рискнувшего жениться по любви на «девушке из народа», не окончена. Возможно, в ней еще будет написано немало нежных и радостных строк. Во всяком случае, они оба на это надеются.

Принц Фелипе и Летиция Ортис Рокасолано

Глядя на то, как во всем мире принцы и принцессы королевской крови женятся и выходят замуж за людей, далеких от дворцовой жизни, нельзя не вспомнить еще одну замечательную пару – испанского принца Фелипе и его жену, бывшую тележурналистку, которая сейчас носит длинный титул Ее Королевское Высочество донья Летисия Ортис Рокасолано принцесса Астурийская, Вианская и Жеронская, герцогиня Монбланская, графиня Серверская и сеньора Балагер.



Принц Фелипе и Летиция Ортис Рокасолано

Однако длинный титул еще не гарантирует, что беды и несчастья будут обходить его владельца стороной. Так и отсутствие какого-либо звания не означает, что человек, не имеющий дворянских корней, не достоин занимать трон какой-либо державы, пусть и с многовековым монархическим прошлым.

Принцу Фелипе больше везло в спорте, чем с женщинами: несмотря на привлекательность, прекрасное образование и длинный перечень государственных наград, с личной жизнью у Фелипе не слишком-то ладилось. Но, может быть, дело было в том, что никто из его избранниц не пришелся по душе королевской семье? Его первая пассия, маркиза Исабель, была дочерью разведенных родителей и имела мать-наркоманку, что никак не согласовывалось с устоями испанской королевской семьи. И хотя Исабель все же получила титул «королевской

невесты», дальше этого дело не пошло.

Затем у Фелипе появилась девушка-американка, Джиги Говард, особа с таким темным прошлым, что родители даже знакомиться с ней не захотели. За ней – норвежка Эва Саннум, красавица и умница, знавшая шесть иностранных языков, но… когда-то рекламировавшая нижнее белье! Несмотря на то что Эва вела себя безупречно, испанская пресса устроила ей настоящую травлю, в результате которой общественное мнение накалилось до такой степени, что испанские аристократы написали отцу Фелипе коллективное письмо, прося избавить страну от Эвы!

После трех неудачных романов, распавшихся не по вине принца, а лишь из-за предвзятости его родителей, которые искали для наследника престола нечто совершенное и негласно давали разрешение прессе спускать на его девушек всех собак, Фелипе написал открытое письмо в газету. В нем он сообщал всем желающим его услышать, что отныне он сам собирается устраивать свою личную жизнь и невесту себе также будет выбирать сам, не смотря ни на происхождение, ни на род занятий!

Родители тем временем гнули свою линию, подсовывали Фелипе родовитых девиц на выданье: то указывали на шведскую наследницу, то знакомили с принцессой Баварии, в роду у которой были сумасшедшие, но зато она являлась наследницей древнего рода! Между тем Фелипе разменял четвертый десяток, и король с королевой всполошились не на шутку: страна могла остаться без продолжателя династии! И тут в жизни Фелипе и появилась Она – Летисия Ортис Рокасолано.

Возможно, родители пожалели о том, что не позволили сыну жениться на Эве, девушке вполне достойной и сделавшей впоследствии прекрасную карьеру, потому что новое увлечение принца – тележурналистка по имени Летисия, мало того что имела разведенных родителей, так еще и успела побывать замужем! Однако Фелипе твердо стоял на своем – или Летисия, или он не женится никогда.

При ближайшем знакомстве, которое состоялось перед помолвкой, родители Фелипе нашли у невесты просто уйму достоинств: красоту, целеустремленность, трезвый ум, хороший вкус и столь же хорошее образование. Кроме того, первый брак невесты принца Астурийского оказался светским, так что со стороны католической церкви возражений также не последовало.

Прессе приказали заткнуться, но произошла удивительная вещь: массмедиа и без того не думали нападать на новое увлечение наследника престола! Летисия, которая вела популярные телепередачи, оказалась, как ни странно, любимицей

всей страны. Консервативные испанцы в этот раз дружно проголосовали за невесту Фелипе – и, счастливый, он объявил об официальной помолвке.

Фелипе подарил суженой кольцо из белого золота, а она ему – запонки с сапфирами и… книгу испанского классика Мариано Хосе де Ларры. Воистину, книга – лучший подарок даже для монархов! Сразу после помолвки разведенная дочь разведенных родителей Летисия Ортис Рокасолано переехала во дворец Сарсуэла.

Они обвенчались в мае 2004-го, и за пышным обрядом наблюдало полтора миллиарда человек во всем мире! Через полтора года у Фелипе и Летисии родилась первая дочь – инфанта Леонор, а еще через два Летисия родила инфанту Софию, которую назвали в честь ее венценосной бабушки.

У Фелипе и Летисии очень крепкий брак и очаровательные дети. И, хотя в венах у принцессы Астурийской не течет ни капли королевской крови, испанцы обожают ее и надеются, что когда-нибудь на престол рядом с королем Фелипе сядет и королева Летисия – та, что олицетворяет собой вольный дух испанского народа.

Принц Хокон и Метте-Марит Тьессем

Принцы бывают прекрасными, знаменитыми, богатыми, бедными, храбрыми или, наоборот, трусливыми… Норвежский принц Хокон, безусловно, принц весьма и весьма решительный. А каким еще может быть потомок отважных викингов?

Принц Хокон и Метте-Марит Тьессем

История любви отпрыска норвежской королевской династии и Метте-Марит Тьессем Хёйби в свое время наделала в Европе много шума. Ну еще бы: до принца Хокона представители голубых кровей женились на актрисах, журналистках, студентках, но принц Хокон, так сказать, переплюнул всех: его избранницей стала бывшая официантка и мать-одиночка.

Метте-Марит выросла в семье, где родители развелись почти сразу после ее рождения, поэтому у девочки не было пиетета перед прочными семейными узами. Она воспитывалась одной лишь матерью и достаточно рано окунулась во взрослую жизнь. В этой жизни было все сопутствующее: вечеринки с наркотиками и выпивкой, а также веселье до утра, когда неожиданно просыпаешься в одной постели с малознакомым человеком…

Однако Метте быстро прискучило такое времяпрепровождение: ей явно хотелось чего-то большего, и в двадцать четыре года она родила ребенка. Его отцом был некий Мортен Борг, который когда-то привлекался за хранение наркотиков, но под влиянием Метте «завязал». А совместной жизни все равно не получилось, и они расстались. Метте

воспитывала сына Мариуса и, разумеется, не помышляла о том, что когда-нибудь помогать ей в этом будет не кто иной, как сам наследник норвежской короны.

Они познакомились в 1999-м и сразу поняли, что им не жить друг без друга. Хокона не смущало ничто: ни прошлое Метте, которое она и не думала скрывать, ни ее ребенок. Ему просто нужна была эта девушка, кем бы она ни была. У Марит не было никаких матримониальных планов относительно принца – он также просто нравился ей как человек, с которым она хотела бы провести остаток жизни, и не важно где – во дворце или в лачуге.

Для начала влюбленные поселились в стандартной квартире в центре Осло. Сосуществование в небольшой квартире вместе с маленьким ребенком – прекрасная проверка чувств на прочность. Однако запас прочности у Хокона и Метте оказался выше, чем у тысячелетних норвежских скал! Поэтому они решили пожениться, как женятся миллионы молодых людей.

Но среди миллионов молодых людей принцев не так уж много, кроме того, принцы чаще всего не одиноки, а являются наследниками своих отцов, королей. Отец Хокона, Харальд V, был категорически против этого брака. К нему присоединились и сестры короля, пришедшие в ужас от прошлого Метте, а еще больше – от ее происхождения. Только один голос прозвучал «за» – и это был голос… самой королевы!

Королева Соня напомнила своим титулованным родственникам, что она также вышла из простой семьи и отец ее мужа, король Олаф, также запрещал им с Харальдом не только венчаться, но даже видеться! Однако это их не остановило – они продолжали тайно встречаться на протяжении целых десяти лет, пока Харальд, тогда еще принц, не заявил своему отцу, что если он не женится на Соне, то не женится вообще.

История повторялась – и, кроме того, королева Соня симпатизировала Метте: она чувствовала, что эта девушка не пустышка-однодневка, а сильная личность с крепким внутренним стержнем. Эта скромная молодая женщина и Хокон так хорошо подходили друг другу, как когда-то они с Олафом…

Принц Хокон заявил неуступчивым теткам и отцу, что если придется выбирать между Метте и троном, то он готов прямо сейчас подписать отречение. Такая решимость дала свои плоды: королевский двор разрешил помолвку. Однако на этом трудности для Хокона и Метте не закончились – свое слово решила сказать и пресса.

Прошлое Метте было раскопано до самой последней грязной пеленки, испачканной ею при рождении. Норвегия – страна свободная, и журналисты писали, что им вздумается, тем более

что большинство фактов были правдивыми. А уж как подать информацию – это было делом совести каждого в отдельности. Свое слово вставил даже отец Метте, Свен Хёйби, который бросил ее еще в детстве, но сейчас как мог поливал дочь грязью – разумеется, не бесплатно…

В результате принц Хокон… Нет, он не отказался от невесты, а решил созвать по этому поводу пресс-конференцию. Вся Норвегия с замиранием сердца следила, как Метте и Хокон рассказывают о своей любви. Люди слушали Метте, рассказывающую о своем прошлом честно и без утайки. Когда в конце девушка пообещала быть Хокону хорошей женой, даже у закоренелых циников на глазах были слезы!

Свадьба состоялась в 2001 году. Голову невесты украшала бриллиантовая диадема, которую Олаф и Соня подарили ей на свадьбу. Вещее сердце Сони предсказало правду: ее сын нашел себе настоящий бриллиант, который сиял ярче, чем драгоценные камни в свадебной короне! Невесту, вопреки традиции, повел к алтарю не ее отец, а сам жених, и этот путь, несомненно, был началом их долгого и счастливого семейного пути. Малыш Мариус также участвовал в церемонии – он торжественно нес лепестки цветов.

Свадьба была не похожей на чопорные свадьбы венценосных особ: было много сердечности, поцелуев, а принц Хокон сказал такую речь, что Метте плакала, не стесняясь своих счастливых слез. В 2004-м у пары родилась дочь – Ингрид Александра. В Норвегии и принцы, и принцессы имеют одинаковые права на престол, и, возможно, когда-нибудь дочь Метте станет королевой. Через два года счастливое семейство принца Хокона пополнилось еще одним сыном – принцем Сверре Магнусом.

Хокон и Метте в браке уже больше десяти лет. Но чувства их так же сильны и чисты, как в самом начале. Или еще сильнее, ведь настоящая любовь не только не знает убыли – у нее еще и нет конца…

Глава 10
Любовь не знает убыли и тлена…

Николай Резанов и Кончита Аргуэльо

В этой эпитафии нет ни слова о том, что под тяжелым гранитным крестом навеки осталось лежать сердце того, кто сумел полюбить великой любовью. Более того, его любовь не зарыта здесь, в холодной земле. Она пережила века, и даже там, где осталась вторая половина этой любви, под памятником на могиле той, которая всю жизнь ждала его, Николая Резанова, не графа, не действительного камергера, а просто человека, этой любви тоже нет. Это только кажется, что любовь можно похоронить – на самом же деле настоящая любовь бессмертна!

Николай Резанов. Неизвестный художник

Николай Резанов родился в 1764 году в семье обедневших дворян. Николенька воспитывался дома, под присмотром матери, и, возможно, именно отсюда пошло его нежное отношение к женщине как существу, достойному самых возвышенных чувств.

Домашнее воспитание вовсе не означало, что будущий государственный деятель, учредитель Российско-Американской компании остался недорослем. Напротив, Николай Резанов знал пять иностранных языков и интересовался многими науками. В четырнадцать лет его отдали на военную службу, в артиллерию, но за редкостный ум, статность и прекрасные внешние данные Резанова перевели в Измайловский лейб-гвардии полк – личные войска самой Екатерины II.

Хотя он мог продвинуться по военной линии (будучи всего

шестнадцати лет от роду, он отвечал за безопасность самой императрицы, которая путешествовала по Крыму), но полковая служба была не его призванием. Резанов был скорее дипломатом, его ум требовал чего-то большего, чем муштра и прочие воинские забавы. Он подал в отставку и стал служить родине на гражданском поприще: сначала в Гражданском суде и Казенной палате, затем в Петербурге, в должности начальника канцелярии Адмиралтейств-коллегии.

Красавец и умница, Николай Резанов снова попадает в поле зрения Екатерины, что не дает покоя тогдашнему фавориту императрицы Платону Зубову. Именно он отправляет опасного соперника куда подальше – в Иркутск, а оттуда – инспектировать деятельность первых русских поселений в Америке. В Иркутске уже немолодой по тогдашним меркам Резанов – ему был тридцать один год – женился на пятнадцатилетней Анне Шелиховой. Это была первая большая любовь будущего графа. Через пять лет жена родила дочь Ольгу, а еще через год – сына Петра и… скончалась от родильной горячки.

Казалось, сердце Николая Резанова было разбито. Он даже хотел забрать детей и доживать своей век где-нибудь в глуши, но его таланты были нужны России. Новый император Александр I не принимает отставки и назначает Резанова послом в Японию, а оттуда он отправляется в первое русское кругосветное путешествие.

Ветер дальних странствий – лучшее лекарство от любых несчастий. Новые лица, новые горизонты… Экспедиция продолжалась уже несколько лет, и в 1806 году на корабле «Юнона» камергер Резанов причалил к берегам Южной Калифорнии.

Американские поселенцы были гостеприимны, и посланника как друга приняли в семье коменданта Сан-Франциско. Так он познакомился с дочерью коменданта Марией Консепсьон де Аргуэльо, юной Кончитой. Все те же пятнадцать лет и те же черные глаза… Наверняка он не увлекся бы так сильно, если бы сама Кончита не воспылала страстью к загадочному русскому с таким печальным и ласковым взглядом.

Чувства были не только взаимны, но и необычайно сильны. Граф сделал предложение – и оно было принято, хотя и не сразу. Родители Кончиты предвидели возможные трудности для заключения этого брака: Резанов был православным, а его невеста – католичкой. Однако решимость дочери последовать за суженым в далекую Россию и ее неподдельная и чистая любовь сделали свое дело: семья коменданта согласилась. Обвенчаться сразу Николай и Кончита не смогли, но обручились – тайно, из-за той

же разницы в вероисповедании.

Она согласилась ждать любимого, сколько потребуется, а времени для того, чтобы добраться до Санкт-Петербурга и заручиться прошением императора на брак к самому Папе Римскому, могло уйти много. Даже слишком много. Но Кончита была готова к предстоящему ожиданию.

Да, разумеется, теперь он был счастливым женихом, но прежде всего помнил о своем долге перед родиной. Аляска в те времена принадлежала России, и жители Русского Севера крайне остро нуждались в продуктах. «Юнона», нагруженная по самую ватерлинию в щедрых американских краях, отчалила в долгий путь.

Кончита понимала, что тот, кого она любит, не вернется скоро. Но она выходила на берег океана каждый день – день за днем, месяц за месяцем, год за годом… Миновали все сроки, родители уговаривали ее забыть о несчастной помолвке и выйти замуж – благо достойных женихов было достаточно. Но ей нужен был только он, ее единственный…

Разумеется, от России до Америки было далеко, но слухи все-таки дошли и сюда. Они были нерадостны: Резанов сильно простудился на Аляске, но, поскольку он так же сильно желал поскорее добраться до Петербурга, решил продолжить свой путь. В полузабытьи, в горячке он ехал, чтобы выполнить свое обещание… Упав с лошади, граф ударился головой о камень – и больше не приходил в себя.

Николай Резанов умер в Сибири, в Красноярске, и там же был похоронен. Кончита Аргуэльо знала об этом, но все равно упорно продолжала ждать – тридцать пять лет!

Да, она понимала, что он не вернется, и поэтому через три с половиной десятилетия все же отдала свое сердце другому жениху – стала невестой Христовой. Еще до своего ухода в монастырь Кончита прославилась благими делами: обучала индейцев грамоте, лечила, помогала, чем могла. В тех краях ее считали святой – и, наверное, так оно и было. Кончита вступила в Орден Белого Духовенства, а затем стала первой монахиней новооснованного монастыря Святого Доминика.

Она прожила шестьдесят семь лет, и ее называли Ла Беата – Благословенная, шепотом передавая из уст в уста легенду о ее верной любви. Ту самую легенду, что сделает бессмертным и ее имя, и имя того, кого она так долго и преданно ждала.

В 2007 году в Красноярске на могиле камергера Резанова поставили массивный каменный крест. На одной стороне его написано: «Николай Петрович Резанов. 1764–1807. Я тебя никогда не забуду», а на другой – «Мария Консепсьон де Аргуэльо. 1791–

1857. Я тебя никогда не увижу». Шериф города Монтеррея, где на монастырском кладбище была похоронена Кончита, привез на могилу Николая Резанова горсть земли – как последний привет от любимой. Назад он также увез горсть сибирской земли – рассыпать на могиле Кончиты…

Александр Грибоедов и Нина Чавчавадзе

Потеряв мужа, Нина Чавчавадзе до самой смерти не снимет траура по нему. Эту красивую женщину под густой черной вуалью назовут Черной розой Тифлиса. Она и впрямь была похожа на цветок – красивая, нежная, овдовевшая всего в семнадцать лет! Нина могла бы снова выйти замуж, забыть прошлое и быть счастливой в новом браке, но она предпочла хранить в своем сердце ту любовь, которая дается человеку лишь раз в жизни.

Александр Грибоедов. И. Крамской

Александр Грибоедов родился в 1795 году в богатой дворянской семье. С детства будущий автор бессмертной пьесы «Горе от ума» отличался разнообразными талантами. Саша Грибоедов был чрезвычайно усидчив: в шесть лет он свободно владел тремя иностранными языками и музицировал. Такие качества позволяли окружающим предрекать отпрыску семейства Грибоедовых блестящую будущность. В восемь Грибоедов поступает в Московский университетский благородный пансион, а уже в одиннадцать становится студентом университета!

В 1808 году, тринадцати лет от роду, Грибоедов получает свою первую ученую степень – кандидата словесных наук. Однако учеба для него только начинается – впереди освоение нравственно-политического, а затем и физико-математического отделения.

Грибоедов, несомненно, был из тех, кого мы сейчас называем вундеркиндами. Однако не одни лишь науки занимали

талантливого юношу: в начале войны 1812 года Александр записался добровольцем в Московский гусарский полк. Три года он отслужил Отечеству в звании корнета и описывал все происходящие события с талантом истинного публициста.

Разносторонние дарования Александра Грибоедова были замечаемы многими, и вскоре, в 1816 году, он сменил военную службу на дипломатическую. С отцом своей будущей жены Нины, Александром Чавчавадзе, он дружил еще с тех пор, когда его маленькая дочь без труда умещалась у него на коленях. Девочка подрастала, и в свои регулярные визиты Грибоедов учил дочку друга то играть на фортепиано, то разгадывать литературные ребусы…

Однако самый большой ребус подбросила ему жизнь, когда в очередной свой приезд он увидел не едва достающую ему до пояса девчушку в детских панталончиках с кружевами, а изумительной красоты молодую девушку с глазами бездонными и черными, как южная ночь… Грибоедов почувствовал, что влюбился – бесповоротно и навсегда, но как сказать об этом той, которую когда-то качал на коленях и с которой всерьез рассуждал о болезнях тряпичных кукол?

Она стала не только красавицей, но и редкой умницей. Это должен был признать даже он, который всегда пренебрежительно отзывался о женщинах: «Они чувствуют живо, но не глубоко. Судят остроумно, только без основания и, быстро схватывая подробности, едва ли могут постичь, обнять целое». Нехотя он признавал, что даже среди женщин бывают в этом плане приятные исключения, но не думал, что блистающая красотой юная девушка, стоящая сейчас рядом с ним, окажется именно такой!

Все его дипломатические таланты блекли рядом с любимой. В ее присутствии он то краснел, то терял дар речи, как незрелый юнец, а между тем был старше на целых семнадцать лет! Но объясниться оказалось куда проще, чем он полагал, потому что Нина тоже любила его – любила до самозабвения, еще не зная, что первая ее любовь окажется и последней…

Ее руку и сердце он получил без труда. Свадьбу сыграли на удивление скоро – уже через два месяца после того, как он сделал Нине предложение, они обвенчались в тифлисском соборе. От волнения, а может, и от последствий лихорадки, которой переболел не так давно, Александр уронил обручальное кольцо. В толпе гостей зашептались: «Плохая примета…» Однако они были так счастливы, что не думали ни о приметах, ни о судьбах мира – только о том, что наконец принадлежат друг другу!

Именно Нина заставила мужа иначе взглянуть на женщин.

Под ее влиянием он пишет: «Кто никогда не любил и не подчинялся влиянию женщин, тот никогда не производил и не произведет ничего великого, потому что сам мал душою…» Несомненно, у них была одна душа на двоих, поэтому, когда Грибоедову пришла пора отправляться на службу в Персию, Нина не захотела оставаться в имении отца, Цинандали.

Последние дни перед отъездом, когда спешно собирались вещи для супруги посла, они вдвоем гуляли по окрестностям. Александр был как-то по-особенному задумчив и печален. Внезапно он сказал, указывая на гору Мтацминду: «Если вдруг со мной что-то случится, похорони меня вон там». Нина испуганно возразила: «О нет, любимый, наша любовь не умрет никогда! Она будет жить вечно, как и твой поэтический дар!»

Несомненно, это был день пророчеств, и их слова были услышаны… Грибоедовы отправились в Персию вдвоем. Нина к тому времени уже была беременна, и беременность протекала тяжело. Дорога по горным тропам и ночевки в палатках изматывали и бывалых путешественников, а такое «свадебное путешествие» было не для молодой будущей матери… Однако Нина стойко переносила все тяготы долгого нелегкого пути. Вскоре они оказались в Тебризе. Здесь Александр оставил свою жену, не желая, чтобы она проделала еще одно опасное путешествие до Тегерана.

В Персии было неспокойно, и с нарочным Грибоедов послал жене письмо, в котором просил ее уехать в Грузию, к отцу. Там, под присмотром родных, Нина была бы не так одинока, и ему было бы спокойнее за нее и будущего ребенка. Жена послушалась совета, а знакомые ее отца помогли ей быстрее проделать обратный путь в отчий дом.

В начале 1829 года Нина узнала то, что от нее пытались всеми силами скрыть: ее любимого мужа больше нет на свете. Александр Грибоедов погиб, растерзанный толпой религиозных фанатиков. Из тридцати восьми человек, работавших в русской миссии, погибло тридцать семь. Чудом уцелел только секретарь посольства, спрятавшийся в кладовой. Тело Грибоедова было настолько изуродовано, что его опознали по шраму, оставшемуся от дуэли.

Узнав страшную весть, Нина испытала настоящее потрясение. У нее начались преждевременные роды, а родившийся мальчик прожил всего час. Его успели окрестить и дать ему имя Александр – и его не стало.

Нина похоронила мужа там, где он просил, на горе Мтацминде. На его могиле она установила памятник с надписью, которую можно видеть и сегодня: «Ум и дела твои бессмертны в

памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?»

Чтобы замять дипломатический скандал, внук персидского властителя привез в Петербург драгоценные дары, в том числе и знаменитый бриллиант «Шах». Это была цена крови тридцати семи подданных русского царя – и Александра Грибоедова. Однако никакими бриллиантами на свете нельзя было утолить слезы, проливаемые вдовами и детьми погибших…

Нина продолжала любить мужа до конца своих дней. До самой смерти не снимала она черных одежд и отказывала всем претендентам на руку, потому что сердце ее принадлежало другому. Она умерла от холеры, пережив любимого на двадцать восемь лет. Умирая, она прошептала: «Мы скоро свидимся, свидимся… и я расскажу тебе обо всем. И мы уже навеки будем вместе, вместе…»

Александр и Маргарита Тучковы

Маргарита Тучкова, урожденная Нарышкина, родилась в 1781 году. Девочка росла впечатлительной, отличалась страстным, нервным и восприимчивым характером, сочувствием как к настоящим, так и вымышленным бедам и радостям, любила чтение и музыку.

Александр Тучков. А. Варнек

Шестнадцатилетняя Нарышкина не считалась записной красавицей, но у девушки были приятные черты лица, очень белая кожа и удивительные зеленые глаза. Кроме того, Маргарита обладала просто волшебным голосом – когда она пела, казалось, окружающие слышали те самые голоса сирен, которые сводили мужчин с ума.

К невзрачной барышне посватался записной московский красавец Павел Ласунский. Обходительными манерами и букетиками ландышей, которые у него не переводились в любое время года, он завоевал расположение матери Маргариты, и она дала свое согласие на брак. Саму же девушку о том, нравится ли ей Ласунский, никто и не спрашивал – достаточно было того, что родители пристроили ее «в хорошие руки».

Семейное счастье не заладилось: муж не скрывал своих

связей на стороне и того, что женился на Маргарите ради приданого. Однажды молодая жена застала Ласунского за странным занятием – он рылся в ее шкатулке с драгоценностями, выбирая оттуда знаменитые нарышкинские изумруды. Ими он собирался рассчитаться за огромный карточный долг. Маргарита протянула было руку, чтобы забрать то, что по праву принадлежало только ей, но увесистая пощечина сбила ее с ног…

Она пролежала в нервной горячке без сознания бог знает сколько времени, а когда пришла в себя, мужа рядом уже не было. Кроме того, она узнала, что мать хлопочет о разводе. Развели Ласунских быстро – благодаря репутации Павла, кутилы и игрока. Маргарита воротилась в родительский дом, вернули ей и девичью фамилию, но кто смог бы возвратить ей веру в мужскую честь и порядочность?

С Александром Тучковым Маргарита познакомилась еще во время своего неудачного замужества. Саша был, пожалуй, тем единственным, кому она безоговорочно могла верить. Но она боялась даже взглядом выдать свои чувства: замужество казалось ей священным, а узы брака – нерушимыми. Однако Александр Тучков также не остался равнодушным к скромной женщине с зелеными глазами лесной феи и колдовским голосом, который хотелось слушать всю жизнь.

Тучков приехал свататься к Маргарите почти сразу, как она получила документы о разводе. Но Нарышкины, еще не отошедшие от первого неудачного брака дочери, дружно ответили «нет». К тому же Александр Тучков был красив и молод, и в обществе его зачастую сравнивали с Аполлоном. Жизнь Маргариты с одним красавцем уже не задалась, и родители опасались снова наступить на те же грабли…

Второй раз она вышла замуж лишь в двадцать пять лет – Александр Тучков все это время нежно ухаживал за своей избранницей и показал себя верным и терпеливым. Маргарита стояла на венчании в церкви, не помня себя от счастья; огоньки свечей казались ей небесными звездами, а голоса певчих – ангельским хором. Когда уже выходили из церкви, к ней вдруг бросился юродивый и протянул свою суковатую палку: «Мать Мария, возьми посох!»

Машинально она взяла отполированную чужими руками рукоять – и так, с посохом в руках, села в карету. А пророческие слова одного из тех, кто издавна на Руси считались ясновидцами, она вспомнит лишь много лет спустя…

Муж не хотел расставаться со своей зеленоглазой богиней ни на день, и она с радостью делила с ним все тяготы военных походов. Женам было запрещено находиться в действующей

армии, и во время Шведского похода (Русско-шведской войны 1808–1809) Маргарита, спрятав длинную косу под фуражку, под видом денщика скакала на лошади рядом с мужем.

Она научилась делать все: разжигать костры под проливным дождем, варить солдатскую кашу… Подчиненные боготворили жену генерала Тучкова – именно в ее лице русская армия впервые обрела сестру милосердия. Сама Маргарита, хрупкая от природы, показывала пример небывалой стойкости: ей пришлось жить зимой в палатке и не раз переправляться через реки по пояс в ледяной воде. Но зато рядом с ней был тот, кто ее боготворил, и сладок был ее сон на его груди…

Бесконечные военные походы – вот чем было ее счастливое замужество, но в 1812-м, когда в Россию вторглись войска Наполеона Бонапарта, им все же пришлось расстаться. Она только что пережила страшное горе: похоронила старшего сына, а младшего, Николеньку, кормила грудью. Кроме того, ей несколько раз снился один и тот же страшный сон, что участь ее мужа решится под Бородином. Она даже взяла карту, чтобы посмотреть: где находится это самое Бородино? За этим занятием ее застал муж, но они так и не нашли ни одного населенного пункта с таким названием в походном карманном атласе, хотя долго искали, вооружившись лупой…

Ее страшный сон сбудется через два месяца. А еще через два месяца после получения скорбного известия она тайно выскользнет из дома, оставив Николеньку на попечение нянек, и поедет на Бородинское поле, чтобы найти останки того, кого любила больше жизни, и предать их земле по христианскому обряду. Из сочувственного письма генерала Коновницына она знала, что ее мужа нужно было искать возле Семеновского редута.

Маргарита напрасно бродила целый день – поле великого сражения было усеяно десятками тысяч непогребенных тел, изувеченных дикими животными и стаями воронья, которые с шумом поднимались при ее появлении. Ее руки и платье были в грязи и крови – она все переворачивала и переворачивала убитых, пытаясь найти одно-единственное дорогое ей тело…

Она вернулась домой, не найдя ничего… Как будто муж растворился в небытие и не было лет, проведенных бок о бок с ним… Она помнила его пальцы на своем лице, его страстный шепот… Всего этого больше не было… Да и было ли у нее когда-нибудь семейное счастье или же тоже приснилось, как и тот самый вещий сон о Бородино?

Родные еще долгое время опасались за ее рассудок: Маргарита не могла даже видеться с братом, сообщившим ей о гибели мужа. Ее изнуряли обмороки, но, едва оправившись, она

приняла твердое решение построить на месте гибели мужа храм.

Тучкова продала свои бриллианты, но денег хватало лишь на небольшую часовню. Она выкупила три десятины земли, и в 1818 году на Бородинском поле была заложена церковь. Сама Маргарита с маленьким сыном жила здесь же, в небольшой сторожке. Император Александр, узнав о небывалом решении вдовы генерала Тучкова, пожертвовал на постройку 10 000 рублей – и таким образом небольшая часовня превратилась в каменный храм Спаса Нерукотворного.

Стараниями вдовы храм был достроен, и Маргарита немного оправилась. Сын Николенька был ее единственным утешением. Мальчик рос тихим и чувствительным, как и она сама когда-то. Ее беспокоили слабые легкие ребенка, но доктора уверяли, что все это от бурного роста.

Пятнадцатилетний Николай Тучков умер через несколько часов после очередной консультации медицинского светила, доктора Мудрова, который заверил ее, что опасности для жизни ее сына от обычной простуды нет никакой. Этого удара она уже не могла перенести. Она похоронила сына там, где когда-то хотела похоронить мужа, – в церкви Спаса Нерукотворного.

Маргарита больше не вернулась домой, оставшись жить в обветшавшей сторожке при храме. Помогала бедным, лечила, обшивала… Дни ее проходили в неустанных заботах, и с каждым днем крестьян, приезжавших к ней за помощью, становилось все больше. Наконец слухи о самопожертвовании Тучковой дошли до митрополита Филарета, и тот пригласил вдову генерала к себе в Москву.

В приемной владыки она увидела мать с тремя сыновьями – у нее вырвался вопль отчаяния: «Господи, за что же ты у меня все отнял?!» «Значит, недостаточно смиренна была!» – ответствовал вышедший из кабинета Филарет. Маргарита, не помня себя от горя, выскочила из приемной и тихо побрела, не видя ничего от градом катившихся из ее прекрасных глаз слез. Разыскал ее сам Филарет, который понял, что обидел настоящую безгрешную душу…

Именно Филарет подал ей мысль, что нужно не просто раздавать все, что у нее осталось, приезжающим, а организовать настоящую монастырскую общину. А настоятельницей должна быть именно она – не зря ей в жизни выпали такие испытания, значит, у нее еще есть силы нести крест.

В 1838-м Маргарита приняла постриг, а еще через два года стала настоятельницей Спасо-Бородинского монастыря, матерью Марией. Как-то приехавший Филарет поинтересовался у Тучковой, всеми ли сестрами вверенной ей обители она

довольна? «Жаловаться мне не на кого. Беда лишь в том, что грешна я сама», – последовал ответ. Митрополит тонко улыбнулся: «Наконец-то в епархии нашлась грешная игуменья, а то с кем ни поговорю – все святые!»

Она и в самом деле была святой – все ее дни проходили в трудах и заботах о нуждающихся. Она построила еще один храм, а в своей келье бывшая мирянка Маргарита держала лишь две вещи, связывающие ее с прошлым, – портреты мужа и сына. Именно их она поцеловала перед смертью, прежде чем присоединить свой прекрасный голос к хору ангелов и зажечься в небе над Бородином еще одной звездой…

Симона Синьоре и Ив Монтан

Искусство объединяет многих, но оно же иногда их и разделяет. И требуется много умения, а иногда и просто везения, чтобы долгие годы оставаться рядом, потому как искусство ревниво… Зачастую оно забирает человека целиком, не оставляя ему ни выбора, ни сил сопротивляться.

Красавица Симона Синьоре, гордость французского кинематографа, родилась в 1921 году. Белокурая очаровательная малышка Симона-Анриэтта-Шарлотта Каминкер долго была единственным ребенком в семье. Девочке очень хотелось иметь рядом того, с кем можно было играть, о ком она могла бы заботиться… Однако родители не спешили обзаводиться многочисленными отпрысками, а маленькой Симоне был куплен аквариум с рыбками. Рыбки были, конечно, очаровательны, но их даже нельзя было взять в руки, как котенка или щенка…

Карьере стенографистки чувствительность и воображение Симоны лишь мешали. Но чему быть – того не миновать, и судьба привела ее в парижское кафе «Флор». Это было место, где собиралась богема: писатели, артисты, художники. Словом, представители того мира, куда Симону манило как магнитом. Девушка хотела стать кинозвездой, однако до этого было еще далеко. Пока что Симону снимают только в массовках, а она работает над собой и надеется на успех.

Тот, кого вся Франция знает под именем Ива Монтана, родился в 1921 году в Италии, его настоящее имя – Иво Ливи. Смешливый добродушный малыш пел с тех самых пор, как только научился издавать звуки. На сцену Ив Монтан вышел уже в семнадцать лет и был замечен самой великой Эдит Пиаф. Они становятся любовниками: Ив был моложе певицы всего на шесть лет, но она скорее испытывала к нему материнские чувства. Пиаф занимается репертуаром Ива, и те, кто пишет песни для нее, создают и хиты для молодого исполнителя. Однако Пиаф и Монтан так и не стали настоящей парой – они выступали на сцене вместе до 1946 года, после чего их союз распался.

Сердце Монтана оставалось свободным ровно до той минуты, пока он не увидел Симону Синьоре. На тот момент актриса жила с режиссером Ивом Аллегре, у них родилась дочь Катрин. Однако волей судьбы Симона встретилась с Ивом. Она никогда не забывала день и даже час, когда познакомилась с Монтаном: 19 августа 1949 года в половине девятого в городке Сен-Поль-де-Ванс, в кафе «Коломб д'Ор».

К тому времени они оба уже были звездами: она –

киноактрисой, он – известным шансонье. Впечатление, произведенное ими друг на друга, было настолько сильным, что все четыре дня, которые они прожили порознь, пока Симона не собрала свои вещи и не переехала к Иву, прошли как в лихорадке. Да это и была лихорадка – любовная.

Они поженились в 1951 году, и им обоим было по тридцать. Зрелый возраст, зрелые отношения… Симона уверенно идет к славе: каждая ее роль – целое событие во французском кинематографе. И женщины, которых она воплощала на экране, не были просто отражением ее самой, это были образы совершенно самодостаточные, разные, притягательные именно своей несхожестью. Замкнутая Тереза из «Терезы Ракен», и тут же – вульгарная Мари из «Золотой каски». Сексуальная Элис из «Пути наверх» была, пожалуй, наиболее близка образу самой Симоны, потому этот персонаж и стал ей наиболее дорог.

Симона много раз была номинирована на звание лучшей актрисы года. Ей рукоплескали не только в родной Франции, но и в Великобритании, Америке, Италии и даже Японии. На полке у актрисы стоял золотой «Оскар», но, глядя на статуэтку, она думала лишь о том, что скажет о ее успехе Ив. Не станет ли он ревновать ее к мировой славе? Сама Симона любила присутствовать на концертах мужа: его голос никогда ей не надоедал, и одни и те же песни она могла слушать по многу раз. Она всегда сидела в первых рядах зрителей, и их восхищение вызывало слезы и у нее на глазах.

Симона могла отменить съемки, если они мешали ей поехать с мужем в турне. Она даже отвергла предложенный Голливудом выгодный контракт, потому что тогда пришлось бы надолго расстаться с Ивом. Ее чувства к мужу со временем только возрастали. Симоне было трудно вынести разлуку. Провожая Ива хотя бы на один день, Симона складывала его чемодан и плакала… Вся в слезах, она ехала на вокзал. Некоторые могут подумать, что это были выступления на публику – но нет, это просто была любовь…

Сам Ив смотрел на это иначе. Любовь – вещь прекрасная, однако когда жена всегда с тобой и рыдает, если ты уезжаешь на денек к родителям, это рано или поздно начинает утомлять. Кроме того, он гордился Симоной и ее успехами в кино, но после того, как она стала отказываться от ролей просто потому, что ей хотелось сидеть на его репетициях, он не выдержал. «Чем ты тут занимаешься? – воскликнул он прямо в репетиционном зале, раздраженно глядя на жену. – Сидишь, вяжешь? Ты не снимаешься, потому что тебя не приглашают!»

Это было жестоко, но это была правда. Симона ни слова не

сказала мужу – она молча встала и ушла. Придя домой, актриса позвонила режиссеру. «Я согласна на роль, – сухо и по-деловому сказала она. – Завтра я приеду и подпишем контракт». Шоковая терапия иногда приносит хорошие плоды. Симона снова вернулась в кино, и ее возвращение было триумфальным.

Не зря народная мудрость гласит: не купи дом, а купи соседа. Симона и Ив приобрели бунгало на бульваре Сансет – в районе, излюбленном голливудскими звездами. Они поселились в номере двадцать один, а в доме под номером двадцать жила не кто иная, как американская секс-бомба Мэрилин Монро. Разумеется, ближайшие соседи встретились на одной из вечеринок – и Мэрилин буквально не сводила глаз с Ива. Певец напомнил ей второго мужа, Джо ди Маджио. Американская дива даже спросила у подруги: «А ты заметила, что он – вылитый Джо?»

Монро должна была сниматься в фильме «Давай займемся любовью» в главной роли. Однако капризная звезда тут же выставила условие: ее партнером должен стать только Монтан! Продюсерам фильма пришлось уступить. Для Ива Монтана это, несомненно, был путь наверх, но… для Симоны такая близость мужа с Монро не сулила ничего хорошего.

Самая сексуальная блондинка Америки распускала гадкие слухи: она утверждала, что Монтан женился на Симоне Синьоре только ради карьеры, называла ее некрасивой – словом, вела себя не самым достойным образом. А уж когда Симоне Синьоре в обход все той же Мэрилин вручили «Оскара», американка просто взбесилась. У соперницы теперь было все: и Монтан, который пел на церемонии вручения награды, и вожделенная золотая статуэтка…

Они частенько проводили время вместе: французская пара и Мэрилин с мужем Артуром Миллером. В компании Монро была сама любезность. За глаза же она честила Симону почем зря, а сама мечтала остаться наедине с Монтаном. Случай вскоре представился: Симоне предложили съемки в Италии вместе с Марчелло Мастрояни, и она уехала. Муж Мэрилин также отсутствовал, и соседи остались с глазу на глаз. Разумеется, Мэрилин добилась своего – перед ее обаянием Монтан не смог устоять. Однако и съемки, и жизнь по соседству в Америке заканчивались. Ив втихомолку вздыхал с облегчением: ему хотелось домой, к Симоне, а Мэрилин для него стала не больше чем эпизодом, который даже и на служебный роман не тянул…

Любовница закатывает Монтану истерики – ведь Монро не из тех, кого бросают! Она умоляет Ива остаться с ней, плачет, даже цепляется за него, когда тот покидает ее в машине одну, но тщетно. Монтан в сердцах бросает Монро, что никогда не оставит

Симону, а разговоры об этом просто смешны!

Однако по приезде в Париж ему уже не до смеха: Симона прекрасно осведомлена об интрижке мужа. И даже после бурного скандала и последовавшего за ним такого же бурного примирения Монтан чувствовал: его жена оскорблена куда сильнее, чем хочет показать. На словах они помирились, но… Неверность Ива грызет Симону, не дает ей спать, работать, жить…

Симона Синьоре смогла взять себя в руки. На одной чаше весов были десять лет счастья с любимым, на другой – одиночество Ива в чужой стране и женщина, которая… разделила с ее мужем это одиночество. Симона нашла нужные слова – и на душе у нее сразу полегчало. Тем более что Ив глубоко раскаивался и действительно дорожил женой. А вскоре не стало и той, о которой они оба думали: Симона с неприязнью, Ив – с сожалением. Когда Симона вместе со съемочной группой киностудии обедала в ресторане, официант пригласил ее к телефону. В трубке она услышала напряженный голос мужа: «Мэрилин умерла…» Симона вздохнула и сказала: «Если бы она только знала, как мало я ее ненавидела…»

Живая Мэрилин Монро не смогла уничтожить брак Монтана и Синьоре, но мертвой американской звезде это все-таки удалось. Симона так и не смогла простить Ива. Да, она все понимала и скорее презирала жеманницу Мэрилин, чем ненавидела ее, но… Внешне в их семье все было в порядке: они жили под одной крышей, вместе обедали, вместе сидели у камина… Однако огонь в очаге был живым, в отличие от их собственного огня, который давно погас. Не потому ли Симона ушла из жизни в возрасте шестидесяти четырех лет – еще не старой, но полностью выгоревшей изнутри?

После смерти Симоны Монтан продолжал жить: он по-прежнему пел на сцене, женился и даже стал отцом в шестьдесят семь лет. Его юная секретарша Кароль Амьель родила ему единственного наследника – сына Валентина. Но это скорее было существование по инерции. Монтан жил так же, как едят люди, которых хроническая болезнь лишает аппетита: не хочется, но это нужно делать, потому что так делают все… А Симона… она по-прежнему была в его сердце: не зря Ив на вопрос журналистов «Что в вашей жизни не сбылось?» ответил: «Я хотел умереть раньше Симоны».

Монтан умер от сердечного приступа прямо на съемочной площадке фильма «Остров толстокожих». Умер, закончив все дела, в последний съемочный день. Он не сопротивлялся, когда режиссер заставлял его делать все новые и новые дубли сцены купания в ледяной воде озера в холодную погоду. Не требовал

теплой одежды и того, чтобы его согревали. Не жаловался, когда заболел воспалением легких, – просто продолжал сниматься. Его ничего не волновало – кроме того, что Симоны больше нет рядом с ним…

Похоронили Ива Монтана рядом с могилой Симоны Синьоре на кладбище Пер-Лашез – так, как завещал певец. Они навеки рядом, как того хотелось ей. Их могилу часто посещают влюбленные парочки, потому что Монтан и Синьоре и после смерти излучают то, что называется любовью. Прямо через холодный гранит и неумолимо текущее время. Но любовь не знает убыли и тлена…

Федерико Феллини и Джульетта Мазина

Их брак долгие годы был идеалом для всей Италии. А сами они – культовый режиссер Федерико Феллини и его даже в старости похожая на озорную девчонку жена – прожили душа в душу ровно пятьдесят лет и один день.

Федерико Феллини

В их семьях – и у Федерико, и у Джулии – также были свои романтические истории. Отец Федерико, Урбано, солдат, во время Первой мировой полюбил девушку из богатой семьи. Та ответила взаимностью, но родители, как водится, были против. Однако влюбленных это не остановило – тайно повенчавшись, они сбежали на родину Урбано Феллини, а от их брака и родился великий режиссер.

В семье Мазины также была похожая история, но там, чтобы жениться на любимой, юноша бросил игру на виолончели и стал кассиром на фабрике. Искусство не всегда кормит своих приверженцев, но брак Федерико Феллини и Джульетты Мазины оказался удачным не только с сердечной, но и с коммерческой стороны.

С самого детства Федерико обожал розыгрыши, представления и мистификации. Так, например, он всю жизнь утверждал, что прочел всего три книги и учился из рук вон плохо. На самом деле он всегда читал запоем и был одним из самых успешных учеников школы. Также мальчуган обожал выдумывать истории и шить театральные костюмы для кукол – словом, был натурой артистической, которой на роду была написана прямая

дорога в искусство.

Джулия Анна Мазина, которая была младше Федерико на год, также с ранних лет бредила театром и музыкой. Миловидная воспитанница монастыря урсулинок весьма прилично играла на фортепиано и мечтала о карьере пианистки, однако почему-то решила поступать на филологический факультет Римского университета. Однако если твоя душа рвется к театру – ты найдешь его везде. Джулия с упоением окунулась в мир студенческих подмостков и не заметила, как перешла в профессиональный театр Каверино.

Они встретились на радио: Джулия вела радиопередачи, Федерико писал к ним сценарии. Джулия – впоследствии Джульетта, именно так предпочитал называть ее Федерико – сразу же почувствовала в новом знакомом родственную душу. Федерико же полюбил ее так самозабвенно, как и выстраивал свои удивительные фильмы-фантазии. Они поженились в 1943 году и больше не расставались.

Феллини, несомненно, нашел ту единственную, с которой ему было весело творить не только в кино. Вдвоем они превращали в феерию ту скучную повседневную жизнь, которую определяли те же составляющие, что и у остальных: быт, дети, родственники, служебная субординация… Их жизнь с Джульеттой стала веселой фантасмагорией, непрекращающимся фейерверком, праздником театра, декорацией, за которой и пряталась вся будничная рутина.

Они сами творили сказку и сами же в ней жили. Странные совпадения начались с самого момента их знакомства, однако Джульетту и Федерико это ничуть не удивило! Накануне их первой встречи на радио Феллини написал забавный сценарий, в котором герой Чико знакомится со своей будущей женой Полиной и просит у нее фотографию. Федерико увидел Джулию – и… попросил у нее фото, якобы для кинопроб.

Словом, Полиной и Чико стали они сами. Далее и по сценарию, и в жизни было свидание в ресторане – и оно также состоялось! Правда, Джульетта как следует пообедала дома, потому как Федерико не произвел на нее впечатления состоятельного человека. Феллини действительно был одним из тех молодых людей, которые подрабатывали на жизнь где придется: кроме сценариев на радио Федерико рисовал карикатуры в газеты и пока только пытался пробиться в кино.

Ресторан был роскошный, и девушка с ужасом думала, что пригласившему ее молодому человеку вряд ли по карману даже выпить чашечку кофе в этом заведении. Однако в конце обеда… Феллини вынул из кармана впечатляющую пачку банкнот! Позже

Джульетта, со смехом рассказывая об этом их первом свидании, будет прибавлять, что таких денег в руках у Федерико она больше не увидит никогда. И это тоже было частью игры, в которую она включилась с самого начала их знакомства или постоянного представления – называйте это как хотите. Но если Федерико в компании вдруг говорил: «А помнишь, когда мы были в Австралии…» – Джульетта тут же включалась и продолжала: «Да-да, конечно помню! В отеле нам подавали удивительно вкусные артишоки!» – и это учитывая то, что в Австралии они не бывали никогда!

Сразу после помолвки Федерико без обиняков переехал к Джульетте – в дом ее тетки, воспитывавшей Джулию с четырех лет. Именно тетушка первой разглядела в девочке актерский талант, и поэтому… не отдала ее в школу, решив, что актрисе математика с химией не пригодятся никогда. Она обучала девочку дома и только тому, что сама считала важным для ее образования! Поэтому во время летних каникул Джулии приходилось буквально бегом наверстывать все пропущенное, чтобы сдать экстерном экзамены по всем предметам и получить школьный аттестат. Словом, семейная жизнь в такой компании обещала быть веселой!

Тетушка Джулии вела богемный образ жизни и потому не удивилась, когда брачная церемония ее любимой племянницы состоялась… на лестничном пролете их дома! Федерико уклонялся от призыва в армию Муссолини, артистически симулируя различные неизлечимые болезни, поэтому из соображений безопасности свадьбу из собора пришлось перенести в подъезд. Однако ни жениха, ни невесту, ни их гостей это не смущало. Друзья пропели молодоженам «Аве Мария» – и те, держась за руки, побежали… в кинотеатр! Там Джульетту ждал еще один сюрприз – как только они с Федерико вошли в зал, конферансье тут же попросил зрителей встать и поприветствовать новобрачных. Это было поразительно – и оказалось свадебным подарком ее новоиспеченного мужа!

Потом он начал снимать ее в своих кинолентах, и роли, которые прославили ее на весь мир, также были своеобразными подарками от любимого. «Дорога», «Ночи Кабирии» – эти фильмы вошли в классику кинематографа. «Дорога» собрала просто потрясающее количество наград – более пятидесяти! – в том числе и «Серебряного льва» на Венецианском кинофестивале, и американского «Оскара», присужденного за лучший иностранный фильм. Кроме признания критиками, лента имела и коммерческий успех, что, согласитесь, совпадает редко, и чета Феллини смогла переселиться в собственную квартиру.

Их дом был открыт для римской богемы. Джульетта с радостью приветствовала друзей мужа, среди которых было немало… весьма привлекательных женщин, если не сказать ослепительных красавиц. Однако для мужа она оставалась той единственной, ради которой стоило и жить, и снимать. Жена в главной роли присутствует во многих его картинах, кроме того, он снимает фильм о… самой Джульетте, и он так и называется – «Джульетта и ду́хи».

В их семейной жизни явно не хватало детей: забеременев сразу после свадьбы, Джульетта поскользнулась на лестнице, и у нее случился выкидыш. Потом была еще одна беременность, но новорожденный умер почти сразу после родов, и больше им с Федерико не удавалось зачать. Однако они были детьми друг для друга – так трогательны, чисты и удивительно непосредственны были их семейные отношения. И в них, как ни странно, вписывались романы Феллини с другими женщинами, причем Джульетта узнавала о них первой – от самого Федерико! Впрочем, бывали ли у него эти романы на самом деле или они также были плодом его буйной фантазии?

Если жена не снималась в его новом фильме, то она обязательно присутствовала на съемочной площадке – без Джульетты за спиной Феллини было не по себе. Она была его амулетом, его добрым духом, его личным маленьким бесенком с лукавыми глазами. И, хотя ее уже настигла мировая слава и предложения сниматься сыпались буквально градом, она неизменно их отвергала – потому что Феллини требовал ее присутствия рядом, на его собственных съемках.

Джульетта всегда находила время прочесть сценарий и обсудить его с мужем темпераментно и по-итальянски, частенько сопровождая замечания парой разбитых тарелок. Но потом они неизменно мирились, со смехом и объятиями, потому что не могли прожить врозь больше десяти минут кряду. Только раз они действительно серьезно поссорились, и во время съемок фильма «Сатирикон Феллини» жена перестала приходить к нему на площадку. Феллини бесился, у него ничего не получалось так, как он задумал, и все буквально валилось из рук. Первый шаг к примирению сделала Джульетта – пришла и села в уголке с вязаньем в руках. И дело сразу же пошло на лад!

Для четы Феллини не существовало запретов, ограничений и прочих условностей. Когда за новый шедевр – «Восемь с половиной» – в 1963 году ему присудили главный приз Московского кинофестиваля, маэстро не удосужился его получить. И все потому, что глава страны, почтившей его талант, Никита Хрущов… уснул на показе фильма! Зато, презрев

далекого от искусства Хрущова, маэстро упал на колени перед почти не известным тогда другим Никитой – Михалковым, поставившим в Риме потрясший Феллини спектакль «Неоконченная пьеса для механического пианино».

У Джульетты Мазины, актрисы с мировым именем, не было ни меховых манто, ни украшений с бриллиантами, потому что ее экстравагантный муж мог одним махом спустить деньги. Зато у нее была любовь, а это дорогого стоило! Жила чета Феллини-Мазина также там, где было удобно Федерико, – в центре Рима, хотя дешевле и здоровее было бы поселиться где-нибудь в зеленом пригороде. Но Джульетте было хорошо там, где муж: она жила его творчеством и радовалась его радостью. Когда Феллини получал своего последнего, пятого «Оскара», она не смогла сдержать слез. Федерико крикнул прямо со сцены: «Перестань плакать, Джульетта!» – и все камеры сняли ее счастливое, залитое слезами лицо…

Федерико умер на следующий день после пятидесятилетия их совместной жизни, и провожать его в последний путь вышла вся столица. Но впечатление было такое, что Феллини провожает вся Италия! Все движение в Риме было остановлено, а многотысячная толпа шла и ехала за траурным кортежем по дорогам страны, которую он прославил, – от Рима до фамильного склепа семьи Феллини в городке Римини.

Джульетта пережила мужа всего на пять месяцев. Она не выходила из дома, почти не разговаривала и все время повторяла: «Без Федерико меня нет…» Похоронили Джульетту Мазину с фотографией мужа в руках – так, как она хотела. Они были единым целым при жизни и вскоре соединились там, где нет ни печали, ни тлена и царит только любовь.

Майя Плисецкая и Родион Щедрин

Эта звездная пара вместе уже больше пятидесяти лет. Но если у некоторых любовь возникает с первого взгляда, то у композитора Родиона Щедрина и балерины Майи Плисецкой все началось с… обиды.

Впервые они встретились в доме у Лили Брик, вдовы Маяковского, в то время бывшей замужем за своим последним мужем Василием Катаняном. Встреча не произвела на обоих особого впечатления, возможно, в этом была повинна разница в возрасте (Плисецкая была старше Щедрина на семь лет), но скорее балерина все еще была под впечатлением от несчастливого брака с танцовщиком Марисом Лиепой. Майя и Марис прожили под одной крышей всего три месяца, но впечатлений от этого ей хватило надолго!

Майя Плисецкая

Однако и Плисецкая, и Щедрин были людьми одного творческого круга – а может быть, это всевидящая судьба продолжала назначать им свидания в одних и тех же местах? Три года они периодически виделись, и однажды Щедрин вызвался развезти с вечеринки всех гостей. Маршрут был рассчитан скрупулезно, но Майя при этом почему-то добралась домой последней. Она не то чтобы всерьез обиделась, скорее была очень усталой, ведь работа балерины – это просто каторжный труд.

Родилась та, которую сегодня называют богиней пуантов,

в 1925 году. Детство Майи было не слишком радостным: оно пришлось на непростые 30-е годы, когда страну трясло, как в лихорадке, от повальных арестов и ссылок. Не избежала их и семья Плисецких: отца, крупного хозяйственного работника, а впоследствии генерального консула СССР, расстреляли, мать сослали в лагерь в Казахстан. Чтобы Майечка не попала в детский дом, ее удочерила тетка по материнской линии – балерина и солистка Большого театра Суламифь Мессерер.

У Майи был ярко выраженный балетный талант, и после окончания хореографического училища ее сразу приняли в труппу Большого театра. Несмотря на то что выдвинуться в балете непросто, молодая выпускница училища сразу же заявила о себе. Ее необыкновенная грация и пластика, а также темперамент, с которым она танцевала, не могли не привлечь внимания. Вскоре Плисецкой уже поручали сольные партии и она стала примой Большого.

Родиона Щедрина, родившегося в 1932 году в семье композитора-отца и экономиста-матери, также щедро одарила природа. Мальчик с раннего детства подавал большие надежды: обладал абсолютным слухом и выдающейся музыкальной памятью – сыгранное произведение запоминал полностью! Музыкальный дар маленького Родиона был настолько ярко выражен, что родителям пришлось отпустить мальчика из Тулы в Москву, в музыкальную школу-интернат при Московской консерватории.

Оба были яркими индивидуальностями, обоим было о чем поговорить, да и помолчать вместе было приятно… Редкие поначалу встречи стали частыми, и все шло к тому, что им просто суждено соединить свои судьбы. Они оба знали, как тяжело бывает ужиться под одной крышей творческим личностям, но… отпуск, проведенный вместе в Карелии, развеял их сомнения. Они были просто созданы друг для друга, а семилетняя разница в возрасте не значила ровным счетом ничего – хрупкая Плисецкая всегда выглядела значительно моложе своих лет.

Щедрин и Плисецкая поженились спустя полгода после памятного обоим отпуска – 2 октября 1958 года. И с тех пор Родион и Майя практически не расстаются. Оба предпочитают тихую семейную жизнь без шумных вечеринок, отнимающих столь дорогое время у композитора и не дающих расслабиться той, что еще в семьдесят выходила на сцену и поражала молодых танцоров темпераментным исполнением «Кармен-сюиты», «Шопенианы», «Видения розы»…

Они и сейчас живут все в той же маленькой квартирке на Тверской: две комнаты, никакого «евроремонта», только рояль,

множество книг да старые афиши, создающие удивительно уютную творческую атмосферу. Хотя, как говорит композитор, «в Москве работать невозможно, сюда можно только приезжать». Ну, а Майя… она любит, наложив на лицо, уставшее от театрального грима, густую питательную маску, просто тихо посидеть за раскладыванием пасьянса…

Композитор может творить до глубокой старости. Однако у танцоров век удивительно короток. Не зря артисты балета выходят на пенсию уже в тридцать пять лет – сказываются огромные нагрузки на организм. Плисецкая же удивительно долго оставалась на сцене и танцевала так, что дух захватывало. Чего стоили одни ее «фирменные» прыжки, когда она просто зависала в воздухе! Майя всегда любила работать, а благодаря мужу, как признается сама балерина, ее творческая жизнь продлилась еще на двадцать пять лет – целый балетный век! И это время пошло в зачет не только ей, но и всему искусству в целом.

Родион писал для нее балеты, которые были не просто музыкой. Это были идеи новых постановочных сюжетов. Сама Плисецкая не скрывает, что благодарна мужу за все: за поддержку, вдохновение… за то, что всегда был рядом. Наверное, это и есть идеальный брак – когда супруги во всем поддерживают друг друга.

У Родиона Щедрина непростой характер – но только не для его жены! Она изучила его до мелочей и говорит, что пошла бы за ним на край света, – если бы было нужно. Да и как не пойти за человеком, который каждый день дарит жене цветы? Пятьдесят лет подряд – каждый день! Согласитесь, это поступок с большой буквы. И я лично не знаю ни одной пары, даже самой любящей, где муж дарил бы жене цветы каждый день.

Майя Плисецкая как-то сказала: «Люди не делятся на расы, классы и государственные системы. Люди делятся на плохих и хороших. На очень хороших и очень плохих. И только так». И это чистая правда. Смею прибавить, и она, и ее муж относятся к категории очень хороших. Хочется пожелать им счастья и любви. Хотя все это у них уже давно есть, но мы все равно пожелаем этого и им, и тем, кто любит и любим – всем без исключения любящим сердцам на свете!

Источники иллюстраций, использованных в издании

http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Wallis_Simpson_-1936.JPG?uselang=ru, http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Prince_Rainier_III_and_Princess_Grace.jpg, http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Royal_Visit_Dundurn_Castle_Balcony_crop_3.JPG, http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Queen_Rania_of_Jordan_at_Le_Web_09_(4174494458).jpg, http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Salvador_Dali_NYWTS.jpg, http://ru.depositphotos.com/49119687/stock-photo-the-ussr-circa-1975-the-press-printed-in-the-ussr-shows-vlad.html,

http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Vivien_Leigh_still.jpg?uselang=ru, http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Antoine_et_Consuelo_en_1931.jpg, http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Mr._and_Mrs._Winston_Spencer_Churchill.jpg, http://commons.wikimedia.org/wiki/File:RIAN_archive_770286_Mikhail_Gorbachev_and_Raisa_Gorbachev_seeing_off_US_President_Ronald_Reagan.jpg, http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Timehenryford-crop.jpg, http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Formal_dinner_in_honour_of_King_Juan_Carlos.jpg, http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Helen_Gurley_Brown_1964.jpg?uselang=ru, http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Vladimir_mayakovsky_and_lilya_brik.jpg?uselang=ru, http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Olesha_y1958.jpg?uselang=ru, http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Sinatra,_Frank_03.jpg,

http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Gable-Lombard-39.jpg, http://commons.wikimedia.org/wiki/File:F_Scott_Fitzgerald_and_wife_Zelda_September_1921.jpg, http://commons.wikimedia.org/wiki/File:1923._Esen_duncan.jpg?uselang=ru, http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Lennons_by_Jack_Mitchell.jpg, http://en.wikipedia.org/wiki/File:Barack_and_Michelle_Obama_at_the_Home_States_Ball.jpg, http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Alexander_II_with_Catherine_Dolgorukaya_and_their_children.jpg,

http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:%D0%9A%D0%BE%D0%BC

%D0%A7%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%BE
%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%BC%D0%A4%D0%BB
%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%BC.jpg, http://
commons.wikimedia.org/wiki/File:%D0%9B%D1%8D
%D1%81%D1%8F_%D0%A3%D0%BA
%D1%80%D0%B0%D1%96%D0%BD%D0%BA%D0%B0%2B
%D0%A1%D1%8F%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%B9_%D0%9C
%D1%8F%D1%80%D0%B6%D1%8B%D0%BD%D1%81%D0%BA
%D1%96.png, http://commons.wikimedia.org/wiki/
File:Anna_Pavlova_1912.jpg?uselang=ru, http://
commons.wikimedia.org/wiki/File:%D0%9C
%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D1%83%D0%BD
%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%B0%D1%8F_
%D0%9B%D0%B5%D0%BE%D0%BD
%D0%B0%D1%80%D0%B4%D0%BE-%D0%BF
%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D1%8F_18.jpg, http://
commons.wikimedia.org/wiki/File:%D0%9A%D0%BE%D0%BD
%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%BD_
%D1%85%D0%B0%D0%B1%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%BA
%D0%B8%D0%B9.jpg,
http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Astaire-Rogers.JPG,
http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Col_Charles_Lindbergh.jpg?
uselang=ru, http://commons.wikimedia.org/wiki/
File:Mstislav_Rostropovich_and_Galina
_Vishnevskaya_NYWTS_cropped.jpg?uselang=ru,
http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Maya_Plisetskaya_-
_1974.jpg, http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Sophia_Loren_-
_1959.jpg?uselang=ru, http://commons.wikimedia.org/wiki/
File:Federico_Fellini_NYWTS_2.jpg, http://commons.wikimedia.org/
wiki/File:Andy_Warhol_by_Jack_Mitchell.jpg?uselang=ru, http://
commons.wikimedia.org/wiki/File:Antonio_Banderas-
Melanie_Griffith-2010.jpg?uselang=ru, http://
commons.wikimedia.org/wiki/File:Meryl_Streep_by_Jack_Mitchell.jpg?
uselang=ru, http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Netsurf11_-
_Rodin.jpg, http://commons.wikimedia.org/wiki/
File:Bundesarchiv_B_145_Bild-
F051673-0059,_Adolf_Hitler_und_Eva_Braun_auf_dem_Berghof.jpg?
uselang=ru, http://commons.wikimedia.org/wiki/
File:Maria_Callas_(La_Traviata)_2.JPG?uselang=ru, http://
commons.wikimedia.org/wiki/File:Block_Kahlo_Rivera_1932.jpg,
http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Nietzsche187c.jpg,
http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Bonnieclyde_f.jpg,
http://commons.wikimedia.org/wiki/
File:Grand_Duke_Michael_and_Natalia_Brassova.jpg, http://

commons.wikimedia.org/wiki/File:Crown_Princess_Masako_of_Japan.jpg, http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Kate_and_William,_Canada_Day,_2011,_Ottawa,_Ontario,_Canada.jpg, http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Royal_Wedding_Stockholm_2010-Konserthuset-408.jpg?uselang=ru, http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Crown_Prince_Akihito_%26_Michiko_Shoda_Wedding_1959-4.jpg, http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Mette-Marit_av_Norge_%26_Haakon_Magnus_av_Norge_-2.jpg?uselang=ru, http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Denis_and_Margaret_Thatcher.jpg, http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Iosif_%26_Nadezhda.jpg, http://commons.wikimedia.org/wiki/File:%D0%9C%D0%B0%D1%80%D0%BA%D0%BE_%D0%92%D0%BE%D0%B2%D1%87%D0%BE%D0%BA_%D0%BC.jpg, http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Julia_Vysotskaya_2.jpg?uselang=ru, http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Alexander_Blok.jpeg?uselang=ru